

ДЕНЬ

ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ

ДЕЖА

ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ

Дмитрий Антонович ВОЛКОГОНОВ (1928—1995) родился в Забайкалье, в станице Мангут. Доктор философских и доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской Академии наук, генерал-полковник.

Отец расстрелян как «враг народа», мать умерла в ссылке. Д.А.Волкогонов окончил танковое училище, Военно-политическую академию.

Проходил службу в различных должностях, завершив ее заместителем начальника Главного политуправления, откуда был уволен за демократические взгляды.

Был начальником Института военной истории, снят с должности за «очернение советской истории» Возглавлял Комиссию при президенте по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести.

Автор более 30 книг по философии, истории, политике.

В 1996 г. трилогии Д.А.Волкогонова «Вожди» в шести томах («Сталин», «Троцкий», «Ленин») присуждена государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства. «Ленин» — заключительная часть трилогии.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

ДМИТРИЙ
ВОЛКОГОНОВ

ЛЕНИН

КНИГА I

ВОЖДИ

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Новости
Москва
1999

УДК 947
ББК 66.61(2)8
В 67

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Рецензент Латышев А.Г.

Книга издана в авторской концепции.
Работа над книгой закончена в марте 1993 года.

В книге использованы фотографии
ИТАР-ТАСС, РИА «НОВОСТИ», Издательства
«Новости», личного архива автора.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Волкогонов Д. А.

В 67 Ленин. — Политический портрет. В 2-х книгах.
Кн. 1. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»: АО
«Издательство «Новости», 1999. — 480 с. — (Всемирная
история в лицах).

ISBN 5-237-00824-0 (АСТ)
ISBN 5-7020-0866-9 (Новости)

В российской истории, кажется, нет человека, о котором было бы известно столько, сколько о Ленине. Но это чистейшая иллюзия, потому что в действительности о Ленине известно на удивление мало. Слишком многое искажалось, еще больше — утаивалось, слишком многие факты могли пролить на личность «вождя революции» неожиданный свет, а потому замалчивались. Книга Волкогонова представляет для современного читателя огромный интерес, так как в работе над нею автор, допущенный к суперсекретным партийным архивам, использовал уникальные документы, впервые предстающие перед читателем...

УДК 947

© Д.А. Волкогонов, 1994

ББК 66.61(2)8

© Оформление.

ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998

© АО «Издательство «Новости», 1994

Трилогия „Вожди“ написана благодаря огромной моральной поддержке моего верного друга и жены Галины Волкогоновой.

Дмитрий Волкогонов

Вместо
введения

НА ЭКРАНЕ ИСТОРИИ

Ленин был революционер до мозга костей именно потому, что всю жизнь исповедовал и защищал целостное, тоталитарное мировоззрение...

Николай Бердяев

Тяжелая, массивная стальная дверь с трудом открылась, и мы вошли в просторный тамбур. За ней находилась еще одна, такая же бронированная дверь, ведущая к коммунистическим святыням — подлинным ленинским документам: рукописям книг, статей, докладов, записок, а также резолюций, распоряжений, постановлений, протоколов, многочисленных шифрограмм и оперативных сводок ЧК с автографами помет и замечаний Ленина. Помещение в цоколе здания бывшего Центрального партийного архива бывшей правящей партии больше похоже на атомное бомбоубежище. Здесь хранилось и хранится теоретическое, литературное и эпистолярное наследие человека, оставившего, пожалуй, самую глубокую вмятину на щите истории в XX веке. На специальных стеллажах, в специальных коробках сосредоточены все письменные следы деятеля, о котором одни говорят и сегодня как о гении, другие — как о проклятии эпохи. Здесь были сокрыты и на многие десятилетия спрятаны 3724 ленинских документа, которые никогда не были опубликованы, хотя вышло пять сочинений (одно „Полное“) пролетарского вождя. Еще около трех тысяч документов только подписаны Лениным, но также на многие годы были замурованы в идеологическом убежище некогда всесильной партии.

Сразу возникает вопрос: почему Ленин, которого миллионы людей в России (автор этой книги принадлежал к их числу) десятилетиями считали земным Богом, — усечен, кастрирован, дозирован? Может быть, потому, что в тысячах неопубликованных документов много таких, которые поразительно быстро лишают облик вождя божественного нимба?

Например, такая записка, собственноручно написанная в ноябре 1920 года Лениным Э.М.Склянскому, заместителю Председателя Реввоенсовета, в которой он дает указания, как „наказать“ Латвию и Эстонию за поддержку ими белогвардейских отрядов генерала Балаховича:

„1) Недостаточно послать дипломатический протест.

2) Даже лучше отсрочить его, чтобы попытаться лучше поймать Латвию и Эстляндию.

3) Сугубые меры принять, дабы их поймать с поличным (т.е. собрать больше и более доказательных улик).

4) Принять военные меры, т.е. постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом (например, „на плечах“ Балаховича перейти где-либо границу хоть на одну версту и повесить там 100–1000 их чиновников и богачей)¹.

А может быть, прятали подобные записки потому, что нечем было ответить на них и спустя многие годы? Например, когда большевики взяли большую группу эсеров в заложники, которых „они беспощадно истребят“, как писала „Правда“, если на вождей Советов будут совершаться покушения. Петр Кропоткин писал в декабре 1920 года из подмосковного Дмитрова Ленину: „...Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам Средневековья и религиозных войн и что они недостойны людей, взявших созидать будущее общество на коммунистических началах“².

Ленин, прочтя письмо старого, больного бунтаря, начертал: „В архив“, письмо Кропоткина. XII.1920“. Он знал, что старик был прав, но сила, власть были теперь в руках большевиков, а моральные сентенции для Ленина при таком раскладе уже ничего не значили.

Конечно, наши взгляды на Ленина меняются не только потому, что мы узнали НЕЧТО иное, нежели нам внушали долгие десятилетия. Мы засомневались в безгрешности вождя прежде всего потому, что „дело“, которое он начал и которое оплачено десятками миллионов жизней (!), огромной кровью, страданиями и лишениями великого народа, потерпело крупное историческое поражение. Об этом очень горько говорить и писать.

На опыте собственной судьбы человека, прошедшего мучительную эволюцию взглядов от сталиниста, через долгую марксистскую ортодоксию к полному отрицанию большевистской тоталитарности, скажу, что бастионы ленинизма в моем сознании пали последними. По мере ознакомления с закрытыми архивами ЦК КПСС, НКВД—КГБ, другими особыми фондами хранения, как и с документами ряда крупнейших зарубежных исторических коллекций, ленинский силуэт в сознании становился другим: творца и пророка незаметно вытеснял российский яacobинец, начавший рыть глубокий могильный ров для эфемерного сияющего храма будущего. В конце концов я понял, что никто из нас Ленина не знал; он всегда и неизменно предстал перед нами в посмертной маске земного святого. Но им он никогда не был.

Написав двухтомники о Сталине и Троцком, я приступил к заключительной части триптиха „Вожди“, преисполненный желания прочесть и переосмыслить трагическую фигуру вождя октябрьского переворота, положившего начало крупнейшим переменам в России и во всем мире. Ленин всегда был многолик, но после смерти его многоликость постепенно была переведена в заданную одномерность канонизированного святого: „великий“, „гениальный“, „непревзойденный“, „неповторимый“, „мудрый“, „прозорливый“, „пророческий“... Чем больше и чаще мы повторяли эти превосходные эпитеты, тем дальше уходили от исторического Ленина.

Но мы не просто повторяли эти эпитеты — ленинская духовная пища была так же обязательна для каждого советского человека, как Коран у фундаменталистов в мусульманском мире. На 1 января 1990 года произведения Ленина были изданы в нашей стране общим тиражом более 653 миллионов экземпляров на 125 языках! Возможно, это одна из немногих областей большевистского изобилия, достигнутого на рельсах коммунистического строительства... Некоторым работам особенно „повезло“. Так, речь о близком коммунистическом грядущем — „Задачи Союзов молодежи“ — издавалась 660 раз тиражом почти 50 миллионов экземпляров на 96 языках!

Так воспитывались миллионы догматиков. Ведь „сочи-

нения Ленина, — писал Бердяев, — священное писание, а в священном писании все вообще вопросы должны быть предрешены³.

Кроме собственно „прямого“ ленинского наследия, мы как к букварям привыкли к бесчисленным сборникам типа: „Ленин о Советах депутатов трудящихся“, „Ленин о национальных отношениях“, „Ленин о партии“, „Ленин о советской военной науке“, „Ленин о культуре“, „Ленин о морали“... Этот перечень я смог бы продолжать на многих страницах. По сути, Ленин с помощью правоверных ленинцев формировал у нас катехизисное, цитатное мышление. Мы еще не представляем, сколь убогими и смешными в своем идолопоклонстве будем выглядеть для людей из XXI века.

Говорить и писать о Ленине — это прежде всего выразить свое отношение к ленинизму. До недавнего времени все мы, обычно не осознавая, находились в этом вопросе в полном плену у „величайшего вождя времен и народов“. К идеям своей лекции „Об основах ленинизма“, прочитанной в 1924 году в Свердловском университете, Сталин добавил через два года такие же эклектичные и примитивные выводы очередного труда „К вопросам ленинизма“, составившие, в конце концов, сборник „Основы ленинизма“. В конечном счете, как нам долго внушали, ленинизм сводится к способности революционного слома старого мира и созиданию на его обломках новой лучезарной цивилизации. Как? Какими средствами? С помощью безбрежной диктатуры. Но именно здесь проявляется первородный грех марксизма и его ленинской версии. Хотя сам Маркс, скажем справедливости ради, совсем не увлекался идеей диктатуры. Но уже Ленин идею о диктатуре пролетариата называл главной в марксизме в вопросе о государстве. Фактически, по Ленину, диктатура пролетариата составляет основное содержание социальной революции.

Именно в этом пункте Ленин закладывал историческую мину собственного отрицания. Его утверждения, что только „борьбой и войной“ решаются „величайшие вопросы человечества“, отдавали приоритеты разрушительной тенденции⁴.

Но история показала, что очень часто „величайшие вопросы человечества“ как раз нельзя решить „борьбой и войной“. Однако Ленин, а затем и его последователи вплоть до самого недавнего времени полагали, что во имя будущего эфемерного счастья грядущих поколений допустимо и морально все: экспорт революций, гражданские войны, безбрежное насилие, социальные эксперименты над миллионами людей. Именно здесь нужно искать генезис будущих грехов „партии нового типа“, „всепобеждающей идеологии“, „самого передового общественного строя“. Живучесть и, надо признать, привлекательность многих постулатов ленинизма долгие десятилетия основывались на неизбывном, естественном стремлении людей к более совершенному и справедливому миру. Российские революционеры, и особенно Ленин, верно вскрывали вековые пороки человеческого бытия: эксплуатацию, неравенство, несвободу. Но, получив возможность искоренить их, люди, руководствовавшиеся ленинизмом, в конечном счете утвердили новую, государственную, едва закамуфлированную эксплуатацию; вместо социального и национального неравенства пришло неравенство сословно-бюрократическое; на смену классовой несвободе пришла несвобода идеологическая, тотальная. Перелицованный на российский манер классический марксизм, именуемый ленинизмом, материализовался в гигантской стране. Он превратился в некое подобие светской „религии“. Ленинизм предстал перед историей как пестрая смесь пронизательных наблюдений и вульгарных определений, односторонних оценок и жесткого реализма, замешенных на дрожжах диктатуры пролетариата и классовой борьбы.

В конечном счете ленинские обещания огромного исторического опережения обернулись огромным историческим отставанием. Предостережение, сделанное 28 октября 1917 года Плехановым, Засулич и Дейчем в их „Открытом письме к петроградским рабочим“, оказалось пророческим. В письме говорилось, что „переворот — величайшее историческое бедствие, он вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко от завоеваний февраля 1917 года“⁵. Впрочем, еще накануне переворота многие большевистские ру-

ководители не верили в его успех и боялись ленинского радикализма, с маниакальным упрямством толкавшего массы на вооруженное выступление против Временного правительства. Ленин, человек с огромной волей (как и многие другие большевистские вожди), смог повернуть штурвал судьбы в сторону силового разрешения проблем мира, земли, свободы.

Суть ленинизма как способа насильственного ниспровержения (путь реформ всегда правоверными ленинцами отвергался с порога) старого социального уклада и создания нового не втискивается только в национальные рамки. С помощью Коминтерна, созданного в марте 1919 года в Москве и ставшего фактически международной секцией РКП, Ленин настойчиво пытался инициировать революционные процессы повсюду, где только это было возможно. С этой целью в страны Востока и Запада ехали эмиссары Коминтерна, а Народный комиссариат финансов по распоряжению возглавляемого Лениным правительства выделял миллионы рублей золотом для „нужд мировой революции“⁶. А в это время в стране сотни тысяч людей гибли от голода, тифа, беженства. Но, по Ленину, революция тотальна. Она не может обходиться без жертв. Огромных жертв. Бесчисленных жертв. Поэтому, как мне представляется, политический портрет Ленина невозможно рассмотреть вне контекста реализации его взглядов как внутри страны, так и за ее пределами.

О Ленине невозможно говорить вне главного детища вождя — его партии. Без нее он просто не был бы тем Лениным, которого мы пытаемся постичь сегодня. Может быть, в ленинизме идея мощной революционной организации является центральной. Во всяком случае, „заслуги“ Ленина в ее формировании однозначны и бесспорны. Будучи приверженцем сильной, законспирированной и заговорщицкой организации, Ленин не мог долго терпеть классический социал-демократизм, который противился подобным стремлениям. Главная „заслуга“ Ленина заключается не только в том, что он смог создать партию с жесткой организацией, но и в том, что оказался способным быстро вмонтировать ее в государственную систему.

Уже первые заседания ЦК и Совнаркома вскоре после

октябрьского переворота не оставляют сомнений в том, что партийный ареопаг под руководством Ленина решает главным образом стратегические вопросы (что не мешает ему заниматься и „мелочевкой“), а революционное правительство, даже возглавляемое Лениным, ограничивается в основном тактическими проблемами. Естественно, такой партии вскоре после захвата власти стали сильно мешать не только меньшевики, но и союзники по перевороту — левые эсеры, а затем и Учредительное собрание, печать, интеллигенция, церковь, любые намеки на возникновение и существование какой-либо общественной или политической организации. Партия быстро овладела монополией на власть, монополией на мысль и саму жизнь. Партия стала ленинским орденом, от имени которого страной на протяжении длительного времени правили „вожди“ и их „соратники“.

К слову, быстрое разрушение и поразительно легкий распад КПСС после августа 1991 года (в ее прежнем виде) объясняется главным образом абсолютной неспособностью ленинских партийных структур выжить в гражданском обществе. Партия, созданная Лениным, это идеальный костяк для тоталитарной державы. Но она совершенно чужеродна для демократической системы, даже такой незрелой, как наша. Как только общество начало стремительно меняться, партия, как рыба, выброшенная штормом на берег, стала задыхаться. Стало очевидно, что демократия и РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС несовместимы.

Я вспоминаю, что, когда мне наконец дали слово на XXVIII съезде КПСС, одной из основных идей, которую я хотел выразить, было утверждение, что, возможно, последним шансом выживания партии является ее возвращение на социал-демократические рельсы, то есть формально к тому положению, как это было в начале века. „Если мы не откажемся от коммунистической утопии, — заявил я, — партию ждет судьба восточноевропейских партий „ленинского типа“. Но мне не дали говорить, я не смог закончить своего выступления: начались выкрики, топание ногами, захлопывание аплодисментами. Фактически меня согнали с трибуны. Агрессивное ленинское мышле-

ние многих из этих людей почти не способно к эволюции.

Партия, созданная Лениным, не была общественной организацией в собственном смысле этого слова. Как только большевики захватили власть после октябрьского переворота, партия стала главным элементом родившегося государства. Ленин хотел именно этого. Безграничная монополия и тотальная власть ордена, созданного лидером российской революции, могли рассчитывать (и не без основания), что при крайне низком уровне политической культуры общества, слабости демократических традиций, сохранении царистских взглядов в сознании многих людей партия имеет большие шансы стать средоточием господствующего сословия людей. Об этом открыто не говорили, но было ясно: не только классовый принцип определял жизнь советского общества, но и сословно-партийный. Почти семь десятилетий симбиоз партии и государства, сцементированный раствором бюрократии и догматизма, цепко держал в своих объятиях гигантскую страну. Режим держался на людях, превращенных в люмпенов, огромной армии чиновничества и всепроникающих спецслужбах. Каждый век имеет свое „средневековье“. Для нашей страны это „средневековье“ оказалось исключительно долгим.

Вы держите в руках книгу, которая является не собственно биографией Ленина, а прежде всего его портретом. И если мои оппоненты во время выступлений часто соглашались с доводами автора по поводу необходимости нового прочтения ленинизма и анализа характера его реализации в социальной практике, то в отношении непосредственно личностных черт большевистского вождя, как правило, бывали непреклонны: это кристальной чистоты человек, совершенство, нравственный гений. Для того чтобы убедиться в исторической несостоятельности ленинизма, нужно внимательно посмотреть вокруг; историческая неудача „дела“ лежит на поверхности. Однако, что касается личности самого вождя, то стереотипы, созданные многолетней пропагандой, исключительно цепки и живучи; для очень многих он и сегодня главный пророк XX века.

Хотя моя книга строго документирована, в том числе и ленинскими материалами, пролежавшими в плену спецхранов долгие десятилетия, некоторые выводы автора могут показаться читателю спорными и даже шокирующими. Сфера духа, мышления, проявлений сознания часто бывает загадочной, таинственной, иногда даже мистической, но портретист, полагаю, имеет право больше оттенять те или иные грани в соответствии с его видением „натуры“ портрета. Советские читатели, имевшие возможность смотреть на вождя через призму книг, подобных „Владимир Ильич Ленин. Биография“ (таких книг сотни, тысячи), сочиненной коллективом назначенных авторов под руководством академика П.Н.Поспелова, видели перед собой партийного Христа. На протяжении почти семисот страниц сусальные картины безграничной гениальности, исключительности, одаренности, провидчества, безошибочности, благородства и доброты сменяют одна другую... Ни единого пятнышка, ни единого личного изъяна, даже отдельных намеков на какое-либо несовершенство!

Автор настоящей книги утверждает, что Ленин был крупнейшим революционером XX века, человеком с сильным прагматическим умом, огромной целеустремленностью и волей. В некоторых политических сферах он смог добиться результатов, имевших судьбоносное значение для всей истории нашего столетия: образование российской марксистской партии, формирование международного коммунистического движения, создание первого в мире социалистического государства. Человек, не обладающий сильным умом, практической цепкостью, умением маневрировать и принимать ответственные решения, не смог бы совершить всего того, что произошло в России. Но мы пока оставляем за скобками вектор, оценку — положительную или отрицательную — всех этих свершений. Ведь советский читатель не знал, что священный человек, волею созданной им тоталитарной системы, был личностью-айсбергом. Знали о Ленине то, что положено было знать. Как и о партии, которую он создал. Чего же не знали? Об этом будет сказано в книге.

Определяющим качеством вождя была огромная, фа-

натичная вера в коммунистическую Утопию. Во имя ее реализации и достижения на практике Ленин не оставался ни перед чем: террором, обманом, заложничеством, полным отказом от положений и решений, провозглашенных им и еще вчера казавшихся незыблемыми.

Для всех нас официальная историография нивелировала, сглаживала, камуфлировала исключительную, невероятную по силе ленинскую нетерпимость и непримиримость ко всему, что не гармонировало с его собственными взглядами. В крупных вопросах с ним можно было только соглашаться. Хотя Ленин иногда и говорил о собственных „ошибках“, безапелляционность его политических и нравственных суждений поразительна.

История помнит множество диктаторов старого и нового времени. В их облике главный элемент — личная безграничная власть. Ленин также обладал такой властью, но он не был, подобно Сталину, безграничным Диктатором. Правда, Виктор Чернов считал иначе. Он верно рассуждал, что большевики создали иерархическую систему диктатур, основой которых является их партия. С этим трудно не согласиться. Но лидер эсеров шел дальше, утверждая, что на вершине этой иерархии находится „личный диктатор. Им и стал Ленин“⁷. В общеполитическом смысле это, возможно, верно, но в личностном — едва ли.

Его партия диктаторство как политический феномен считала фактом положительным, если оно способствовало реализации марксистских догм, делу революции. На заседании Политбюро и Оргбюро ЦК 10 июля 1919 года, на котором присутствовал и Ленин, было подтверждено положение о том, что „Рыков назначен диктатором по военному снабжению...“⁸. Власть для Ленина — это прежде всего диктатура, диктаторство, диктаторы. Но сам вождь, повторимся, не был диктатором в распространенном понимании слова. Его интеллект был неизмеримо, допустим, выше интеллекта Сталина, и свою огромную власть Ленин осуществлял посредством гибкого механизма идеологических и организационных структур, которые создавала партия. Ленин предпочитал оставаться как бы

в тени диктаторства. Но в его руках была диктатура партии.

Ленин, как и все большевистские руководители после него (было у кого учиться!), страшно любил тайны и секреты. Это объясняется не только школой дореволюционной конспирации, но и самой недемократичностью коммунистической власти, предписывающей „вождям“, их „соратникам“, „органам“ руководствоваться классовым принципом в повседневной деятельности. Фундаментальное же положение этого принципа — постоянное наличие сил и врагов, „выступающих“, „противостоящих“, „шпионствующих“ и т.д. В личных бумагах Ленина множество таких, которые определяются им как „архисекретные“ и „архиконспиративные“. В этом личном качестве вождя один из истоков закрытости и тоталитарности создаваемого им советского общества.

Люди очень мало знают о личной жизни Ленина. Это вытекает не только из марксистского постулата первенства общественного перед личным, но и из желания революционных жрецов отделить личную жизнь „вождей“ от массы. Если о простом функционере партии полагалось знать все, то личная жизнь, например, члена „ленинского политбюро“, его родственников уже являлась огромной государственной тайной. Денежное содержание членов Политбюро, количество прислуги и выделенных для обслуживания автомашин, как и размеры особняков и дач, — все эти данные приравнивались к государственной тайне и хранились в специальных пакетах — „особых папках“. Высшие партийные руководители были „неприкасаемыми“.

Не полагалось, конечно, знать и о сомнительных делах большевистских руководителей. Вот почему никогда советскому человеку не говорилось, например, на какие деньги Ленин жил с семьей долгие годы за границей; кто финансировал партию до революции; почему он фактически никогда не работал (в обычном понимании этого слова); как стал возможен проезд Ленина в разгар войны через Германию и многие, многие другие „тайны“...

Например, уже после Брестского мира существовала очень скрытая сфера связи правительства Ленина с Гер-

манией, благодаря которой обе стороны пытались достичь своих целей. Например, в феврале 1921 года Ленин получает из советского представительства в Берлине шифровку, в которой ему сообщают о результатах переговоров с немцами, в ходе которых было достигнуто соглашение о „восстановлении немецкой военной промышленности“, хотя по Версальскому договору Германия не имела права этого делать. Но фирма „Блюм и Фосс“ была готова строить подводные лодки, „Албатросверке“ — самолеты, а заводы „Крупп“ — производить артиллерийское оружие. Ленин откликнулся резолюцией: „...я думаю, да. Верните это. Ленин“. Видимо, подумав, после подписи вождь поставил любимое слово: „Секретно“⁹.

Все подобные договоренности, естественно, никогда не обнародовались. Эту традицию тайных дел с Германией унаследовал и Сталин.

В нашем сознании давно сформирован стереотип гениального Ленина. Но сильный, находчивый и решительный ум — не есть синоним гениальности. Во все времена гениальность проявлялась не только в способности объяснить неведомое, сделать нечто неповторимо великое, нравственно высокое, но и в поразительном провидчестве. В этом свете ни один эпохальный прогноз Ленина не оправдался, хотя он очень любил ими заниматься. Достаточно вспомнить его категорические выводы о сроках прихода коммунизма, неизбежности мировой революции, крахе капиталистической системы и т.д. Несостоятельность пророчеств является, по сути, безоговорочным историческим приговором человеку, считавшемуся гением.

Нет, я не собираюсь в книге инвентаризировать ошибки, просчеты и грехи Ленина. Просто я хочу, опираясь на многочисленные свидетельства, уникальные документы, рассмотреть Ленина не с одной, а с разных сторон. Только в этом случае появляется шанс усилить сходство портрета на полотне с историческим „натурщиком“. У ортодоксально мыслящих людей многое, что я скажу, вызовет, возможно, неприятие и даже осуждение. Но не зашоренные идеологически люди давно видели в Ленине и нечто иное, нежели мы. Так, американский писатель Ро-

берт Пейн, автор одной из биографий русского вождя, пишет, что „у Ленина было много грехов, но самым большим грехом его было презрение к людям. Маркс относился с презрением только к крестьянству. Он писал об идиотизме деревенской жизни. Ленин же пошел дальше Маркса: он презирал все классы общества, за исключением пролетариата, который, в сущности, тоже не знал. Он окружил себя интеллигентами, которых он так же презирал, как и крестьянство, потому что среди них не было ни одного интеллектуально ему равного. Зиновьев, Каменев, Радек, Бухарин и другие были только его теньями... И коммунизм Ленина стал таким деспотизмом, который превзошел все деспотизмы, существовавшие до него“¹⁰.

Автор настоящей книги рассмотрит и такие утверждения, считая их отнюдь не единственно верными, но и не лишенными исторических оснований.

Все, что я сейчас написал о некоторых личных качествах, гранях личности Ленина, выглядит, возможно, не более как научная гипотеза, которую я, однако, постараюсь доказать на страницах книги.

Биографий Ленина создано много, даже множество. О вожде писали Л.Д.Троцкий, Л.Б.Каменев, П.М.Керженцев, В.И.Невский, Е.М.Ярославский, Г.М.Кржижановский, К.Б.Радек, Г.Е.Зиновьев, Б.М.Кедров. Менее чем через год после захвата власти Зиновьев в длинной речи изложил существо первой официальной биографии Ленина, которую начали готовить. Уже тогда соратник вождя именует его „апостолом Коммунизма“, „Вождем по милости божией“...¹¹ Традиция была сохранена. Официальные биографии (а в СССР иных быть не могло) — это скучнейшие панегирики в адрес „сверхчеловека“. Особняком стоят воспоминания Н.К.Крупской, знавшей, безусловно, о вожде неизмеримо больше, чем другие. Но... почти все, что она писала о своем муже, несет печать большевистской „полночи эпохи“ — времени, когда писались „Воспоминания“. Исключение, возможно, составляют ее записки (как и М.И.Ульяновой) о последнем периоде жизни вождя. Но, естественно, их тогда нельзя было опубликовать.

Многотомье воспоминаний о Ленине поражает воображение своей „неисчерпаемостью“, апологетичностью и

однообразием. Бытие большевистского „святого“ есть своеобразный памятник человеческому пресмыкательству. За редким исключением „воспоминания“ перепевают одни и те же мотивы гениальности, совершенства и величия Ленина.

Пять Собраний сочинений Ленина существенно отличаются друг от друга по масштабам. Первое начало выходить еще при жизни вождя. Создается впечатление, что сочинения могут выйти, по желанию руководства, в любом количестве томов. Если первое насчитывало два десятка книг, то четвертое — уже 35 томов. А пятое, „полное“ — 55 фолиантов! Но и это, оказывается, не предел, готовящееся шестое (помешал август 1991 года) намеревались издать не менее чем в 70 томах! Сколько же было бы в седьмом издании? Поистине, Ленин неиссякаем! Хотя многие тома его сочинений — это конспекты чужих книг или пометы и подчеркивания трудов, удостоенных быть прочитанными вождем, бессвязные наброски предстоящих выступлений или постановления правительства за его подписью...

Ленин не знал, что он приготовил „духовную пищу“, которой будут питаться миллионы людей десятки лет... Немало людей в России, которые, хотя бы ради антуража, не убирают Ленина со своего духовного обеденного стола и сегодня.

Конечно, самым серьезным трудом о Ленине в Советском Союзе была многотомная биографическая хроника „Владимир Ильич Ленин“, где указываются тысячи фактов, дат, фамилий, дающих возможность представить не только основные контуры человеческой жизни человека-бога, но и ее содержание. Но, естественно, и в этом самом полном советском биографическом описании есть бесчисленное множество купюр, умолчаний, односторонних толкований.

Литература о Ленине, не искаженная коммунистической цензурой, в России только начала появляться. В этом смысле нельзя, например, переоценить значение работ В.А.Солоухина, не носящих, правда, характера строгого научного исследования. Но в честности этого анализа нет сомнений.

В этом смысле в неизмеримо более выгодном научном свете предстают биографии Ленина, написанные за рубежом. Но здесь другой изъян: ограниченность, а часто и отсутствие первичной источниковедческой базы, особенно касающейся советского периода жизни и деятельности русского революционера. Однако эта понятная слабость в какой-то степени компенсируется свободой от идеологической заданности в трактовке образа Ленина.

Назовем лишь некоторые работы, заслуживающие особого внимания. Это прежде всего книга Стефана Поссо́ни „Ленин — революционер по принуждению“, вышедшая в 1964 году в США. Суть этой книги можно выразить фразой Поссо́ни: „Ленин парил высоко, но, к сожалению, в ложном направлении“. Примерно в то же время появилась книга известного американского писателя Роберта Пейна „Жизнь и смерть Ленина“, в которой автор утверждает, что Ленин был вторым, но неизмеримо более сильным Нечаевым. Большая книга „Жизнь Ленина“ подготовлена Луисом Фишером. Думаю, что это одна из лучших работ о вожде русской революции. В 1988 году в Лондоне появилась книга Рональда Кларка „Ленин. Человек без маски“. Название весьма красноречиво и говорит само за себя. Немалый интерес представляет книга Доры Штурман „В.И.Ленин“, вышедшая в Париже в 1989 году. Работа раскрывает облик Ленина через анализ его последних трудов и записок. Интересные наблюдения о Ленине содержат работы и других зарубежных авторов: А.Авторханова, Д.Анина, Н.Бердяева, В.Бурцева, А.Балабановой, Р.Гуля, М.Геллера, Ф.Дана, А.Ильина, С.Мельгунова, А.Некрича, А.Потресова, А.Рабиновича, В.Чернова, Д.Шуба.

Огромное значение для понимания феномена Ленина имеют, как бы я их назвал, историко-художественные произведения А.И.Солженицына. Великий писатель смог, продолжая великую традицию Достоевского, заглянуть в подвалы сознания людей, „перевернувших Россию“.

Большое впечатление неординарностью, своеобразием и тонкостью наблюдений, необычностью выводов произ-

водят книги Николая Владиславовича Вольского (Валентинова), лично знавшего Ульянова—Ленина. Валентинов, один из немногих, сумел показать русского революционера, оставившего наиболее глубокий след в истории XX века, не только как политического деятеля, но и как человека. Среди множества особенностей интеллекта, воли, характера Валентинов еще на пороге нынешнего столетия разглядел у Ленина огромную историческую уверенность в себе, в своем предназначении, как бы данном ему праве на лидерство, безусловное руководство окружающими. Он также заметил глубокий цинизм ленинского интеллекта.

Все перечисленные здесь авторы, которые писали о Ленине, в целом, безусловно, обогащают наше представление об этом человеке, позволяют как бы вырваться за рамки советской канонизации облика вождя. Но, к сожалению, повторюсь, все они не имели возможности заглянуть в подвалы большевистской власти, специальные хранилища ленинских документов, фонды архивов всемогущего Политбюро, ВЧК—ОГПУ. От этого не могла не пострадать и полнота образа Ленина, ставшего творцом и главным выразителем большевистской системы, возникшей в октябре 1917 года.

О Ленине, повторюсь, писали очень многие. Пожалуй, наиболее интересны эскизы портрета, сделанные Троцким. Еще в 1924 году, вскоре после смерти советского лидера, в Москве вышла книга одного из творцов Октября: „О Ленине. Материалы для биографа“. Троцкий пишет, что Ленин „прожил эмигрантом тот период своей жизни, в течение которого он окончательно созрел для своей будущей исторической роли... Лозунг социалистической революции он провозгласил, едва ступив на русскую почву. Но тут только началась, на живом опыте пробужденных трудящихся масс России, проверка накопленного, передуманного, закрепленного. Формулы выдержали проверку...“¹². Троцкий и не замечает, что Ленин „проверку“ своего „передуманного“ осуществляет на огромной стране. Уверенность в „праве“ на этот исторический эксперимент поражает. Но большевики никогда не

задумывались над моральной, правовой стороной революции, тем более что „формулы выдержали проверку“...

Всю жизнь Троцкий собирался написать большую книгу о Ленине. В своем письме к Александре Ильиничне Рамм — переводчице его книг в Берлине — он писал в апреле 1929 года из Константинополя: „Моя книга „Ленин и эпигоны“ сможет появиться на свет не раньше как через два или три месяца после выхода автобиографии“. Через три месяца он пишет ей же, что готовит кроме названной выше книги и такую: „Ленин (биография, личная характеристика, воспоминания и переписка)“¹³. Прошло пять лет, и Троцкий вновь пишет своему стороннику М.Парижанину: „Моя работа над Лениным не вышла и не скоро выйдет еще из подготовительной стадии. Для перевода я смогу дать первые главы вряд ли ранее июля“¹⁴. Увы, „большой книги“ о Ленине у Троцкого так и не появилось.

Мертвый Ленин был нужен больше, чем живой, не только Сталину, но и Троцкому, прежде всего для личных целей. Нужно сказать, что эти два „выдающихся вождя“, как их назвал Ленин, знали больше других о своем патроне.

Троцкий впервые встретился с Лениным в 1902 году. Их отношения прошли полную амплитуду: от глубокого взаимного неприятия друг друга до тесного единства по важнейшим вопросам. Троцкий мог бы вспомнить, как Ленин, не сдерживая себя в нетерпимости, именовал Льва Давидовича „Балалайкиным“, „позером“, „подлейшим карьеристом“, „проходимцем“, „шельмецом“, „лжецом“, „жуликом“, „свиньей“... Пожалуй, хватит. Это было в стиле Ленина. Но это не помешало ему в 1917 году писать, оценивая революционную деятельность этого же человека: „Браво, товарищ Троцкий!“, называть его „лучшим большевиком“... В эти рамки — от ненависти до „любви“ — втиснута целая революционная эпоха.

Особенно интересны страницы книги Троцкого о Ленине, красноречиво озаглавленные: „О пятидесятилетнем“, „О раненом“, „О больном“, „Об умершем“¹⁵.

Думаю, Троцкий имел возможность (учитывая и его

талант писателя) больше, чем кто-либо другой, написать яркую и интересную книгу о Ленине. Правда, эта работа была бы односторонней, ибо главным ее мотивом явился бы антисталинизм. После смерти лидер русской революции был нужен Троцкому прежде всего для того, чтобы подчеркнуть свое величие („два вождя“ в революции), и для борьбы со своим смертельным соперником, захватившим на три десятилетия кремлевскую цитадель.

Сталин также много знал о Ленине, особенно что касается советского, а не зарубежного периода. По данным архивов, Сталин получил от Ленина не менее 150 личных записок, телеграмм, писем, распоряжений, в целом, видимо, не менее, чем Троцкий. Но здесь, правда, возникает вопрос, требующий дополнительного изучения: многие документы, направленные Лениным Сталину, сохранились как обрывки телеграфных лент, вторые экземпляры машинописных страниц, другие косвенные свидетельства. Я уже имел возможность в книге о Сталине поставить под сомнение подлинность некоторых ленинских документов, адресованных Сталину.

После коронации на диктаторство Сталин, бесспорно с помощью своих партийных оруженосцев, внес немалые элементы фальсификации в переписку с вождем, которая была наиболее интенсивной с момента избрания его Генеральным секретарем партии. После выхода политической биографии И.В.Сталина коммунистический единокороль, как я смог установить по ряду косвенных признаков, намеревался под своей редакцией подготовить книгу о Ленине. Но намерение не было реализовано, хотя возможное содержание книги предвосхитить не составляет труда. Г.М.Кржижановский даже утверждал, что именно Сталин оставил „классические высказывания о Владимире Ильиче“¹⁶.

Очень многое могли сказать о Ленине Л.Б.Каменев и Г.Е.Зиновьев. Думаю, что ни один человек из политических деятелей не удостоился такого огромного количества ленинских писем, записок и телеграмм, как Каменев. По нашим подсчетам таких документов около 350. Значительная часть их до сих пор не опубликована. Каменев

был человеком, которому Ленин очень доверял, даже в весьма личных вопросах, связанных, например, с его отношениями с Инессой Арманд. Ведь было время, когда Ленин и Каменев (в Польше) жили в одной квартире. Но главное, что делает роль Каменева в знании Ленина особо значимой, — он был первым редактором и организатором издания Собрания сочинений Ленина, вышедшего в 1920–1926 годах в 20-ти томах (26 книг). Подготовка издания проходила при прямом участии, советах самого Ленина. Вожди спешили еще при жизни осчастливить Россию многотомьем большевистского бреда. Ленин, Троцкий, Зиновьев словно соревновались в выпуске своих томов, в то время как израненная, истерзанная Россия корчилась в муках от их экспериментов.

Думаю, Каменев знал о Ленине более, чем кто-либо, но... этот весьма близкий к русскому вождю человек мало писал и не оставил такого просторного наследия, как его неизменный друг Г.Е.Зиновьев.

Григорий Евсеевич Зиновьев и его жена З.И.Лилина были так же весьма близки к семье В.И.Ульянова–Ленина. Думаю, личной корреспонденции, адресованной Зиновьеву Лениным, не меньше, чем направленной каждому из „выдающихся вождей“. Зиновьев, к слову, став большевистским вождем Петрограда, намеревался все свои многочисленные статьи, брошюры, выступления тоже издать в собрании сочинений (более 20-ти томов).

Возможно, наиболее ценной работой Зиновьева о Ленине является его „Введение в изучение ленинизма“. В ней Зиновьев заклинает читателей „изучать Ленина по первоисточнику! Знать Ленина — это значит знать дорогу к победе мировой революции“¹⁷. В начале 30-х годов, когда жизнь Зиновьева катилась к трагическому финалу, он написал несколько глав книги о Ленине. Опальный вождь надеялся, что эта работа будет его оправданием и спасением. Но Сталин даже не взял в руки написанное узником. Ведь он давно уже решил судьбу и Каменева и Зиновьева.

Естественно, все, кто знал Ленина и писал о нем, акцентировали свое внимание на духовном мире этого че-

ловека в том смысле, что он, как никто другой, смог повлиять на развитие человеческой цивилизации. Пожалуй, это верно. Страна, где Ленин начал великий и страшный эксперимент, пришла к великой исторической неудаче. А весь остальной цивилизованный мир, напугавшись, ужаснувшись, приглядевшись к российскому опыту, невольно сделал для себя вывод и пошел естественной дорогой, оставив нас, в конце концов, в хвосте исторического обхода цивилизации. Можно даже сказать, что от Октябрьской революции косвенно выиграли все, кроме самих россиян. Оценивая причины коммунистической неудачи, философы, политологи и историки все чаще обращаются к духовному космосу человека, которого уже нет среди людей семь десятилетий. Но многочисленные, хотя теперь и раздробленные последователи большевизма, особенно из числа стариков, по-прежнему смотрят на Ленина, говоря словами Карла Радека, написавшего о русском революционере, как на „Моисея, который вывел рабов из страны неволи“¹⁸.

Да, большинство биографов Ленина ограничивают свою задачу планами и деяниями этого человека. Нет смысла критиковать или восхвалять этот подход. Важно найти гармонию в освещении социально-исторической роли российского лидера и его сугубо человеческих, нравственных и интеллектуальных качеств. Самое трудное в этом процессе — не отступить от принципа историзма. Наше нынешнее мироощущение, видение горизонтов сегодняшнего бытия стали во многом иными, нежели у людей, живших в первой четверти нашего века. Умение, способность мысленно „погружаться“ в толщу десятилетий позволяет не просто почувствовать неповторимый колорит и духовный климат ушедших эпох, реставрировать в сознании безвозвратно ушедшее, но и сохранить наши сегодняшние взгляды на эволюцию общества, способы движения мысли к тревожно манящим горизонтам грядущего. Исторический Ленин — дитя своей эпохи: смятенной, жестокой, обещающей, пугающей. Историзм не может быть обвинением или оправданием. Это принцип понимания, постижения давно ушедшего времени.

Когда мы слышим или читаем слово „Ленин“, в нашем сознании возникает не только исторический феномен тотального эксперимента, но и конкретный образ, мысленный портрет человека, о котором хоть что-то знает, наверное, каждый человек на нашей планете. Благодаря кадрам кинохроники, монументам, печатным изображениям перед нами предстает человек, который, как роденовский мыслитель, благодаря большому лбу и обширной лысине олицетворяет ум и... обыкновенность.

Глеб Максимилианович Кржижановский, долго и мучительно пытавшийся в своей книжке определить сущность гениального (ленинской гениальности она у него и посвящена), но так и не справившись с этой задачей, больше преуспел в описании внешнего портрета вождя. Она, внешность, пишет Кржижановский, проста и скромна. „Его невысокая фигура в обычном картузике легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком — вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью, приодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян...“ Мы понимаем, что такое описание призвано подчеркнуть „народность“, „глубинность“ и „связь с низами“. Но все же очень важный момент Кржижановский подмечает: глаза — как зеркало человеческого ума. Эти глаза, как пишет соратник Ленина, „необыкновенные, пронизывающие, полные внутренней силы и энергии, темно-темно-карие...“¹⁹.

На эту же особенность обращает внимание и А.И.Куприн в своей превосходной миниатюре „Моментальная фотография“. Приведем довольно пространный фрагмент этого словесного портрета.

Ленин — „маленького роста, широкоплеч и сухощав. Ни отталкивающего, ни воинственного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх... Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличенно, как это выходит в фотографических ракурсах... Остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в моло-

дости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Руки у него большие и очень неприятные... На глаза его я засмотрелся... от природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это вместе с быстрыми взглядами исподлобья придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков... Прошлым летом в Парижском зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворенно: вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз! Разница, оказывается, только в том, что у лемура зрачки большие, беспокойные, а у Ленина они точно проколы, сделанные тоненькой иголкой, а из них точно выскакивают синие искры²⁰.

Русская писательница революционных лет Ариадна Тыркова, не раз видевшая Ленина, делает однозначное, жесткое заключение: „Злой человек был Ленин. И глаза у него волчьи, злые“²¹.

Это свидетельства разных людей, имевших возможность непосредственно лицезреть вождя при жизни. Я просмотрел сотни фотографий и многочисленные кадры кинохроники; везде присутствует весьма обыкновенный человек, но с необыкновенными глазами... Думаю, эта портретная деталь, не имеющая решающего значения для политического портрета русского революционера, тем не менее оттеняет при помощи внешних свойств главное внутреннее качество этого человека — мощный интеллект. Однако слово „мощный“ не говорит о его нравственной направленности. Слишком часто этот интеллект был не только прагматичным, гибким, изощренным, но и злым, коварным. При всей революционной радикальности ум Ленина был в немалой степени и имперским. Здесь нет противоречия, а есть ярко выраженный ленинский прагматизм, нацеленный на главный предмет своих устремлений: власть, власть, власть. Этот радикальный прагматизм не остановил его действий, способствующих поражению собственного отечества в империалистической войне, во имя прихода его партии к власти. Этот радикализм заставил его смириться (на первых порах) с потерей

бывшей великой империей целых национальных кусков. Но когда это стало грозить нарастающей тенденцией полного распада, Ленин отбросил в сторону свой революционный интернационализм и стал укреплять российскую империю, преобразуя, правда, это историческое образование в советское, большевистское. И везде главной доминантой для революционера была власть. Не из патриотизма и любви к отечеству Ленин стал спасать Россию в границах великой империи. Ведь нередко к России и русским он относился, мягко говоря, непристойно.

... В своем письме Берзину по поводу выпуска коммунистической пропагандистской литературы Ленин сетует, что дело идет плохо. Советует „выписать из Цюриха Колнера или Шнейера“, которым следует платить за работу „архищедро“. Далее продолжает: „Русским дуракам раздайте работу: посылать сюда вырезки, а не случайные номера (как делали эти идиоты до сих пор). Назначьте поименно ответственных за это лиц, и мы их приструним...“²²

В записках, рассчитанных не для публичного восприятия, не для „Правды“, Ленин без тени смущения называет своих соотечественников „дураками“ и „идиотами“, которые способны лишь на элементарно-примитивную работу. А левые — но из Цюриха! — должны оплачиваться „архищедро“. Записка эта невелика, но весьма красноречива. Естественно, многие десятилетия она была заточена в секретный архив, и никакое Полное (!) собрание сочинений не могло рассчитывать на его включение для публикации. Подобное отношение Ленина к русскости встречается у вождя многократно.

Увы, так было всегда. Кто-то боролся и борется за Россию, а кто-то за власть над ней...

Я предвижу, что многое из сказанного в книге (особенно оценки, но факты документированы) будет подвергаться сомнению, опровергаться, оспариваться, разоблачаться. Мы это так умеем делать! Пожалуй, это одно из главных умений, чему нас научили Ленин и ленинизм. Нетерпимость ко всему, что не вписывается в прокрустово ложе марксистских представлений, жестких схем, про-

пагандистских штампов, стала чертой национального характера. У самых истоков всего советского внушалось: инакомыслие преступно. С тех пор многие люди нетерпимы к взглядам, которые отличаются от их собственных.

Когда обескровленная Россия после гражданской войны лежала в руинах и казалось, что наконец жестокость отступит, ведь на дворе была уже середина 1922 года, Ленин напомнил, что, хотя „насилие не наш идеал“, без него, насилия, мы жить не можем. Даже если речь идет об идеях, взглядах, духе человеческом.

Ленин не раз (юрист по образованию!) своими записками и указаниями стремился ужесточить революционные „законы“. Именно ему принадлежит идея расстреливать людей за антисоветскую агитацию. По его настоянию идея обрела „плоть“ уголовной статьи.

Только за антисоветскую агитацию и пропаганду или одно содействие ей могли отобрать жизнь! Так устанавливал Ленин. Эти положения вошли затем в печально знаменитую статью 58 УК РСФСР и ее модификации. Так было очень долго. Разве это могло пройти бесследно для нашего сознания? Разве стоит удивляться воинственной непримиримости по отношению ко всем, кто мыслит иначе? Мы (я говорю о среднем и старшем поколениях) воспитаны на ленинской методологии. Ленин как олицетворение радикальной части русских марксистов является истоком тотальной идеологической нетерпимости.

Сделав в свое время (наряду с партией) своим любимым детищем Всероссийскую чрезвычайную комиссию — карательный орган диктатуры, Ленин этим самым повлиял на мироощущение коммунистов. Он смог „доказать“ и убедить партию, что аморальность, если она в интересах партийного дела, может быть „моральной“. Это быстро усвоили. С.И.Гусев (Я.Д.Драбкин), член ЦКК, в своем выступлении на XIV съезде партии заявил: „...Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть смотреть и доносить... У нас есть ЦКК, у нас есть ЦК, я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доноительства, а от недоноительства... Можно

быть прекрасными друзьями, но, раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше — идти на доносительство²³. Эти страшные откровения нет нужды комментировать; так думали очень многие. Ленинская идейность одевала тогу полицейщины и политического сыска. На многие десятилетия.

Говорят, и этому есть косвенные свидетельства, что на пороге черты, отделяющей бытие от небытия, Ленин ужаснулся тому, что он сделал, и был готов многое пересмотреть. Не знаю. Не уверен. Этого доподлинно никто уже не в состоянии доказать. Духовные миры исчезают навсегда одновременно с их носителями. Даже если Ленин, во что верится с трудом, хотел бы многое из созданного изменить, все намерения и мысли немого Ленина были похищены у него смертью. Может быть, в этом одна из многих граней личной трагедии этого человека.

Мы долго и часто говорили, что Ленин не успел с помощью нэпа построить „настоящий социализм“. Но, внимательно вчитавшись, как он понимал эту „новую политику“, отчетливо слышишь в ней старые большевистские мотивы. Для Ленина нэп — это взнузданный капитализм, который в любой момент можно „прихлопнуть“. Когда появились сообщения об экономическом грабительстве нэпманов, Ленин среагировал быстро: „...нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. НКЮст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует новых способов новой жестокости кар“²⁴.

Выделенные Лениным слова не оставляют сомнений в том, какие методы „вождь всемирного пролетариата“ намерен применять и впредь. Ленин никогда и не скрывал: созидание нового мира возможно лишь с помощью гильотины насилия. „Величайшая ошибка думать, — писал он Л.Б.Каменеву в марте 1922 года, — что нэп положит конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому“²⁵. Что правда, то правда. Террора было вдоволь всякого: физического, духовного, экономического. Мы его осудили спустя десятилетия, стыдливо уходя от ответа: кто же его начал, кто возвел его в святыню революционных методов?

Трудно сомневаться в том, что Ленин хотел земного счастья для людей, точнее тех, кого именовал „пролетариатом“. Но полагал при этом совершенно нормальным творить это „счастье“ на крови, насилии, несвободе. Во всяком случае, как выяснилось довольно скоро, октябрьская победа, фантастически неожиданная, нелепая, сказочно легкая, была непреходящим симптомом грядущего поражения не только Ленина, но и ленинизма. Судьба этого человека, как болид на темном небосклоне, оставила кровавый революционный автограф, который и сегодня читают по-разному...

Глава 1

ДАЛЬНИЕ ИСТОКИ

Ленин... соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа.

Николай Бердяев

Ни один человек в истории не оставил столь глубокого шрама на ее лице, как Ленин. О нем так много написано и сказано, что любому, кто решается вновь говорить о Ленине, грозит опасность в чем-то повториться. Но этого можно в немалой мере избежать, если учесть, что на протяжении десятилетий на своей родине он жил в сознании миллионов людей как земной бог, абсолютный гений, непогрешимый вождь „мирового пролетариата“. Даже в весьма содержательных книгах зарубежных биографов Ленина Роберта Пейна, Рональда Кларка, Луиса Фишера, Стефана Поссоны и некоторых других отчетливо просматривается стремление как-то сохранить этот образ, решаясь лишь „приземлить“ его и подвергнуть частично „кое-что“ сомнению. Для такого подхода есть основания.

В первой строке этой главы я тоже, по сути, повторил, что Ленин — крупнейший революционер XX века. Не великий, но крупнейший. Но моя мысль — гипотеза, которую я намерен доказать этой книгой, заключается в том, что Ленин не был ни гением, ни богом. Такова моя версия. Достаточно для этого посмотреть на исторические итоги этого „дела“ и внимательнее взглянуть в безнравственную оправу божественного нимба этого человека. Ленин, сопровождавший советских людей на протяжении десятилетий от их рождения до смерти бесчисленным количеством монументов, плакатов, книг и отупляющих лозунгов, тем не менее глубоко интересен как историческое явление, как в высшей степени загадочная личность, обладавшая огромной силой интеллектуального влияния на окружающих.

Ленин не сразу стал „вождем“ и лидером радикального крыла российской социал-демократии. Даже в конце про-

шлого века, приближаясь к своему тридцатилетию, Ульянов был лишь одним из многих.

Генетические корни многих личных качеств Ленина обнаруживаются еще на ранних стадиях жизни этого человека, о которой положено было знать лишь то, что работало на миф земного бога. Система заботилась об этом особо. Ни один человек за всю писаную историю не удостоивался такого массивированного планетарного внимания. Судьба и смысл отдельной запятой, галочки или любой пометы на полях случайной книги, не говоря уже о подчеркиваниях в текстах самых будничных телеграмм или докладов, становились предметом самых скрупулезных глубокомысленных выводов бесчисленных исследователей столь же бесчисленных советских институтов, лабораторий, музеев, кафедр, библиотек и архивов. Касаясь этой исторической аномалии обожествления, Н.В.Валентинов писал: „Бригады“ апологетов изошряются в раздувании обстоятельств, в размазывании ничтожнейших подробностей, более или менее верных или вымысленных, незначительных или воображаемых, имеющих касательство к Владимиру Ильичу, чьи самые прозаические действия, самые заурядные жесты превозносятся до крайней гиперболичности. Он не только был гениален, что известно каждому, но обладал всеми добродетелями, всеми врожденными дарами, всеми приобретенными качествами, всеми великими и малыми талантами; он всегда был прав, он всегда был непогрешим...“¹

Непосредственно Ленин не повинен в культовом шаманстве, не знавшем рациональных границ обожествления. Хотя был не безгрешен и в этом. Еще в 1922 году были установлены памятники Ленину в Симбирской губернии, Житомире и Ярославле. Когда решили на месте покушения на Ленина в августе 1918 года начать возводить памятник вождю — лидер революции не возражал. Уже в ноябре 1918 года (через год после переворота!) Ленин позировал перед скульпторами, создававшими „типовую“ скульптуру. Несколько сеансов имел известный художник Ю.П.Анненков, создавая в 1921 году портрет вождя². По нашим данным — далеко не первый. Ленин считал нормальным вместо памятников царям ставить памятники вождям революции. Но это был акт для Ленина не столько прославления и

возвеличивания личности, сколько способ утверждения большевистской идеи. Все были обязаны носить идеологическую одежду — эту духовную униформу обезчеловечения личности. Ленин и ленинизм были главными атрибутами этого одеяния. Культивированием божества прилежно занималась Система, которую он создал и которой он, мертвый, был более нужен, чем живой. Поэтому так важно сказать, как выразился Н.В.Валентинов, о „малознакомом“ Ленине.

Я пишу не биографию (сколько их уже создано, почти одинаковых!), а портрет этого человека и вынужден вначале, хотя бы довольно кратко, остановиться на годах становления Ленина, на дальних истоках того, что его сделало „вождем“.

У всех у нас в памяти фотографии пухленького милого мальчика, а затем снимки гимназиста с умными глазами. Но нам очень трудно представить Ленина молодым; он как-то сразу из юноши превратился в зрелого, усталого, пожилого человека. Роясь в книгах, я неожиданно нашел подтверждение этого моего впечатления у А.Н.Потресова, очень близко знавшего Ленина в молодости.

Когда Александр Николаевич Потресов, рыцарь русского легального марксизма, встретился с Лениным, тому было 25 лет. Однако, вспоминал Потресов, Ульянов „был молод только по паспорту. На глаз же ему можно было дать никак не меньше сорока — тридцати пяти лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлобья прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой, сильный голос... У молодого Ленина, на моей памяти, не было молодости. И это невольно отмечалось не только мною, но и другими, тогда его знавшими. Недаром в „Петербургском Союзе борьбы“ того времени, этой первичной ячейке будущей партии, его, по годам молодого, звали „стариком“, и мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же лысый и „старый“...“³.

Стоит отметить, что Ленин, как и его отец, были людьми большой мыслительной силы, что обычно приходит с годами. Но интеллектуальное развитие этих людей было ранним. Я не уверен, что это имело роковые последствия,

но и отец и сын умерли от болезни мозга; первый от кровоизлияния в 54 года, второй от склероза мозга в 53 года. Может быть, это дело исторического случая, но нельзя отделаться от мысли, глядя на фотографии Ленина, где он всегда выглядит много старше своих лет, что его мозг постоянно работал с перегрузкой, обязательно с кем-то воюя, борясь в очередной „склоке“ (его любимое слово) с теми, кто думал иначе, чем он. Не думаю, что это обязательно признак гениальности. Но, так или иначе, Ленин, даже будучи по житейским меркам довольно молодым человеком, всегда предстал перед нами в образе усталого пожилого человека.

Давайте попытаемся, освободившись от чар сусальных мифов, взглянуть на того Ленина, который начал свой долгий путь, закончившийся большевистским триумфом, к октябрю тысяча девятьсот семнадцатого года. Проследим некоторые истоки этого пути, исхоженного и истоптанного тысячами партийных исследователей и официальных биографов. Все они, однако, осторожно обходили партийные „заповедники“, куда могли входить только главные „ленинцы“.

Семейная генеалогия

Тихий, зеленый и глубоко провинциальный городок Симбирск, что на средней Волге, стал колыбелью будущего отца русской революции и основателя первого в мире социалистического государства. „Губернские ведомости“ Симбирска в конце прошлого века сообщали, что в 1897 году в городе насчитывалось сорок три тысячи жителей, в том числе 8,8 процента — дворяне, 0,8 процента — духовенство, 3,2 процента купцов и почетных граждан, мещан — 57,5 процента, крестьян — 11, военных — 17 и остальные — прочие... Типичный мещанский город России. В нем находилось две гимназии (мужская и женская), кадетский корпус, духовные училище и семинария, ремесленное училище графа Орлова-Давыдова, фельдшерская школа, чувашская учительская школа, татарское медресе, несколько приходских школ, Карамзинская библиотека, бесплатная народная биб-

лиотека имени Гончарова. Были здесь и водочный, пивомедоваренный, винокуренный, воскосвечный, мукомольный заводы. Немало было в крохотном городке и благотворительных заведений: христианского милосердия, попечительства о бедных, братства преподобного Сергия Радонежского, святого Николая Чудотворца, Марии Магдалины...

Основанный на нагорной стороне реки в 1648 году боярином Хитрово как форпост от набегов кочевников, город скоро превратился в типичный тихий провинциальный российский городок, каких было немало. Утопающий в зелени садов, деревянный Симбирск жил на границе веков как бы в полудреме: размеренно, спокойно, неторопливо, без потрясающих новостей.

Я знаю этот город не по словарям и не понаслышке: в 1949 — 1952 годах в Ульяновске (бывшем Симбирске) заканчивал танковое училище, бывал здесь и позже. Со временем город стал идеологической Меккой большевизма. Рассматривая старые фотографии города и сравнивая их с тем, каким он стал к столетию рождения В.И.Ульянова-Ленина, поражаешься фанатичной настойчивости тех, кто десятилетиями превращал его в идеологический храм вождя.

Как писал журналист и краевед Ульяновска Ж.Миндубаев, превращение старинного города в „грандиозный ленинский алтарь“ сопровождалось „громким погромом“. В ходе его, как с болью отмечал исследователь, „ломалось все — причем в прямом, чисто физическом смысле. Начав с переименования города под лихим лозунгом „Осиновый кол в могилу старого Симбирска“, местные преобразователи с потрясающей бездумностью сносили древние церкви, соборы, монастыри. Снесли все! Исчезла даже церковь, в которой крестили Володю Ульянова, сломан губернский дом, где бывал А.С.Пушкин. Кафедральный собор в память о симбирцах, погибших за отечество в 1812 году, взорвали для того, чтобы расчистить место для памятника Ленину... Вместо всяких там Лисиных, Солдатских, Дворцовых появились улицы Маркса, Энгельса, Либкнехта, Люксембург, Плеханова, Бебеля... В страшном 1921 году, когда в Поволжье свирепствовал голод, симбирские власти не пожалели сил и средств на сооружение памятника Карлу Марксу... Кладбище Покровского монастыря, где были похоронены многие

достойные симбирцы, исчезло вообще. Оно было превращено в сквер, и в нем, веселеньком, сохранена одна-единственная могила Ильи Николаевича Ульянова. Да и ту осквернили: отбили крест на надгробном памятнике. Как же: отец вождя революции — и покоится под крестом?!”

Здесь, в Симбирске, родился отец будущей Системы, который не мог, конечно, знать, что по истечении семи десятилетий она, Система, добьется изобилия лишь таких продуктов идеологизированного бытия, как собрания сочинений Великого Основателя пролетарского государства, да смертоносных ядерных зарядов, способных уничтожить всю человеческую цивилизацию. Ульянов (Ленин) здесь прямо вроде бы ни при чем. Он руководствовался как будто благими целями справедливости и равенства, которые во все времена берут в плен сознание революционеров. Но Ленин не хотел думать и малодушно сомневаться в средствах и цене достижения этих целей. Родившийся здесь мальчик оказался очень способным и вполне мог стать крупным юристом, экономистом, историком, но стал революционером мирового масштаба, и это обстоятельство оказало неоспоримое влияние на весь ход российской истории, и, смею уверить, не только российской.

В двенадцатитомной биографической хронике вождя о событии появления на свет этого человека говорится весьма лаконично:

„Апрель, 10(22)

Родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Отец Владимира Ильича — Илья Николаевич Ульянов был в то время инспектором, а затем директором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из бедных мещан города Астрахани. Его отец ранее был крепостным крестьянином.

Мать Ленина — Мария Александровна была дочерью врача А.Д.Бланка.

Семья Ульяновых проживала в Симбирске (ныне Ульяновск), во флигеле дома Прибыловской на Стрелецкой улице (ныне ул. Ульянова д.17а)⁴⁴.

Вот и все. Остальные сведения о семье нужно по крупицам собирать в двенадцати томах, но главное в них то, как Ленин „готовит планы“ и „идейно громит“ своих противни-

ков, как он „читает“, „пишет“, „выступает“... Вроде хроника биографическая, в ней несколько тысяч страниц, но портрет человека по хронике получается как модель политического авторобота: „изучает материалы“, „руководит совещанием“, „дает указания“, „критикует за примиренчество“, „разоблачает центристов“ и т.д.

Примерно такая же информация содержится и в официальной биографии Ленина. Восемь изданий ее слащавого текста имелись в любой советской библиотеке, но едва ли когда эти книги добровольно востребовались. Народное чутье обмануть трудно. Смирившись и поверив в то, что высшие партийные лидеры СССР всегда „выдающиеся руководители ленинского типа“, где-то в подсознании люди прятали мысль: все это преувеличено. Но — видимо — так надо. Поэтому к официальному Ленину в душе большинство людей относились равнодушно. Лишь единицы (если не для экзамена или диссертации) могли по доброй воле посидеть с томом ленинских сочинений. Как я имел возможность лично убедиться, абсолютное большинство партийных руководителей, которых я знал, никогда не читали Ленина сверх идейного „партминимума“. Что считать „ленинским“, всегда своевременно указывалось в партийных директивах, постановлениях, „закрытых письмах ЦК“.

Все руководствовались Лениным, которого фактически не знали.

Не претендуя на полноту описания и опираясь на ранние работы двадцатых годов А.Шуцкевера, В.Невского, А.Митрофанова, И.Никитина, И.Вольпера, И.Ходоровского, А.Воронского, А.Сольца, других авторов, разумеется, работы Н.К.Крупской, книги зарубежных исследователей и архивы бывшего ЦПА ИМЛ, ЦГАОР, ЦГАСА и иные, попытаюсь изложить свое видение генеалогии семьи Ульяновых. Без этого портрет лидера русской революции будет невнятно-расплывчатым или схематичным.

Семья Ульяновых была большая, и у нее, естественно, имелось много родственных ветвей. Отец Владимира Ульянова Илья Николаевич женился на Марии Александровне Бланк в 1863 году в Пензе, где он работал преподавателем физики и математики. После Нижнего Новгорода семья осела в Симбирске. В официальных биографиях Ленина почти

ничего не говорится о родителях матери и отца Ульяновых, об их национальном происхождении. Хотя, естественно, это для интеллектуального облика, социального положения и нравственных качеств человека не имеет никакого значения. Но официальным биографам очень не хотелось отмечать редкое смешение крови в генеалогическом древе, на котором появился плод в лице Володи Ульянова. Ведь считалось естественным, само собою разумеющимся, что вождь российской революции должен быть русским!

Но исторический котел великой страны, именовавшейся Россией, переплавлял в своем тигле самые различные национальные и расовые ветви, что было совершенно естественным и нормальным. И я пишу об этих вещах без всякого „тайного умысла“, а лишь потому, что этническая характеристика Ленина всегда тщательно затушевывалась в стремлении придать ему если не пролетарское, то хотя бы „батрацкое“ происхождение. Не случайно в Биохронике специально подчеркивается, что его дед по отцовской линии „ранее был крепостным крестьянином“. Но почему тогда не упоминается, кто были его бабушка по отцу или родители матери — по происхождению?

Рассмотрим вначале материнскую ветвь Владимира Ульянова. Мария Александровна — мать Ленина — была четвертой дочерью в семье Бланков. Александр Дмитриевич (Сруль Мойшевич) Бланк, ее отец, крещеный еврей из Житомира, был врачом. Отчество Бланк взял во время принятия христианства у своего крестного отца Дмитрия Баранова, а имя поменял на русское. Сруль (Израиль) Мойшевич стал Александром Дмитриевичем. Один из известных биографов Ленина Д.Н.Шуб (вместе с С.М.Гинзбург) провел специальное исследование национальных корней лидера русской революции и установил, что А.Д.Бланк был сыном торговца-еврея из города Староконстантинова Волинской губернии Мойше Ицковича Бланка, женатого на шведке Анне Карловне Остедт⁵. Но как еврей мог быть полицейским врачом, спрашивает Шуб, а затем стать и владельцем имения в Кокушкине? Биограф, на основании скрупулезных исследований, имевшихся в архиве Святейшего Синода в Петрограде, и других данных, приходит к выводу, что принятие православия евреем в России снимало многие прегра-

ды на пути служебной карьеры. „При Николае I (время, когда жил А.Д.Бланк) были крещенные евреи, которые занимали гораздо более высокие посты, чем полицейский врач в Петербурге... Многие крещенные евреи получали дворянство и после этого пользовались всеми правами и привилегиями наравне с остальными дворянами“⁶.

В Петербурге дед Владимира Ульянова А.Д.Бланк женился на Анне Григорьевне Гросскопф — девушке из состоятельной немецкой семьи. Достоверно известно, что семья Бланка была зажиточной, о чем можно судить по тому, что врач с женой не раз совершали поездки в Европу, и в частности на Карлсбадские минеральные воды. Александр Дмитриевич Бланк служит уездным врачом в г.Изречье Смоленской губернии, затем после должности полицейского врача некоторое время работает в Мариинской больнице, переезжает затем в Пермь, оттуда в Златоуст. Здесь он занимает престижный пост медицинского инспектора госпиталей Государственного оружейного завода. В 1847 году, как пишет Н.В.Валентинов, Бланк оставляет службу, выходит в отставку, приписывается к дворянству Казанской губернии. К этому времени уже дослужился до статского советника. Здесь он покупает имение Кокушкино⁷. Приобретение имения стало возможным благодаря крупному денежному приданому, которое принесла в семью Анна Григорьевна. Жена Бланка, которая так и не научилась сносно говорить по-русски, осталась лютеранского вероисповедания. Здесь, в Кокушкине, они воспитывают пять дочерей: Анну, Любовь, Софию, Марию (мать Владимира Ульянова) и Катерину.

Кокушкино не было „хуторком“, который купил доктор Бланк, как пишется в официальных биографиях, а представляло собой небольшую помещичью усадьбу. До 1861 года у Бланка были крепостные крестьяне. Конечно, академик Поспелов и его руководители не могли опуститься до признания этого нежелательного „классового“ факта, хотя, если смотреть на него исторически, он естествен и отражает обычные реалии своего времени.

В Кокушкине, небольшом имении, которым владели Бланки, было всегда шумно илюдно. Александр Бланк слыл властным и довольно импульсивным человеком. Им владела одна маниакальная идея: видеть в водолечении уни-

версальное средство. Его можно даже считать одним из основателей бальнеологии. Бланк написал книжку о том, что „вода внутрь и вода снаружи“ в состоянии поддерживать доброе здоровье у каждого человека. Отставной полицейский врач заставлял своих плачущих дочерей укутываться на ночь мокрыми простынями. Подрастая, дети спешили выйти замуж, дабы скорее освободиться от папенькиных навязчивых экспериментов.

Анна Григорьевна Гросскопф умерла рано. После ее смерти в Кокушкино приехала ее родная сестра Екатерина, взявшая на свои плечи все заботы о воспитании племянниц. Это была весьма образованная женщина, именно она многое привила Марии Александровне (матери Володи Ульянова): умение играть на фортепьяно, обучила пению, дала основы знаний трех иностранных языков (немецкого, английского и французского).

В Кокушкино не раз приезжал брат жены Бланка — крупный чиновник департамента внешней торговли Карл Гросскопф. По приезду в имении устраивались музыкальные вечера, и дочери Бланка тянулись к этому образованному и жизнерадостному человеку. То была обычная жизнь небогатого обрусевшего дворянина-помещика с весьма сильным культурным немецким влиянием, благодаря семейству Гросскопф. Впрочем, Ленин и не скрывал, как это делали в последующем его советские биографы, своего, в известном смысле „помещичьего“, происхождения. Дворянские корни по материнской линии, естественно, в Биохронике не отражены. Сохранилась, однако, подпись самого Владимира Ильича, сделанная в апреле 1891 года на копии постановления Симбирского депутатского собрания о внесении Марии Александровны Ульяновой в дворянскую губернскую родословную книгу⁸. После ссылки Ленин, обращаясь в департамент полиции о разрешении его жене Н.К.Крупской отбывать оставшийся срок в Пскове, подписывался: „потомственный дворянин Владимир Ульянов“⁹.

Как видим, по материнской линии происхождение Ленина далеко не „пролетарское“, что лишь подчеркивает абсурдность марксистского и большевистского принципа оценивать человека метром классовой принадлежности. В 20-е и 30-е годы этот критерий полноценности личности был

доведен до зловещего абсурда, и нередко люди расставались с жизнью лишь потому, что кто-то в роду у них был „буржуйского“ или „помещичьего“ происхождения. К вождям это, естественно, не относилось и квалифицировалось как „революционное исключение“.

Отцовская ветвь Ленина явно плебейская, и не случайно Биохроника специально акцентирует на этом внимание читателя: дед Ленина был „крепостным крестьянином“. Но и это не так. Дед Ленина Николай Васильевич Ульянов был астраханским русским мещанином, промышлявшим портняжничеством. Он был сыном крепостного крестьянина, но совсем молодым был отпущен на оброк и больше в деревню не вернулся, став мещанином.

Прадед Ленина Василий Никитич Ульянинов* — тот был крепостным крестьянином. Почти всю жизнь дед В.Ульянова Николай Васильевич прожил одиноко, и лишь когда ему перевалило за пятьдесят и у него скопилось немного денег, он женился на дочери крещеного калмыка Анне Алексеевне Смирновой, моложе его почти на двадцать лет. Кстати, В.И.Ленин во внешнем облике унаследовал в значительной степени калмыцкий, азиатский тип лица от своей бабушки-калмычки. В этом позднем браке родилось пятеро детей: три сына и две дочери — Александр, Василий, Илья (отец Володи Ульянова), Мария и Феодосия. Илья был последним, очень поздним ребенком: он появился на свет, когда отцу было за шестьдесят, а матери — сорок три года. Вскоре Николай Васильевич умер, оставив на семнадцатилетнего Василия жену, двух сыновей и двух дочерей (Александр умер в младенчестве).

Нужно сказать, что Василий, получив вместо наследства огромные заботы о большой семье, проявил истинное подвижничество и самоотверженность. Ценой особого усердия Василий выбился в приказчики известной в Астрахани фирмы „Братья Сапожниковы“. Трудолюбие и преданность хозяевам были оценены их немалым доверием. Старший брат смог содержать мать и младшего брата Илью, которого послал на учебу в Казанский университет. Василий долгие годы полностью содержал брата, пока тот учился в университете

*По ряду документов прадед Ленина проходит и как Ульянов, иногда Ульянин или Ульянинов.

и поднимался на ноги, став учителем математики. Есть документы и иные свидетельства о том, что Василий присылал Илье Николаевичу деньги „на обзаведение“, „на свадьбу“, „на переезды“ и т.д. Оставаясь до самой своей смерти холостым, Василий Николаевич — удачливый и усердный приказчик торгового дома — сыграл огромную роль в судьбе своего брата Ильи. Высшее образование, полученное Ильей, сыном скромного портного, является главной заслугой Василия, который незадолго до своей смерти (есть, правда, лишь косвенные свидетельства) выслал денежную часть своего состояния младшему брату¹⁰.

О многих деталях сложной генеалогии Ульяновых смогла увлекательно рассказать Мариэтта Шагинян в своей книге „Семейство Ульяновых“*.

Генеалогия семьи Ульяновых достаточно запутана, и на ней не стоило бы останавливаться, если бы это не характеризовало официальную историографию советских вождей: непомерное выпячивание второстепенных деталей в рамках схемы „классового подхода“ и умолчание, искажение, а то и прямая фальсификация тех сторон характеристики человека, которые, как отмечалось выше, не вписываются в рамки партийных установок. На Западе же этому вопросу было уделено немало внимания, особенно солидным русскоязычным „Новым журналом“, выходящим в Нью-Йорке. К слову, этот серьезный во всех отношениях журнал с момента своего появления напечатал десятки статей о Ленине, осветил на своих страницах именно те грани биографии вождя, на которые в СССР было наложено идеологическое табу.

Так или иначе, дискуссия на страницах нью-йоркского русского журнала¹¹ показала: советским властям было что скрывать. Весьма убедительно по этому поводу высказался Луис Фишер, автор одной из лучших зарубежных биографий о Ленине. Говоря о генеалогической стороне портрета российского вождя, он отметил, что можно вывести только одно заключение: „Достоверных сведений о национальном происхождении доктора Бланка никогда не оглашали. Соот-

*Книги М.И.Ульяновой и А.И.Ульяновой-Елизаровой, посвященные Ленину и его семье, мало что добавляют к официальной историографии.

¹¹Своими документированными и аргументированными соображениями о предках Ленина поделились Н.В.Валентинов, Д.Н.Шуб, С.М.Гинзбург, А.М.Бургина, анонимный автор под псевдонимом Историк.

ветствующие документы несомненно имелись в раздутых русских архивах, но большевики сочли нужным, чтобы они не увидели света... Скрытность Кремля в этом отношении, тогда как другим сторонам жизни Ленина уделяются десятки тысяч страниц, можно объяснить желанием создать националистический образ Ленина как стопроцентного, чистокровного великоросса¹¹.

Мы были вынуждены высказаться по этому поводу лишь в силу многолетнего замалчивания и фальсификации тех материалов, которые могли бы пролить свет на жизнь и деятельность этой сложной личности.

Коротко напомнив о предках Ленина, я хотел сказать этим фрагментом о происхождении совсем другое. В этом генеалогическом ребусе человека, оказавшего самое сильное влияние на Россию в XX веке, на страну, которая до недавнего времени носила название СССР, отражена, как в зеркале, судьба великого народа. Предками Ленина были русский, калмычка, еврей, немка. Можно было бы сказать в некотором смысле и о шведском элементе. Конечно, могли быть люди и других национальностей. Но в происхождении Ленина слышен голос русской судьбы: славянское начало и азиатские просторы, еврейский элемент национального интеллекта и немецкая, западная культура. От этого никуда не уйти, да и уходить не надо. Россия — страна по сути своей евразийская, и благодаря случаю или Божьему промыслу Владимир Ульянов отразил в своей личной судьбе всю сложность и национальную противоречивость одной из последних великих империй на нашей планете.

Генетическая и генеалогическая селекция истории стихийна и загадочна.

Но здесь мне представляется необходимым сделать одно пространное отступление.

После смерти Ленина еще в 1924 году секретариат ЦК РКП(б) поручил старшей сестре умершего вождя готовить все доступные ей материалы для написания научной истории семьи Ульяновых. Анна Ильинична Елизарова, один из организаторов института Ленина, добросовестно и по своей инициативе взялась за дело и довольно скоро пришла примерно к тем же выводам, которые автор настоящей книги изложил выше. Особенно много ей дали документы из архи-

ва Петербургского департамента полиции о происхождении Ленина по линии матери, как и некоторые другие материалы, которые ей помог достать М.С.Ольминский. Несколько лет (почти восемь) она не делилась с кем-либо о своих находках. Возможно, она сама была тогда носителем национальных предрассудков и не хотела освещать запретную тему.

Но накануне 1933 года, за два года до своей смерти, А.И.Ульянова-Елизарова неожиданно обратилась к Генеральному секретарю партии И.В.Сталину по поводу сделанных ею открытий в генеалогическом древе В.И.Ленина и желательности их опубликования.

Теперь она знала, что прадед Ленина по материнской линии Мойше Ицкович Бланк родился и проживал в городе Староконстантинове, а затем в Житомире. Его сыновья Абель и Сруль (Израиль) приняли христианство и в соответствии с этим изменили имена на Дмитрия и Александра. В 1820 году оба сына были приняты в число воспитанников Медико-хирургической академии в Петербурге, которую успешно окончили в 1824 году¹².

В письме Сталину А.И.Ульянова-Елизарова писала: „Для вас, вероятно, не секрет, что исследование о происхождении деда показало, что он происходил из бедной еврейской семьи, был, как говорится в документе о его крещении, сыном „житомирского мещанина Мойшки Бланка“. Далее Анна Ильинична пишет, что этот факт „может сослужить большую службу в борьбе с антисемитизмом“.

Автор письма, тем не менее, утверждает весьма спорные положения о том, что факт еврейского происхождения Ленина „является лишним подтверждением данных об исключительных способностях семитического племени, что *разделялось всегда* Ильичем... (курсив мой. — Д.В.). Ильич высоко ставил всегда евреев“¹³. Это важное признание сестры Ленина многое объясняет. Может быть, поэтому Ленин не раз рекомендовал, что нужно нерусским, особенно евреям, давать высокоинтеллектуальные задания, „а русским дуракам“ поручать элементарную работу¹⁴.

Известно, что Мария Ильинична, передавшая письмо сестры Сталину, дождавшись, когда он его внимательно прочтет, услышала в ответ категорическое и жесткое:

— Молчать о письме абсолютно!

Но старшая сестра Ленина через год с лишним проявляет настойчивость и вновь обращается с этим вопросом к Сталину, утверждая, что „в институте Ленина, так и в институте мозга... давно отмечена большая одаренность этой нации и чрезвычайно благотворное влияние ее крови при смешанных браках на потомство. Сам Ильич высоко ценил ее революционность, ее „цепкость“ в борьбе, как он выражался, противопоставляя ее более вялому и расхлябанному русскому характеру. Он указывал не раз, что большая организованность и крепость революционных организаций Юга и Запада зависит как раз от того, что 50% их составляют представители этой национальности“¹⁵. Вновь почти антирусские заявления от имени вождя...

Сталин, обрусевший грузин, не мог допустить, чтобы люди узнали о еврейских корнях Ленина. Его жесткий запрет действовал долго и прочно.

Когда М.С.Шагинян опубликовала свою книгу „Билет по истории“ (книга первая „Семья Ульяновых“), в которой сделала попытку докопаться до генеалогических корней семьи Ульяновых, реакция на это небезопасное подвижничество была непримиримо-угрожающей.

Вначале книга Шагинян была рассмотрена в узком кругу ведущих членов президиума Союза советских писателей. Оценили „ведущие мастера“ работу писательницы как „мещанскую“ и „идеологически враждебную“. Затем через месяц, 9 августа 1938 года, собрался президиум Союза писателей СССР, где кроме чисто „партийных“ литераторов были и известные мастера: А.Караваева, В.Катаев, М.Кольцов, П.Павленко, А.Фадеев, А.Толстой, Л.Кассиль, другие писатели. В постановлении был сформулирован пункт о том, что, „применяя псевдонаучные методы исследования о т.н. „родословной“ Ленина, М.С.Шагинян дает искаженное представление о национальном лице Ленина, величайшего пролетарского революционера, гения человечества, выдвинутого русским народом и являющегося его национальной гордостью“¹⁶. Конечно, те, кто написал, издал, распространил книгу, были удостоены суровых идеологических осуждений и взысканий.

Документы из разных архивов, содержащие хоть ка-

кую-то информацию о родословной Ленина, всего 284 листа, были в 1972 году изъяты и переданы в специальные фонды ЦК партии, где они находились в заключении долгие годы. Партийное руководство сделало Ленина как бы наднациональным лицом — просто „интернационалистом“.

Кроме еврейской ветви весьма интересна и ветвь немецко-шведская. Гросскопфы, как пишет швейцарский историк Л.Хааз, происходили из Северной Германии. Исследователь, в частности, отмечает, что многие из этой фамилии, часто весьма отдаленные от рассматриваемой ветви, оказались известными людьми: прадед Ленина Й.Г.Гросскопф был представителем немецкой торговой фирмы „Шадэ“; достаточно известным был теолог И.Хефер; Э.Курциус — домашний учитель кайзера Фридриха III; В.Модель — генерал-фельдмаршал гитлеровского вермахта. Все предки и родственники Ленина по немецкой линии были богатыми буржуа¹⁷.

А шведская ветвь идет от богатого ювелира К.Ф.Эстедта, жившего в Упсале. Ювелир был поставщиком украшений ко двору короля Густава IV Адольфа. В шведском звене в основном были люди ремесла: парикмахеры, шляпники, портные.

В общих чертах Ленин знал о своем происхождении. Будучи по культуре, языку русским человеком, он никогда не относился к России, своему отечеству как высшей ценности. Но, естественно, как нам удалось установить, вождем русской революции никогда себя не чувствовал ни немцем, ни шведом, ни евреем, ни калмыком. И хотя в анкетах Ленин называл себя русским, его мироощущение было интернационально-космополитическим. Для него революция, власть, партия были неизмеримо дороже России. Ведь он готов был отдать без колебаний половину европейской России немцам, лишь бы сохранить свою власть!

Но здесь, конечно, главную роль играло не его этническое происхождение, а интернационально-космополитическое мировоззрение. Но при этом нельзя сбрасывать со счетов и потенции влияния на становление индивидуальности предыдущих „звеньев“ генеалогического древа, выражающиеся в традициях культуры, мышления, обычаев, психики.

Любая „душа“ восходит от родника своих предков.

Но, повторю, при оценке судьбы и деяний Ленина было бы ошибочным придавать повышенное значение национальному элементу. В нем содержались лишь некие этнические

потенции, которые реализовались в действительности под решающим влиянием социально-политических условий.

На этом не стоило бы так подробно останавливаться, если бы Ложь — универсальное зло — не понадобилась большевикам и здесь, чтобы, сначала сокрыв обычное, естественное, привычное в России смешение национальных кровей, не сделать затем этнически „чистого“ вождя.

Семья Ульяновых, осев в 1869 году в Симбирске, вела в основном тот же образ жизни, что и большинство служивых людей, чиновничество, мещане того времени. Но более высокий интеллектуальный уровень Марии Александровны и Ильи Николаевича наложили свой решающий отпечаток на духовную жизнь семьи. Рядом с Владимиром росли два брата и три сестры: Анна (родилась в 1864 году), Александр (1866 г.), Ольга (1871 г.), Дмитрий (1874 г.) и Мария (1878 г.). Был и брат Николай (1873 г.), который скончался младенцем, была и еще одна Ольга (1868 г.). Родителям очень хотелось иметь дочь Ольгу. Когда первая Ольга умерла при рождении, через три года родившейся девочке дали вновь это имя. Но не суждено было долго жить и этой симпатичной и умной девушке; вторая Ольга умерла двадцати лет от роду.

Мария Александровна не кончала университетского курса, но благодаря основательному домашнему воспитанию и заботам своей тетки Екатерины Гросскопф была весьма образованной женщиной. О том, как воспитывался Ленин, его братья и сестры, написано множество книг. В них много верного, но много и преувеличенно-слащавого. По словам авторов некоторых публикаций, Ленин проявил свою „гениальность“ едва ли не с пеленок. Автор настоящей книги не намерен воспроизводить картины домашнего быта семьи Ульяновых, а отметит лишь несколько деталей, обычно выпадающих из многочисленных описаний.

Действительно, Володя Ульянов был очень способным, даже талантливым ребенком. Здесь огромную роль сыграли высокая образованность отца и матери, вся духовная атмосфера дружной, как сказали бы сейчас, и благополучной семьи. Этому в немалой степени способствовал достаток и высокое положение отца. В Симбирске Ульяновы приобрели хороший дом, в котором старшие трое имели по своей комнате, а матери помогала кухарка; была в семье няня Варвара

Григорьевна, для хозяйственных работ (уборка снега, распиловка дров) нанимались работники. Социальные условия для развития Владимира, как и его братьев и сестер, были хорошими. Семья не знала нужды, как впоследствии говорил и сам Ленин.

Илья Николаевич, поднявшись с должности рядового педагога на пост инспектора народных училищ, через несколько лет становится их директором. Это действительно был подвижник народного образования и выдающийся педагог. Он высоко был оценен властями: получил ордена (в том числе Станислава первой степени) и в конце концов заслужил чин действительного статского советника. В табели о рангах это приравнивалось к званию „штатского“ генерала. К этому времени И.Н.Ульянову высочайше было пожаловано дворянство, что автоматически и юного Владимира сделало дворянином. Положение семьи и ее членов было, казалось, прочным, пока не наступила смерть отца и неожиданно для всех — арест и казнь старшего сына.

Володя все время шел первым учеником, но, конечно, никакого еще „революционного свободомыслия“ не проявлял, как об этом позже много писали. Директор гимназии Федор Михайлович Керенский, отец будущего „героя момента“ Февральской революции, не раз публично высказывал свое восхищение способностями и прилежанием гимназиста Ульянова. Большие личные способности, благополучие семьи, высокая интеллигентность родителей, удачный „расклад“ школьных учителей создали тот благодатный комплекс позитивных формирующих факторов, которые заложили сильный интеллектуальный фундамент молодого Владимира Ульянова.

Одновременно частые похвалы, подчеркивание родителями и учителями особых способностей, пионерство в учебе исподволь формировали в юноше глубокую внутреннюю самоуверенность, ощущение некоего умственного превосходства над сверстниками. В семье он был „любимчиком“, привык всегда находиться в центре внимания и даже почитания, что не могло не наложить определенной печати на складывающийся характер и психологию молодого Ульянова. Как впоследствии не раз отмечали Мартов, Потресов, Валентинов и некоторые другие известные марксисты, Ленин не был тщеславен, но не скрывал своего морального

„права“ на первенство, в которое он уверовал еще с гимназической скамьи. Уже тогда свое первенство молодой Ульянов считал возможным подтвердить грубым моральным давлением и нетерпимостью к иным взглядам.

Студенческий товарищ Александра Ульянова В.В.Водозов вспоминал, как „после посещения семьи Ульяновых обнаружилось, что близко сойтись с Владимиром он ни в коем случае не может. Его возмущала невыносимая полемическая грубость Ульянова, его безграничная самоуверенность, самомнение, разжигаемое тем, что (уже тогда!) в семье его считали „гением“, а окружающие видели в нем непререкаемый авторитет“¹⁸.

Семья Ульяновых была русской семьей, испытывавшей опосредованно влияние внешне незаметных течений, обычаев, привычек разных культур, что существовали тогда в российском этносе. Счастливая комбинация многих факторов — материального, духовного, культурного, личностного — предопределила успешное развитие в детстве и юности человека, которому было суждено стать в будущем, как выразился Виктор Чернов, „Робеспьером русской революции“¹⁹.

Но духовное и политическое самоопределение Владимира Ульянова было еще впереди. Одной из решающих ступеней этого самоопределения стала судьба старшего брата Александра. Сильный интеллектуальный ковчег молодого Ульянова, сотворенный классическим школьным знанием и самообразованием, стало наполнять нечто новое и необычное.

Александр и Владимир

Каждый человек, проходя по долине своей судьбы, не знает, будут ли на его пути крутые повороты или даже зигзаги. Не все зависит от самой личности. Иногда такой поворот внешне малозаметен, но роль его во всей дальнейшей жизни человека огромна. Вот таким внутренним поворотом, духовным мятежом в сознании Владимира отозвалась трагедия семьи Ульяновых — казнь старшего брата Александра.

Но поворот, толчок, не был буквальным, как его стали трактовать уже после революции. В обиход вошла фраза, якобы сказанная Владимиром Ульяновым своей малолетней сестре Марии после получения известия о казни брата: „Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти“²⁰.

Возможно, молодой Ульянов и говорил эти слова, которые потом канонизировали и миллионы уст школьников и студентов повторяли как божественное откровение в конечной инстанции. Может быть, Владимир Ульянов и сказал эту фразу, но нам очевидно и другое: у гимназиста еще не было никаких революционных взглядов и он не мог в то время рассуждать о тех или иных революционных „путях“. Хотя официальная историография, превращая юношу в святого марксизма буквально с детства, утверждала, что еще в начале 1887 года смерть старшего брата „укрепила его революционные взгляды“²¹. Гимназист уже представлен революционером, что совершенно не соответствует истине. Идеологическая гипертрофия начала свое многолетнее дело... Как же обстояло все в действительности и каким образом казнь старшего брата оказала воздействие на семнадцатилетнего Владимира Ульянова?

Долгое время в официальной лениниане господствовали взгляды о революционном влиянии отца Ленина на своих детей. „Как педагог Илья Николаевич особенно усердно читал Добролюбова, — сообщал теоретический орган ЦК ВКП(б) „Большевик“. — Добролюбов покорило честное сердце Ильи Николаевича, и это определило работу Ильи Николаевича как директора народных училищ и как воспитателя своего сына — Ленина и других детей, которые все стали революционерами“²². В неуклюжей фразе, которая принадлежит Н.К.Крупской, делается попытка показать отца Ульяновых чуть ли не наставником революционеров! Это чрезвычайно далеко от истины.

Директор народных училищ И.Н.Ульянов был очень образованным и культурным педагогом своего времени, что не мешало ему быть глубоко набожным и довольно консервативным человеком. Его старшая дочь Анна вспоминала, что отец „никогда не был революционером и хотел от этого духа уберечь молодежь“, был большим поклонником Алек-

сандра II, царствование которого, особенно его начало, было для него светлой полосой²³. О гражданской лояльности отца самодержавию говорит и младшая дочь — Мария Ильинична: „Илья Николаевич не был революционером, и у нас слишком мало данных, чтобы судить о том, как он относился к революционной деятельности молодого поколения того времени“²⁴.

Думаю, эти свидетельства верно отражают положение дел. Для истины важнее отметить иное обстоятельство. Педагог по глубокому внутреннему призванию, И.Н.Ульянов очень многое сделал для создания в семье демократической, гуманной обстановки. Глубокое согласие со своей женой, доброта к детям, демократизм отношений старших с младшими, поощрение трудолюбия и усидчивости сформировали весьма благоприятную атмосферу и почву для того, чтобы семена свободомыслия имели возможность прорасти, если бы они сюда попали. Именно этим Илья Николаевич и его семья создали предпосылки для принятия их детьми, и прежде всего Александром и Владимиром, радикального хода мыслей. А выдумки о революционном влиянии на мировоззрение детей „песен Некрасова“, которые, „бывало, вполголоса в поле пел Илья Николаевич“, все из той же идеологической заданности „революционности“ вождя чуть ли не с детства.

Нет, не Илья Николаевич „сделал“ Ленина революционером. Но он и его жена воспитали у своих детей способность изменяться, чувствовать необходимость перемен. Отец Ленина скончался в январе 1886 года, когда гимназисту Владимиру Ульянову не было полных шестнадцати лет.

Еще не похоронив мужа, М.А.Ульянова подает прошение о пенсии ей и детям, а немного позже — еще одно прошение попечителю Казанского учебного округа с просьбой о единовременном пособии. Отныне нужно было жить на пенсию и на тот доход, который приносило имение Кокушкино под Казанью, совладелецей которого была Мария Александровна. В сентябре 1886 года Симбирский окружной суд утверждает в правах наследства на имущество мать и ее детей в соответствующих по закону частях.

После казни Александра и исполнения семнадцати лет Владимиру его регистрируют на призывном участке как во-

еннообязанного (апрель 1887 года)²⁵. Но вскоре, в соответствии с российским законом (оставшийся старший сын-кормилец при вдове), снимают с приписного учета²⁶. Солдатская доля теперь не могла угрожать В.Ульянову в его намерении получить солидное образование. Хотя в семье не было кормильца, учиться могли все благодаря очень солидной пенсии. Тем более что духовная устремленность матери и детей к учебе, культуре, высокой образованности была сильной.

Если интеллектуальная, духовная атмосфера семьи создала предпосылки для появления в сознании Владимира Ульянова радикальных идей свободомыслия, то судьба старшего брата стала катализатором этого процесса. Очень сомнительно, чтобы трагическая кончина брата могла изменить революционный вектор направленности гимназиста по той простой причине, что этой „направленности“ просто еще не было. В знаменитой, но сомнительной фразе, приписываемой Владимиру Ульянову, еще одно место вызывает большие вопросы: слово „мы“. В фразе: „Нет, мы пойдем не таким путем...“ совершенно загадочным предстает местоимение „мы“. У гимназиста Владимира Ульянова было немного школьных друзей, но в их среде не было никаких „тайных обществ“ или „кружков“. Думаю, что или М.И.Ульянова, со слов которой пущена в широчайший идеологический обиход эта фраза, запомнила, что сказал Владимир, получив известие о смерти брата (ведь ей тогда было всего девять лет!), или она, эта фраза, родилась под влиянием именно тех обстоятельств, которые наложили тяжелую печать на всю советскую историю. По-человечески, далее, трудно представить, как сообщает Биохроника, что, „получив это известие“, Владимир сразу сказал именно эту фразу, сделавшую его навсегда „правильным“ революционером.

В истории есть тайны и мистификации. Если эта фраза не мистификация, то содержание всех слов, которые сказал Владимир Ульянов, узнав о казни Александра, вероятно, навсегда останется тайной истории. Не мог же брат ограничиться при получении трагического известия лишь этим лозунгом!

Старший брат Владимира Александр был одаренным юношей. Золотая медаль по окончании гимназии говорит о

многим. Вероятно, он мог стать крупным, а то и выдающимся ученым. Еще в гимназии Александр увлекался естественными науками, особенно зоологией, быстро овладел тремя европейскими языками и в Петербургском университете, куда он поступил в 1883 году, скоро стал одним из лучших студентов. За месяц до скоропостижной смерти отца Александр за работу о кольчатых червях получил золотую медаль университета. Ничто не говорило, что юношу захватит ветер общественных движений.

К политическим кружкам в университете на первых курсах учебы Александр относился равнодушно, даже скептически, но позже, когда познакомился со студентами Лукашевичем, Говорухиным, Шевыревым, постепенно стал попадать под влияние ферментов общественного движения. Видимо, Лукашевич и Говорухин в какой-то мере, вероятно в самой общей форме, приобщили Александра к трудам Маркса, Энгельса, Плеханова. И тот и другой понимали марксизм в контексте необходимости насилия как средство для изменения существующих условий. Наиболее радикально был настроен Шевырев, который убежденно доказывал, что лишь устранение тиранов может преобразовать жизнь на справедливых началах. Александр, встречаясь с тройкой тайных ниспровергателей, поначалу больше слушал, но постепенно, увлекаемый внутренней логикой радикализма, уверовал в необходимость решительных шагов. И хотя Александр Ульянов был во власти научных планов, новых исследований, юноша считал нравственно не порядочным быть в стороне, как говорили его новые товарищи, от „идей прогресса и революции“.

Во время учебы Александра в университете его связь с братом Владимиром была номинальной и эпизодической: письма семье домой, где содержались приветы всем. Но и когда старший сын приезжал на лето, особой близости между братьями не было. Дети, живя в семье очень солидарно, дружили больше „парами“. Володя был сильно близок в дружбе с Олей, хотя и преклонялся перед умом старшего брата.

Старшая сестра Анна вспоминала, что однажды, уже после смерти отца, разговорившись с Александром, она вдруг спросила его:

— Как тебе нравится наш Володя?

— Несомненно, человек очень способный, но мы с ним не сходимся²⁷.

Естественно, старшая сестра поинтересовалась:

— Почему?

— Так... — не пожелав объясниться, сказал брат.

Может быть, это едва ли не единственное место из апологетических воспоминаний родных, в котором делается какой-то намек на то, что во взаимоотношениях братьев и сестер (как и в каждой нормальной семье!) бывали какие-то облачка и шероховатости, а может, и более серьезные коллизии. Но здесь, в тексте воспоминаний, это место осталось явно по „недосмотру“ редактора: у будущего вождя не должно быть „лятен“. Хотя лаконичное „не сходимся“ связано, конечно, не с политическими позициями и оттенками поведения братьев, а, скорее всего, с проявлениями резкости в суждениях Владимира.

Эта грань юношеского профиля ясно просматривается у Владимира, хотя почти все, кто писал портрет вождя, старались ее затушевать. Эта же грань стала позже рельефной, когда Ульянов стал одним из руководителей российских социал-демократов, и просто явно выпуклой при превращении Ленина в „вождя“. Представляется, что самые ранние истоки нетерпимости и резкости были замечены еще братом Александром, человеком явно более мягким и сочувственным.

По описаниям ряда историков, вероятно, решающим толчком к переходу Александра в группу друзей-заговорщиков послужила акция царской полиции, разогнавшей 17 ноября 1886 года студенческую демонстрацию памяти Добролюбова. Аресты и высылки из столицы некоторых знакомых студентов поставили перед Александром нравственную проблему своего личного выбора: как он должен поступить в этой ситуации? Такие ключевые моменты в линии судьбы бывают у каждого. Наступил он и у Александра.

Николай Владиславович Валентинов, возможно, один из первых пронизательных историков, попытавшийся освободить образ Ленина из-под нагромождений идеологических мифов, писал по этому поводу: Александр постепенно стал испытывать заметное влияние Шевырева, проводившего ра-

дикальные действия. Уклоняться от политической борьбы безнравственно, „а при нынешних условиях действительной борьбой с царизмом может быть только террор. Болезненно чуткий к указаниям на безнравственность, А.Ульянов, после мучительных колебаний, начинает разделять эти взгляды и, раз на то пошло, делается уже прямым сторонником не случайного, а, как он заявляет, систематического террора, устрашающего, способного сотрясти самодержавие“²⁸.

Группа студентов под руководством Шевырева растет, в нее входят Андреюшкин, Осипанов, Генералов, Канчер, Горкун, Лукашевич, Говорухин, Ульянов. Дежурства „метальщиков“ бомбы и „разведчиков“ по маршруту поездок царя из дворца в Исаакиевский собор начались с 26 февраля. Но заговорщики были очень неопытны; 1 марта полиция, перехватив письмо Андреюшкина, арестовала всю группу. Семья Ульяновых была потрясена, узнав о постигшей беде, но надеялась на милость императора. Мария Александровна Ульянова, спешно приехав в столицу, подала прошение на имя Александра III. В нем, в частности, говорилось:

„О Государь! Умоляю, пощадите детей моих. Возвратите мне детей моих. Если у сына моего случайно отуманился рассудок и чувство, если в его душу закрались преступные замыслы, Государь, я исправлю его: я вновь воскрешу в душе его лучшие человеческие чувства и побуждения, которыми он так недавно еще жил. Милости, Государь, прошу милости“.

Этой драме, которая привлекла внимание России в конце прошлого века, посвящено немало публикаций. Наиболее интересны из них — в журналах „Былое“ и „Голос минувшего“. Читатель, видимо, знает, что все хлопоты матери оказались напрасными не только из-за „жестокости“ царя, но и из-за отказа сына подать прошение о помиловании. Кто пересилил себя, поступившись революционным достоинством, тот был помилован: смертная казнь была им заменена многолетней каторгой.

Процесс был очень коротким: 15 апреля начался, а 19-го был оглашен приговор. Нераскаявшиеся Андреюшкин, Генералов, Осипанов, Ульянов и Шевырев были приговорены к повешению. Но спасение еще брезжило в их душах. Во время свидания матери с сыном после приговора на ее моль-

бы подписать прошение Александр тихо, но твердо произнес:

— Не могу сделать этого после всего, что признал на суде. Ведь это будет неискренне.

Присутствовавший на процессе и свидании матери с сыном юрист Князев уже после Октябрьской революции вспоминал, что в беседе Александр приводил такой довод: „Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего противника, другой еще нет, и тот, кто выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить!“

Поведение Александра было в высшей степени мужественным. Его последним желанием, высказанным матери, была просьба: дать что-нибудь почитать из Гейне. Князев помог найти томик сочинений, и великий немецкий поэт последние дни жизни Александра на этой земле был его душеприказчиком и духовником... Ожидая рокового, последнего грохота запора камеры каземата, Александр мог шептать слова поэта:

*В часах песочная струя
Иссякла понемногу...²⁹*

За два часа до повешения во дворе Шлиссельбургской крепости 8 мая 1887 года, после полуночи, осужденным объявили, что скоро казнь. То был последний шанс обратиться с прошением. Но и перед лицом вечного небытия молодые русские люди, будучи неправыми исторически, в моральном смысле оказались достойными народной памяти. Они не были фанатиками идеи, но верили, что судьбы народа могут изменить революционные акты насилия против тиранов. Большевики, которые появятся в начале приближающегося века (который станет почти весь „их“ веком), на словах осуждали индивидуальный террор, а на деле провозгласили террор, но уже массовый. Попытки студентов изменить вектор развития, почитавших честь и достоинство дороже самой жизни, выглядели и выглядят исторически наивными. Но нельзя не восхититься их готовностью к жертвенности во имя идеалов освобождения. Таких, особенно среди русских народников, всегда было много. Возможно, именно в этой среде нашла свое выражение „русская идея“: туманная и аморфная, но великая и бессмертная.

В день казни Владимир Ульянов в Симбирске сдавал письменный экзамен по геометрии и арифметике, получив за эту работу обычное „пять“. В семье верили в распространившийся слух, что смертная казнь в последний момент будет заменена заточением в крепости. Во время последнего свидания с сыном мать, желая передать эту надежду Александру, при прощании только сказала: „Мужайся, мужайся...“³⁰ Как оказалось, это были последние слова благословения матери, которыми она поддержала сына в часы его мужественного и рокового выбора.

В семье Ульяновых надолго поселилось горе. Мать, в трауре, после долгих молений не раз просветленно говорила, что Саша перед смертью приложился к кресту... Пусть Богом он будет прощен...

Младший брат был потрясен смертью Александра. Позже он узнает, что Саша принимал участие в разработке „Программы террористической фракции Народная воля“. Документ несет печать марксистского влияния, однако наивен в своей прямолинейности и, как сказали бы сегодня, „казарменности“. Но Владимир Ульянов, долго находясь под воздействием семейной трагедии, думал не столько об идеях, которые захватили брата и его друзей, а о стоицизме и силе духа молодых террористов-заговорщиков. Крутой поворот в долине своей судьбы юный Ульянов сделал не в определении путей борьбы: террор или массовые движения. Нет. Гимназист еще не имел собственных взглядов по этому вопросу. Но где-то в глубине души он созрел для понимания — и это станет скоро ядром его мировоззрения, — что без радикализма, помноженного на волю к достижению цели, на революционной стезе делать нечего.

А в отношении того, что „мы не пойдем таким путем“, Владимир Ульянов действительно и „не пошел“. В частности, это выражалось и в том, что будущий вождь понял: совсем необязательно самому быть „металлыщиком“ пироксилиновых бомб, которые делал несчастный Саша. Необязательно находиться и на баррикадах, самому подавлять восстания, быть на фронтах гражданской войны... И он никогда там и не был и непосредственного ничего „не подавлял“. Главное — не в деяниях одиночек. Главное — управлять массой. Огромной. Бесчисленной. Почти бессозна-

тельной. „Не таким путем надо идти“. Младший брат пошел действительно совсем иным путем. Более эффективным, но менее благородным.

Кто знает, может быть, казнь Александра помогла Владимиру взобраться на броневик в апреле 1917 года?

Трагедия семьи Ульяновых по большому счету — трагедия русской идеи, трагедия российского выбора, трагедия народа, за который небольшевики и сегодня вновь пытаются решать: каким путем ему идти...

Предтечи революционера

Самая большая тайна — это тайна человеческого сознания. Лабиринты, катакомбы, тупики, магистрали хода мысли трудноуловимы и часто непредсказуемы. Сознание личности — безбрежный космос, необъятная галактика, в которых всегда есть и будут неизвестные, загадочные планеты. Так и духовный мир Ульянова, столь пристально изучаемый на протяжении многих десятилетий, по-прежнему несет в себе много таинственного, загадочного и непознанного.

Одна из таких тайн кроется в определении духовных предтеч революционера. Явилась ли казнь брата основным толчком, подвинувшим молодого Ульянова на революционную тропу? Кто был его властителем дум? Каково место марксизма в духовном выборе? Были ли Маркс и Энгельс единственными кумирами Владимира? Историки и философы дают на эти вопросы самые разные ответы. Официальная партийная мысль, естественно, видит путь идеологического выбора В.И.Ульянова одномерным, строго детерминированным, безапелляционным.

Так, Н.В.Валентинов полагает, что интеллектуальным генератором и вдохновителем Ленина был Н.Г.Чернышевский. Исследователь полагает, что Владимир Ульянов „познал и впитал в себя Чернышевского, покоровшего его раньше, чем произошло знакомство Ленина с марксизмом“. Чернышевский, писал Валентинов, „предстал перед 18-летним Лениным в образе, поражающем воображение: страстного проповедника блага и добра с окровавленным топором в руке“³¹. Луис Фишер уверяет, что на духовное становление

российского вождя большое влияние оказали идеи народо-вольцев³². Рональд Кларк, попытавшийся сказать о Ленине нечто, скрываемое „исторической маской“, не без основания пишет, что Ленин никогда не отказывался полностью от идеи террора и герои-народовольцы всегда были ему симпатичны. Именно они дали ему заряд к пересмотру традиционных взглядов на общественную эволюцию³³. Один из первых советских официальных биографов Ленина, лично хорошо знавший его П.Керженцев, в свою очередь полагает, что формирование Ленина как революционера началось особенно интенсивно после его знакомства с литературой, издававшейся группой „Освобождение труда“ под руководством Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода³⁴. Можно долго „инвентаризировать“ бесчисленные точки зрения исследователей, современников, соратников Ленина по вопросу: кто был его предтечей? Кто оказал решающее воздействие на интеллект этого человека в моменты критического выбора стратегии своей жизни?

Но можно на эту проблему посмотреть и с другой стороны: как сам Ленин оценивал духовные истоки своего становления и предопределенность первых революционных шагов. Карл Радек, блестящий памфлетист и эквилибрист парадокса, в своем эссе о Ленине в 1933 году написал: „Когда Владимир Ильич однажды увидел, что я пересматриваю только что появившийся сборник его статей 1903 года, его лицо осветилось хитрой улыбкой и он, хихикая, сказал: „Очень интересно читать, какие мы были дураки“³⁵.

Вероятно, это нельзя понимать буквально, но своей фразой Ульянов (Ленин) косвенно выразил мысль древних: нельзя в одну реку войти дважды. Становление мировоззренческих опор есть сложный процесс. То, что кажется незыблемым, вечным, непреходящим вчера, сегодня может менять тона, окраску, а иногда и вектор движения. Но свою роль исходные, первичные идеи, мотивы исторически уже сыграли, даже если они в последующем пересмотрены или даже отвергнуты.

Весьма образно процесс синтеза разных влияний, которые испытал Ульянов, вырабатывая из себя того, кем он стал, изложил его политический противник Уинстон Черчилль. Касаясь юношеского, „домашнего“ возраста Улья-

нова, великий англичанин написал: „Его ум был выдающимся инструментом. Когда он загорался, перед ним высвечивался весь мир, его история, его горести, его глупость, его фальшь и, помимо всего прочего, его несправедливость. В его фокусе отражались все факты — как самые неприятные, так, в равной мере, и самые воодушевляющие. Интеллект был емким, а порой превосходным. Это был универсальный ум, редко в таких масштабах встречающийся у людей. Казнь старшего брата пропустила этот яркий белый свет сквозь призму, а призма преломила его в красный“³⁶. Воистину „призма“, выражающая сложнейшее сочетание обстоятельств, „окрасила“ мышление этого человека в революционные красные цвета. Что же это за обстоятельства?

Видимо, одним из ведущих обстоятельств является политика самих властей по отношению к Владимиру Ульянову и его семье. При поступлении вчерашнего гимназиста в Казанский университет Ф.М.Керенский дает ему блестящую характеристику и, как бы упреждая подозрения к семье, связанные с Александром, пишет: „Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение“³⁷. Даже когда Ульянов был в декабре 1887 года исключен из университета, Керенский, как бы защищая юношу и оправдывая свои рекомендации, объясняет случившееся казнью Александра: Владимир Ульянов „мог впасть в умоисступление вследствие роковой катастрофы, потрясшей несчастное семейство и, вероятно, губительно повлиявшей на впечатлительного юношу“³⁸. Но при первом же участии в студенческой сходке в Казанском университете, где Ульянов не закончил еще и одного семестра, он был сразу же „мечен“ начальством.

Попечитель Казанского учебного округа писал после случившегося: Владимир Ульянов „за два дня до сходки подал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курительной, беседуя с Зегрждой, Ладыгиным и другими, уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще о чем-то шушукаясь; 4-го же декабря бросился в актовЫй зал в первой партии, и вместе с Полянским первыми неслись по коридору 2 этажа...“³⁹. Ульянов не руководил сходкой, кото-

рая к тому же имела явно „вегетарианский“, либеральный характер, но, учитывая, что студент является братом казненного „государственного преступника“, он не только исключается из университета⁴⁰, но и выдворяется из Казани в родовое в каком-то смысле имение Кокушкино.

Родство с государственным преступником не только способствовало исключению из университета, но и создало довольно устойчивую реакцию отторжения молодого Ульянова от официальной системы образования, сопутствия его имени синдрома неблагонадежности и подозрительности. Когда весной 1888 года мать Ульянова подала прошение о восстановлении сына на учебу в университете, то в департаменте полиции на документе появилась резолюция его директора П.Н.Дурново: „Едва ли можно что-нибудь предпринять в пользу Ульянова“⁴¹. На другом документе этого же характера директор департамента народного просвещения выразил свою мысль еще более определенно: „Уж это не брат ли того Ульянова? Ведь тоже из Симбирской гимназии? Да, это видно из конца бумаги. Отнюдь не следует принимать“⁴².

Подвергая остракизму молодого Ульянова, царские власти все больше сужали поле выбора опальному студенту. Его солидарность с покойным братом в смысле неприятия самодержавной системы становилась все более определенной. Смиренная позиция, выразившаяся в повторных просьбах и принятии требуемых рутинных форм обращений: „Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне поступление в Императорский Казанский Университет“; „имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне отъезд за границу для поступления в заграничный университет“ и т.д. с подписями не только „бывший студент Императорского Казанского Университета“, но и „дворянин Владимир Ульянов“⁴³, не возымела на первых порах успеха. Власть, отторгая Ульянова, усиливала в его сознании протест, духовное неприятие существующих порядков.

Созреванию мятежных мотивов весьма способствовали и семейные обстоятельства. После исключения из университета у Ульянова не было нужды идти зарабатывать себе кусок хлеба грузчиком в порт или приказчиком, как его

дядя в Астрахани, к какому-нибудь купцу. Ленин, как всегда подчеркивается в официальной историографии, „ссылается“... в родное имение Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии, а затем переезжает с семьей на свой хутор Алакаевка, что примерно в пятидесяти верстах от Самары. Ульянов отдается самообразованию, читая Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова, Ч.Дарвина, Г.Бокля, Д.Рикардо, Н.А.Некрасова, И.С.Тургенева, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Г.И.Успенского. Именно здесь он имеет возможность приступить к „Капиталу“ Маркса, другим его работам. Забот особых не было. Как и после того, когда семья осенью 1889 года переезжает в Самару. Полиция, конечно, присматривает за неблагонадежным молодым человеком, но тот не доставляет ей хлопот. Несмотря на многочисленные „труды“ о „самарском революционном“ периоде, его очень трудно назвать таким. Знакомится с руководителем социал-демократического кружка А.П.Скляренко, присутствует на нелегальном собрании кружка, эпизодически встречается с некоторыми марксистами... Не густо. Точнее, нужно было бы сказать, что это был период самообразования, самоопределения, подготовки и сдачи экстерном экзаменов за курс Петербургского университета. Молодому человеку скоро исполнится двадцать два года; в руках у него диплом первой степени юриста, и он зачисляется помощником присяжного поверенного Самарского окружного суда. Здесь, правда, Ульянов не преуспеет, а быстро охладает к хлопотному труду защитника в суде.

Ему доведется участвовать лишь в нескольких делах (мелкие кражи, имущественные претензии), которые сложились для него с переменным успехом. Но в своей юридической практике он будет дважды защищать собственные интересы и оба раза выиграет. В одном случае выиграет дело против соседних крестьян, допустивших потраву в поместье Ульяновых. В другом — когда его, едущего на велосипеде, собьет автомобиль виконта в Париже.

Ленин не любил вспоминать о мелкой собственной судебной практике. Какое это имело значение перед тем, что он выиграет историческое дело! По крайней мере, так будут думать люди несколько десятилетий.

Однако вернемся к революционным истокам молодого

волжанина. Именно в этот период „интеллектуальное пространство“ Ульянова подвергается интенсивному заполнению широким спектром самых различных идей, концепций, взглядов. Н.В.Валентинов вспоминал свой разговор с В.И.Ульяновым в Женеве в 1904 году, когда тот, говоря о „сидении“ в Кокушкине после исключения, рассказывал „о чтении запоем с раннего утра до позднего часа“. Ульянов продолжал, что его „любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное им в „Современнике“ я прочитал до последней строки и не один раз... До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова, главное, *подавляющее* влияние имел на меня только Чернышевский, и началось оно с „Что делать?“. Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления...“⁴⁴.

Валентинов полагает, что Чернышевский, „перепав“ Ульянова (выражение самого Ленина) еще до приобщения к Марксу, сделал молодого человека революционером. Эту мысль оспаривает М.Вишняк, который в следующем номере русского нью-йоркского журнала утверждает: „Н.Валентинов пытается „канонизировать“ Чернышевского как предтечу Ленина“. Но это верно лишь в том смысле, что Ленин стал перечитывать Чернышевского через месяц-два после казни брата. „Почва была подготовлена к перепахиванию“. Автор утверждает, что главный революционный заряд Ульянов получил не от „бездарного и примитивного романа“ Чернышевского, а от вести о казни брата⁴⁵.

Критикуя друг друга, два историка подходят к общему выводу: Чернышевский стал для Ленина Иоанном Крестителем благодаря трагедии с братом Александром. В этом смысле, по идее Валентинова, „Что делать?“ Ленина является как бы продолжением „Что делать?“ Чернышевского. Внешне это совершенно разные вещи: у одного — скучный романизированный трактат, у другого — революционное

поучение. Но общего много: новый мир могут создать новые люди. Просто Ленин героев Чернышевского: Рахметова, Кирсанова, Лопухова, Веру Павловну облачает в плащи „профессиональных революционеров“.

Эта коварная выдумка о „профессиональных революционерах“ не безобидна, а зловеща и опасна. „Профессиональный революционер“ (а было ох как почетно после октябрьских событий 1917 года причислить себя к этому ордену!), по сути, считал нормальным нигде и никогда не работать, не служить, а, стоя в стороне или „располагаясь“ над социальными и экономическими процессами, — часто находясь очень далеко за околицей отечества, — узурпировать право решать судьбоносные вопросы за миллионы других людей!

Однако нельзя видеть буквально „искусительство“ Чернышевского по отношению к Ленину*. Но писатель способствовал, судя по анализу работ Ульянова, проникнуться ему глубокой неприязнью к либерализму, что уже отчетливо видно в одной из первых его крупных работ „Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?“. Ленин, многократно апеллировавший к Чернышевскому, именуя его суждения „гениальными провидениями“, упоминает в качестве таковых „мерзости“ компромисса „либералов и помещиков“, компромисса, который лишь и мешал „открытой борьбе классов“ в России⁴⁶. Ульянов хочет видеть в лице Н.Г.Чернышевского явного союзника в борьбе с либеральной буржуазией. Чернышевский В.И.Ульянову понадобился, в частности, и затем, чтобы доказать наличие „целой пропасти“ между социалистами и демократами⁴⁷.

По сути, Ленин использует Н.Г.Чернышевского для „русификации“ западного марксизма, где слишком много либерального и демократического и мало „борьбы классов“. Мы знаем, что в последующем раскол российских социал-демократов произойдет именно по линии отношения к демократии, легальным, парламентским формам борьбы, места в ней партий и сил либерального толка. Так что предтечей Ленина как революционера стали мыслители, лелеявшие идеи, которые усиливали в марксизме именно силовые, жесткие,

*К слову, Ленин, преисполненный высокими чувствами к Н.Г.Чернышевскому, в сентябре 1888 года пишет ему письмо, но ответа не дождался. Через год, узнав о его смерти, рисует на фотографии писателя крестик и делает подпись: „Октябрь 1889 года в Саратове“.

классовые грани этого учения. Чернышевский (впрочем, разве он один?) был духовным союзником В.И.Ульянова в этой трактовке набравшего в России силу марксизма.

Поэтому было бы более верным сказать, что Ленин в своем становлении руководствовался прагматическими соображениями. Молясь классическому марксизму, он мог заимствовать концепцию или идейку, аргумент или опровержение у Чернышевского, Ткачева, Бакунина, Нечаева, Клаузевица, Струве, Успенского, Постникова, Лаврова, Герцена... Свой „силовой марксизм“ Ульянов укреплял всем, что делало учение бескомпромиссным, жестким, радикальным. Крупская, вспоминая первые недели становления советского строя, писала: „Изучая самым внимательным образом опыт Парижской коммуны, этого первого пролетарского государства в мире, Ильич отмечал, как пагубно отразилась на судьбе Парижской коммуны та мягкость, с которой рабочие массы и рабочее правительство относились к заведомым врагам. И потому, говоря о борьбе с врагами, Ильич всегда, что называется, „закручивал“, боясь излишней мягкости масс и своей собственной“⁴⁸.

Внимательный читатель может поморщиться, встретив в перечне фамилий те или иные одиозные имена, например С.Г.Нечаева. Ведь известно, что и Маркс и Энгельс осудили нечаевщину. Сколько раз осуждал индивидуальный террор и Ленин! Но Нечаев — не только певец террора, но и синоним российского бланкизма. Заговор, тайные планы свержения, беспощадного уничтожения ненавистных руководителей и правительств — визитная карточка бланкизма. Осуждая бланкизм на словах, Ленин не колеблясь прибегал к нему в решающие моменты, что дало основание Плеханову еще в 1906 году заявить: „Ленин с самого начала был скорее бланкистом, чем марксистом. Свою бланкистскую контрабанду он проносил под флагом самой строгой марксистской ортодоксии“⁴⁹. Владимир Бонч-Бруевич в одной из своих статей вспоминал, что „с легкой руки Достоевского и его омерзительного, но гениального романа „Бесы“ (сюжет романа связан с конкретным фактом убийства студента Ивана Нечаевым и членами его общества „Тайная расправа“) даже революционная среда стала относиться отрицательно к Нечаеву, совершенно забывая, говорил Ленин, „что он об-

ладал особым талантом организатора, конспиратора, умением свои мысли облачать в потрясающие формулировки...". Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос, кого же надо уничтожить из царствующего дома, Нечаев дает точный ответ... Да весь дом Романовых!.. Ведь это просто до гениальности...⁵⁰.

Не по призыву Нечаева придет время и „весь дом Романовых“ будет уничтожен. Это будет сделано по приказу тех, кто думал во многом так же, как русский фанатик, давший печальное название индивидуальному террору — „нечаевщина“... Уход от либерализма в политике привел к тому, как вспоминал Владимир Войтинский, лично знавший Ленина, что будущий вождь еще в начале века любил вести беседы о необходимости борьбы с „либеральными благоглупостями... То было ловкой, талантливой проповедью революционного нигилизма. Революция — дело тяжелое, говорил Ульянов. В беленьких перчатках, чистенькими ручками ее не сделаешь... Партия не пансион для благородных девиц... Иной мерзавец может быть для нас именно тем полезен, что он мерзавец“⁵¹.

Вспомним „Катехизис революционера“ Нечаева. В нем есть такие строки: „Нравственно для него (революционера. — Д.В.) все, что способствует делу революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему“. Почти буквально повторяется у Ленина в речи на III съезде РКСМ эта идея: нравственно все то, что способствует победе коммунизма. Впрочем, аморализм Ленина, его этический релятивизм был известен давно. В своей беседе с М.Спиридоновой в 1918 году Ленин цинично поведал: в политике нет места нравственности, там властвует лишь целесообразность.

Все, что сказано здесь, можно пытаться опровергать. Я же ссылаюсь лишь на людей, которые знали, слышали, говорили с Лениным. Он взял марксизм на свое вооружение, но сделал все для того, чтобы „освободить“ его от „либеральных“, „демократических“ благоглупостей, ибо стальной кулак диктатуры пролетариата не нуждается в перчатках. Не это ли заставило патриарха марксизма в России Г.В.Плеханова вскоре после разгона Учредительного собрания констатировать в своей последней статье: „Тактика большевиков есть тактика Бакунина, а во многих случаях просто-напросто Нечаева“⁵².

Мы слишком забежали вперед. Но выяснение предтечи самого крупного российского революционера XX столетия показывает: Владимир Ульянов, еще подходя к порогу века, уверовал: опираться нужно на все и всех, если это ведет к цели.

Открытие марксизма

Чем пленил Владимира Ульянова марксизм? Почему чтение широкого спектра различной экономической, философской и социологической литературы в конце концов задержало его взгляд и мысль именно на марксистской литературе? Здесь могут быть разные объяснения. Но, по моему мнению, сильный интеллект молодого Ульянова, располагающий уже весьма богатой научной информацией, искал одну, универсальную, все объясняющую схему человеческого бытия. И вот где-то накануне 1889 года (тогда семья жила в Казани) в его руки попал первый том „Капитала“ К.Маркса.

Можно представить, какое впечатление на вчерашнего недоучившегося студента с завышенными ожиданиями произвел этот труд своими цельностью и основательностью. Для Ульянова это могло быть озарением. Я не касаюсь исторической „проверки“ марксизма и его „безгрешности“, а говорю лишь о масштабах охвата этим учением бытия. Гегель однажды проницательно заметил, что „даль несет притягательный интерес...“⁵³. Для молодого человека с радикальным мироощущением исторические дали и перспективы завораживали воображение, подводили, казалось, вплотную к решению вечных и „проклятых“ вопросов справедливости, свободы, равенства, ликвидации гнета и эксплуатации. Здесь самое время сказать, кто приобщил Ульянова к марксистской литературе.

Когда Владимира Ульянова исключили из университета, в Казани среди части интеллигенции был известен Николай Федосеев, очень молодой марксист, с высокой эрудицией, убежденностью, смелыми суждениями. Ульянову довелось с Н.Е.Федосеевым встречаться только раз, почти десять лет спустя, когда оба направлялись в сибирскую ссылку.

Ю.О.Мартов вспоминал, что эта встреча произошла в Красноярске. Выходя из тюрьмы для следования к местам ссыльного поселения, писал позже Мартов, мы „не забрали своих пожитков, а на следующий день явились за ними в тюремный цейхгауз с телегой, которую, кроме возчика, сопровождал Ульянов в качестве... якобы хозяина телеги. Одетая в шубу купецкая фигура Ульянова показалась часовым подходящей для извозопромышленника, и они нас пропустили. В цейхгаузе же мы потребовали у надзирателя вызова Федосеева, как „старосты“ политиков, для сдачи нашего имущества. Таким образом, пока мы извлекали и нагружали свое добро, Ульянов и Федосеев могли беседовать...“⁵⁴

Но мы забежали вперед. Ленин обязан Н.Е.Федосееву непосредственным приобщением к марксизму тем, что последний свою работу по революционному просвещению будущих социал-демократов начал с составления подробных списков-программ: что читать и на что обратить особое внимание. Н.В.Валентинов на основании ряда достоверных источников сообщает, что Ленин в беседе с Горьким во время их встречи на Капри в 1908 году об указателе Федосеева, попавшем в его руки, отозвался с величайшей похвалой. „Лучшего пособия в то время никто бы не составил“. Валентинов утверждает, и не без оснований, что работа Федосеева „открыла Ленину путь к марксизму“⁵⁵.

Ленин не часто отзывался о ком-либо с похвалой, тем более многократно. Н.Е.Федосеев оказался тем человеком, который помог Ульянову сориентироваться в дебрях политической литературы. Подробный, аннотированный „каталог“ Федосеева канализировал интеллектуальные интересы Ульянова как раз в том направлении, к чему было готово сильное мышление молодого человека. Не случайно первой заметной работой Ульянова стал его реферат „Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни“, более похожий на развернутую рецензию книги В.Е.Постникова „Южно-русское хозяйство“⁵⁶. Реферат несет печать гимназического подражания Марксову анализу. Работа содержит весьма мало собственных идей, и не случайно „Русская мысль“, куда Ульянов направил свой первый крупный труд, без колебаний его отвергла. Более удачна большая статья-реферат „По поводу так называемого вопроса о рынках“. Улья-

нов уже прямо противопоставляет „народническое и марксистское представление“ о развитии капитализма в России, по сути, подходя к вопросу: как вместо „критически мыслящей личности“ выдвигается „класс“ и безличная историческая необходимость. Общественного резонанса реферат совсем не имел, ибо был не опубликован, а лишь зачитан на собрании студентов-марксистов в Петербурге осенью 1893 года. Ульянову польстило, что студенты-технологи С.И.Радченко, В.В.Старков, А.К.Запорожец, Г.М.Кржижановский, А.А.Ванеев, Г.Б.Красин и другие весьма похвально отнеслись к его сообщению.

Ленин продолжал работать в направлении федосеевских советов, хотя скоро вышел далеко за рамки казанского каталога. Судя как по ранним, так и по ряду поздних работ, в марксизме его пленили две главные идеи: о классах и классовой борьбе и диктатуре пролетариата. Можно сказать, что никто из теоретиков марксизма так не „развил“ эти идеи, как Ульянов (Ленин). Хотя Маркс почти ничего и не говорил о диктатуре пролетариата. Ленин не ограничивается многочисленными комментариями и пересказываниями сути этих феноменов, данных Марксом и Энгельсом, но и сам формулирует „классические“ определения. Обращаясь в одной из работ к деревенской бедноте, Ульянов вопрошает: „Что такое классовая борьба?“ и отвечает: „Это — борьба одной части народа против другой, борьба массы бесправных, угнетенных и трудящихся против привилегированных, угнетателей и тунеядцев, борьба наемных рабочих или пролетариев против собственников или буржуазии“⁵⁷.

Вероятно, Ленин, как и тысячи мыслителей, революционеров, бунтарей до него, попадает в историческую ловушку. Кажется, все просто: отобрать у собственников то, чего нет у обездоленных, разделить все „справедливо“ и... жизнь пойдет по-другому. Вечный мираж! В одной из ранних своих статей „Класс и человек“ Николай Бердяев проницательно заметил: „Классовая борьба — первородный грех человеческих обществ“. Великий русский мыслитель рассуждает: „Много раз в истории восставали народные низы, пытаясь смести все иерархические и качественные различия в обществе и установить механическое равенство... Но класс есть количество. Человек же есть качество. Классовая борьба,

возведенная в „идею“, закрыла качественный образ человека... Так идея класса убивает идею человека. Это убийство теоретически совершается в марксизме...“⁵⁸. Он еще не знает, что убийство, массовое, беспощадное, будет совершаться не только теоретически...

Будучи жрецом классовой магии и диктатуры одного класса над другим, Ульянов, естественно, свое восприятие марксизма не мог осуществить иначе как в борьбе с романтизмом народничества. В одной из своих ранних работ „От какого наследства мы отказываемся“ Ульянов справедливо критикует народников за их неприятие капитализма в России и идеализацию крестьянской общины⁵⁹. В критике Н.К.Михайловского — виднейшего теоретика либерального народничества голос Ульянова уже приобретает оттенки, которые скоро станут характерными и определяющими: „вздор“, „клевета“, „пустяковинная выходка“. Безапелляционность тона „защитника“ марксизма часто подменяет аргументы. Во многих работах Ульянов, доказывая, обосновывая, подтверждая „необходимость“ диктатуры пролетариата, не пытается задуматься над элементарным вопросом: разве совместима справедливость (а марксизм лелеет эту главную идею!) с диктатурой? По какому праву один класс безоговорочно командует другим? Можно ли с помощью диктатуры достичь приоритета главной ценности — свободы? Союз рабочего класса и крестьянства при диктатуре пролетариата просто бессмыслица... Само по себе равенство прав и обязанностей — хорошая идея. Но пользуются этими правами и исполняют свои обязанности люди по-разному.

Но эти вопросы не волнуют молодого Ульянова. Марксизм с самого начала принят им окончательно и бесповоротно. Соглашаясь с действительно научной основой анализа экономического базиса общества, Ульянов ни разу не подверг сомнению социально-политическую концепцию марксизма, основанную в конечном счете на насилии, ставке на силовое разрешение любых противоречий в интересах одного класса. Встретившись и приняв марксизм, молодой социал-демократ не засомневался в исторической порочности и ограниченности силовой методологии созидания нового общества. Не случайно, что, когда он станет вождем, в руках которого будет сосредоточена вся полнота власти, предме-

том его постоянной и особой заботы станут ЧК, ГПУ, другие карательные органы диктатуры пролетариата.

Знакомясь с протоколами Политбюро ЦК РКП(б), в заседаниях которого принимал участие В.И.Ульянов (Ленин) после октябрьского переворота, с горечью убеждаешься: нет почти ни одного совещания этого органа, где бы не рассматривались меры по ужесточению диктатуры пролетариата, а фактически диктатуры партии, расширению полномочий карательных органов, узаконению террора, проявлению особой заботы о сотрудниках этой новой касты неприкасаемых, о классовой „чистоте“ ее рядов и т.д.

Так, на заседании Политбюро 14 мая 1921 года при активной поддержке Ленина было принято решение о расширении прав ВЧК „в отношении применения высшей меры наказания“⁶⁰. По инициативе главного марксиста в России то же Политбюро в январе 1922 года делает дополнительный шаг в укреплении карательной функции диктатуры и обеспечения „классовой линии“ в обществе путем образования Государственного политического управления (ГПУ). Главная задача — борьба с контрреволюцией с использованием широчайшего набора средств физического и духовного насилия. Не забыли и о судах: „В состав суда вводить лиц, выдвигаемых ВЧК“⁶¹, узаконивая тем самым беззаконие.

А как должны действовать органы диктатуры (а ведь это главное звено в доктрине марксизма!), Ленин не раз демонстрировал сам. Когда пришла шифровка о том, что пленен барон Унгерн, один из руководителей белогвардейских отрядов в Забайкалье, Ленин в августе 1921 года лично сам внес на рассмотрение Политбюро (фактически высшего органа „пролетарской диктатуры“) вопрос „О предании суду Унгерна“. Естественно, возражений не было; ведь рядом с ним сидели такие же якобинцы, как и он сам: Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сталин и Молотов. Обсуждения тоже не было, ведь все с самого начала было и так ясно. Ленину лишь осталось продиктовать постановление Политбюро как высшего партийного трибунала:

„Добиться солидности обвинения, и если доказанность полнейшая, в чем не приходится сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять“⁶².

В этой фразе в форме ужасного гротеска виден конечный смысл формул „неизбежности классовой борьбы“ и „очищающей роли диктатуры пролетариата“. В „полнейшей доказанности“, конечно, „не приходится сомневаться“, а по-сему суд „провести с максимальной скоростью“. Но зачем суд, если уже приговор Политбюро вынесен: „расстрелять“... Но в том-то и дело, что в той системе, дальние истоки которой начали теоретически осмысливаться Ульяновым еще в конце прошлого века, вопросы задавать некому... Вопросать, а тем более сомневаться или, упаси Боже, оспаривать решение тех, кто действовал от имени „диктатуры пролетариата“, было смертельно опасно.

Иной читатель может сказать, что в моих рассуждениях нарочитая упрощенность и вульгаризация сложных проблем. Допускаю. Но теоретические рассуждения вообще безобидны до тех пор, пока они не облачаются в политическую тогу. Не свершись октябрьские события, мы сегодня о В.И.Ульянове знали бы не больше, чем о Викторе Адлере, Эдуарде Бернштейне, Н.К.Михайловском, П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановском, С.Н.Южакове... Но в книге речь идет о человеке, который смог в максимальной мере использовать исторические обстоятельства и осуществить самый грандиозный и беспощадный эксперимент в человеческой истории. Этот эксперимент в огромной мере отражал то, что открыл молодой волжанин в „Капитале“, десятках других работ прародителей марксизма, опирался на те устои в сознании, которые Ульянов создавал сам, творя российскую модель „научного социализма“.

Николаю Евграфовичу Федосееву, при всем богатстве его молодого интеллекта, не могла, конечно, даже прийти в голову сумасшедшая мысль, что тот человек с „купецкой фигурой в шубе“, с которым он лишь один раз накоротке поговорил во дворе тюремного двора, станет главной фигурой в истории XX века. Переписка будущего вождя русской революции с Федосеевым, отзывы, которые слышали близкие об этом человеке, не оставляют сомнения в том, что, казалось бы, мимолетное влияние молодого марксиста стало решающим, хотя внешне и незаметным, толчком, подвигнувшим Ульянова в жесткую колею революционного мировоззрения. Не случайно печальная весть о самоубийстве

после третьего ареста Федосеева в Верхоленске повергла Ленина в неподдельную печаль. Смерть ссыльного была окрашена в тона романтической трагедии: узнав о кончине Федосеева, его невеста Мария Гонфенгауз, находившаяся на принудительном поселении в Архангельске, с которой В.Ульянов был лично знаком, тоже покончила с собой. Ленин не раз вспоминал, и весьма тепло, о молодом социал-демократе, сыгравшем в его судьбе, по-видимому, весьма большую духовную роль. Горький писал, что Ленин, когда речь однажды зашла о Федосееве, оживился, стал с воодушевлением говорить о том, что, если бы он был жив, „наверное, стал бы выдающимся большевиком“⁶³. Собеседнику Горького, видимо, даже не могла прийти крамольная мысль: социал-демократ мог стать и меньшевиком.

Для Ленина марксизм означал прежде всего одно явление: революцию. О ней он мог читать, слушать, писать бесконечно. Когда чета Ульяновых в 1902—1903 годах жила в Лондоне, Ленин не любил посещать знаменитые лондонские музеи (за исключением Британского музея, где его привлекали не уникальные экспонаты, а библиотека). Крупская вспоминала: „В музее древности через 10 минут Владимир Ильич начинал испытывать необычайную усталость, и мы обычно очень быстро выметались из зал, увешанных рыцарскими доспехами, бесконечных помещений, уставленных египетскими и другими древними вазами. Я помню один только музейчик, из которого Ильич никак не мог уйти, — это музей революции 1848 года в Париже, помещавшийся в одной комнатухе, — кажется на ...*gue des Cordillières*, — где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок“⁶⁴.

Уже первое знакомство с марксизмом привлекло Ленина революционностью, основанной на солидном экономическом фундаменте. Ленин впитывал идеи и постулаты марксизма как убежденный прагматик. Его мало интересовали ранние Маркс и Энгельс с их гуманистическими исканиями. Он был в упоении от стихии классовой борьбы.

Ленин еще в молодости твердо уверовал в то, что социальный вопрос не может решаться на гуманистической основе.

На пороге века, когда молодой Ульянов, встретившись с марксизмом, с упоением окунулся в мир его категорий, зако-

нов, принципов, легенд и мифов, он с благоговением относился к Г.В.Плеханову. Может быть, и потому, что черпал в его трудах идеи Маркса, освобожденные от чисто „западного“ видения исторической эволюции. Молодой Ульянов был очарован появившейся на российском книжном рынке работой Н.Бельтова (Плеханова) „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“. В литературно-политической биографии А.Н.Потресова Борис Николаевский так пишет о значении этого труда Плеханова: „Книга составила целую эпоху в истории российского марксизма. Бельтов принес, наконец, с горы Синая десять заповедей Маркса и вручил их русской молодежи — такой несколько напыщенной фразой откликнулся на книгу один из молодых эмигрантов-социал-демократов С.Ганелин, — эта фраза как нельзя более характерна для впечатления, произведенного книгою на широкие слои молодежи. Русская интеллигенция, — и в первую очередь студенческая молодежь, которая в те годы составляла авангардный отряд революционной армии, — писал Николаевский, — по этой книге познакомилась с неискаженным революционным марксизмом“⁶⁵. Этого, раннего Плеханова Ульянов почитал. Например, изучая фундаментальную работу Плеханова о Чернышевском, Ленин с удовлетворением отмечает преклонение Плеханова перед пролетариатом и, наоборот, констатацию им глубокой рутинности русского крестьянства. В памяти Ульянова навсегда остались слова Плеханова о том, что „Чернышевский не упускал случая посмеяться в своих статьях над русскими либералами и печатно заявить, что ни он, ни вся крайняя партия не имеют с ними ничего общего. Трусость, недалекость, узость взглядов, бездеятельность и болтливая хвастливость — вот отличительные качества, какие он видел в либералах...“. Здесь каждое слово созвучно умонастроению Ульянова, с презрением, а порой и ненавистью пинавшего „презренных либералов“.

Ленин не мог не отметить, что Г.В.Плеханов эпиграфом к своей книге о Чернышевском взял его слова из письма к жене, написанного в Петропавловской крепости 5 октября 1862 года: „Наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям, и будут вспоминать о них с благодарностью, когда уже

не будет тех, кто жил с нами⁶⁶. Думаю, что слова Чернышевского были также внутренне близки Ульянову. Он не был тщеславен и честолюбив, он просто верил в свою историческую миссию... Работы Плеханова еще больше сблизили молодого революционера с Чернышевским и окончательно подвигли к Корану социал-демократов — трудам Маркса.

В дальнейшем, однако, дороги Плеханова и Ленина разошлись. Считают почему-то, что главный пункт расхождений — организационные вопросы. Думаю, что это производное. Главное, в чем разошелся Ленин с Плехановым, вступив в век XX, — это отношение к свободе. Уже в конце XIX столетия Ульянов, как и Чернышевский, видел главных врагов рабочего класса в либерализме и так называемом „экономизме“. По мысли Ленина и его последователей, именно либералы и „экономисты“ уведят трудящихся от политической борьбы. Именно либерализму и „экономизму“, составляющим ключ демократических преобразований, в конце концов не оказалось места в том марксизме, который исповедовали Ленин и большевики. Вот почему он до конца дней с симпатией относился к „раннему“ Плеханову и открыто враждебно к „позднему“, тому, кто назвал курс Ленина в 1917 году „бредовым“. Интересно, что, когда в апреле 1922 года возник на Политбюро ЦК РКП(б) вопрос о печатании Плеханова, Ленин настоял, чтобы патриарха марксизма в России издали только в одном томе сборника, куда включили лишь ранние, „революционные работы“⁶⁷.

„Позднего“ Плеханова Ленин не любил, а пореволюционного — ненавидел. Думаю, что Плеханов раньше других „раскусил“ Ленина. Он понял суть и опасность его линии. Так, в своей статье „Комедия ошибок“, опубликованной в „Дневнике социал-демократа“, в февральском номере за 1910 год, Плеханов, отвечая М.А.Мартынову, между делом исключительно глубоко характеризует Ленина как сторонника „тактики бланкистов народовольческого типа. Только Ленин мог додуматься до того, чтобы „спрашивать себя, на какой месяц должны мы назначить вооруженное восстание...“. Ленинские проекты, суть которых сводится лишь „к захвату власти“, Плеханов назвал „утопией“⁶⁸. Патриарх марксизма в России раньше других рассмотрел опасный ра-

дикализм ленинских устремлений как высшую самоцель. И мы знаем, что, когда власть оказалась в руках Ленина и его партии, они быстро и полностью забыли многие из своих лозунгов и обещаний (об Учредительном собрании, свободе слова и печати, союзах с другими социалистическими организациями и т.д.). Власть для Ленина была целью и средством решения всех его утопических предначертаний.

Ленин, впитывая марксизм через прямое изучение трудов основателей учения, „поглощает“ идеи, которые могут вписаться в его собственную „обойму“, самых разных авторов и теоретиков: Плеханова, Михайловского, Ткачева, Бакунина, Туган-Барановского, Струве и других мыслителей. Прочел даже книжку Парвуса „Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис“, написанную автором в 1898 году. Ленин не знал еще, что этот человек сыграет неожиданно и весьма конфиденциально большую роль⁶⁹. Вероятно, это является сильной чертой: способность осмыслить и под влиянием собственных „ферментов“ усвоить, „переварить“ и ассимилировать те или другие идеи в свои взгляды. Но Ленин никогда не смог интегрировать в собственное мировоззрение идеи либералов (воспевающих цивилизованную свободу!), „экономистов“ (желающих конкретного процветания людей труда), западных демократов (считающих ценностью первой величины парламентаризм). Так что „открытие марксизма“ Владимиром Ульяновым было как у классового дальтоника: он видел и принимал лишь то, что хотел видеть и принимать. Даже Троцкий, который после октября 1917 года стал и остался до конца своих дней, как он пишет, „ленинцем“, на заре века критиковал Ленина именно за отсутствие „гибкости мысли“, умаление роли теории, что может в конечном счете привести к „диктатуре над пролетариатом“⁷⁰.

Но уже в начале века, погружаясь мыслью в книжную ткань марксизма, Ленин проявил редкую враждебность ко всему тому, что не укладывалось в прокрустово ложе его представлений. В своем письме А.М.Горькому из Женевы в феврале 1908 года по поводу философской работы Богданова (с которым он тогда был довольно близок) Ленин пишет: „Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневверным путем“. Дальше — в

том же духе: прочитав „Очерки по философии“ — „прямо бесновался от негодования“. Его „бесило“, что большевики могут черпать учение о диалектике „из вонючего источника каких-то французских „позитивистов“...“⁷¹.

Еще на грани веков Ленин уверовал в свою теоретическую безгрешность, если это касается оценки его оппонентов. Но его марксизм явно односторонний, бланкистский, сверхреволюционный. Как человек с „истиной в кармане“, писал Виктор Михайлович Чернов, „он не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы, свойственным всякому индивидуальному духовному творчеству. Напротив, здесь он был доступен чисто азиатской идее: сделать печать, слово, трибуну, даже мысль — монополией одной партии, возведенной в ранг управляющей касты“⁷².

Где бы Ленин ни находился: в горах Швейцарии, парижском кафе, Британской библиотеке, на вилле у Горького, он мог сколько угодно говорить, а главное, спорить о марксизме, его революционной сущности.

Маркс и Энгельс были теоретиками. Ленин их учение превратил в катехизис классово-борьбы. Как отмечал А.И.Куприн: „Для Ленина Маркс — непререкаем. Нет речи, где бы он не оперся на своего Мессию, как на неподвижный центр мироздания. Но, несомненно, если бы Маркс мог поглядеть оттуда на Ленина и на русский сектантский, азиатский большевизм, — он повторил бы свою знаменитую фразу: „Простите, месье, я не марксист“.

Ленин „открыл“ марксизм как символ и Библию освобождения людей от эксплуатации человека человеком и преклонения перед социальной справедливостью. Однако еще в самом начале, когда молодой Ульянов рассматривал лежащий в туманной дымке целый континент марксизма, он больше думал о власти на этом материке, чем о свободе от нее. То, что хотели увидеть либералы, экономисты, демократы в марксизме, для него казалось абсолютной ересью. Покоренные ослепительной святостью этого человека, мы долгие десятилетия видели то, что нам показывали. А показывали нам, в сущности, ленинский большевизм как разновидность российского якобинства и бланкизма.

Вечно только прошлое. В его тенях и призраках всегда хранится много тайн. Но там же немало и отгадок.

Надежда Крупская

В узком семейном кругу Владимира Ульянова были в основном женщины: мать, сестры, жена, мать жены. При отсутствии собственных детей и в силу особого отношения к нему в семье с детства, Ульянов был постоянно в эпицентре женской заботы родных.

Российские социал-демократы „женским вопросом“ занимались в основном в рамках облегчения социального положения женщины в обществе. Нравственные грани политических программ были размыты, подчинены прагматическим интересам текущего момента. Когда-то в своих „Элементах идеализма в социализме“ В.И.Засулич заметила, что у марксизма нет „официальной системы морали“⁷³. Пролетариат и все, кого мы называли социалистами, ценили прежде всего солидарность и преданность идеалам. Да и сам Ленин в своей знаменитой речи на III съезде РКСМ сформулировал духовное кредо людей новой формации: нравственно все то, что служит делу коммунизма.

Мы все (включая, естественно, и автора книги) видели в этом тезисе мудрость высшего порядка, не желая понимать, что такой подход глубоко аморален. При помощи него можно оправдывать любые преступления против человечности и самые тривиальные политические злодеяния. И оправдывали. Не только в полночь сталинской эпохи (конец тридцатых годов), но и в более ранние и более поздние времена.

...Дзержинский в ноябре 1920 года докладывал Ленину, центральным властям: „Сегодня прибыли в Орел из Грозного 403 человека мужчин и женщин казачьего населения возраста 14—17 лет для заключения в концлагерь без всяких документов за восстание. Принять нет возможности, ввиду перегруженности Орла...“⁷⁴ Ленин не возмутился, не пресек, не остановил преступление в отношении „мужчин и женщин 14—17 лет“... Оставил лаконичное: „В архив“. Конечно, можно сказать, впрочем, и говорят, что „время было такое“, что надо „смотреть на вещи в контексте исторической об-

становки“ и т.д. Нет, все это далеко не так. Есть универсальные и вечные категории Добра, Справедливости, Свободы, которые были „в цене“ всегда. Апологетика насилия как универсального средства решения социальных и политических проблем, взятого большевиками на вооружение, диктовала подобные решения: „В архив“.

У этих людей, решавших судьбы миллионов, тоже была личная, „частная“ жизнь. Как у людей интеллигентных (если речь идет о вождях русской революции), она была обычной, либерально-спокойной. Правда, поздний социал-демократический большевизм внес в семейную жизнь немало ханжества и лицемерия. Считалось нравственным вмешательство партийных органов в семейные дела, но осуждались в основном поступки, которые были „на виду“. В общем, часто руководствовались правилом мольеровского Тартюфа: кто грешит в тиши, греха не совершает. И хотя официально осуждалось „непролетарское отношение к семье“, нередко сами „судьи“ (Троцкий, Каменев, Бухарин, многие другие) боролись печатно за крепость нового быта уже не с первыми в браке женами.

Главные беды в политике случаются не только от содержания интересов, но и от того, насколько крепок союз с моралью. Но, увы, политика редко соседствует с моралью. Судьба Ленина и его дела — наглядное (далеко не единичное) проявление. А.Н.Потресов, восемь лет встречавшийся с Ульяновым (1895—1903 гг.), а иногда, ведя с ним, как, например, в Мюнхене, молодым и начинающим, „почти совместную жизнь“, смог сделать очень важные для понимания российского вождя выводы. Ленин, вспоминает Потресов, давно начал „отбор человеческого материала“ и в конце концов „собрал много энергичных, смелых и способных людей, наградив их, однако, и недобрым качеством — моральной неразборчивостью, часто моральной негодностью и непозволительным авантюризмом“. Далее Потресов пишет, что „болезнь и смерть избавили Ленина от печальной участи до конца расхлебать кашу... заваренную во славу того аморализма, который представлялся ему таким целесообразным...“⁷⁵.

Но таким Ленин был в революционном деле. В семье — во многом другим. Тот же Потресов, набрасывая штрихи к портрету российского вождя социал-демократии, упомина-

ет, что Ульянов был „в своей личной жизни скромный, неприхотливый, добродетельный семьянин, добродушно ведущий ежедневную, не лишенную комизма борьбу со своей тещей, — она была единственным человеком из его непосредственного окружения, дававшим ему отпор и отстаивавшим свою личность...“⁷⁶.

В этом отношении Владимир Ульянов отличался от многих своих товарищей пуританской сдержанностью, уравновешенностью, постоянством. И если бы не знакомство в начале 1910 года и его связь на протяжении десяти лет с одной, яркой во многих отношениях, женщиной—революционеркой, то вождь русской революции мог бы считаться просто образцовым мужем. А.И.Солженицын называет эту женщину „подругой Ленина“⁷⁷. Этой темы мы еще коснемся в одной из глав, а сейчас скажем, что все супружество Владимира Ильича Ульянова (Ленина) было подчинено цели, во имя которой он жил: победе социалистической революции и завоеванию власти.

О Ленине написано много, но о личной жизни — крайне мало. Свидетельства его биографов, бесчисленные „воспоминания“ о вожде, пересказывающие одну и ту же идею о земном Боге, ничего не сообщают о „сердечных“ делах юного и молодого Ульянова. Складывается впечатление, что одержимость литературой, книгами, революционными мечтаниями отодвинула куда-то далеко-далеко чувства, влечения, которые в молодом возрасте занимают огромное место в жизни каждого человека. Ни раннего неудачного брака, ни бурных романов, ни увлечения „с первого взгляда“, ни „несчастной“ любви, что так необходимы для классического романа, в жизни Владимира Ульянова нет. Впрочем, все же нечто похожее на неразделенную любовь было.

Приехав в январе 1894 года в Петербург, Владимир Ульянов устанавливает довольно широкие легальные и нелегальные связи с марксистами города, руководителями некоторых социал-демократических кружков, заводит новые знакомства. Не будучи обремененным работой, Ульянов волен распоряжаться своим временем. Иногда к нему на квартиру (по Б.Казачьему переулку) приходят его новые знакомые, иногда он посещает различные собрания петербургских социалистов. В феврале этого же года на квартире

инженера Классона состоялась встреча группы марксистов города. Кроме хозяина в уютной гостиной собрались С.И.Радченко, Я.П.Коробко, С.М.Серебровский, В.И.Ульянов и две молодые девушки А.А.Якубова и Н.К.Крупская. Это была первая встреча Ульянова со своей будущей женой.

Однако при той, первой встрече Владимир Ульянов не выделил какую-то из подруг, возможно, отметив про себя их неподдельный интерес к вопросам борьбы социал-демократов с народниками. После той, памятной февральской встречи Ульянов довольно часто встречается с подругами, как вместе, так и порознь. Так, он довольно регулярно, обычно по воскресеньям, стал наносить визиты в семью Крупских, живших на Невском проспекте. Надежда жила здесь вместе с матерью Елизаветой Васильевной. Ульянов узнал, что отец Надежды был военным, почитал Чернышевского и Герцена, даже был как-то связан с активистами тогдашней „Земли и воли“, что не могло не сказаться на его служебной карьере. Из-за политической неблагонадежности офицер был уволен со службы и даже предан суду. После нескольких лет волокиты отец был все же оправдан, но лишен права занимать государственные должности. После его смерти Крупские перебираются в Петербург, где живут на пенсию за отца, а Надежда устраивается учительницей в воскресной вечерней школе за Нарвской заставой.

Мать готовила чай, молча слушая разговоры молодых людей о Плеханове, Потресове, Шелгунове, о работе молодого, но уже лысоватого гостя над какой-то книгой, о необходимости установить связи с европейской социал-демократией. Мы не знаем, понравился ли матери Надежды Константиновны ее будущий зять, но, как вспоминал А.Н.Потресов через два десятка лет в своем очерке „Ленин“, Елизавета Васильевна Крупская до своей кончины вела себя весьма независимо по отношению к своему зятю, не останавливаясь перед прямолинейной критикой людей, не „занимающихся настоящим делом“⁷⁸. Встречи продолжались, но, похоже, широколоблого коренастого крепьша интересовали больше полемика с Н.К.Михайловским, рассказы В.А.Шелгунова о кружковой работе, беседы с А.И.Ерамасовым, встречавшимся с русскими политическими эмигрантами в Лондоне, Париже, Женеве...

Дело в том, что Ульянов встречался и с подругой Крупской Аполлиinarieй Якубовой. Иногда они гуляли вдвоем, обсуждая местные политические новости. После ареста в декабре 1895 года Владимира Ульянова и других участников петербургского „Союза борьбы“ Крупская и Якубова пытались добиться с ним свидания в доме предварительного заключения по Шпалерной улице. Желая их видеть, Ульянов пишет записку Н.К.Крупской (зашифровав) с просьбой, чтобы она и Аполлиария приходили вместе на Шпалерную в 2 часа 15 минут, тогда он сможет их увидеть в окно коридора во время прогулки⁷⁹.

Трудно реставрировать личные отношения трех молодых социал-демократов, особенно после того как почти вековая „конспирация“ этой сферы человеческого бытия почти полностью смыла слабые, эфемерные следы жизни многих людей. Правда, иногда такие „контакты“ фиксировались и официальной историографией, но как? „Февраль 14(26). Встреча Ленина с членом петербургского „Союза борьбы“ А.А.Якубовой“⁸⁰.

По свидетельству ряда солидных историков, и в частности Луиса Фишера, прожившего в России 14 лет, „Ленин неудачно сватался к Аполлиарии Якубовой, тоже учительнице и марксистке, подруге Крупской по вечерне-воскресной школе для рабочих. Аполлиария Якубова отвергла сватовство Ленина, выйдя замуж за профессора К.М.Тахтерева, редактора революционного журнала „Рабочая мысль“.

Какое-то время Ульянов и Якубова поддерживали письменную связь, особенно после того как Ленин оказался в Мюнхене, а Аполлиария в Лондоне. Переписка, судя по публикациям, была весьма революционной. Правда, Ульянов между делом упомянул Аполлиарии об их „старой дружбе“⁸¹. Впрочем, Ленин и Якубова на своем жизненном пути еще не раз встречались, и в частности в Лондоне.

Есть ряд свидетельств, что еще до знакомства с И.Арманд у Ленина был роман с одной француженкой в Париже. В частности, когда работник Института Маркса — Энгельса — Ленина Тихомирнов встречался в 1935 году в Париже с Г.А.Алексинским по поводу ленинских документов, Алексинский показал письма Ленина одной писательнице весьма личного характера. Тогда эти письма приобрести не удалось. Где они сейчас?..

Но все это будет „лютом“...

После ссылки Ленина в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции вскоре установилась письменная связь между ним и Крупской. В это время еще одна женщина, самозабвенно до конца дней своих любившая Владимира, — его мать Мария Александровна буквально засыпала департамент полиции своими прошениями. „Ввиду слабого здоровья“ сына она просит позволить ему ехать в ссылку за свой счет; затем обращается с просьбой разрешить задержаться ему в Петербурге; после этого — остановиться „из-за ее болезни“ в Москве на одну неделю, затем продлить пребывание сына в белокаменной... М.А.Ульянова продолжает настойчиво писать властям (с ведома сына); обращается к генерал-губернатору Восточной Сибири „о назначении В. Ульянову, ввиду слабого здоровья, местом ссылки Красноярск или один из южных городов Енисейской губернии“. Поддерживает мать в этом натиске на царские власти и сам ссыльный; просит „ввиду слабости здоровья места ссылки в пределах Енисейской губернии, желательнее в Красноярском или Минусинском округах“⁸².

И, представьте себе, все, буквально все эти просьбы власти „кровоавого царского режима“ удовлетворяют без каких-либо оговорок!* Когда сам Ленин придет к власти, то будет совсем другим даже по отношению к тем, с кем начинал „социал-демократическое дело“ в России, кого хорошо знал. В своей записке Сталину от 17 июля 1922 года он предлагает без колебаний выслать с родины Потресова, Изгоева, Пешехонова, Петрищева, Розанова и „многих других“. Нужно „представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно... Всех их вон из России“⁸³. Да и вообще, „репрессии против меньшевиков усилить и поручить нашим судам усилить их...“⁸⁴. В этой нескладной фразе Ленин еще раз выразил свое отношение к многим из своих коллег в начале века.

Как изменились взгляды социал-демократа! Куда „царским сатрапам“! Шушенское же было не больше как принудительным отдыхом... Ульянов считал нормальным „ввиду

---

*Правда, когда М.А.Ульянова в августе 1897 года подала прошение: „...ввиду болезненного состояния перевести сына в Красноярск“, просьба была отклонена.

слабости здоровья“ выпрашивать себе место поприятнее, благо и там никто ничем ссыльному не докучал: ни работой, ни режимом, ни какими-то особыми ограничениями... Многие ссыльные, направленные в Туруханск, например Мартов, не сочли нужным, помня о достоинстве революционера, молить о снисхождении и просить местечко получше... Тем более и при „болезненном состоянии“ Ленин частенько ходил на охоту, увлекался длительными прогулками, а попросту весьма хорошо отдыхал и неплохо питался.

Я своими глазами видел жизнь не царских, а советских ссыльных (моя мать после расстрела отца была сослана и умерла в ссылке), когда люди буквально бились, чтобы выжить, уцелеть, спасти детей. Не всем это удавалось. Система, которая была создана после октября 1917 года, уникальна: люди сами строили себе тюрьмы, лагеря, чтобы их заполнить. Но даже те, кто буквально не попал туда, а формально был свободен, часто не могли сравнить свою жизнь с положением царских ссыльных, в частности, в Шушенском в конце прошлого века.

Ссыльные ездили друг к другу в гости, собирались на совещания, писали книги и программы, принимали родных и даже создавали семьи. В июле 1897 года, например, Владимир Ильич получил приглашение от своих ссыльных друзей В.В.Старкова и А.М.Розенберг (сестра Г.М.Кржижановского) на их свадьбу. Может быть, этот приятный случай активизировал переписку Владимира Ульянова и Надежды Крупской, также сосланной из Петербурга в Уфу?

В январе 1898 года Ульянов просит директора департамента полиции продолжить отбывание ссылки в Шушенском Крупской как своей невесты. Крупская пишет, что она сама „перепросилась в село Шушенское Минусинского уезда, где жил Владимир Ильич, для чего объявилась его „невестой“⁸⁵. Переписка между будущими мужем и женой активизируется. Одна странная деталь: большинство писем Ленина к Крупской утрачены, не найдены. Письма же Надежды Константиновны будущему мужу оказались в большей сохранности. Может быть, Владимир Ульянов уже тогда уверовал в свое великое или, по крайней мере, большое будущее и сохранял все, относящееся к личному творчеству, припеетиям судьбы, в том числе и в форме эпистоляр-

ного жанра? Кто теперь скажет... Троцкий, например, тот сохранял даже пригласительные билеты, небольшие записки, телеграммы, фотографии, малейшие упоминания о нем в газетах... Ленин, возвращаясь, например, из Швейцарии, вез с собой даже малозначащие бумаги, черновики своих статей, планы речей и т.д. Он, наверное, верил, что станет любимчиком истории, и, как видит Бог, не ошибся... Ленин не был тщеславным человеком, но уже в молодости знал себе цену...

В начале мая к Ленину в Шушенское, проделав немалый путь по железной дороге, на пароходе, лошадьми, приехала Надежда Константиновна Крупская. Не одна. С матерью Елизаветой Васильевной, которая отныне будет сопровождать супружескую чету везде, куда ее забросит судьба, как любил говорить Ульянов, „профессионального революционера“. Елизавета Васильевна, со слов самого Владимира Ильича, едва увидела Ульянова, тут же безапелляционно сказала:

— Эх Вас разнесло!⁸⁶

В письме к „дорогой мамочке“ ее сын сообщал: „Н.К., как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит *немедленно* (sic!) в брак, то назад, в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем „хлопоты“ (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать)...“⁸⁷

Потребовались разные формальности. Ленин обращается к минусинскому окружному исправнику, а затем и к высшим должностным лицам Енисейской губернии о выдаче свидетельства, необходимого для вступления в брак. Но и в старой России, которая многим сегодня кажется вестибюлем рая, хватало всего и всякого, в том числе и самого забубенного чиновничьего бюрократизма. Почти два месяца ушло на „выправление“ необходимых документов. Мать Крупской требовала, чтобы венчание было по всей форме. И хотя молодые (впрочем, Ленину уже исполнилось двадцать восемь лет, а Крупской на год больше) довольно давно стали на тропу безбожия, они были вынуждены подчиниться матери.

Владимир Ильич пригласил на свадьбу Г.М.Кржижановского, В.В.Старкова, других друзей из ссыльных. 10 июля

1898 года состоялась скромная свадьба, на которой свидетелями были простые крестьяне из Шушенского Ермолаев, Журавлев, жители этого села. Пришло поздравление с бракосочетанием и от Аполлинарии Якубовой, которая тоже за свое членство в „Союзе борьбы“ была выслана в село Казачинское под Красноярском. Она и в ссылке не забыла о старых друзьях и иногда писала им письма.

Без пылкой любви и крутых романтических поворотов брачный союз двух зрелых людей получился весьма практичным, спокойным. Не в пример матери, характер Надежды Константиновны оказался весьма покладистым, уравновешенным. Будучи человеком весьма недюжинного ума и трудолюбия, жена Владимира Ильича как-то сразу, без перехода, взяла на свои плечи роль помощника человека, в котором уже многие чувствовали хватку лидера.

Молодая семья переезжает с квартиры местного жителя А.Л.Зырянова к крестьянке А.П.Петровой. Работа над книгой „Развитие капитализма в России“ пошла более споро. Ульянов между вылазками на реку, в лес, на охоту „поглощает“ в огромном количестве экономическую, философскую, историческую литературу, которую по его заказу шлют ему мать, П.Б.Аксельрод, А.Н.Потресов. Именно здесь, в Шушенском, Ленин прочел книгу Парвуса (Гельфанда) „Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис“ на немецком языке.

Надежда Константиновна сразу становится „домашней“, незаменимой при подборе материала, переписке отдельных фрагментов. Некоторые главы своих рукописей Ульянов читает Крупской, однако с ее стороны критических замечаний всегда мало. Для молодой женщины семья всегда связана не только с мужем, но и с детьми. Так было суждено, что этот брак оказался бездетным. Супруги никогда публично, даже с близкими людьми, не делились своей болью по этому поводу. Правда, Владимир Ильич в одном из писем к матери, когда они уже уехали из Шушенского, довольно прозрачно сказал о болезни жены (она в то время не была с ним в Пскове). „Надя, — писал Ульянов, — должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения, что она должна на 2—6 недель лечь. Я ей послал еще денег (полу-

чил 100 р. от Водовозовой), ибо на лечение понадобятся порядочные расходы...⁸⁸ Позже, уже за границей, Крупская заболела базедовой болезнью, пришлось делать операцию. В письме матери Ульянов сообщал, что Надя „была очень плоха — сильнейший жар и бред, так что я перетрусил изрядно...“⁸⁹.

В своих воспоминаниях Надежда Константиновна о семье пишет очень много. Иногда, косвенно, у нее прорывается внутренняя боль незавершенности личного счастья. Делает это она опосредованно, через описание житей-бытия других людей.

Крупская была весьма близка к В.И.Засулич. Вспоминая о ней, Надежда Константиновна писала, как Засулич тосковала, будучи одинокой, о семье. „Потребность же в семье у ней была громадная... Надо было только видеть, как любовно она возилась с беленьким малышом, сынишкой Димки (сестры П.Г.Смидовича)...“⁹⁰ В описании тоски В.И.Засулич о семье и детях явственно слышится и собственная боль.

В отечественной истории Крупская Н.К. заняла заметное место. Но... благодаря своему мужу, лидеру русской революции. Могут возразить: она сыграла и самостоятельную роль, посмотрите, в 1963 году завершено издание одиннадцатитомного (!) собрания педагогических сочинений Н.К.Крупской... Знакомство с многотомьем сразу же приводит к выводу, что все идеи о „коммунистическом воспитании“ основаны на комментировании ее супруга, весьма тривиальны и не представляют подлинно научного интереса. Никогда это собрание сочинений не увидело бы света, не будь Крупская женой вождя. Но есть в ее творчестве и вещи, имеющие историческое значение. Речь идет о воспоминаниях, касающихся последних лет жизни В.И.Ленина (главным образом его болезни). Работа носит название „Последние полгода жизни Владимира Ильича“. Будучи прочтенной вместе с воспоминаниями сестры Ленина М.И.Ульяновой, посвященными последним годам жизни Ленина, она дает наибольшее представление о трагедии вождя русской революции, приоткрывает завесу над многими ранее неизвестными деталями и обстоятельствами⁹¹. Хотя ни М.И.Ульянова, ни Н.К.Крупская в своих воспоминаниях не могли, не имели права сказать всего, что они знали.

Думаю, что молодая семья начинала жить без особой

любви, тем более что Крупская вначале просто объявилась невестой Ульянова. Но годы сближали этих людей все больше. Ведь брак — это мост от одной души к другой. В жизни бывает всякое: этот мост может соединять людей или, наоборот, разъединять их. С годами Крупская становилась тенью Ленина; ее жизнь стала иметь смысл только в связи с этим именем. Это стало заметно очень скоро: Крупская уже не могла даже явно неблагоприятное „под рукой Ильича“ рассмотреть...

Когда судьба занесла чету за границу, Крупская быстро приняла тот щадяще-прогулочный режим, которого придерживался Ульянов. Впрочем, это говорю не я, об этом почти в каждом письме „дорогой мамочке“ сообщает сам Владимир Ильич. Из Женевы он, например, пишет: „...все еще веду летний образ жизни, гуляю, купаюсь и бездельничаю“; из Финляндии: „Здесь отдых чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего...“ Из Франции: „Мы едем на отдых в Бретань, вероятно, в эту субботу...“ Из Польши матери в Вологду: „Здесь совсем весна: снегу давно нет, тепло совершенно, ходим без калош, солнце светит для Кракова необычайно ярко, не верится, что это в „мокром“ Кракове. Досадно, что приходится тебе с Маняшей жить в скверном городишке!“⁹²

Как видим, некоторые „профессиональные революционеры“ жили весьма недурно. За границей. Напрасно искать в советской литературе, на какие средства после смерти Ильи Николаевича существовала семья Ульяновых, члены которой могли позволить себе почти в любое время поехать за рубежи России, пожить в Германии, Швейцарии, Франции... Полтора десятка лет провел там и лидер большевиков. Каков был источник не только создания условий для политической, литературной, организационной работы, но и для „безделья“?

Денежные тайны

В духе большевистских традиций существовало правило: о партийном бюджете знала только верхушка партийного ареопага. Часто — только Генеральный секретарь. Мил-

лионы коммунистов (после Октябрьской революции) исправно, в строго обязательном порядке платили свои взносы, но не имели ни малейшего представления, куда они идут. Да что коммунисты! Государство не ведало, как много средств понадобится партии из его бюджета на помпезные партийные представления в виде съездов, поддержку зарубежных компартий и нелегальных групп, а до 1943 года и на содержание Коминтерна. Считалось, например, совершенно нормальным ежегодно рассматривать в ЦК бюджет Коммунистического Интернационала.

Например, 20 апреля 1922 года на заседании Политбюро, на котором присутствовали Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сталин, Томский, Рыков, некоторые приглашенные партийные деятели, была принята смета Коминтерна на 1922 год в сумме 3 миллиона 150 тысяч 600 рублей золотом. С предложениями о финансировании ленинского детища члены Политбюро согласились без всяких прений, хотя на том заседании высшие партийцы решали еще непростые вопросы о государственных расходах: об уплате Польше контрибуции по Рижскому договору и выделении золота разведывательному управлению на особые цели⁹³. Правда, через неделю Политбюро по представлению Зиновьева „уточнило“ смету Коминтерна и создало резервный фонд этой всемирной коммунистической организации, выделив для начала в него еще 400 тысяч рублей золотом. Обосновывая необходимость фонда, Зиновьев, в частности, доказывал, что нужно прямо сейчас отпустить не меньше 100 тыс. рублей золотом „на агитацию среди японских солдат“...⁹⁴.

Так по воле партийного руководства уходили государственные деньги, валютные средства, созданные многими поколениями народа России. Никто и никогда не мог знать, особенно в сумерки сталинских лет, куда идут партийные (или государственные?) деньги. Но мы отвлеклись. Здесь автору хотелось лишь сказать, что страсть к финансовым тайнам родилась у большевистских вождей давно, еще в прошлом веке.

У людей, воспитанных, как я сам, не могло еще пятнадцать—двадцать лет назад даже возникнуть мысли: на какие средства Ленин жил до революции? Молодой Ульянов был зачислен в январе 1892 года помощником присяжного пове-

ренного А.Н.Хардина. Он участвовал в считанном числе дел в качестве защитника, которые давали мизерные суммы, едва покрывавшие, по выражению В.Ульянова, „выборку судебных документов“. Поручали же Ульянову, как правило, защиту лиц, уличенных в мелких кражах. Так, в 1892 году Ульянов выступает на заседаниях Самарского окружного суда в качестве защитника по делам о кражах, совершенных М.В.Опариним, Т.И.Сахаровым, И.И.Уждиным, К.Ф.Зайцевым, И.В.Красильниковым, Е.Я.Тишкиным, М.С.Бамбуровым... Неважно, шла ли речь о краже носильных вещей из сундука купца Коршунова или воровстве хлеба из амбара „богатея Коньякова“, — дела эти, к которым изредка привлекался в качестве защитника молодой юрист Ульянов, прокормить его не могли. Но ведь в революцию 1917 года Ленин приехал 47-летним, зрелым человеком. Из них на поприще адвокатской работы он пробовал себя менее двух лет. А остальные годы? Каков был источник существования будущего вождя русской революции? Почему на протяжении десятилетий этой проблемы в историографии как будто даже не существовало?

Где-то в подсознании складывалось впечатление, что Ленин был вождем всегда и вопреки „материалистическому пониманию истории“ вопросы жизни, быта, существования этого человека не имели никакого значения по сравнению с мировыми проблемами революции, которые стала решать созданная им партия. Иконопись бытия этого человека позволяла использовать при создании портретов только цвета киновари, лазури, золота.

Наверное, первым, кто вторгся в эту сферу, пытаясь иконизированный образ вождя сделать земным, был Н.В.Вольский (Валентинов), который, опираясь на личное знакомство с В.И.Ульяновым, на основе многолетних скрупулезных исследований придал земные черты лидеру русской революционной социал-демократии, осветил те грани и стороны портрета вождя, которые официальная историография предпочитала держать в полумраке загадочной, иррациональной святости.

После смерти кормильца семьи Ильи Николаевича Ульянова его жена Мария Александровна, будучи вдовой действительного статского советника, кавалера ордена Станис-

Симбирск — родной город В.И.Ленина. Конец XIX века.

В этом доме родился Владимир Ульянов.

Дед Ленина — Бланк А.Д.

Эссен В. — сестра рано умершей бабушки Ленина А.Гросскопф.

М.А.Бланк (до замужества) в кругу семьи своей старшей сестры А.А.Веретенниковой.

И.Н.Ульянов.

Семья Ульяновых.

Брат Ленина — Александр.

Сестры Ленина: Анна и Мария.

Ленин в студенческие годы.

Н.К.Крупская.

Брат Ленина — Дмитрий.

1958 год. В.Д. Ульянов — сын Д.Ульянова — со своими детьми Владимиром и Марией.

1895 год. Политические ссыльные по дороге в Сибирь.

1904 год. На месте убийства царского министра В.К. Плеве.

Ленин в 1897 году. Уже „старик“.

Ленин с членами „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“.

1905 год. Участники III съезда РСДРП.

ЛОНДОН
1905 г.

ГРУППА УЧАСТНИКОВ III СЪЕЗДА РСДРП

1905 год. Баррикады русской революции.

Противостояние.

1905 год. Патруль городских.

1908 год. Этап смельных революционеров в Сибирь.

1908 год. Ленин за шахматной доской.

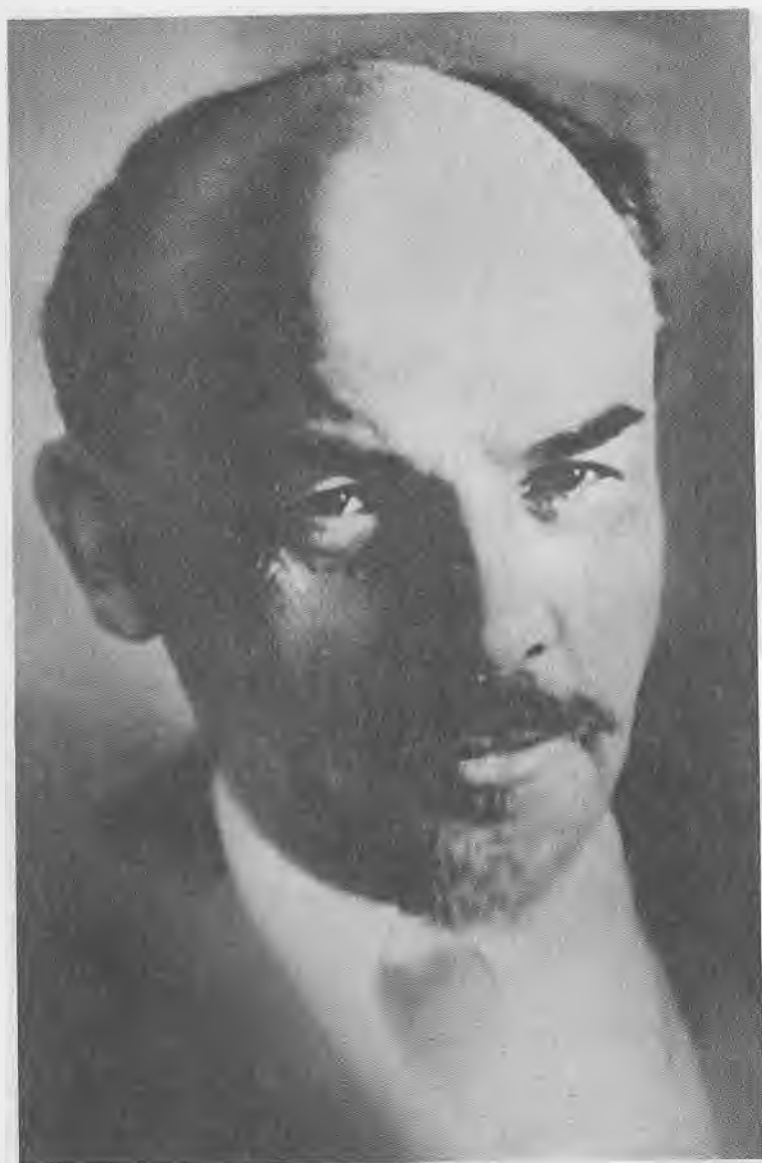
1914 год. Ленин в Закопане (Польша).

В Закопане на прогулке.

1913 год. Российский император и императрица во время празднования 300-летия дома Романовых.

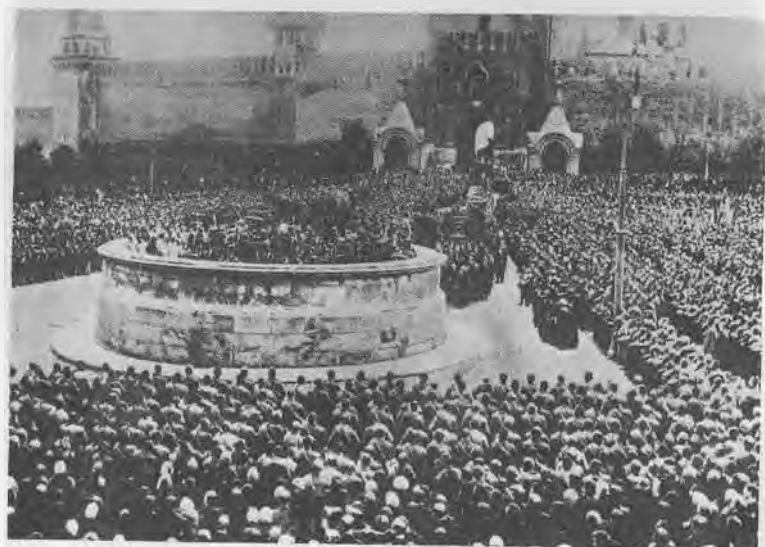

Ленин в 1918 году.

Царский манифест с объявлением войны Германии.

1915 год. Молебен на Красной площади с надеждой на победу в империалистической войне.

Почтовая открытка времен первой мировой войны.

1916 год. Атака российских войск на Юго-Западном фронте.

1916 год. Император Николай II с представителями союзных армий в ставке.

Николай II в действующей армии.

Император награждает солдат.

1916 год, март. Верховный Главнокомандующий Николай II на Западном фронте.

Генерал А.А.Брусилов.

Генерал А.М.Каледин.

1917 год, февраль. Баррикады на Литейном проспекте в Петрограде.

Исполнительный комитет Петроградского Совета.

1917 год, февраль. Рабочая милиция в Петрограде.

Сожжение символов царской власти на Невском проспекте.

Февральские дни в Москве.

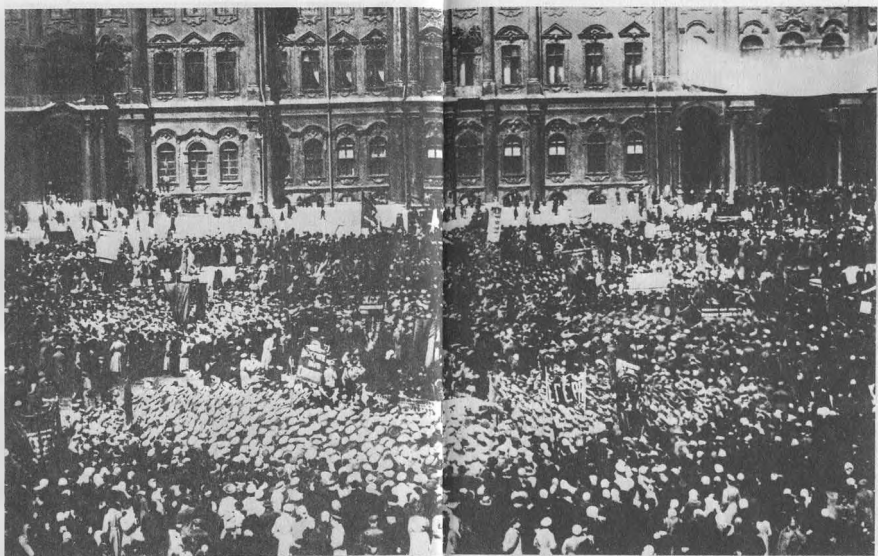

Февраль в Киеве.

Фронт в надежде на мир приветствовал октябрьский переворот 1917 года.

1917 год, 1 Мая. Митинг на Дворцовой площади.

1917 год, 31 марта. Ленин в Стокгольме на пути в Россию.

1917 год, апрель. Доклад Ленина в Таврическом дворце.

лава I степени, стала получать на себя и детей пенсию в размере 100 рублей в месяц. Много это или мало? Достаточно сказать, что В.И.Ульянов, сосланный в Шушенское, на свое содержание от государства получал 8 рублей в месяц, которых хватало для оплаты жилья, простого питания, стирки белья⁹⁵.

Могла ли вся семья, в которой почти никто не работал, безбедно жить на эту хорошую по тем временам пенсию, учиться, много ездить, в том числе и за границу? Сама держательница семейных средств три раза ездила за рубеж: в Швейцарию, Францию, Швецию (два раза с дочерью Марией). Кстати, сама Мария в общей сложности ездила пять раз за границу, порой находясь там весьма долго. Старшая дочь Анна тоже несколько раз путешествовала по Европе, пробыв однажды в Германии и Франции почти два года. Дороги, отели, питание, покупки, непредвиденные расходы, неизбежные в длительных поездках, требовали немалых средств для большей части семьи. Пенсией здесь не обойдешься. Хотя в различных публикациях А.И. и М.И.Ульяновых, как и Н.К.Крупской, подчеркивалось, что семья жила на пенсию матери и тем, что было „накоплено“ еще при отце. А сколько понаписано о жизни Ленина, полной лишений, трудностей, нехваток? Все это не соответствует действительности. Впрочем, об этом пишет и сама Н.К.Крупская.

„Расписывают нашу жизнь как полную лишений, — вспоминала жена Ленина. — Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи эмигранты? Бывали такие, которые по два года ни заработка не имели, ни из России денег ни получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это правда“⁹⁶.

Лишений Ленин ни в России, ни в ссылке, ни находясь в эмиграции не терпел. Он жил на средства матери (далеко не на одну пенсию), „партийное жалованье“, пожертвования меценатов, иногда, реже, на литературные гонорары, которые не были частыми и крупными; ленинские работы, естественно, не пользовались коммерческим спросом.

Мать владела частью имения (не только дома) в Кокушкине. Имением, по согласию сестер, распорядилась Анна

Александровна Веретенникова, и свою, пусть не очень большую, долю Мария Александровна исправно получала. После продажи имения часть вырученных средств пополнила семейную казну Ульяновых. В феврале 1889 года Мария Александровна приобретает в Богдановской волости Самарской губернии хутор Алакаевка⁹⁷. Посредничал при покупке М.Елизаров, будущий муж Анны Ильиничны. Семья стала владелицей 83,5 десятин земли, значительная часть которых не были пахотными. За хутор М.А.Ульянова уплатила 7500 рублей. Семья пыталась вначале организовать здесь и вести хозяйство, рассчитывая на Владимира. Действительно, в первый год приобрели кое-какую скотину, посеяли пшеницу, подсолнух, гречиху. Но скоро молодому Ульянову роль „управляющего“ имением поднадоела, и он, как пишет Валентинов, „стал вести на хуторе беспечную жизнь „барина“, приехавшего на дачу. В липовой аллее Алакаевки он с удовольствием готовился к сдаче государственного экзамена в Петербургском университете, изучал марксизм и написал свою первую работу — статью „Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни“⁹⁸. Описывая в своих работах формы эксплуатации крестьян и земель, Ульянов, приводя многочисленные аргументы, критикует среди многих язв капитализма в деревне ростовщичество, аренду, „рождающую кулачество“ и новые противоречия. Однако, когда собственный опыт хозяйствования не увлек Ульянова, семья предпочла сдать земли в аренду некоему Крушвицу. На протяжении нескольких лет арендатор платил за землю Ульяновым, существенно пополняя их семейный капитал.

Но, мне думается, была еще одна причина перехода к аренде земель хутора. В Алакаевке, где обосновывались на лето Ульяновы, крестьяне жили страшно бедно. Поволжье вообще отличалось нуждой крестьянства, и Алакаевка была горестным зеркалом удручающей бедности. Соседи хутора (34 двора) имели всего 65 десятин пахотной земли, почти столько, сколько принадлежало Ульяновым. Хозяйствование в обрамлении потрясающей нищеты, возможно, являлось нравственным вызовом начинающему марксисту, и он чувствовал духовный дискомфорт. Тем более что Владимир Ульянов однажды даже подал в суд на соседских крестьян, чей скот забрел на посевы хутора. Однако это не мешало

семье ежегодно бывать на хуторе, отдыхать здесь, напоминать Крушвицу о задолженностях и потихоньку стричь ренту. Затем семья все же решила за благо вернуть вложенные деньги и продать хутор. В архиве сохранился договор, составленный рукой Владимира от имени матери, о продаже С.Р.Данненбергу имения в Алакаевке в июле 1893 года⁹⁵.

Мария Александровна, видимо, сочла более выгодным все имеющиеся деньги (в том числе и ту сумму, которую передал семье брат Ильи Николаевича) держать в банке, рассчитывая на проценты, которые позволяли в целом безбедно семье существовать. А работников в семье долго не было. Владимир, как мы указывали, быстро бросил юридическую практику. Анна, Дмитрий, Мария учились долго, не спешили выбрать какой-то род занятий, который бы приносил доход. Как указывает Валентинов, „деньги, положенные в банк и превращенные в государственную ренту, вместе с пенсией М.А.Ульновой составили особый „фамильный фонд“, которым очень умело в течение многих лет распоряжалась расчетливая мать Ленина. Все черпали из этого фонда: старшая сестра Ленина Анна, Ленин, младший брат Дмитрий и младшая сестра Мария. Богатства, как видим, никогда не было, но в течение долгого времени был достаток...“¹⁰⁰.

Для Ульянова было естественным, например, в письме из Женевы к матери написать: „Надеялся, что Маняша придет и расскажет, но ее приезд все откладывается. Хорошо бы было, если бы она приехала во второй половине здешнего октября: мы бы тогда прокатились вместе в Италию... Почему бы и Мите не приехать сюда?... Право, пригласи его тоже — мы бы великолепно погуляли вместе...“¹⁰¹ Нет сомнений, что „великолепно погулять вместе“ можно было при наличии определенного, существенного запаса средств, о чем, видимо, Ульянов хорошо знал.

Думаю, достаточно стабильная материальная обеспеченность Ульянова сыграла очень важную роль в его интеллектуальном развитии, возможности распоряжаться собой, свободно решать, где жить, куда поехать, чем заниматься. Если бы Ленин был „пролетарием“, чего очень хотелось бы некоторым авторам, то его вес и значение как одного из лидеров российской социал-демократии были бы неизмеримо мень-

шими. У него не было бы времени на самообразование, литературный труд, партийные „склоки“.

После начала второй эмиграции заметным источником существования Ульянова с Крупской стала партийная касса. Этот источник вообще никогда в открытой прессе документально не освещался. А он, этот источник, существовал. В своем письме матери Ленин упоминает, что продолжает „получать то жалованье, о котором говорил тебе в Стокгольме“¹⁰². К слову говоря, в обширной переписке, которую Ленин вел с матерью, сестрами, „финансовая тема“ присутствует почти всегда. Главным образом в форме сообщений, что очередной перевод денег он получил... То и дело в письмах встречаешь: „деньги получил давно“, „финансы получил, дорогая мамочка, и первые и вторые“, „Анюте все забывал написать, что 340 р. получил...“, „насчет денег — прошу перевести их мне сразу (деньги теперь мне нужны); лучше всего через банк, именно через Лионский кредит...“, „пятьсот рублей, лежащих на книжке*, попрошу тебя послать мне...“, „за деньги большое спасибо (писал М.Т. о получении мной 500 р.)...“¹⁰³ и так в очень многих письмах. Человеку было уже за сорок, а он продолжал жить и кормиться за счет семейного фонда. Но он был далеко не единственным источником.

Другой источник существования и даже определенного благоденствия, как мы уже сказали, партийный. После создания РСДРП, особенно после раскола партии, большевики уделяли особое внимание созданию и пополнению своей кассы. Она была необходима для „подкармливания“ так называемых „профессиональных революционеров“, проведения совещаний, съездов, издательской деятельности, агитационной работы в России. „Профессиональные революционеры“, разумеется, знали об этой кассе, которой в конечном счете распорядился Ленин. Вот один пример. Троцкий, который в это время находился в очень „худых“ отношениях с Лениным, тем не менее пишет его правой руке Камневу:

*Денегами, „лежащими на книжке“, ведала Анна, получая гонорары Ленина.

„Дорогой Лев Борисович!

Обращаюсь к Вам с просьбой, которая не доставит Вам никакого удовольствия. Вы должны добыть из-под земли 100 руб. и выслать мне по телеграфу. Мы сейчас оказались в ужасающем положении, которое описывать не буду: достаточно сказать, что лавочнику, у которого все забираем, не заплачено за апрель, май, июнь... Что слышно с Олей? Как ей живется на даче?

20/VI-09. Ваш Л.Бронштейн“.

Каменев здесь же, на письме, пишет Ленину: „Прочтите. Это явно через меня к высоким коллегиям. Как думаете, не должен ли ЦО это сделать? На меня он рассчитывать не мог, конечно. Каменев“¹⁰⁴.

Но откуда в кассе большевиков деньги? Как мы увидим, они были, и порой немалые. Поступления в нее были чистые и нечистые. Какое-то количество денег поступало из России от местных партийных комитетов. В своих воспоминаниях бывший большевик А.Д.Нагловский пишет, что в 1905 году, летом, он по поручению казанской организации выехал в Женеву для передачи Ленину двадцати тысяч рублей и получения инструкции¹⁰⁵. По сути, методология решения этого вопроса была сугубо макиавеллистская. Уже после революции о ней откровенно поведал сам вождь русской революции: „Прав был старый большевик, объяснивший казаку, в чем заключается большевизм. На вопрос казака: „А правда ли, что вы, большевики, грабите?“ — старик ответил: „Да, мы грабим награбленное...“¹⁰⁶.

Еще на четвертом (Объединительном) съезде развернулась ожесточенная борьба между большевиками и меньшевиками о возможности экспроприации денежных средств в интересах революции. В резолюции большевиков был тезис о допустимости вооруженных нападений с целью захвата денег. Меньшевики выступили решительно против и добились принятия соответствующей резолюции. Однако с ведома большевистского центра экспроприации продолжались. Крупская, которая много знала о „тайных операциях“, откровенно писала: „...большевики считали допустимым захват царской казны, допускали экспроприацию“¹⁰⁷. В центре разбойной организации

стояли большевики Джугашвили (Сталин) и Тер-Петросян (Камо). Общее руководство по добыванию денег для партийной кассы осуществлял Красин.

Самая крупная экспроприация произошла в полдень 26 июня 1907 года в Тифлисе на Эриванской площади. Как только два экипажа с банкнотами, направлявшиеся в банк, выехали на площадь, человек в офицерской форме выскочил из стоявшего у тротуара фаэтона и что-то командовал. Как из-под земли появилась целая банда „экспроприаторов“, посыпались бомбы, раздались выстрелы. Три человека замертво упали возле экипажей, многие были ранены. Тюки с 340 тысячами рублей быстро оказались в фаэтоне, и через три-четыре минуты площадь была пуста...¹⁰⁸

Захваченная сумма оказалась в основном в крупных купюрах, и большевики не все их смогли разменять до самой революции. Та же Крупская уточняла, что „пытавшиеся произвести обмен были арестованы. В Стокгольме был арестован латыш (Страуян — Д.В.) — член цюрихской группы, в Мюнхене — Ольга Равич, член женевской группы, наша партийка, недавно вернувшаяся из России, Богдасарян и Ходжамирян. В самой Женеве был арестован Семашко... Швейцарские обыватели были перепуганы насмерть. Только и разговоров было, что о русских экспроприаторах...“¹⁰⁹. Тифлисская экспроприация была самой грандиозной из всех, проведенных радикальным крылом РСДРП, но не единственной. Известными „эксами“ были захваты крупных денежных сумм на корабле „Николай I“ в бакинском порту, ограбления почтовых отделений и вокзальных касс. Формально большевистский центр стоял в стороне, но через таких людей, как Джугашвили, Тер-Петросян, часть средств уходила за границу, в кассу большевиков¹¹⁰. Ленину было из каких средств выделять небольшие суммы Каменеву, Зиновьеву, Богданову, Шанцеру, другим большевикам в качестве „партийного жалованья“.

В ленинских документах, не опубликованных до 1992 года, содержится много денежных бумаг, некоторые из них требуют кропотливой расшифровки. Но ясно одно: это большевистские деньги и Ленин определял их даль-

нейшую судьбу. Например, рукой Ленина 6 июля 1911 года в Париже подготовлена загадочная „записка наличных денежных сумм“, где фигурируют суммы: 50 703, 64 850 франков, какие-то „прибавления“ и „убавления“ и итоговая сумма наличных: 44 850 франков...¹¹¹ Ленин приучил себя считать деньги, о чем можно судить по сохранению им различных расписок, квитанций, подробных записей собственных расходов, включавших даже самые мелочи. Например, сохранились записи „личного бюджета“ (так документы и именуются) с 3 июля 1901 года по 1 марта 1902 года. Здесь же расчеты расходов на тринадцать листах...¹¹² В его переписке с родными, близкими знакомыми денежная тема присутствует очень часто. Гонорары в общей сложности составили очень незначительную, если не ничтожную, часть личного бюджета. Его литературные произведения почти никого не интересовали. Ленина содержали родные, партийные „инъекции“, суммы, выделяемые от пожертвований „сочувствующих“ состоятельных людей.

Экспроприация денежных средств — фактически уголовная страница в большевистской истории. Формально Ленин стоял от нее в стороне. Как и во многих других сомнительных делах. Он предпочитал в этих случаях оставаться за кулисами. Но его выступления в „Пролетарии“, ряде других органов говорят о более „сбалансированной“ позиции в вопросах об „эксах“, нежели простой их запрет. Так, через полгода после IV съезда, осудившего „партизанские выступления“, Ленин, однако, писал: „Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят?..“¹¹³ Ленин несколько ранее уточняет: боевым группам действовать необходимо, но... „с наименьшим „нарушением личной безопасности“ мирных граждан и с наибольшим нарушением личной безопасности шпионов, активных черносотенцев, начальствующих лиц, полиции, войска, флота и так далее, и тому подобное...“¹¹⁴.

Спустя три года Ленин в Париже встретился с Камо. Вождь большевиков с большой симпатией и одобрением

выслушал террориста. Камо сидел в гостиной у Ленина, ел миндаль и рассказывал об аресте в Берлине, придумывал казни тому провокатору, который его выдал, рассказывал о годах симуляции, когда он притворялся сумасшедшим (в тюрьме. — Д.В.), о ручном воробье, с которым он возился... Ильич слушал и остро жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги... В период гражданской войны Камо нашел свою „полочку“, опять стал проявлять чудеса героизма¹¹⁵.

Симон Аршакович Тер-Петросян (Камо), конечно, не понимал, что он и ему подобные боевики-террористы были лишь слепым орудием большевистского центра, которому всегда „для революции“ были нужны деньги. Неважно, каким путем полученные: грабежом, сутенерством, предательством, меценатством, пожертвованиями.

Поэтому устоявшееся мнение о принципиальном отличии взглядов большевиков от позиций эсеров по поводу насильственных действий и индивидуального террора требует уточнений. Большевики мыслили глобальнее, в том числе и в сфере использования насилия как универсального средства, включавшего в себя в случае необходимости и самый тривиальный террор и экспроприации. Думаю, что именно экспроприации на каком-то этапе дореволюционного развития были одним из основных источников пополнения партийной кассы, которой в конечном счете руководили люди, назначенные Лениным: Красин, Богданов, Каменев, Зиновьев, Ганецкий и некоторые другие. Поэтому, естественно, „инъекции“ матери в личный бюджет сына почти регулярно дополнялись „партийным жалованьем“¹¹⁶, объем которого, по некоторым данным, был не очень велик, но и не меньше среднего заработка европейского рабочего. Как пишет Валентинов, максимальной суммой партийного жалованья, установленной для руководящих членов большевистской фракции, было 350 франков¹¹⁷. Именно такую сумму, по его словам, ежемесячно получал Ленин, не отказываясь от денежных переводов, которые до самой своей смерти в 1916 году делала Мария Александровна — мать Ульянова.

В секретном (до недавнего времени) фонде Ленина

сохранилось много расписок в получении Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Шанцером и другими большевиками денег из партийной кассы в сумме 200, 250, 600 и т.д. франков. На документах часто собственноручная подпись Ленина. Выдавала деньги „хозяйственная комиссия большевистского центра“¹¹⁸. Вот одна из таких расписок: „Получил 200 франков. 22/XI 1908 г. Ленин“¹¹⁹.

Крупным каналом, пополнявшим партийную кассу, а следовательно, и личный бюджет Ленина, было меценатство. В начале века российские социал-демократы, как и либералы, пользовались определенной симпатией со стороны не только передовой прогрессивной интеллигенции, но и некоторой части промышленников, связывавших с этими силами свои надежды в деле освобождения от многих архаизмов самодержавия. Эта тенденция в ряде случаев находила довольно неожиданное выражение. В этом отношении весьма характерным является так называемое „дело Н.П.Шмита“. Его необычность и запутанность схожи с острым политическим детективом, некоторые детали которого не совсем ясны до сих пор. Большевики, да и сам Ленин, документы шмитовской эпопеи упрятали в секретные архивы на долгие десятилетия. В официальную историю, воспоминания, энциклопедии вошло о „деле“ лишь то, что „работало“ на большевизм.

Надежда Константиновна Крупская, учитывая размеры поступивших к большевикам сумм, назвала эту финансовую инъекцию обретением „прочной материальной базы“¹²⁰.

Миллионер Савва Морозов, глава крупной, широко известной в России купеческой династии, и его близкие славились своей склонностью материально поддерживать русскую культуру, прогрессивные общественные начинания. Так, брат матери Саввы собрал великолепную коллекцию фарфора, перешедшую затем в собственность государства; другой Морозов — Иван — занимался собирательством редких полотен русских и зарубежных художников, коллекция которых также стала достоянием России. На деньги Морозовых расширялись больницы, создавались курсы по ликвидации неграмотности, поддерживались материально актеры театров. Известная либе-

ральная газета „Русские ведомости“ долго опиралась на денежную поддержку Саввы Морозова. В начале века купец и промышленник делает, казалось бы, немислимые шаги: под влиянием М.Горького дает деньги большевикам на издание „Искры“, оказывает помощь организациям социал-демократов. Скорее всего, не социальные мотивы руководили Морозовыми, а религиозные, духовные, выражавшиеся в потребности поддерживать культуру, гонимых людей, другие богоугодные дела.

При этом ум Морозова был смятенным, мятущимся, неустойчивым. Он очень боялся сумасшествия и, возможно, в минуты душевной депрессии в мае 1905 года в Каннах покончил с собой. По завещанию большая сумма денег через Горького была передана большевикам. По некоторым данным, это было 100 тысяч рублей. А часть перешла к ним по суду.

Его племянник Николай Павлович Шмит, владелец крупной мебельной фабрики, также помогал российским социал-демократам. Во время вооруженного восстания в Москве он был арестован охранкой за поддержку „бунтовщиков“, но в феврале 1907 года в тюрьме при весьма загадочных обстоятельствах покончил с собой. Шмит, которому в день смерти не исполнилось и двадцати четырех лет, завещал часть своего капитала передать на революционные цели, не имея в виду только большевиков. Остается тайной, почему Н.П.Шмит, которого собирались выпустить из тюрьмы на поруки семьи, неожиданно покончил с собой. По закону его состояние унаследовали сестры Екатерина, Елизавета (несовершеннолетняя 16-летняя девушка) и еще более юный брат. Но к этому времени в семью уже были вхожи молодые большевики Андриканис и Таратута, знавшие покойного Николая Павловича.

Есть полное основание считать, что эти большевики получили задание добиться передачи состояния Н.П.Шмита в руки партии. Путь был избран романтический: ухаживание, покорение сердец, женитьба. Ввиду несовершеннолетия Елизаветы финансовые операции осуществлялись с помощью подставного опекуна. Так или иначе, Таратута, которого лично хорошо знал Ленин, образцово исполнил роль партийного сутенера. К этому следует прибав-

вить, что сестры были увлечены загадочностью, романтичностью их роли в „подготовке революции“ в России.

В 1909 году Андриканис с женой Екатериной и Таратута с Елизаветой приехали в Париж. Но очень скоро Андриканис, поразмыслив, отказался передать партии деньги, которые от него требовали. Сам Ленин по этому делу пишет (текст в архиве принадлежит руке И.Ф.Арманда), что „одна из сестер, Екатерина Шмит (замужем за господином Андриканисом), оспорила деньги у большевиков. Возникший из-за этого конфликт был урегулирован третейским решением, которое было вынесено в Париже в 1908 году при участии членов партии социалистов-революционеров... Этим решением было постановлено передать деньги Шмита большевикам“¹²¹. Однако Андриканис в конце концов согласился передать лишь незначительную часть состояния. Когда решили Андриканиса (которого большевистский центр закодировал как лицо „Z“) судить партийным судом... он вышел из партии. В результате партии пришлось довольствоваться крохами, которые добровольно пожелало передать лицо „Z“, не желая полностью уходить от ранее данных обещаний...¹²²

Стали спешить, чтобы не ушло состояние по линии младшей сестры. Состоялось заседание большевистского центра (расширенной редакции „Пролетария“) 21 февраля 1909 года. Протокол вел Зиновьев. Его рукой записано:

„В январе 1908 года Елизавета Х. заявила большевистскому центру (расширенная редакция „Пролетария“), что, выполняя наиболее правильно волю покойного брата своего N, она считает себя нравственно обязанной передать Б.Ц.–у переходящее по закону к ней имущество ее брата в одной половине. В той половине, которую она наследует по закону, заключается: восемьдесят три (83) акции Т-ва NN и приблизительно сорок семь (47) тысяч рублей наличным капиталом.

Подписи: Н.Ленин: Григорий (Г.Зиновьев), Марат (В.Шанцер), В.Сергеев (В.Таратута), Максимов (А.Богданов), Ю.Каменев.

21 февраля, Париж 1909 г.“¹²³.

Решили передачу денег произвести позже, после реализации акций. В ноябре В.Таратута с молодой женой

вновь оказался в Париже и вручил Ленину более четверти миллиона франков (весьма большая сумма по тем временам). Из ряда денежных документов явствует, что до этого несколькими партиями большевикам было передано еще более полумиллиона франков... Лидер большевиков зафиксировал это в акте, копия которого осталась в партийном архиве:

„Согласно решению и расчетам исполнительной комиссии большевистского центра (расширенная редакция „Пролетария“) в заседании 11 ноября 09 года принято мной от Е.Х. двести семьдесят пять тысяч девятьсот восемьдесят четыре (275 984) франка.

13.XI.09. Н.Ленин¹²⁴.

А Елизавете Шмит и Виктору Таратуте выдали расписку:

„Тов-щам Е.Х. и В-ру.

Мы, нижеподписавшиеся, действующие в вопросе о деньгах, а также по доверенности тов. Вишневого, заканчивая дело, которое велось всей коллегией Б.Ц., и принимая остатки этих денег, берем на себя перед Вами обязательство: отвечать перед партией коллегиально за участь этих денег.

Н.Ленин.

Гр.Зиновьев¹²⁵.

Но, как оказалось, на этом дело „закончить“ не удалось. После новых попыток к объединению большевиков и меньшевиков по инициативе последних остро встал вопрос: нужно объединить и партийную кассу. Но кто тогда будет их хранить, кто будет держателем капитала, который включал в себя, конечно, не только шмитовские деньги. После долгих горячих споров договорились (с согласия этих лиц), что депозитариями средств РСДРП будут такие известные германские социал-демократы, как К.Цеткин, К.Каутский и Ф.Меринг. Значительная часть средств была положена в банк на имя этих людей. Но объединение большевиков с меньшевиками оказалось фикцией, и в партии, по любимому выражению Ленина, продолжалась бесконечная „склока“. „Держатели“ денег были поставлены в трудное положение судей, ибо теперь они могли выдавать эти деньги, подвергаясь давлению и обви-

нениям с двух сторон. Ленин потребовал возвращения денег от „держателей“ в большевистскую кассу. Первым ответил К.Каутский.

„Т.Ульянов,

Ваше письмо получено. Вы получите ответ тогда, когда я договорюсь с госпожой Цеткин и г.Мерингом. Вероятно, Вы знаете, он отказался от своих функций депозитера из-за своей болезни. В результате этого депозитеры не могут принять никакого решения в случае разногласия во мнениях.

2 октября 1911 г. К.Каутский“.

Ниже здесь же следует приписка: „Моя работа страдает от большого расточительства времени и сил для этого безнадежного дела. Поэтому я больше не в состоянии продолжать свои функции.

С парт. приветом — К.Каутский“¹²⁶.

Но неожиданно „заупрямилась“ вернуть средства К.Цеткин, считая, что деньги принадлежат всей партии. Началась долгая тяжба с привлечением адвокатов, раздраженной перепиской, колкостями в адрес держателей денег. В своем письме к Г.А.Шкловскому по поводу отказа Цеткин вернуть деньги только большевикам Ленин по ее адресу допускает выражения совсем не джентльменского характера: „Мадама“ столько нагала в ответе, что она запутывается все больше...“¹²⁷ Дело дошло до долгого судебного разбирательства: Ленин требовал, чтобы все „держательские деньги“ были возвращены большевикам. Вождь большевиков оказался цепким господином, что касалось денег. В фонде, который долгие десятилетия был закрыт, содержится ряд документов, подобных письму Крупской адвокату Дюко по поручению Ленина:

„Сударь,

Мой муж, господин Ульянов, уехал на несколько дней, он просил передать Вам для ознакомления следующие документы.

...Письмо трех держателей, датированное 30 июня 1911 г. Извещение директора агентства Национального банка в Париже от 7 июля 1911 г. о посылке госпоже Цеткин чека на 24 455 марок и 30 шведских облигаций.

...Резолюция РСДРП (январь 1912 г.) по поводу той суммы, которая находилась у госпожи Цеткин.

4 ул. Мари-Роз
Париж XIV

23.V.1912 г. Н.Ульянова¹²⁸.

Цеткин держалась, выдавая деньги на различные совещания, но, похоже, спор вокруг этих сумм не затихал, пока их не погасила начавшаяся мировая война. Но это была меньшая часть средств; большая половина все время была в распоряжении большевистского центра, а фактически Ленина.

Ленин был главным „держателем“ и распорядителем партийных средств. Например, в августе 1909 года Ленин шлет распоряжение в контору Национального учетного банка в Париже продать принадлежащие ему ценные бумаги и сообщает, что он выдал А.И.Любимову чек на сумму 25 000 франков¹²⁹. Эмигранты-революционеры находились всегда в большой финансовой зависимости от лидера большевиков.

Противники большевиков, зная о нравственной подоплеке „дела Шмита“, пытались не раз представить В.Таратуту то провокатором, то „грязным типом“, „партийным сутенером“, который „обеспечивает Ленину финансовую сторону его сомнительной деятельности“. Но Виктор Таратута не только в дореволюционное время занимался финансовыми делами большевиков, как небезызвестный Ганецкий, он и после октября 1917 года пользовался в этих вопросах большим доверием Ленина. На жалобы В.Таратуты о нападках на него Богданова, других социал-демократов по инициативе Ленина было принято специальное постановление Большевистского центра, носящее характер партийной индальгенции, в котором подчеркивается, что все происходящее „не вызвало ни малейшего ослабления доверия Б.Ц. к товарищу Виктору“¹³⁰.

В партийную кассу, а значит, и к Ленину, поступали деньги не только от пожертвований С.Морозова, Н.Шмита, М.Горького, но и от некоторых других состоятельных людей. Одним из них был, например, А.И.Ерамасов, предприниматель из Сызрани, с которым В.Ульянов познакомился еще в мае 1890 года. Тогда молодой Ерамасов интересовался работой революционных кружков в Сызрани и даже принимал в них участие¹³¹. Через полтора де-

сятка лет Ленин вспомнил о нем и из Женевы обратился к сызранскому промышленнику с просьбой организовать денежную помощь для издания большевистской газеты „Вперед“¹³². Некоторое время спустя он вновь пишет письмо Ерамасову с аналогичной просьбой. Через Анну Ильиничну, по косвенным данным, такая помощь от Ерамасова поступала.

Тема „Ленин и Горький“ особая, и мы ее еще коснемся в книге, но здесь нам нужно лишь подчеркнуть, что крупный русский писатель, слава которого была в зените еще до революции, много помогал большевикам материально. Что не мешало, однако, писателю в критические моменты истории (не при Сталине!) занимать самостоятельную позицию. А что она была самостоятельной, наглядно свидетельствует сборник статей Горького „Несвоевременные мысли“, включивший в себя статьи за 1917–1918 годы, опубликованные в его газете „Новая жизнь“¹³³.

Переписка Ленина с Горьким весьма обширна. Пожалуй, нет ленинского письма, где бы он не жаловался на финансовые трудности. Просит Горького что-нибудь дать из своих произведений для поддержки того или иного большевистского издания, „помочь в агитации за подписку“, „найти деньжонок на расширение „Правды“; думаю, „Вы не откажетесь помочь „Просвещению“; „денег нет“; „чрезвычайно меня и всех нас обрадовало, что Вы беретесь за „Просвещение“; „купец“ давать еще не начал? Пора, самая пора“; „В силу военного времени я крайне нуждаюсь в заработке и потому просил бы, если это возможно и не затруднит Вас чересчур, ускорить издание брошюры...“¹³⁴

Горький своим влиянием и собственными деньгами не раз приходил на помощь большевикам, хотя в ноябре 1917 года мрачно скажет о Ленине: это „не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата“¹³⁵.

Как видим, а мы коснулись лишь малой толики „денежных тайн“ Ленина, он, находясь за границей, не нуждался, хотя обычно был склонен драматизировать этот вопрос. В советской историографии любили, например, приводить выдержку из письма Ленина, написанного осе-

нию 1916 года Шляпникову, жившему в Стокгольме: „О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить силком деньги от издателя „Летописи“*, коему посланы две мои брошюры (пусть платит; тотчас и побольше!)... Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь, это вполне серьезно, вполне, вполне...“¹³⁶ Почему столь драматический тон письма? Может быть, его так потрясла и напугала смерть матери, которая всю жизнь самозабвенно заботилась о нем? Ведь Ленин по-прежнему контролировал партийную кассу, которая хоть и поскуднела, но не была пуста. До начала войны Н.К.Крупская получила наследство от своей тетки, умершей в Новочеркасске; Анна с Елизаровым и Мария продолжали эпизодически высылать деньги Ленину... Видимо, сказалась привычка революционера жить с „запасом прочности“, определенным денежным резервом. Даже когда Ленин с Крупской возвращались в 1917 году в Россию, их кошелек не был пуст...

Зачем обо всем этом я пишу? Для того, чтобы сказать: Ленин практически никогда не нуждался. Ни будучи в России, ни находясь в эмиграции. Он мог позволить себе в любое время сменить Берн на Цюрих, поехать в Лондон, Берлин, Париж, навестить Горького на Капри, написать Анне: „Я сижу на отдыхе в Ницце. Роскошно здесь: солнце, тепло, сухо, море южное. Через несколько дней вернусь в Париж“¹³⁷. Приехав в декабре 1908 года в Париж, сообщил сестре: „Нашли очень хорошую квартиру, шикарную и дорогую: 840 франков + налог около 60 франков, да консьержке тоже около того в год. По-московски это дешево (4 комнаты + кухня + чуланы, вода, газ), по-здешнему дорого“¹³⁸.

Заметим попутно, что, спустя семь десятилетий после того как свершилась самая заветная мечта Ленина о захвате власти „пролетариатом“, абсолютное большинство жителей гигантской страны, которых решили осчастливить, не могли и думать о получении четырехкомнатной квартиры на трех человек...

Ленин был очень пунктуален и аккуратен в учете и

*Издатель „Летописи“ – А.М.Горький.

планировании личных расходов. Он тщательно записывал расходы на питание, поездку в Мюнхен, Брюссель, отдых в горах и т.д.¹³⁹. Самое интересное, что эти записи (уже давно утратившие первоначальное значение) всегда возил с собой при переездах из страны в страну, пока они не осели на его последней квартире в Кремле, а затем и в Центральном партийном архиве.

Ленин любил распоряжаться денежными делами. По его распоряжению в июне 1921 года перевезли в Кремль 1878 ящиков с ценностями¹⁴⁰. Так ему было спокойнее. По его же предложению 15 октября того же года Политбюро решило: „Ни один расход золотого фонда не может быть произведен без особого постановления политбюро“¹⁴¹. Присутствующие на заседании Троцкий, Калинин, Молотов, Сталин, Каменев, Радек, Солец единодушно поддержали вождя.

Ленин очень часто пишет о необходимости отдыха. И отдыхает. На Атлантическом побережье. В Ницце. В горных деревушках Швейцарии, по которым они путешествуют с Крупской, „восстанавливаются“ в Лозанне. Затем поднимаются в горы над Монтре, спускаются в долину Роны, Бе-ла-Бен, посещают подругу Крупской по юношеским годам, идут вверх по реке, через перевал Гемми-пас перебираются в Оберланд, доходят до Бриенцского озера и останавливаются на неделю в Изетвальде, после чего продолжают свое путешествие...¹⁴² О жизни-путешествии, прерываемой „склоками“, „драчками“, подготовкой своих работ, которые надо где-то напечатать, можно писать много и долго. Ленин не забывал и об отдыхе для души. „Дама с камелиями“ А. Дюма-сына с участием незабвенной Сары Бернар, другие спектакли и кинематограф тоже были в размеренной и безбедной жизни будущего вождя.

Все это, вероятно, является естественным, тем более для людей из „потомственных дворян“. И вовсе незачем из этой приятной части жизни вождя было делать тайны.

Но для меня останутся загадкой не эти бытовые подробности, а как такой человек, которому посвящена эта книга, как и его сотоварищи Троцкий, Сталин сочли, что они имеют право решать судьбы великого народа? Как могло случиться, что люди, не имевшие абсолютно ника-

кого отношения к рабочему классу, стали от его имени проводить кровавый, чудовищный эксперимент? Невероятная, фантастическая комбинация случайностей, внутренних причин и роковых тенденций выдвинула этих людей на гребень крупнейших национальных и мировых событий.

Человек, который изучал и восславлял „искусство“ разрушать, ниспровергать, оказался в драматический момент истории „нужным“ трагической судьбе России... А ведь он мог остаться в ней, истории, таким же не более известным, чем Бакунин, Ткачев, Нечаев, но стал... Лениным. Возможно, самой заметной фигурой XX века. С которой, однако, связана и самая крупная историческая неудача великого народа...

Глава 2

МАГИСТР ОРДЕНА

Целью Ленина, которую он преследовал с необычайной последовательностью, было создание сильной партии.

Николай Бердяев

Каждый историк, погружаясь в прошлое, как бы натягивает тетиву времени до далеких времен. И если в своих изысканиях, предположениях, догадках он не ошибся, стрела, несущая истину оттуда, не просто прилетит из давно ушедшего в настоящее, но и поможет понять первопричины многих сегодняшних явлений, процессов, катаклизмов, сотрясающих основы нашего бытия. От прошлого никуда не уйти. Оно вечно. Прошлое может, как чугунные колосники, тянуть вниз, назад, но и способно, наоборот, вооружая мудростью, просветлением, помогать творить жизнь, достойную человека и его Свободы.

Едва ли можно сомневаться в том, что Ленин хотел добра людям. Но он считал допустимым достичь, обеспечить, создать это добро путем неограниченного применения зла. Добро через зло. Уже в этой формуле, отражающей основные постулаты ленинизма, заложены глубинные причины его исторического поражения. К тому же сам взгляд на добро и зло у Ленина был сугубо прагматическим. „Добро было для него все, — писал Н.А.Бердяев, — что служит революции; зло — все, что ей мешает“¹. Достаточно перечитать речь Ленина на III съезде РКСМ, чтобы убедиться в приверженности Ленина этому ошибочному, ущербному кредо.

После ссылки и выезда за границу Ленин не мог больше заниматься ничем другим, кроме как революционными делами. Они стали смыслом его жизни. Его „перепыхал“, конечно, не столько Чернышевский, сколько Маркс. Работы бородатого немца стали для него революционным катехизисом. Для общественного оправдания исторической роли социальных ниспровергателей Ленин обосновал положение о „про-

фессиональных революционеров“. В своей работе „Что делать?“ Ленин писал, что „организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности...“².

Эту довольно нескладную фразу Ленин сформулировал в ходе ожесточенной полемики со своими оппонентами. Один из главных аргументов необходимости профессионализма в революционной деятельности заключается в том, что, мол, „десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков...“. Под „умниками“ в отношении организационном, продолжал автор „Что делать?“, „надо разуместь только, как я уже не раз указывал, *профессиональных революционеров...*“³. Но и „умники“ и „дураки“, по Ленину (впрочем, как и по О.Бланки), должны входить в „строжайше конспиративную“ организацию, имеющую „комитет из профессиональных революционеров“⁴.

По сути, в „Что делать?“, вышедшей в Штутгарте в мае 1902 года, Ленин развивает грандиозный план создания крупной конспиративной и по существу заговорщицкой организации. Да он этого и не скрывает: было бы величайшей наивностью „бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию“⁵. Обосновывая замысел „общерусской политической газеты“ как важного условия создания такой партии, Ленин считает необходимым иметь „сеть агентов“ (но если кому не нравится это „ужасное слово“, то автор книги „Что делать?“ предлагает заменить его на слово „сотрудник“), которые гарантировали бы „наибольшую вероятность успеха в случае восстания“⁶.

Знал ли Ленин, что, излагая детали захватывающего воображение плана создания, как скажет позже, „железной“ партии, он формирует прообраз государственного ордена, где вместе с „комиссарами“ главными действующими лицами будут именно „агенты“ и „сотрудники“? Более того, „комиссары“, „агенты“—„сотрудники“ станут символом мрачного, но могучего государства. В этой области Ленин преуспевает, как в никакой другой. Действительно, по рецепту вождя будет создана и „железная“, и „конспиративная“, и „централизованная“, и строго „дисциплинированная“ организация.

Одна сложность: после захвата вожденной власти Ленину будет очень трудно отличать, где кончается партия и где начинается полицейская машина ВЧК.

Знакомясь с архивами (протоколы заседаний) Политбюро с момента его возникновения и до смерти вождя, с большим трудом удавалось найти такие, где бы не рассматривались вопросы, которые на пороге века только еще обозначались: конспирация, секретность, террор. Профессионализм „умников“ будет доведен до высоких (до недостижимых дотянет уже Сталин...) пределов, ну а „дураков“ будет по-прежнему очень много. Вот лишь несколько исторических иллюстраций.

...С участием Ленина Политбюро 27 апреля 1922 года решает вопрос о предоставлении ГПУ (Государственное политическое управление в составе НКВД) права „непосредственных расстрелов на месте“ бандитских элементов⁷. По выражению Ленина, „комитет профессиональных революционеров“ (см. „Что делать?“) решает о порядке расстрела: в помещении ЧК или „на месте“. ГПУ же, естественно, определяет, тоже „на месте“, кто бандитский элемент, а кто нет... Проверять особый отдел ГПУ некому. Организация „профессиональных революционеров“ пришла к тому, что было запрограммировано давно, еще в начале века.

...С участием Ленина Политбюро (здесь, ясно, находятся „самые профессиональные революционеры“) 4 мая 1922 года постановляет привлечь патриарха Тихона к суду. При этом заранее вменяется, еще до суда, „применить к попам высшую меру наказания“⁸. А уже 18 мая элите „профессионального революционерства“ доложили, что одиннадцать священнослужителей приговорены к расстрелу⁹. И всеми этими делами занимается ареопаг партии.

...По предложению Ленина на заседании Политбюро 25 августа 1921 года принимается решение о „создании комиссии по надзору за приезжающими иностранцами“. Комиссия из „профессиональных революционеров“ Молотова, Уншлихта, Чичерина должна следить за тем, чтобы ВЧК усилила „надзор“ за иностранными гражданами. Даже (и особенно!) за теми, кто приехал в Россию для оказания помощи голодающим¹⁰. Подпольный, конспиративный опыт не должен пропадать!

По существу, нелегальный, заговорщицкий характер создаваемой партии predetermined в будущем взаимопроникновение, если не глубокое слияние, „общественной“ организации со спецслужбами. Впрочем, это пытались сделать официально и „законно“. В сборнике „Ленин и ВЧК“ приводится письмо Ленину одного из очень близких к вождю людей — Якова Ганецкого (мы о нем в книге будем еще довольно подробно говорить), которому не раз поручались самые щекотливые задания, особенно по части финансов. В записке Ганецкого предлагается „установить самую тесную связь партийных организаций с чрезвычайными комиссиями... обязать всех членов партии, занимающих ответственные посты, сообщать в чрезвычайные комиссии все сведения, поступающие к ним как частным, так и официальным путем и представляющие интерес для борьбы с контрреволюцией и шпионажем. Не ограничиваясь этим, они должны деятельно помогать чрезвычайным комиссиям, принимая участие в разборе дел... присутствуя при допросах и т.п.“¹¹.

Прочитав предложения партийного инквизитора, Ленин пометил на записке: „т. Ганецкий! Говорили ли об этом с Дзержинским? Позвоните мне. Ваш Ленин“. Думаю, вождь напрасно отсылал Ганецкого к Дзержинскому: с октября 1917 года началось сращивание партии с государством, и прежде всего с ЧК. Ведь Ленин сам убежденно говорил: „Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист“¹². Точнее сказать трудно.

Это лишь детали процесса, характеризовавшего формирование государственно-идеологического ордена, каковым в конце концов стала партия, созданная Лениным. То была идеальная организация... но лишь для тоталитарного строя. Самой большой, главной заслугой Ленина перед подобным режимом и было создание именно такой партии-ордена. Естественно, что сам вождь был ее Верховным Магистром.

Думаю, что очень верно оценил роль партии в установлении большевистской диктатуры в России Николай Бердяев. Книга „Истоки и смысл русского коммунизма“ не была работой, похожей на „Новое средневековье“, написанной по горячим следам великой драмы на российских просторах. Там он прямо сказал, что „русская революция есть великое несчастье“. Бердяев осуждает людей, способных во имя вла-

сти идти на преступления. „Похоть власти Людовика XIV или Николая I есть такой же грех, как похоть власти Робеспьера или Ленина“¹³.

В книге о русском коммунизме, написанной Бердяевым в 1937 году, мыслитель более глубоко проанализировал феномен новой власти и роль Ленина в ее возникновении. Главным инструментом Ленина, с помощью которого тот заполучил власть, была партия, „представляющая хорошо организованное и железно-дисциплинированное меньшинство... Сама организация партии, крайне централизованная, была уже диктатурой в малых размерах. Каждый член партии был подчинен этой диктатуре центра. Большевистская партия, которую в течение многих лет создавал Ленин, должна была дать образец грядущей организации всей России. И Россия действительно была сколочена по образцу организации большевистской партии“¹⁴.

Тетива истории несет нам сигналы из прошлого. Ленин был не только Магистром, но и Архитектором партии-ордена. Под знаком ее власти прошли 70 лет жизни миллионов людей в величайшей на планете стране... Чтобы заполучить Власть — главную цель партии, ей нужна была революция. Этому кровавому божеству молились все революционеры. Особенно — Ленин.

Теоретик революции

Именно так: теоретик революции, а не теоретик марксизма. Пожалуй, это будет точнее. Владимир Ильич Ленин — с чьим именем и делами самым тесным образом переплелась история России в XX веке — был певцом, теоретиком и практиком революции. Об этом еще давным-давно писал Бердяев: „Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революции...“¹⁵ Впрочем, его теория исключительно прагматична, хотя и несет печать оторванности от российских реалий.

...Поздним утром 10 января 1905 года Ленин и Крупская, как обычно, направились в женевскую библиотеку. На подходе к библиотеке встретили А.В. и А.А.Луначарских и узнали весть, которая радостно потрясла: в Петербурге начались революционные события! Все поспешили в эмигрант-

скую столовую Ленешинских, где уже бурно обсуждались неожиданные события. По предложению Ленина решили провести совместный с меньшевиками митинг, с условием, чтобы от каждой фракции выступало лишь по одному оратору. Через два дня в цирке Ранси две непримиримые фракции одной партии собрались на митинг. От большевиков поручили выступить А.В.Луначарскому. Революционеры, находясь в безопасной эмиграции, а не на баррикадах, дружно предрекали крах самодержавия. Слушая ораторов, российские социал-демократы больше следили за тем, как бы не пропустить „укол“ от враждующей фракции. Очередной выступающий — Ф.И.Дан — не удержался и эзоповым языком упрекнул „раскольников“ в партии. Ленин тут же решительно поднял руку, и большевики дружно повалили к выходу...¹⁶ Взаимная неприязнь оказалась выше революции, которую вроде так желали и большевики и меньшевики. Или больше революции им была нужна власть?

Все, что писал Ленин до этого, было посвящено проблемам подготовки революции: создание пролетарской партии, выработка ее программы, обличение царизма... А теперь предстояло писать о собственно революции, пламя которой так неожиданно вспыхнуло. Правда, немного смущало, что священник Гапон оказался к событиям ближе, чем „основные“ профессиональные революционеры. Ленин на пороге века был еще не в полном плену марксистских догм и был способен выходить за рамки партийной ортодоксии. При встречах с Гапоном он с интересом присматривался к этому человеку, которого, похоже, двигала в революцию лишь глубокая боль сопереживания вместе со своей паствой ее тяжелого положения. Ленин не поверил в „провокачество“ попа и на своей книге „Две тактики социал-демократии в демократической революции“, изданной в 1905 году в Женеве, написал: „Уважаемому Георгию Гапону, от автора на память“¹⁷. Напечатанная в газете „Вперед“ в январские дни 1905 года статья „Поп Гапон“ отражает осторожное, но в целом поощрительное отношение Ленина к священнику. Нельзя исключать, писал Ульянов, что „Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь“. Однако, заключал „профессиональный революционер“, не-

обходимо „осторожное, выжидательное, недоверчивое отношение к зубатовцу“¹⁸.

В тысячах книг, напечатанных в СССР и в марксистских изданиях за рубежом, написано о том, что Ленин развил учение о диктатуре пролетариата, создал теорию партии нового типа, коренным образом обогатил взгляды Маркса в области политэкономии, философии, социологии, разработал новую аграрную программу, обосновал решающую историческую роль рабочего класса, сформулировал задачи международного рабочего и коммунистического движения, обогатил стратегию и тактику марксизма... Пора, пожалуй, остановиться. Ведь Ленин, по мысли его исследователей, практически не оставил ни одной крупной сферы общественной жизни, в которой бы он что-нибудь не „обогатил“, не „разработал“, не „сформулировал“, не „осветил“. Коснемся здесь лишь его „теории социалистической революции“.

Собственно, в „собранном“ виде этой теории нет, но в десятках книг, статей, речей, рецензий, заметок, записок, проектов резолюций и речей Ленин многократно вторгается в область теории революции. Тема революции магически влечет русского марксиста, раскрывая перед его мысленным взором свои лабиринты. Кроме темы партии, многочисленных „склок“, вопросы революции в разных ее ипостасях были у лидера русской социал-демократии приоритетными. Какие же основные идеи можно отнести к „ленинской теории социалистической революции“? Вероятно, их можно было бы свести к следующим основным крупным группам проблем: о соотношении объективного и субъективного факторов в социалистической революции; о возможности ее победы в одной стране; о социализме и демократии; формах перехода к социализму; путях развития мировой революции. За рамками этих проблем осталось еще немало вопросов, но перечисленные выше, пожалуй, основные в ленинской теории. При этом следует иметь в виду, что почти все, что писал Ленин, у него преломлялось через ожесточенную, беспощадную критику своих идеологических и политических оппонентов: Каутского, Адлера, Мартова, Плеханова, Богданова, Керенского и бесконечное количество иных теоретиков и деятелей.

Известно, что Маркс, исследуя экономические недра ка-

питализма, особый акцент сделал на том, что пришествие пролетарской революции зависит всецело от созревания соответствующих материальных условий жизни людей и прежде всего — наемных рабочих. Для него революция — социальный плод, который должен созреть. Ленин, на словах соглашаясь с Марксовыми выводами эволюционного созревания революционной ситуации, перенес свой акцент на возможность радикального формирования этого процесса путем активизации масс, создания ими своих организаций и партий. В единстве объективного и субъективного русский революционер фактически отдавал приоритет второму компоненту, полагая, что только сознательная деятельность людей может обеспечить успех революции. Ленин в принципе считал невозможным эволюционное, реформистское достижение пролетариатом улучшения условий своего существования, реализации социалистических целей. Для него главным было не обеспечение простора действия экономических законов развития, а регулирующее начало некоей управляющей силы. Современное общество созрело для перехода к социализму, писал Ленин в январе 1917 года, созрело для управления „из одного центра“¹⁹.

Для Ленина „реформы — суть побочный результат революционной классовой борьбы“²⁰. Во множестве своих работ русский революционер обосновывает, доказывает решающую роль сознательной деятельности масс, классов, партий, вождей. Признание первичности объективных условий теоретику революции необходимо лишь для обоснования диалектической „законности“ волевого разрешения основных проблем.

Ленин, думаю, понимал, что Плеханов и меньшевики были правы, утверждая, что социалистическая революция в России „не созрела“. Но вождь чувствовал, что он может использовать редкий шанс для захвата власти *своей* партией. Иначе, в лучшем случае, в Учредительном собрании она займет оппозиционное левое экстремистское крыло с весьма незначительным влиянием. И Ленин „перешагивает“ через классические марксистские схемы „объективных условий“, а заодно и через множество моделей доморощенных и европейских социал-демократов, уповавших на парламентаризм. Ленин был умнее и коварнее большинства этих

людей. Он понимал, что война стала главной причиной Февральской революции и она же, война, должна похоронить ее плоды. А он, Ленин, обязан вновь использовать войну, перенеся ее из грязи траншей русско-германского фронта на бескрайнюю равнину отечества. Его воспаленный мозг, огромная воля, высшая уверенность в апрельской программе, которая казалась „бредом“ Плеханову, „авантюрой“ — меньшевикам, сыграли решающую роль в октябрьские дни. Хотим или не хотим, но интеллект этого человека, по-своему трансформировавший марксистские догмы пролетарской революции, оказал наибольшее влияние на весь ход событий XX века. По сути, Ленин изменил мировое соотношение политических сил, перекроил карту планеты, вызвал к жизни мощное социальное движение на континентах, долго держал в напряжении и страхе умы многих государственных деятелей: свершится или нет готовящаяся мировая революция? Весь мир немало сделал для того, чтобы не допустить рокового хода событий, подобного российским.

Ленин, как и все русские вожди, был загипнотизирован примером Французской революции, где на первом плане была воля вождей и лишь их „ошибки“ не позволили увенчать окончательной победой вулканическое извержение энергии народа.

В речах и статьях российских вождей слова „жирондисты“, „якобинцы“, „комиссары“, „революционный Конвент“, „термидор“, „Вандея“ и множество других отражали не просто преклонение перед опытом французских революционеров, но и желание походить на них, пытавшихся силой своего духа „переделать“ историю. При этом не останавливаясь перед любым террором. Не случайно в одной из своих телеграмм Троцкому в Свияжск (30 августа 1918 года, в день покушения на него эсерки Ф.Каплан) Ленин продиктовал наказ о необходимости принятия самых жестоких мер к высшему командному составу своих войск, проявляющих безволие и слабость. „Не объявить ли ему, что мы отныне применим образец Французской революции, и отдать под суд и даже под расстрел как Вацетиса, так и командарма под Казанью и высших командиров...“²¹ Ленина не смущало, что французские революционеры воспевали террор во имя свободы, а он более приземленно: во имя власти. Более чем существенная разница...

Это крайнее выражение первенства субъективного над стихией обстоятельств лишь подтверждает ставку Ленина на силовое решение любых проблем революции.

Справедливо отмечая неравномерность экономического и политического развития капитализма, Ленин в самый разгар мировой империалистической войны приходит к неожиданному выводу, что „возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране“²². С этим трудно было бы не согласиться, если бы речь шла не о „победе социализма“, а о захвате власти, что далеко не одно и то же. Через некоторое время, формулируя военную программу пролетарской революции, Ленин еще более жестко излагает один из основополагающих тезисов своей теории: „...социализм не может победить одновременно во всех странах“²³. Подчеркнем — „не может“. Думаю, что и этот постулат не вызывает сомнения, за исключением „пустяка“: что понимать под „социализмом“... Что же это за страны—„счастливицы“, которые могут в гордом одиночестве переступить порог в землю обетованную? Ленин однозначно отмечает: те, которые являются наиболее слабым звеном империалистической системы.

Но здесь и начинаются теоретические несуразности. Оказывается, что Германия, Англия, США и другие развитые капиталистические государства имеют меньше шансов к социальному и экономическому совершенству, чем, допустим, Россия. А ведь там, в Европе, как писал Ленин, материальная база социализма почти готова. И хотя Ленин пытается как-то сгладить нестыковку своих выводов: „без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло“²⁴, — это не спасает. Объяснение этого тезиса только глубиной социальных противоречий позволяет понять лишь остроту коллизий и возможность захвата власти. Но при чем здесь социализм?

Нельзя ставить знак равенства между властью и системой. Система рождает власть. А если власть создает систему, то это уже из области политических переворотов, заговоров, путчей и т.д. Даже если это назвать революцией.

Мы долго ссылались, допустим, на „исторический опыт“ МНР, показывая, как можно перейти к высшей стадии социального развития, минуя целые формации: из феодализма

прямо в социализм, минуя капитализм! Но оказалось в конце концов, что „объявить“ социализм (вспомните, например, Эфиопию) оказывается значительно, неизмеримо проще, чем добиться действительно новой ступени социальной зрелости страны.

Вероятно, концепция „слабого звена“ может объяснить большую легкость захвата власти в революции, но отнюдь не высшую степень ее прогрессивности. У Ленина возможность построения социализма в „одной стране“ в конечном счете означает прежде всего захват власти. Там, где это легче; в стране, где созрели для этого „условия“, где есть соответствующая „организация“. А государства, где уровень демократии, парламентаризма, развития производительных сил выше, оказывается, менее готовы к тому, чтобы сделать новый шаг по ступеням пирамиды социального прогресса...

Предание анафеме ересей реформизма, ставка только на насильственное изменение вещей, отказ в возможности достичь большего путем общественной эволюции, обожествление диктатуры пролетариата — все это работает на концепцию социализма в „одной стране“. Хотя уже в самом начале Каутский, Роза Люксембург, Плеханов, меньшевики предостерегали, что это напрямиком, без задержек ведет к тоталитарности режима.

Возьмите в руки ленинские тома с 30-го по 36-й Полного собрания сочинений, где изложены его идеи и взгляды в году 1917-м, стоящем под знаком рока. Ленин до предела нагнетает социальную ярость, подстегивает нетерпение масс, обещает мир и землю в обмен на поддержку его партии. Вождь не устает делать все, чтобы она, партия, превратилась в боевую организацию, способную взять власть. Уже после победы Февральской революции, когда все „нелегалы“ вышли на поверхность, он продолжает заклинять: „...мы создадим по-прежнему *свою* особую партию и *обязательно* соединим легальную работу с нелегальной“²⁵.

Но это не имеет ничего общего с социализмом даже в ленинском изложении. Общество, которое начал конструировать Ленин со своими единомышленниками, чтобы выжить, должно было в соответствии со взглядами вождя взять на вооружение неограниченное насилие. Из „слабого“ звена могло получиться только крайне слабое в общемо-

ральном, гуманистическом отношении общество. Так и случилось. Диктатура как высший принцип революционного развития подмяла и подчинила себе все: благородство, индивидуальность, творчество. Ленин, например, голосовал „за“ на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 9 октября 1920 года, когда рассматривался вопрос о пролетарской культуре. Постановили: поддержать ее организационные формы, но с условием полного „подчинения Пролеткульта партии“²⁶.

Социализм в „одной стране“, а фактически захват власти марксистской партией в отдельно взятом государстве, сразу же отодвинул вопросы морали (а значит, и конкретного человека) куда-то на второй-третий план. В ноябре 1921 года настояниями тех, кто еще надеялся на гуманизацию власти, на заседание Политбюро был вынесен вопрос: „Ходатайство Комиссии по улучшению жизни детей и о пересмотре решения ЦК о пайках для детей“. Партийный ареопаг в лице Ленина, Троцкого, Каменева, Сталина, Молотова и Калинина единогласно отклонил ходатайство²⁷.

Конечно, можно говорить о сложном положении республики, разрухе, голоде, когда не было возможности поддержать решение Комиссии. Нет, все дело в том, что подобные вопросы не были приоритетными. Даже тогда, когда миллионы граждан пухли от голода и умирали в Поволжье, Политбюро щедро выделяло из золотых запасов (конечно, царских!) на инициирование революционных движений в других странах. Мы в книге к этому вопросу еще вернемся, но я предварительно здесь приведу лишь один документ. В мае 1919 года решением Политбюро было в очередной раз выделено на нужды Интернационала в целях форсирования „революционного процесса“ огромное количество ценностей. Список огромен, он похож на документ из богатого ювелирного магазина:

„Ценности, отпущенные Третьему Интернационалу

Брошь-кулон — 5000 руб.

12 бриллиантов 8,50 карат — 21 500 руб.

Кулон бриллиантовый — 3500 руб.

Запонка жемчужная — 4000 руб.

Брилл. запонка с сапфиром — 2500 руб.

Кольцо брилл. с рубином — 2000 руб.

Брелок с брилл. и сапфиром — 4500 руб.

Платинов. браслет с брилл. — 4500 руб.

1 бриллиант 2,30 карат — 7500 руб.

27 бриллиантов 13,30 карат — 32 000 руб.

1 бриллиант 3,30 карат — 19 000 руб.

14 бриллиантов 8,50 карат — 17 000 руб.

11 бриллиантов 16,40 карат — 56 000 руб.

2 серьги жемчужн. — 14 000 руб.

Кулон с жемч. подвеск. с бриллиантами — 12 000 руб.

5 бриллиантов 5,08 карат — 22 500 руб.

Кольцо бриллиантовое — 21 000 руб...²⁸

Я не закончил перечислений. Понадобилось бы много страниц. В том числе и с указаниями, для передачи каким партиям и группам: „для Англии“, „для Голландии“, „для Франции“ и т.д. Ленинское Политбюро не жалело ни людей, ни денег, ни национального достоинства; перед ними стояла цель — мировая революция... Беспощадная политика не брала во внимание хрупкие моральные сентенции. Власть, власть, власть — превыше всего! Вот лейтмотив ленинской теории социалистической революции.

Лениноведы долго и много, очень много писали о демократизме ленинской теории социалистической революции, о возможности не только вооруженного, но и мирного пути ее развития. У Ленина можно найти множество высказываний о том, что диктатура пролетариата вполне совместима с полной демократией²⁹. Однако, знакомясь с конкретной ленинской практикой, перестаешь понимать, что подразумевал вождь русской революции под демократией. Как можно увязать диктатуру одного класса (а точнее, партии) с признанием принципов народовластия, свободы и равенства всех граждан? Ведь это социальный расизм! Мы долгие десятилетия не имели права рассуждать об этом. Может быть, документ, собственноручно написанный Лениным, который я приведу полностью, и есть выражение синтеза диктатуры и демократии? Вот эта записка, пролежавшая более семи десятилетий в тайниках большевистского архива:

„В Пензу. Москва, 11 авг. 1918 г.

Товарищам Кураеву, Бош, Минкину и др. пензенским коммунистам.

Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес

всей революции (вот он, „интерес“ и высший смысл революции! — Д.В.), ибо теперь взят „последний решительный бой“ с кулачем. Образец надо дать.

1) Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них весь хлеб.

4) Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц-кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

P.S. Найдите людей подтверже³⁰.

Последняя фраза-приписка очень красноречива; даже не все большевики в состоянии реализовать этот чудовищный приказ. Нужны „люди подтверже“.

Ленин и после этой телеграммы не раз рассуждал о „демократии и диктатуре“. Неясно одно: при чем здесь „демократия“? Этот документ — приговор всей ленинской „теории“ социалистической революции. Что значит „100 заведомых кулаков, богатеев“? Кто эти обреченные люди? Сегодня мы знаем, что это самые трудолюбивые, работающие, умелые мужики. И их — „повесить“, „непременно повесить“, чтобы на „сотни верст народ трепетал“...

Комментировать этот ленинский документ не хочется, настолько он тяжел и говорит сам за себя. Хотя, я знаю, даже сейчас есть и найдутся защитники и этой телеграммы, мол, „обстоятельства“, „обстановка“ вынуждали принимать столь суровые меры... Но в таком случае „обстановкой“ можно оправдать все, что угодно.

Выступая на совещании президиума Петроградского Совета по вопросу продовольственного положения города 14 января 1918 года, Ленин предложил „применить террор-расстрел на месте — к спекулянтам“. Проект резолюции, составленной по его речи, одна страница с четвертью, испещрен словами: „революционные меры воздействия и кары“, „расстрел на месте“, „арест или расстрел“, „крайние революционные меры“³¹ и т.д. Стоит сопоставить, как Ленин возмущался против использования „казачьих нагаек“,

„царского террора“, „кровавой бойни“ Николая II... Или пули большевиков легче царских пуль? А может быть, они даже исцеляют? Чем лучше свергнутых властей оказался он сам? Перед зверствами гражданской войны, певцом которой он был, померкнет все, что было доселе трагического в России.

Может быть, Ленина заставила применять эти чудовищные меры „железная“ логика революции, вышедшая из-под контроля? Отнюдь. Находясь в октябре 1905 года в уютной и мирной Женеве, Ленин пишет ряд статей, писем в Петербург, которые лучше назвать инструкциями по подготовке и проведению восстания. Особенно характерен документ, озаглавленный „Задачи отрядов революционной армии“, в котором рассматриваются как „самостоятельные военные действия“, так и „руководство толпой“. Ленин категорически настаивает, что „отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии и пр. и т.д.)“. Ленин советует готовить места и людей, даже безоружных, способных с верхних этажей „осыпать войска камнями“, „обливать кипятком“, готовить „кислоты для обливания полицейских“, проводить „конфискацию правительственных денежных средств“. Всячески важно поощрять „убийство шпионов, полицейских, жандармов, черносотенцев“, при этом доверие к „демократам“, способным лишь на либеральную говорильню, — „преступно“³².

Пятистраничный документ, в котором будущий вождь октябрьского переворота, находясь вдали от гудящего Петербурга, поражает набором способов борьбы: обливание кипятком и кислотой (!), призывами к убийству полицейских, жандармов, черносотенцев...

„Теория“ социалистической революции опустила в прозаические долы бесчеловечного и бессмысленного террора. У Ленина нет и намеков на то, чтобы добиться своей цели иными средствами. Даже когда появилась Дума, Манифест Николая Второго, фактически предложившего путь к конституционной монархии (что было огромным шансом движения к демократии), позиции Ленина не изменились. В

ответ на обращение царя, предлагавшего дать „населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов“³³, большевики ответили призывом готовиться к новому насилию. Ленин призвал „преследовать отступающего противника“, „усиливать натиск“, выразив уверенность, что „революция добьет врага и сотрет с лица земли трон кровавого царя...“³⁴. Никаких компромиссов!

Эволюция ленинских взглядов на созыв и судьбу Учредительного собрания как элемент революции свидетельствует об их крайнем прагматизме. Пока был шанс использовать этот всенародный орган в интересах большевизма, Ленин поддерживал идею Собрания. Но как только выборы показали, что большевики остались в абсолютном меньшинстве, Ленин круто изменил свою тактику. Всероссийская комиссия, несмотря на всяческие препоны, смогла подготовить выборы в Собрание уже после октябрьского переворота, оценив его как „печальное событие“, повлекшее „полную анархию, сопровождавшуюся террором“³⁵. Когда Комиссия заявила, что „не находит возможным входить в какие-либо сношения с Советом Народных Комиссаров“³⁶, она была арестована.

Большевики, убедившись в непослушности народом избранного органа, просто распустили Учредительное собрание после первого дня работы в ночь на 6 января 1918 года. Ленин в своей речи на заседании ВЦИК в этот же день заявил, что Советы „несравненно выше всех парламентов всего мира“, а посему „Учредительному собранию нет места“³⁷. Безапелляционность его выводов потрясает. При этом Председатель Совнаркома прибег к явно демагогическому приему: „Народ хотел созвать Учредительное собрание — и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное. И теперь мы исполнили волю народа...“³⁸ Что же мог „почувствовать“ народ, когда Учредительное собрание просуществовало всего один день?! Этот прием — говорить от имени народа — твердо усвоили все его продолжатели: любое

сомнительное деяние прикрывалось мифической „волей народа“.

В ленинской теории социалистической революции, по сути, не было места ни представительным (выборным) учреждениям, ни непосредственной демократии. Вместо этих важнейших атрибутов народовластия предлагалась социалистическая революция, которая, по словам Ленина, „не может не сопровождаться гражданской войной...“³⁹. Ни Ленина, ни его соратников никогда не мучило сознание того, что народ их не уполномочивал на решение собственных судеб. Они просто узурпировали это право. „Русский народ, — писал в 1921 году в Варшаве Б.В.Савинков, — не хочет Ленина, Троцкого и Дзержинского, — не хочет не только потому, что коммунисты мобилизуют, расстреливают, реквизируют хлеб и разоряют Россию. Русский народ не хочет их еще и по той простой и ясной причине, что Ленин, Троцкий, Дзержинский возникли помимо воли и желания народа. Их не избирал никто“⁴⁰. Но так и должно быть, если следовать ленинской теории социалистической революции. При буржуазном парламентаризме большевики, конечно, никогда не имели никаких исторических шансов.

В канун революции, в августе—сентябре 1917 года, Ленин неожиданно занялся предвосхищением основ будущего коммунистического устройства. Он пришел к выводу, что „демократия есть форма государства“, но оно, однако, есть „организованное, систематическое применение насилия к людям“⁴¹. Некоторые теоретические рассуждения лидера российской революции отдают холодком по спине. Оказывается, „привычку“ соблюдать „основные правила человеческого общежития“ можно привить только угрозой насилия. Позволю привести довольно пространственный фрагмент из рассуждений Ленина о „высшей фазе коммунизма“, куда большевики вели миллионы людей несколько десятилетий.

Оказывается, что, „когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туенядцев, баричей, мошенников и тому подобных „хранителей традиций капитализма“, — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля сделается таким неизменно трудным, таким редчайшим исключением, будет со-

провождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой⁴². Ленин особый акцент делает на социальном контроле, считая, что, когда он „станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, некуда будет деться“⁴³.

Зловещие слова: „некуда будет деться“ осуществляются в стране буквально. По сути, ленинский „контроль“ — дамоклов меч насилия (не забывайте: „вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят“). Мало того что революция — апофеоз насилия (что еще можно как-то понять), но и сам путь движения после захвата власти тоже на буксире угрозы применения революционной силы. Но при этом, справедливо замечает Д.Штурман, написавшая ряд интересных работ о Ленине, „ни разу, нигде, ни в одной строке Ленина не прозвучало раздумье над тем, почему большевикам, на протяжении марта—октября 1917 года уверенно бравшим на себя обязательство немедленно дать народу все, о чем тот мечтает, не удалось до поворота к нэпу принести ему ничего, кроме разрухи, гражданской войны, голода и террора“⁴⁴. Видимо, не это было основным, ведь главное было сделано: власть была в руках партии! Ленин мог полагать, что этот исторический факт был его оправданием. Но история имеет особенность выносить свои вердикты много-много лет спустя после ушедших в прошлое событий.

Для Ленина революция — это социальный эксперимент. Не получилось в 1905 году, получится в 1917-м. Не получится... будем готовиться к следующей. В ноябре 1917 года Горький в статье „Вниманию рабочих“ написал: „Жизнь, во всей ее сложности, неведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, но он — по книжкам — узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем всего легче разъярить ее инстинкты. Рабочий класс для лениных-то же, что для металлиста руда. Возможно ли — при

всех данных условиях — отлить из этой руды социалистическое государство? По-видимому — невозможно; однако — отчего не попробовать? Чем рискует Ленин, если опыт не удастся?⁴⁵

Риск один: удастся ли благополучно вновь уехать за границу... Суть эксперимента — попытка овладения властью. Попытка самым потрясающим образом удалась.

Постепенно, но неуклонно терялась главная идея любой революции — свобода. Уже в самом начале она была заменена другой — идеей власти как предтечи свободы. Но чтобы получить власть, большевики повенчались навсегда с насилием, и в этом браке была похоронена свобода. Ленин как теоретик революции проявил себя как автор знаменитого обращения „К гражданам России“, декретов о мире и о земле. Но в этих документах исторического значения речь совсем не шла о свободе как высшей ценности, как главной цели революции. Это не было „Биллем о правах“ английской революции 1689 года, американской „Декларацией независимости 1776 года“, сформулировавших в качестве главных, фундаментальных целей своих социальных потрясений права человека и его свободы. Революция в России, формально дав людям мир и землю, идею свободы заменила лукавой отменой „эксплуатации человека человеком“. Никто еще не знал, что вскоре после 1917 года эксплуатация, переоблачившись в государственно-партийную мантию, вернется в самой беспощадной форме. Вернется, освятив „революционное насилие“, что будет иметь трагические последствия для судеб народов России.

Группа русских эмигрантов-интеллигентов, отторгнутых от родины, создаст в 1931 году в Париже журнал „Новый град“. Там печатались Бердяев, Степун, Лосский, Булгаков, Цветаева, Федотов, Бунаков, другие русские правдолюбцы. В программной статье первого номера журнала есть вещие строки: „Поколение, воспитанное на крови, верит в спасительность насилия и выдвигает идеал диктатуры против правового государства“⁴⁶. Что правда, то правда. Прошли десятилетия, и было всякое: героические порывы, осененные фанатичной верой, трагедии ликвидации целых слоев народа, великое подвижничество в спасении земли предков, долгая „окостенелость“ сознания, прозябание во

лжи... Но инстинкт веры „в спасительность насилия“ еще и сейчас живет во многих людях бывшего Союза. Семена, посеянные ленинцами, какими бы субъективно честными намерениями ни руководствовались некоторые из них, продолжают давать яacobинские всходы. Ленин, дав призрачную надежду на счастье людей, смог нащупать и уловить самый устойчивый и живучий элемент сознания — веру. Он постиг, что русские могут очень долго, десятилетиями, довольствоваться одними надеждами.

Едва ли кто сегодня всерьез воспринимает ленинскую теорию социалистической революции. Но веру, рожденную ее проповедями, еще долго не могут смыть с мостовой бытия ливни разоблачений, правды и новой исторической информации, вырвавшейся из заточения.

Революционеры были разные: боевики, связные, печатники, агитаторы. Высшими Жрецами профессиональных революционеров считались теоретики. Их можно было пересчитать на пальцах одной руки. Ленин не был Плехановым, но удивительно: стал основоположником теории ленинизма.

Феномен большевизма

Любой старшеклассник знал, что такое „большевики“ и „меньшевики“. Студенты считали за удачу вытащить билет по „Истории КПСС“, где предписывалось рассказать о II съезде РСДРП, Ленине, искровцах... Все до боли ясно и четко: Ленин и „твердые“ искровцы „считали партию боевой организацией, каждый член которой должен быть самоотверженным борцом, готовым и на повседневную будничную работу, и на борьбу с оружием в руках...“. Ну а „Мартов, поддержанный всеми колеблющимися и оппортунистическими элементами“, хотел превратить партию в „проходной двор“. Все ясно. „С такой партией, — назидательно поучала официальная биография Ленина, — рабочие никогда не смогли бы добиться победы — взять власть в свои руки“⁴⁷.

Если студенту на экзамене еще добавить, что за Лениным, хотя и колеблясь, нерешительно шел Плеханов, — высшая отметка в зачетке была гарантирована. Совсем необязательно было говорить, что на съезде прошло все-таки

предложение Мартова о членстве в партии. А вот при выборах центральных органов партии (ведь это власть!) большинство пошло за Лениным, и с этого времени его сторонников на съезде и в партии стали называть „большевиками“. Оппортунистов, которые при формировании руководящих органов РСДРП на съезде остались в меньшинстве, — естественно, „меньшевиками“.

Эта схема не просто кочевала из книги в книгу, она стала навязчивым догматическим стереотипом в общественном сознании. Уже вскоре после октября 1917 года слово „меньшевик“ стало по нарастающей синонимом: „оппортунист“, „буржуазный соглашатель“, „пособник буржуазии“, „союзник белогвардейщины“, „иностранный шпион“, „враг народа“. Естественно, и отношение к ним изменилось кардинально. Примерно так, как вопрос „О меньшевиках“ рассматривался 5 января 1922 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б). По докладу Уншлихта приняли лаконичное постановление:

„а) Поручить Уншлихту выбрать для поселения меньшевиков 2—3 уездных города, не исключая лежащих по железной дороге;

б) Не возражать против выезда меньшевиков за границу;

в) Если потребуется субсидия на выезд, поручить тов. Уншлихту представить в Политбюро особый доклад о размерах...“⁴⁸

Слава богу, пока еще не стреляли своих бывших однопартийцев, а лишь ссылали и высылали. Но очень скоро начнутся и расстрелы... массовые.

Известный меньшевик Мартынов вспоминал, что однажды, будучи за рубежом, они зашли с Лениным в „ресторанчик“. Разговорились о программе партии, ее тактике, задачах пролетарской революции и т.д. „И по всем этим пунктам мы с товарищем Лениным оказались солидарными. Но вот в конце беседы он меня спрашивает:

— А как вы относитесь к моему организационному плану?

— Считаю его неправильным; вы хотите создать партию наподобие какой-то македонской четы. Этого принципа не знает ни одна из социал-демократических партий Запада...

Ленин в ответ заявил:

— Значит, в этом пункте со мной не согласны?

— Да.

— Ну, раз так, тогда нам вообще с вами больше разговаривать не о чем.

И с тех пор, пишет Мартынов, наши дороги разошлись...⁴⁹

Таков был Ленин.

Взяв за основу организационный, количественный, в известном смысле технический признак, ставший водоразделом между двумя крыльями российской социал-демократии, он целиком отодвинул в тень атрибуты неизмеримо более важные.

Если сказать коротко и, как уверен автор, более точно, межа, разделившая партию на „большевиков“ и „меньшевиков“, была совсем другой, не организационной. По сути, социал-демократами оказались лишь меньшевики. Именно они признали демократию, парламентаризм, политический плюрализм той константой, которая способна предотвратить превращение насилия в универсальный метод социального развития. Для них демократия стала непреходящей ценностью, а не политической ширмой и антуражем. Да, меньшевики вначале не открестились от идола диктатуры пролетариата, но их приверженность к ней все слабела, пока не исчезла совсем.

Большевики, наоборот, чем дальше шли, тем сильнее крепло их убеждение в спасительной роли диктатуры пролетариата. Это были российские якобинцы и радикалы. Не случайно, заполучив в октябре 1917 года неслыханный приз — власть в гигантской стране, большевики посчитали, что это победа не только над буржуазией, но и над своими вчерашними „однополчанами“ — меньшевиками. „Октябрь означает, — заявил самый верный ленинец Сталин, — идеологическую победу коммунизма над социал-демократизмом, марксизма над реформизмом“.

Но почему же большевизм одержал верх? Почему их программа оказалась привлекательной? Почему большевики уцелели, когда стало ясно, что они выражают интересы лишь „профессиональных революционеров“? Ответы на эти вопросы могут, на мой взгляд, помочь познать феномен большевизма.

Большевизм как радикальное течение в российском социал-демократизме одержал верх над всеми другими революционными партиями потому, что в решающий, критический момент своей истории смог найти струну, звучание которой отразило интересы большинства народов России. Ленин и большевики блестяще разыграли карту империалистической войны, которая никому, в сущности, не была нужна. Молох войны пожирал все новые и новые миллионы человеческих жизней.

Весть о начале войны вызвала сначала в эмиграции шок, интеллектуальное смятение, а затем быстрое нарастание оборонческого движения. В первых рядах „оборонцев“ оказались Г.Плеханов, В.Левицкий, В.Засулич, П.Маслов, Н.Д.Авксентьев, Б.В.Савинков и многие другие видные социал-демократы. Уже в августе—сентябре началось волонтерское движение. Сотни эмигрантов из России, охваченные патриотическим порывом, стали записываться добровольцами в армии стран Антанты. По данным Григория Арансона, в рядах добровольцев оказалось около тысячи российских социал-демократов⁵⁰.

Но быстро определилась и большая группа интернационалистов, выступивших против империалистической войны вообще. Особо видное место в этой группе социал-демократов занимал Ю.Мартов. Он призывал к объединению всех прогрессивных сил в борьбе против милитаристской политики империалистических государств, предлагал в этой деятельности „не танцевать от печки антибольшевизма“, но не допускал и „пораженческих“ мотивов в своей позиции. „Неверно, — писал Мартов, — будто всякое поражение ведет к революции, всякая победа — к победе реакции“⁵¹.

Ортодоксальные большевики, настоящие „профессиональные революционеры“ с самого начала войны заняли иную позицию. Ленин, по словам С.Ю.Багоцкого, узнав 23 июля (5 августа) о том, что немецкие социал-демократы голосовали в рейхстаге за „бюджет войны“, тут же заявил: „С сегодняшнего дня я перестаю быть социал-демократом и становлюсь коммунистом“⁵². Перебравшись из Поронино с помощью австрийских депутатов В.Адлера и Г.Диаманда в Швейцарию, Ленин развивает бурную литературную деятельность. Из-под его пера выходят десятки статей, резолю-

ций, призывов. Первой крупной реакцией на войну была резолюция группы революционеров „Задачи революционной социал-демократии в европейской войне“, написанная Лениным. Ленин без колебаний написал фразу, которая долгие десятилетия в советской литературе считалась святой: „С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России...“⁵³ На этом Ленин не остановился; в ноябре 1914 года в „Социал-демократе“ лидер большевиков пошел дальше: „Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг...“⁵⁵

Ленин фактически выступил за поражение собственной страны и превращение тяжелейшей войны в еще более ужасную, кошмарную — гражданскую. Это было неслыханно. Впрочем, еще после поражения царизма в Порт-Артуре в ленинских статьях звучали мотивы удовлетворения этим событием. Да, война ужасна, но Ленин отвергает идею мира как „буржуазно-пацифистскую“. Мир — только через революционную войну⁵⁵.

Возможно, с точки зрения революционной логики захвата власти ленинская стратегия и верна. Но она глубоко цинична в нравственном отношении. Конечно, одно дело желать поражения российской армии, проживая в чистеньком и спокойном Берне, и другое — находясь в залитых грязью и кровью окопах „германской войны“. Но Ленин фактически призывал, чтобы страшным полем этой войны стала вся Россия. Это пропускали мимо ушей. О гражданской войне никто не хотел слушать, ведь никто не верил тогда в социалистическую революцию! Хотя Мартов предупреждал в самом начале империалистической войны, но не был услышан: Ленин хочет „погреть в фракционном фанатизме свои руки около зажженного на мировой арене пожара“⁵⁶.

В своем письме к Шляпникову 17 октября 1914 года Ленин писал: „...наименьшим злом было бы теперь и тотчас — поражение царизма в данной войне. Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма... Направление работы (упорной, систематической, долгой, может быть) в духе превращения

национальной войны в гражданскую — вот вся суть. Момент этого превращения — вопрос иной, сейчас еще неясный. Надо дать назреть этому моменту и „заставлять его назреть“ систематически... Мы не можем ни „обещать“ гражданской войны, ни „декретировать“ ее, но вести работу — при надобности и очень долгую — *в этом направлении* мы обязаны...“⁵⁷ ...Царизм во сто крат хуже кайзеризма...“ Как много сказано в этих фразах.

Статьи подобного содержания за подписью Ленина стали появляться в эмигрантской печати. Вождь большевиков походя поругивал в них и „империалистическую Германию“. Но в Берлине сразу заметили нового союзника в Швейцарии и сделали далеко идущие выводы.

Сегодня кое-кто говорит, что генерал Власов, сдавшись в плен немецким войскам в 1942 году, стал бороться со Сталиным. Это историческая неправда. Он боролся с собственным народом, которым управлял диктатор. Ленин поступил не лучше: ведь царь русский в „сто раз хуже“ немецкого кайзера. Ленин, еще не видя реальных путей прихода к власти в России, фактически счел нужным занять сторону ее врага. Правда, прикрываясь иногда интернациональными одеждами и поругивая „германский империализм“.

Когда народ был измучен войной до предела, а государственная власть, по существу, стала валяться на мостовой Петрограда, в обмен на обещание народу мира большевики получили фантастически легко — власть. Все как-то забыли о старых призывах Ленина к гражданской войне. Но, получив власть, он уже не мог остановиться, ведь, по мнению вождя, до социализма осталось так близко! Если убрать с дороги „вчерашних“, можно беспрепятственно проводить великий эксперимент. По существу, дав мир (призрачный, очень короткий), дав землю (которую тоже со временем отберут, превратив крестьян в крепостных XX столетия), Ленин забрал в итоге у людей и обещанную свободу, которой, справедливости ради стоит сказать, в России и так было далеко не в избытке...

Но почему же уцелели большевики? Благодаря лидеру революции и безграничному насилию, которое было использовано для защиты неожиданно свалившейся в руки власти. Ленин оказался идеальным лидером для этой ситуа-

ции. Весьма любопытны в этом смысле размышления А.Н.Потресова о Ленине из неоконченных им мемуаров. „Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой, — писал Александр Николаевич, — не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал — господства над ними. Плеханова — почитали, Мартова — любили, но только за Лениным бесспорно шли, как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатичную веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя... Но за этими великими достоинствами скрываются также великие изъяны, отрицательные черты, которые, может быть, были бы уместны у какого-нибудь средневекового или азиатского завоевателя...“⁵⁸ Так писал Потресов о Ленине. А Ленин оценивал Потресова в присутствии ему духе более лаконично: „Экий подлец, этот Потресов!“⁵⁹

Ленин, получив власть, быстро сформировал штаб „продолжения революции“, состоящий из людей, готовых на все, чтобы не утратить завоеванное. Любой ценой. Ленин оказался абсолютным прагматиком, способным перешагнуть через любые принципы, нормы, обещания, программы. Таким был большевизм.

В 1921 году эсеры в подполье выпустили брошюру „Что дали большевики народу“. В ней говорилось, что новые хозяева не выполнили ни одного из своих программных обещаний. В тексте отмечалось, что вместо обещанного мира страна была ввергнута в трехлетнюю кровавую гражданскую войну и население России сократилось на 13 миллионов человек (гибель на фронтах, тиф, террор, эмиграция и т.д.). Голод свирепствует в России; крестьяне хлеб не сеют, потому что знают — его отберут. Разрушена промышленность. Россия оказалась отрезанной от мира; от нее отвернулись почти все. Установлена диктатура одной партии. ЧК — государство в государстве. Учредительное собрание разогнано. Власть ведет войну с собственным народом...⁶⁰

Тезисно пересказав содержание брошюры, подготовленной оппонентами большевиков, нельзя утверждать, что они слишком сгустили краски. Большевики, получив историче-

ский приз — абсолютную, монопольную власть, оказались способны на любые шаги, чтобы ее удержать, хотя для всех трезвомыслящих людей было ясно: „пришпоривание“ истории во имя ленинских химер обязательно отомстит народу. Но именно путем диктатуры, насилия, террора большевикам удалось заложить глубокий фундамент тоталитаризма.

Ленин сам умел показывать пример большевистской беспощадности: уже тогда это стало называться классовой революционной добродетелью. Вот один (из многих) документов, показывающих, почему большевикам удалось устоять. Летом 1920 года, утверждая власть большевиков, Ленин широко инициировал террор: открытый и тайный. Террор против остатков буржуазии, сочувствующих ей, меньшевиков, эсеров, просто инакомыслящих. Своей рукой вождь революции написал:

„т. Крестинскому.

Я предлагаю тотчас образовать (для начала можно тайно) комиссию для выработки экстренных мер (в духе Ларина. Ларин прав). Скажем, Вы + Ларин + Владимирский (Дзержинский) + Рыков?

Тайно подготовить террор: необходимо и срочно...

Ленин⁶¹.

Да, для исполнения таких личных распоряжений вождя нужны люди „особые“, из беспощадных фанатиков, руководимых „профессиональными революционерами“. Короткая ленинская фраза: „тайно подготовить террор: необходимо и срочно“ — говорит о многом. О том, например, что так должны быть готовы поступать все большевики. Революция, по Ленину, свершена во имя народа. Ну а теперь он, этот народ, должен „трепетать“. Ленин любил секреты, поэтому тайно готовить террор — это более революционно, это наверняка. Читая такие документы (а их в секретном фонде вождя немало), начинаешь глубже понимать феномен большевизма.

Знаю, и сейчас найдутся люди, которые укажут: обратите внимание, когда продиктован документ! Ведь это лето 1920 года! Да, знаем, что тогда было. Но зачем народу строй, режим, который добивается своих целей с помощью террора как государственного метода? Насилие — стиль большевиков и их вождя. Сталину было у кого учиться. К

слову, свой двухтомник о Сталине я писал до 1985 года, когда не мог знать все эти документы; их по поручению ЦК надежно стерел академик Г.Л.Смирнов, до него поспеловы, федосеевы, сорины, ардаматские и другие большевики. А мы все, и я в том числе, безгранично верили в „величайший гуманизм“ пролетарского вождя.

Раскрывая феномен большевизма, мы пришли внешне к парадоксальному выводу: их власть означает диктатуру меньшинства... Действительно, звучит необычно: большевизм — это власть меньшинства. На эту особенность обратил внимание еще в 1919 году Ю.О.Мартов, начавший писать большую книгу об идейно-психологических корнях большевизма. Книга не была закончена и в таком виде опубликована в 1923 году Ф.Даном (конечно, уже не в России, а Германии).

Отвергнутый новым режимом лидер меньшевиков, будучи уже тяжелобольным, писал, что Ленин обещал „тотчас осуществить меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) выборность и сменяемость власти, 2) плата не выше рабочего, 3) все будут исполнять функцию контроля и надзора, чтобы никто не стал бюрократом...“. И что же? Мартов продолжает: „Действительность жестоко обманула все эти иллюзии. Советское государство не установило ни выборности, ни сменяемости; не отменило профессиональной полиции, не растворило суда в непосредственном правотворчестве масс... Напротив, в своем развитии оно проявляет обратную тенденцию — к крайнему усилению государственного централизма, к максимальному развитию иерархического и принудительного начал в общественной, к разрастанию и пышному расцвету всех специальных органов государственной репрессии...“⁶² Фактически лозунг „Вся власть Советам“ был заменен, как точно подметил Мартов, лозунгом „Вся власть большевистской партии“. А это есть диктатура крайнего меньшинства пролетариата. Или еще точнее — диктатура над пролетариатом. Таков феномен большевизма. Их высший орган — Политбюро ЦК стало обладать властью, какой не обладал ни один император...

Вот лишь некоторые решения этого „общественного органа“, обладавшего исключительной властью. Решения приняты при активном участии Ленина.

— На заседании Политбюро 26 апреля 1919 года реше-

но: если будут повторные случаи сбрасывания бомб на мирное население — расстрелять часть заложников⁶³.

— На заседании Политбюро 24 июня 1919 года решено, что к лицам, не сдавшим оружие в установленный период, должны применяться самые строгие меры вплоть до расстрела...⁶⁴

— На заседании Политбюро 4 мая 1920 года решено послать Орджоникидзе телеграмму за подписью Ленина и Сталина с запрещением „самоопределять Грузию“⁶⁵.

— На заседании Политбюро 6 мая 1920 года решено арестовать съезд сионистов и опубликовать материал, компрометирующий делегатов съезда⁶⁶.

— На заседании Политбюро 9 октября 1920 года решено провести на съезде Пролеткульта резолюцию о подчинении Пролеткульта партии...⁶⁷

Можно продолжать бесконечно. На каждом заседании Политбюро (на отдельных рассматривалось до 40 вопросов) весьма мало решалось партийных дел. Партия стала государственным органом, и это в огромной мере раскрывает феномен большевизма, как и его корни грядущего неизбежного исторического поражения.

Ленин создал партийно-государственную систему, которая стала быстро создавать новый тип человека. О нем, этом типе, весьма убедительно сказал Н.А.Бердяев: „В новом коммунистическом типе мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадания. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость. Этот новый душевный тип оказался очень благоприятным плану Ленина, он стал материалом организации коммунистической партии, он стал властвовать над огромной страной... Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой... Народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, но он кротко и смиренно нес свою страдальческую долю... Но наступил час, когда он не пожелал больше терпеть... Кротость и смиренность может перейти в свирепость и разъяренность. Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа...“⁶⁸

Можно сказать, что большевизм как политическое и идеологическое явление есть синтез социального якобинства, радикального марксизма, русского бланкизма. Это попытка построить Храм Добра руками рабов. К добру — через зло. Ярчайшим персональным выразителем большевизма явился его вождь — Владимир Ильич Ленин. В его мировоззрении, ставшем идеологией большевиков, рельефно был выражен максимализм, отрицание традиционных демократических форм (например, парламентов), ставка только на революционные, а не реформистские методы, обожествление насилия, макиавеллизм в политике. При мощном уме, сильной воле, убежденности в своей правоте эти атрибуты мирозерцания казались весьма привлекательными для людей, которые надеялись и верили в возможность фантастического скачка из царства необходимости в царство свободы.

Когда Ленин написал „Шаг вперед — два шага назад“, Мартов, отвечая на разную критику автора брошюры, писал: „Что-то геростратовское видится в его с лучшими намерениями, конечно, предпринятом деле... Стоит читать эти строки (в брошюре Ленина), дышащие мелкой, подчас бессмысленной, личной злобой, этой поразительной самовлюбленностью, этой слепой, глухой и вообще какой-то бесчувственной яростью, это бесчисленное повторение одних и тех же бессодержательных „бойких“ и „хлестких“ словечек, чтобы убедиться, что перед нами человек, фатально вынужденный катиться дальше по той плоскости, на которую он „стихийно“ встал и которая прямехонько ведет его к полному политическому развращению и раздроблению социал-демократии“⁶⁹.

Видимо, это не только один из срезов портрета лидера большевиков, но пророчество подстерегающей их опасности „развращения“ и „раздробления“. Вся последующая история большевизма есть история уничтожения российской социал-демократии любых оттенков. Здесь большевики преуспели фантастически, уничтожив миллионы за одно подозрение в инакомыслии. Это ли не чудовищное „развращение“!

Борясь с инакомыслием в своей партии, Ленин очень заботился, чтобы для истории все было запечатлено в протоколах, программах, решениях. Считая всегда себя правым,

он хранил многие мелкие записки, наброски речей, планов, возил их с собой при переездах. Он заверял, что станет великим. Анжелика Балабанова, человек очень сложной судьбы, хорошо знала Ленина еще задолго до революции. Когда в 1921 году она порвала с большевизмом и выехала из России, спецслужбы Москвы долго следили за ней. Например, в архиве НКВД есть одно из многих донесений о ней, где сообщается, что в 1928—1929 годах Балабанова была женой Муссолини, вела кампанию по защите Троцкого и т.д. „Разработку“ на нее под кличкой Тина вел 3-й отдел 1-го управления НКГБ СССР⁷⁰.

Освободив Балабанову от должности секретаря Исполкома Коминтерна, Политбюро строго-настроено ей запретило „оглашать ее расхождения с ЦК“⁷¹. Однако Анжелика опубликовала на Западе ряд статей, которые затем вышли книгой „Впечатления о Ленине“. Она, в частности, пишет: „С самого начала меня поразило то значение, которое Ленин придавал каждой новостке дня, каждому слову в ней, даже каждой запятой. Он мог часами обсуждать незначительные детали. Все это убедило меня, что это значило для него в контексте истории. Он хотел, чтобы в анналах истории была отражена верность его позиции и ошибочность других“⁷².

Партия, „дробясь“, отсекала от себя безжалостно „фракции“, „уклоны“, „платформы“. Фанатизм не позволял видеть, что это было лишь разномыслие, а не однодумство, творческие поиски, а не догматическая окаменелость. Партия дробилась до тех пор, пока к началу тридцатых годов не остался сталинский монолит, начисто утративший способность к переменам. А это неизбежно вело и привело орден к историческому краху.

Большевизм — это непримиримость. Ленин был ярким примером неуступчивости, готовности к противоборству, унижению и ликвидации оппонентов. Читая переписку Ленина с революционерами, теоретиками, писателями, убеждаешься в постоянной его заряженности на конфронтацию, разоблачение, отрицание. В марте 1908 года Ленин писал из Женевы Горькому: „Дорогой А.М.! ...Газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра другого и ругаюсь матерными...“⁷³

Таковы были большевики. Они шли к цели, ведомые сильным, волевым, умным вождем. Крупный английский историк Э.Карр считает, что этот человек обладал „величайшим искусством политического стратега и политического тактика“⁷⁴. Имея в качестве главной цели захват власти, Ленин, исходя из этого, строил партию, способную решить такую задачу. „Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть, — писал Ленин, — строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров“⁷⁵. Далеко не все были согласны с этой доктриной.

Ленин и меньшевики

„Большевики“ и „меньшевики“, как близнецы, родились в одном году, в одно время, в 1903-м. А умирали совсем по-разному и в разное время. Причем большевики все сделали, чтобы меньшевики никогда не поднялись. Они не просто поставили их вне закона, но и долгое время преследовали в собственной стране и за рубежом.

...В моих руках пухлое дело „Меньшевики“, десятилетия пролежавшее в секретных архивах ИНО ОГПУ—НКВД. Здесь досье слежки за лидерами меньшевиков Даном, Абрамовичем, Николаевским, Юговым, Розенфельдом, Шварцем, Гурвичем, другими известными российскими социал-демократами⁷⁶. Комиссар государственной безопасности 2-го ранга Слуцкий докладывает своему руководству: 11 февраля 1937 года Дан в меньшевистском клубе Парижа прочел доклад (в духе его статьи в „Социалистическом вестнике“ — „Смертный приговор большевизму“), в котором утверждал, что коллективизация означает колоссальное укрепление диктаторского режима и окончательную гибель демократических надежд русской революции. Пора полностью отказаться от реформистских иллюзий, связанных с большевиками. Но чем крепче диктатура ученика Ленина большевика Сталина, тем меньше исторических шансов на демократическое развитие⁷⁷.

...А вот аналитический обзор агента Аякса от 1 июля 1939 года начальнику 4-го отдела ГУГБ—НКВД.

„Заграничная делегация меньшевиков“.

Общий состав членов заграничной делегации медленно, но постепенно уменьшается. Осталось 8 членов, а фактически 7, т.к. Б.Николаевский не принимает сейчас никакого участия в работе заграничной делегации...“ Далее дается подробная, на несколько страниц, характеристика Ф.И.Дана. Приведем пару фрагментов.

„...Федор Ильич Дан — Председатель. Вместе с Р.Абрамовичем представляет меньшевиков во II Интернационале. Вместе же с Абрамовичем редактирует „Социалистический вестник“. Дан близко связан с Блюмом, Миральским, Брок. Шведская соц. партия дала меньшевикам деньги на издание журнала. Связи с белой эмиграцией Дан осуществляет через жену Лидию Осиповну. С Керенским у Дана взаимно-иронические отношения...“

Родственники у Дана в СССР: брат Гурвич в Москве. Один племянник в Ленинграде, научный работник. Другой племянник — Лев Гурвич — меньшевик, где сейчас проживает — не знаю. Родственники Лидии Осиповны: Сергей Осипович Цедербаум, брат, его жена Конкордия Ивановна Цедербаум, Владимир Осипович Цедербаум, Андрей Крапфельд — племянник. В свое время Лидия Осиповна Дан посылала этой родне посылки. Когда Екатерина Павловна Пешкова бывала за границей, Дан встречался с ней и получал подробный отчет о всех лично ему известных меньшевиках...“⁷⁸

И так о многих меньшевиках, бывших членах РСДРП, людях, знавших Ленина, сотрудничавших, а затем полемизировавших и враждовавших с ним. Все эти донесения — свидетельство постоянной слежки органов НКВД за теми людьми, которые вместе с Лениным начинали российскую эпопею. Эти люди — социал-демократическое крыло российских революционеров, разошедшихся с большевиками с 1903 года. И хотя попытки объединиться предпринимались неоднократно — все безуспешно. Они были слишком, слишком разными. Большевики — певцы диктатуры, насилия, монополии на власть. Меньшевики слишком уповали на парламентаризм, открытую демократию, чтобы найти общий язык с большевиками. Хотя цель у тех и других была вроде

*Так именовался руководящий орган меньшевистской партии за рубежом.

общей: создание социалистического общества. Но коренное различие средств и способов ее достижения превратило „братьев-близнецов“ в непримиримых соперников и бессрочных врагов.

Характерно, что, когда пришел бурный 1905 год, Ленин думает только о восстании, военно-боевой работе, тактике уличной борьбы, захвате власти; у него и мысли нет об использовании иных средств. Вскоре после Кровавого воскресенья Ленин пишет целую обойму статей, заметок, памфлетов, одни названия которых говорят сами за себя: „Канун кровавого воскресенья“, „Число убитых и раненых“, „План петербургского сражения“, „Царь-батюшка“ и баррикады“, „Кровавый день“, „Озлобление против войск“...⁷⁹ Ленин пишет письмо В.В.Филатову с предложением быстро написать брошюру о баррикадной тактике уличного боя⁸⁰. После получения письма от священника Г.А.Гапона Ленин составляет список групп и партий, с которыми возможны боевые соглашения на период грядущего восстания⁸¹. В своей статье, опубликованной в газете „Вперед“, Ленин формулирует стратегическую цель восстания в буржуазно-демократической революции в России: установление диктатуры пролетариата и крестьянства⁸².

Ленин пишет, читает, формулирует, призывает, спорит, находясь вдали от революционных событий на своей родине. Лидер большевиков со своими сторонниками долгие часы проводит в кафе „Ландольт“, обсуждая планы подготовки вооруженного выступления против царизма. На открывшемся в апреле 1905 года в Лондоне III съезде РСДРП(б) Ленин, будучи его председателем, особое внимание уделяет военным вопросам; он верит, что „царизм прогнил“ и нужно помочь ему рухнуть. На одном из заседаний съезда Ленин выступает с большой речью о вооруженном восстании, готовит резолюцию по этому вопросу, убеждает делегатов в реальности переворота...⁸³

И все это время с не меньшей яростью своих нападок на самодержавие подвергает критике меньшевиков. В статьях, беседах, письмах к соратникам (например, к С.И.Гусеву) призывает, требует усилить борьбу с меньшевиками⁸⁴. В то время когда меньшевики предлагают активно использовать булыгинскую Думу, Ленин требует, настаивает, добивается

ее бойкота. Ведь любой парламент, по его видению, — „буржуазная конюшня“. Когда Ленин прочел статью Мартова „Русский пролетариат и Дума“, напечатанную в венской „Рабочей газете“, он пришел в бешенство, ибо его давний соратник, а затем непримиримый оппонент призывает социал-демократов участвовать в выборах в царский парламент. Он тут же написал гневную заметку против Мартова и приступил к написанию статьи „В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?“⁸⁵. Сама мысль добиваться социалистических, демократических, прогрессивных целей путем реформ, парламентаризма, легальной общественной борьбы ему кажется кощунственной. Только революция, только насильственный слом самодержавного дредноута, только уничтожение эксплуататоров! Ленин лишен гибкости, способности почувствовать колоссальные возможности легальной, парламентской деятельности. Его речи и статьи дышат ненавистью к либералам, реформистам, среди которых, конечно же, наиболее опасные, по его мнению, российские меньшевики.

Поздно вечером 17 октября 1905 года Ленин узнает о Высочайшем Манифесте Николая Второго. Он увидел в этом выдающемся историческом документе только тактический маневр царя и буржуазии. Думаю, что и мы всегда относились к этому детищу статс-секретаря графа Витте подобным образом. Царь, по воспоминаниям очевидцев, многократно обсуждавший проект Манифеста с Витте, другими лицами ближайшего окружения, понимал: он становится на путь конституционной, парламентской монархии. Наконец, произнес: „Страшное решение, но я принимаю его сознательно...“ — он поставил свою подпись под документом, озаглавленным:

„Высочайший Манифест.

Божиею милостью,

Мы, Николай Второй, император и самодержец Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая“.

Документ действительно необычный. Судите сами. Я приведу лишь несколько фрагментов:

„1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. ...Привлечь теперь же к участию в Думе... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, представив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей...⁸⁶

Самодержавие сознательно отступало и давало большой исторический шанс демократическому развитию. Если бы социал-демократы не окрестили с самого начала Манифест „обманом“, а боролись за его реализацию, история страны могла быть другой. Возможно, что Россия по государственному строю чем-то походила бы на Великобританию, а имена Ленина, Троцкого, Сталина никто, кроме специалистов-историков, сегодня и не знал бы. Возможно, то был путь к историческим реформам в одной из величайших империй. Но этого не произошло, а в результате разрушения царской империи возникла другая, неизмеримо более тираническая.

Манифест был расценен как явное проявление слабости. Ленин засобирался наконец в Россию, чтобы лично участвовать в похоронах самодержавия. Он был уверен в этом. Названия статей Ленина не дают оснований усомниться: „Приближение развязки“, „О новом конституционном манифесте Николая Последнего“, „Умирающее самодержавие и новые органы народной власти“... На время были даже отодвинуты в сторону растущие разногласия с меньшевиками. А они, как и либералы вообще, все больше сомневались в правоммерности насильственного изменения существующего строя в России. Иначе, полагал Мартов, неизбежен разрыв демократии и социализма. Даже достаточно консервативные, но думающие политики, как граф Витте, проницательно полагали, что корни волнений в России — „в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя.

Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы“. Витте предлагал царю „устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству“⁸⁷.

Уступки, на которые пошли правящие круги, не были оценены. Напряжение нарастало. Большевики как могли форсировали события, используя недовольство рабочих. Однако ставка Ленина на широкое насилие, террор все больше отдаляла меньшевиков от идеи нового объединения. В сентябре 1908 года Мартов, все больше узнавая Ленина, с отчаянием писал Аксельроду: „Признаюсь, я все больше считаю ошибкой самое номинальное участие в этой разбойничьей шайке“⁸⁸. Мартов, Аксельрод не хотели мириться с сектантством, заговорщическими методами, фанатичной привязанностью к якобинству.

Меньшевики больше хотели объединения, чем большевики. Но на условии сохранения демократических начал в партии. Ленин для себя давно уже решил невозможность реального объединения при наличии столь полярных взглядов у обеих фракций. В частности, Г.В.Плеханов заметил и понял это раньше других, назвав деятельность Ленина в этом направлении „дезорганизаторской“. В своей статье „Всем сестрам по серьгам“ старейший российский социал-демократ не без сарказма отмечал: „Организационная политика т. Ленина (а стало быть, и тт. ленинцев) как две капли воды похожа на дезорганизацию. Я советовал бы названному товарищу почаще перечитывать щедринский устав о свойственном градоправителю добросердечии. Восьмая статья этого устава весьма благоразумно напоминает, что „казнить, расточать или иным образом уничтожать обывателей надлежит с осторожностью, дабы не умалился от таковых расточений Российской империи авантаж“. А вот т. Ленин слишком часто обнаруживает склонность „казнить, расточать или иным образом уничтожать“ тех членов нашей партии, которые не одобряют его направления“⁸⁹.

Ленин, по словам Плеханова, не может обходиться без того, чтобы постоянно не пытаться „известить“ меньшевиков. „Мышам всегда надо грызть что-нибудь, — писал Плеханов, — потому что иначе у них слишком отрастают зубы. Ленину и его ближайшим единомышленникам всегда надо

кого-нибудь отлучать от церкви приблизительно по той же причине: иначе у них слишком отросли бы зубы... которые, очевидно, нельзя назвать зубами политической мудрости⁹⁰. По Ленину, считает Плеханов, объединение двух фракций представляется так: его фракция поглотит, а стало быть, и подчинит себе все остальные элементы российской социал-демократии.

Крупнейший российский теоретик-марксист понимает, что линия Ленина на „поглощение“ и „подчинение“ меньшевиков лишает российских революционеров демократических основ, а это может иметь тяжелые последствия. „Ленин, — пишет Плеханов в своем „Письме к сознательным рабочим“, — выдвигает на первый план не то, что есть общего у его фракции с другой фракцией, — которая ведь тоже имеет корни в рабочем движении, — а то, что отделяет ее от нее... Он сектант: неисправимый сектант; сектант до конца ногтей. Он недорос до точки зрения классового движения. В этом смысле он останется недорослом до гроба...“⁹¹

Не знаю, как насчет точки зрения на „классовое движение“, думаю, как раз здесь Ленин и является непревзойденным жрецом метафизического толкования этого принципа, а вот в отношении сектантства — замечание абсолютно точное. Ставка на нелегальную работу, видение врагов буквально во всех, кто придерживается иной точки зрения, не жели большевистский ЦК, претензии на абсолютную истину — визитная карточка политического сектантства.

Ленин не смог „ужиться“ ни с одной партией ни до октября, ни после него. Меньшевики, эсеры, не говоря уже о российских либералах-кадетах, все пошли „под нож“, все быстро сгнули с политической сцены России, как только режиссером этого исторического спектакля стал Ленин.

Как только приблизилась кульминация российской драмы, обреченная поражениями на фронтах империалистической войны, голодом, разрухой, большевики сконцентрировали свою мысль, волю, действия на одном: подготовке вооруженного восстания. А меньшевики остановились на лозунге „Мир и свобода“, созыве Учредительного собрания, выработке Конституции. Ленин расценил эту стратегию как предательскую, ослабляющую шансы революционеров на победоносное вооруженное восстание.

В конечном счете дилемма отношения двух фракций к революционному движению в России поляризовалась следующим образом: большевики за социализм на базе диктатуры; меньшевики тоже за социализм, но на основе демократии. Соотношение и борьба категорий социализм — диктатура — демократия, за которыми стояли реальные процессы, навсегда развела тех, кто вместе начинал в конце XIX века строить здание социал-демократии. „Мы знаем, — писал Ф.И.Дан, — как парадоксально разрешила впоследствии жизнь проблему демократия — социализм. Меньшевизм стал все больше превращать борьбу за „буржуазную“ политическую демократию и ее охранение в свою первоочередную задачу, а большевизм — ставить на первый план „строительство социализма“, выбрасывая за борт и атакуя самую идею „последовательной демократии“⁹².

Федор Ильич Дан, переживший Ленина почти на четверть века и лично хорошо знавший вождя русской революции, основную часть своей жизни (за исключением последних пяти—семи лет) был вместе с Мартовым (умер в 1923 году) политическим и идейным лидером меньшевизма. Неоднократно подвергавшийся арестам и ссылкам царским режимом за свою революционную деятельность, Ф.И.Дан страстно боролся за сохранение в РСДРП демократических традиций и тенденций. Его звезда взметнулась особенно высоко с приходом 1917 года. Ф.И.Дан был товарищем Председателя (Н.С.Чхеидзе) Исполкома Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов, стал главным редактором „Известий“ и до октябрьских событий вместе с И.Г.Церетели был одним из ярких выразителей демократического крыла российской социал-демократии. Весьма символично, что именно он открыл 25 октября (7 ноября) II Всероссийский съезд Советов. Но после того как голосами большевиков и левых эсеров съезд одобрил и поддержал только что состоявшийся государственный переворот, Дан вместе с остальными меньшевиками в знак протеста покинул съезд.

Все три года после этого Дан вместе с Мартовым, другими лидерами меньшевиков, используя легальные средства, представлял демократическую оппозицию большевикам. В ленинских выступлениях этого периода содержится множество язвительных и оскорбительных филиппик в адрес сво-

их вчерашних „сопартийцев“. Само слово „социал-демократ“ в устах большевиков стало ругательным, оскорбительным. До начала двадцатого года меньшевики еще как-то полулегально существовали. Затем по решению Политбюро начались откровенные гонения и преследования. Вначале решение об их судьбе было „полужестким“.

На состоявшемся 22 июня 1920 года заседании Политбюро ЦК РКП(б) обсудили специальный вопрос „О меньшевиках“. Члены ареопага сошлись на том, что нужно „пресечь“ любую политическую активность „этих пособников буржуазии“ и пока ограничиться высылками. Решение было коротким: „Объявить всем наркомам, чтобы меньшевиков, работающих в комиссариатах и сколько-нибудь способных играть политическую роль, не держать в Москве, а рассылать по провинции, в каждом отдельном случае после запроса ВЧК и Оргбюро“⁹³. Одновременно по стране шли аресты меньшевиков. К Ленину, в Политбюро шли протесты, просьбы об освобождении. Например, 14 октября на заседании Политбюро было рассмотрено предложение Мчеладзе об освобождении группы меньшевиков. Присутствовавшие на заседании Ленин, Сталин, Калинин, Молотов, Каменев, Крестинский, Преображенский, Рыков, Луначарский дружно запротестовали. Постановление Политбюро оказалось всего из двух слов: „Предложение отклонить“⁹⁴. Аресты продолжались.

Ленин внимательно следил за поведением Мартова, подвергая его при случае уничтожающей критике. В июле 1919 года Ленин в статье „Все на борьбу с Деникиным!“ писал: „Мартов, Вольский и К° мнят себя „выше“ обеих борющихся сторон (в гражданской войне. — Д.В.), мнят себя способными создать „третью сторону“. Это желание, будь оно даже искренне, остается иллюзией мелкобуржуазного демократа, который и теперь еще, 70 лет спустя после 1848 года, не научился азбуке, именно, что в капиталистической среде возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата и невозможно существовать ничему третьему. Мартовы и К°, видимо, умрут с этой иллюзией...“⁹⁵

Когда Ю.О.Мартова и Ф.И.Дана избрали в Моссовет в числе других меньшевиков, Ленин не без мстительности на докладе по этому поводу Л.Б.Каменева повелел: „По-моему,

Вы должны „загонять“ их *практическими* поручениями: Дан — *санучастки*, Мартов — контроль за *столовыми*“⁹⁶. Когда Мартов отправляет через Горького свою рукопись „Записки социал-демократа“, Ленин подвергает ее нелегально „цензуре“: „Т.Карахан! Т.Каменев просит показать ему брошюры Чернова и Мартова. Устройте это *поскорее и поаккуратнее*. Ваш Ленин. P.S. Верните мне прилагаемое“⁹⁷.

Над Мартовым постоянно висела угроза ареста. Однако Ленин не решился дать санкцию на эту акцию, держа в памяти годы дружбы и десятилетия политической борьбы. При первом же проявлении желания Мартова уехать за рубеж большевистская власть с облегчением это разрешила, освобождая Ленина от каких-либо трудных решений, что и дало и вождю возможность заявить: „...мы охотно пустили Мартова за границу“⁹⁸. Но репрессии по отношению к меньшевикам продолжались.

В феврале 1921 года был арестован Ф.И.Дан. Соратник Мартова отсидел почти год в Петропавловской крепости (где он уже сидел четверть века назад). Дана обвинили в подготовке восстания в Кронштадте, и ему угрожал расстрел. Однако приговорен был на высылку. Дан удостоился специального решения Политбюро, согласно которому он „отправлялся в какой-нибудь отдаленный непролетарский район для занятия должности по специальности“⁹⁹. Дан объявил голодовку, требуя разрешения выехать за границу. Тогда большевики еще не достигли уровня „сталинской твердости“ и пока шли достаточно легко на „выдворение“ за границу своих противников. Эта практика особенно широко начнется в 1922 году, еще при Ленине, по его инициативе.

Любая угроза (реальная или мнимая), которая возникала в те годы, тщательно увязывалась с якобы „контрреволюционной деятельностью меньшевиков“, дабы ужесточить против них репрессии. Например, 28 ноября 1921 года Троцкий на Политбюро, где присутствовали Ленин, Сталин, Крестинский, Бухарин, Рыков, Радек, сделал сообщение об имеющихся у него данных, согласно которым в Москве и Петрограде готовится контрреволюционный переворот, во главе которого стоят меньшевики, эсеры и „уцелевшая буржуазия“. Тут же, после короткого обсуждения, назначили Троцкого „Председателем Комитета обороны Москвы“ и ре-

шили: „Меньшевиков не освобождать; поручить ЦК усилить аресты среди меньшевиков и эсеров“¹⁰⁰. И эти аресты, конечно, „усилились“.

Политбюро неоднократно возвращалось к вопросу о меньшевиках, но каждый раз сугубо с позиций ужесточения к ним своего отношения. Так 2 февраля 1922 года набирающий силу Сталин доложил на большевистской „коллегии“ о положении заключенных меньшевиков. В результате обсуждения „вопроса“ Политбюро постановило: „Предложить ГПУ перевести в специальные места заключения наиболее активных и крупных представителей антисоветских партий. Продолжать держать в заключении меньшевиков, эсеров и анархистов, находящихся в настоящее время в распоряжении ВЧК. Это специальное поручение для ГПУ“¹⁰¹.

Меньшевики пытались апеллировать к западной социал-демократии. ВЧК перехватила письмо-обращение, отправленное группой меньшевиков Международной Бернской конференции. Доложили Ленину. Вождь внимательно прочел текст, подчеркнув строки: в России „тюрьмы переполнены, рабочий класс расстреливается, много наших товарищей социал-демократов уже расстреляно...“¹⁰². Здесь же лежало другое письмо, подписанное членами Центрального Бюро меньшевиков В.Вольским, К.Буревым, Н.Шмелевым и другими с просьбой и требованием „честной легализации“ их партии¹⁰³. Ленин привычно начертал: „В архив“, отклонив тем самым „прошение“ бывших сопартийцев.

Теоретические споры о диктатуре в кафе Берна, Парижа, Лондона, которые вели между собой большевики и меньшевики пришли в жизнь последних самой жестокой прозой. Мартову, Дану, Абрамовичу, оказавшимся в Берлине, ничего не оставалось, как в своем органе „Социалистический вестник“ попытаться хоть что-то спасти в русской революции, действуя издали. Увы, это были тщетные надежды.

Большевики наращивали вал репрессий; не только лидеры меньшевиков сажались в тюрьмы и отправлялись в ссылки, но и рядовые члены, преимущественно из интеллигенции, подвергались всяким карам, „повинностям“, преследованиям. Радикальное крыло революции добивало крыло демократическое. Все это совсем не значит, что меньшевики

были безгрешны. Они оказались неспособными эффективно бороться за демократические ценности, повести за собой значительные силы либерального характера, были не в состоянии предложить и провести в жизнь те идеи, которым они молились десятилетиями. Участь меньшевиков печальна. С помощью большевиков, Ленина и ленинцев российская социал-демократия тихо и незаметно скончалась за околицей отечества.

Правда, некоторые из бывших лидеров под впечатлением героической борьбы советского народа с фашизмом сменили свои азимуты. И один из них — Федор Ильич Дан, который в 40-м году сложил с себя обязанности председателя заграничной делегации меньшевиков, как и редактора „Социалистического вестника“. Ему было уже много лет, и с началом европейской войны Дан перебрался в Нью-Йорк. Может быть, бесплодность меньшевизма за десятилетия после октябрьских событий повлияла на старика? Или мощь и уверенность победителя Сталина заставила усомниться в истинности социал-демократических идеалов? Никто сейчас, вероятно, не ответит на этот вопрос.

Однако его журнал „Новый путь“, который он стал издавать в Америке с началом нападения Гитлера на СССР, как бы полностью реабилитировал Сталина. И последняя книга Дана „Происхождение большевизма“ была необычной. Старый противник тоталитаризма вдруг увидел нечто положительное в насильственной коллективизации, не нашел в себе силы полностью осудить политические процессы конца тридцатых годов, как и сталинско-гитлеровское соглашение 39-го года. Он вдруг даже увидел, что „внутренняя органическая демократизация советского строя не прекратилась с самого его возникновения“¹⁰⁴.

Такой капитуляцией Федор Ильич Дан закончил свой путь раскаявшегося меньшевика. Будь жив Ленин, он остался бы доволен. Но так кончали не все. Один из видных меньшевиков, А.Н.Потресов, коротая век в изгнании, язвительно высмеивал попытки меньшевиков подладиться к большевистскому эксперименту. В книге об этих иллюзиях он отмечал: „Коммунистическая власть, загнав меньшевистскую социал-демократию в подполье, томя ее практиков по тюрьмам и ссылкам, ни шагу не делает навстречу вождям и

теоретикам, перед затуманенным взором которых все еще маячит неправдоподобная перспектива демократизации советской деспотии с меньшевистской помощью¹⁰⁵. Захватив власть, большевики и не думали с кем-нибудь ею делиться или даже принимать подобную „помощь“, которую предлагали меньшевики.

Меньшевики оказались изгоями российской социал-демократии.

Так, по существу, закончилась борьба большевиков с меньшевиками, а фактически радикалов, якобинцев с романтиками демократии. Меньшевики видели в демократии цель, а большевики лишь средство. Большевики хотели (и создали) мощную закрытую партию, а меньшевики пытались объединить в партии-ассоциации либерально мыслящих людей, отвергающих насилие. Кто победил в 1917 году конкретно, мы знаем. Но мы знаем также, кто оказался исторически более прав. Просто время меньшевиков тогда не пришло. А позже просто не могло прийти.

Парадокс Плеханова

Плеханов вернулся из эмиграции в Петроград 31 марта 1917 года. До приезда Ленина. Менее чем через год первый марксист России почти бежал от революции, которую он проповедовал и ждал всю свою жизнь, большая часть которой прошла в эмиграции. После октябрьского переворота Плеханов вместе с В.И.Засулич и Л.Г.Дейчем обратились с „Открытым письмом к петроградским рабочим“, где заявили, что те, кто захватил власть, толкают русский народ „на путь величайшего исторического бедствия“. Этот шаг, пророчески вещали патриархи меньшевизма, „вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте“¹⁰⁶

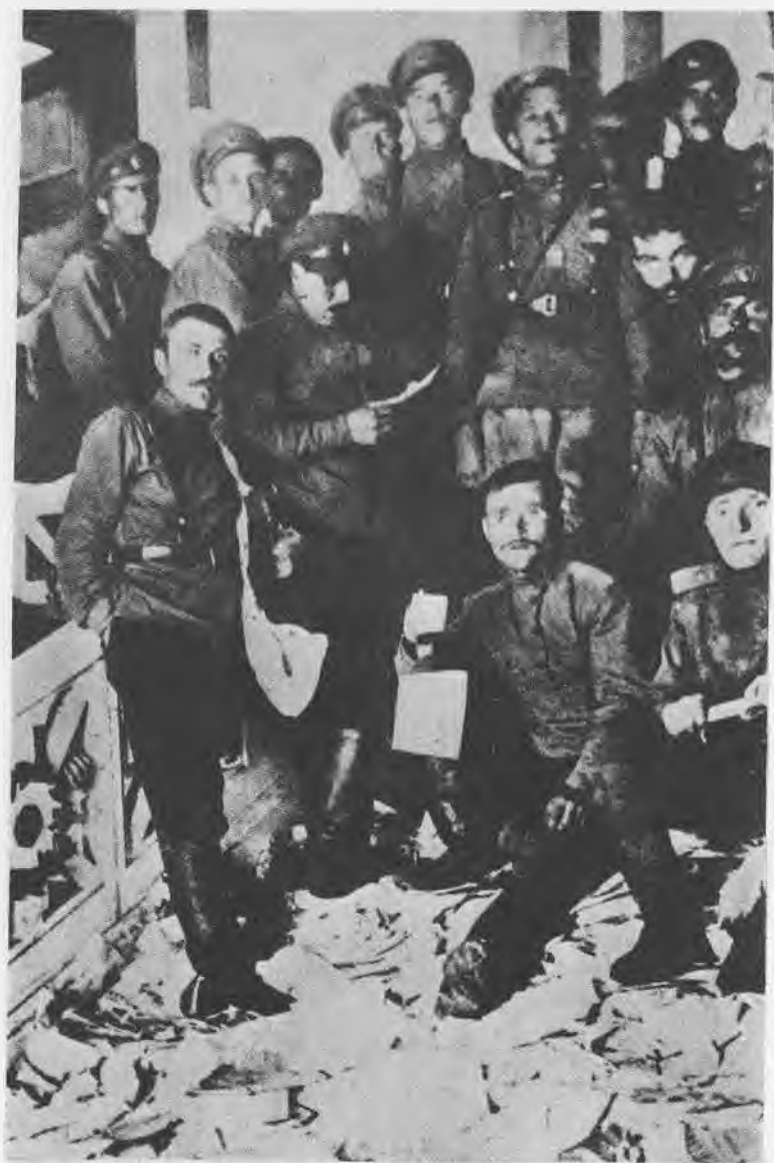
На другой день на квартиру к Плеханову, где он остановился с женой Розалией Марковной, ворвался отряд солдат и матросов. Один из опоясанных патронными лентами крест-накрест матросов, приставив к груди Плеханова наган, потребовал:

— Сдайте оружие добром. Если найдем — расстреляем на месте!

„Российский пророк“ Г.В.Плеханов.

1917 год, 6 июня. Юнкера после разгрома помещений ЦК РСДРП в бывшем дворце Кшесинской.

1917 год, 18 июля. Демонстрация сторонников большевиков в Петрограде.

1917 год, 4 июля. Июльская репетиция большевиков оказалась кровавой.

Митинг протеста против политики Временного правительства.

1917 год. Митинг в поддержку созыва Учредительного Собрания.

1917 год. Митинг патриотов в Петрограде.

А.В.Луначарский занят агитационной работой.

Загримированный Ленин.

„Герой момента“ — Александр Федорович Керенский.

Претенденты на роль диктаторов России — Корнилов и Керенский.

Александр Керенский.

Лавр Корнилов.

1917 год. Заседание Государственной думы.

1917 год, август. Разоружение корниловцев.

1917 год, май. Революционный Петроград.

Отряд Красной гвардии.

Делегация солдат приветствует крестьянский съезд.

Сестротрѣцкія Оруженн. заводъ.

№.....

д. лейтенантъ риз. (ацетат)
Иванови
Маша
до
1 Января 1918 года.

Примѣчаніе.

1) Билетъ всегда имѣть при себѣ и предъявлять по первому требованію администраціи завода.

2) Билетъ долженъ быть предъявленъ въ контору завода для записи въ книгу

Помощникъ Начальника Сестр. Оруж. завода технической части

В. Поддубинский

2170 7670

Удостоверение на имя рабочего К.П.Иванова, по которому Ленин жил незаконно после июльских дней 1917 года.

Петроградскій Военно-Революціонный комитет.

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

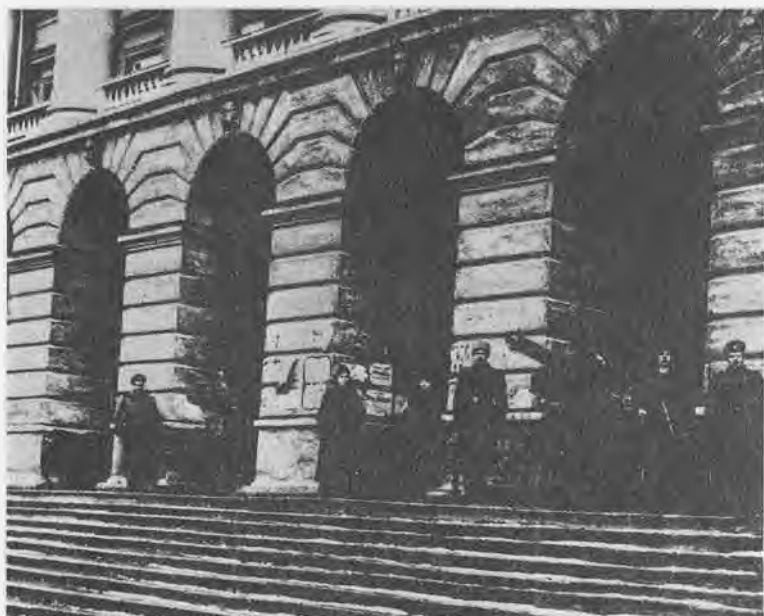
Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложеніе демократическаго мира, отмена помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Совѣтскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

**ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ
И КРЕСТЬЯНЪ!**

*Военно-Революціонный Комитетъ
при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ*

25 октября 1917 г. 10 ч. утра.

Обращение ВРК к Гражданамъ Россіи.

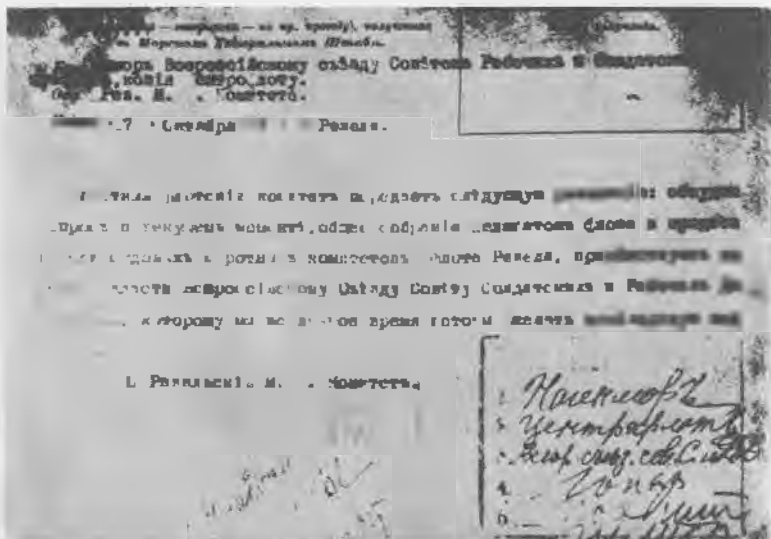

1917 год, октябрь. Революционные солдаты у Смольного.

Отряд боевой дружины Путиловского завода.

Советская власть установилась быстро — люди верили обещаниям большевиков.

В стране создавались отряды Красной гвардии для защиты Советской власти.

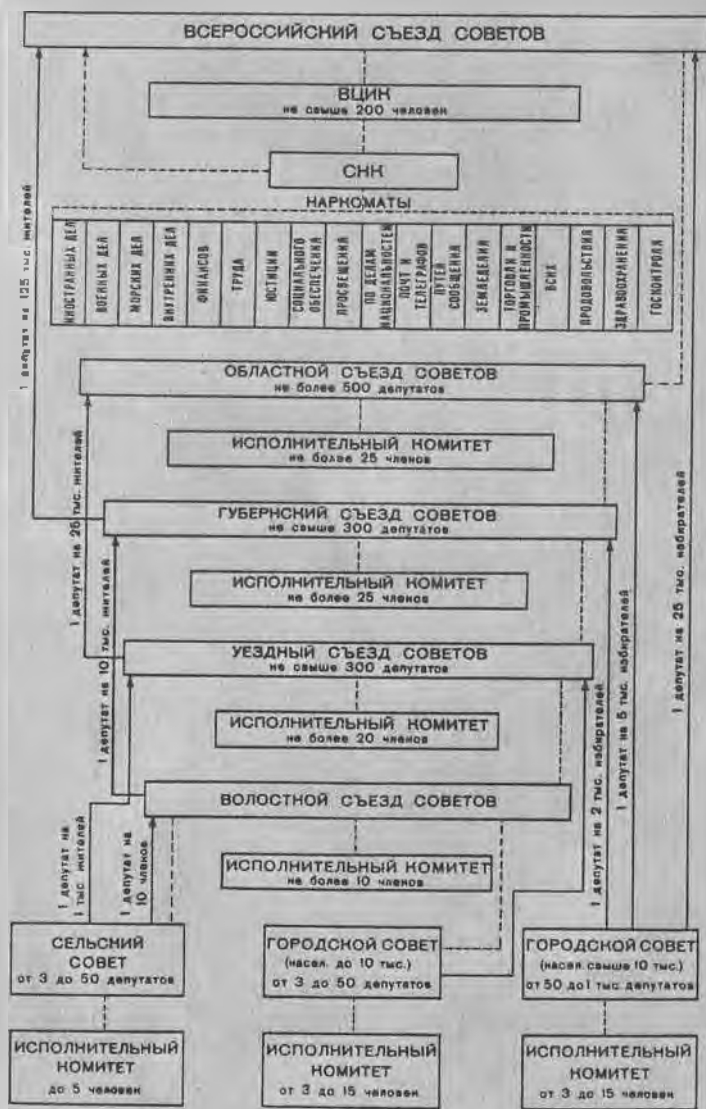

Схема организации государственной власти по Конституции 1918 года.

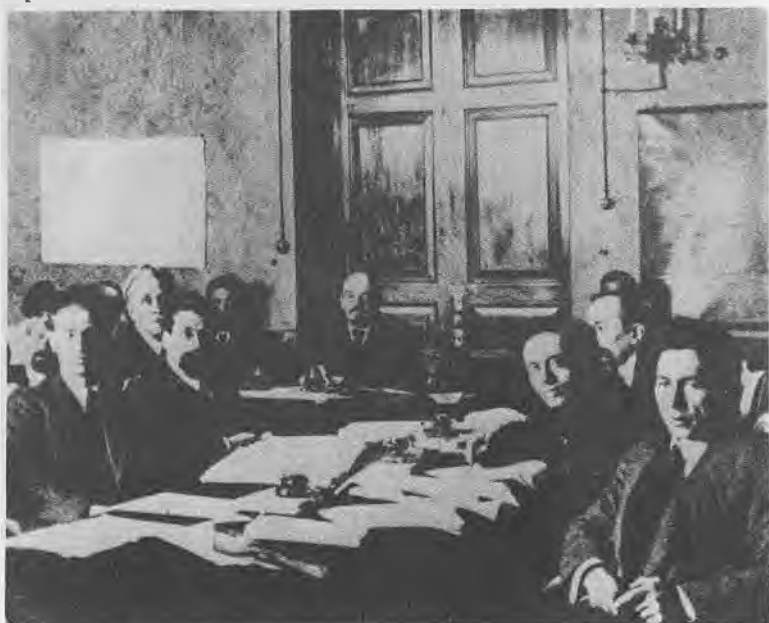
Ленин в своем кабинете в Кремле.

1917 год, октябрь. Одно из первых заседаний советского правительства.

1918 год, 17 октября. Заседание Совета Народных Комиссаров в Кремле под председательством Ленина.

1917 год, декабрь. Демонстрация протеста против буржуазного саботажа

1918 год. Митинг в поддержку красного террора.

1919 год. Выступление Л.Д.Троцкого в Леонтьевском переулке в Москве.

Николай II после ареста.

1918 год. Бывшие офицеры царской армии на принудительных работах.

1922 год. Российская аристократия на рынке.

Николай II с детьми.

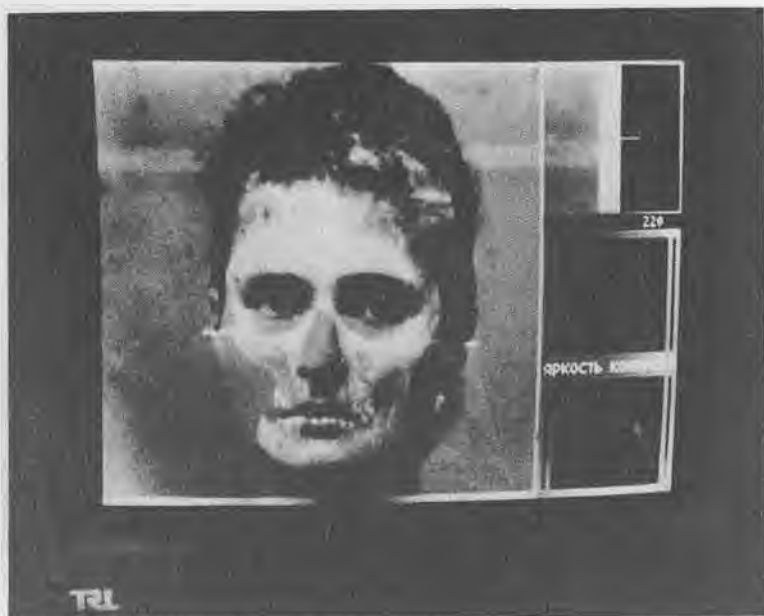
1914 год. Николай II в кругу семьи.

Дом Ипатьева в Екатеринбурге, где была расстреляна царская семья.

Восстановление внешнего вида императора и императрицы по черепу.

Возле деревни Коптяки найдены останки царской семьи.

Екатеринбург. Бюро судебно-медицинской экспертизы.

Российская делегация во главе с Троцким (второй слева) в Брест-Литовске.

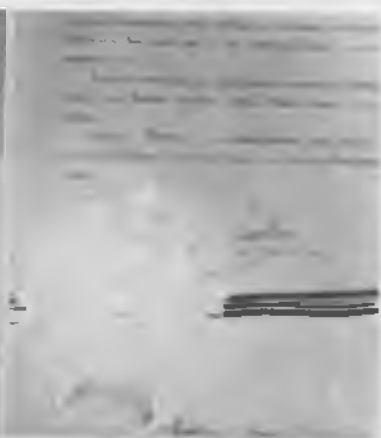

1918 год. Зал переговоров в Брест-Литовске.

Брестский договор 1918 года.

NOS
CAROLUS PRIMUS DIVINA PROVIDENTIA
CLEMENTIA AUSTRIAE IMPERATOR,
ROMANORUM ELECTOR ET APOSTOLICUS REX
HUNGARIE REGNI SUEVICAE NUNTIUS-QUARTUS,

1918 год. Интервенция в Россию. Представители Антанты.

1919 год. Французский, английский и американский офицеры в Мурманске.

— Вы можете это сделать и не найдя оружия. Но его у меня нет, — спокойно ответил старый социал-демократ.

Плеханов понял, что его оборонческие, а теперь и осуждающие слова в адрес революции ему не будут прощены. Обыск, к счастью, не закончился немедленной трагедией. Плеханов был вынужден скрываться, сначала в клинике Гирзона, а затем в Финляндии, в Питкеярви вблизи Териок. Потрясенного патриарха марксизма в России быстро оставляют силы. Из газет он узнает, что в стране установлена „диктатура пролетариата“, а фактически диктатура меньшинства — партии большевиков. Плеханов понимает, что его протест против печально знаменитых апрельских тезисов, сформулированный в статье „О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен“, оказался бесплоден.

А ведь тогда Плеханов писал, что он „твердо уверен в том, что... в призывах Ленина к братанию с немцами, к низвержению Временного правительства, к захвату власти и так далее и так далее, наши рабочие увидят именно то, что они представляют собой в действительности, то есть — *безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской земле*“¹⁰⁷. Но, увы, „твердая уверенность“ теоретика социал-демократии не оправдалась. Ленин одержал верх не только над обстоятельствами, Временным правительством, но и над ним, Плехановым...

Последние недели жизни он уже не мог писать, самое любимое занятие в его жизни уже тяготило его. Розалия Марковна читала ему вслух трагедии Софокла...

Я так и знал: не погибает злое, —
 Нет, боги покровительствуют злу.
 Им любо плута тертого, лукавца
 Нам из Аида возвращать! А честных,
 Достоинейших знай гонят в царство тьмы!
 Что тут сказать?.. Как восхвалять богов?
 Я их хвалю... но вижу: дурны боги!

История не ошибается. Она просто бесстрастно несет в своем потоке бесчисленные события, которые затем люди запечатлеют в своих летописях. И вновь убедятся: революции почти всегда пожирают своих творцов. Одним из них, правда теоретическим, был Георгий Валентинович Плеханов.

Отношение Ленина к Плеханову прошло полную эволюционную амплитуду: от глубокого почитания („за 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений“) до полного остракизма („заклеймить шовиниста Плеханова“). По сути, марксизм в России поднялся на таких работах Плеханова (он был на 14 лет старше Ленина), как „Социализм и политическая борьба“ (1883), „Наши разногласия“ (1885), „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ (1895), „К вопросу о роли личности в истории“ (1898) и многих других. Не все заметили, даже Ленин, что при всей своей ортодоксальности Плеханов в свое видение марксизма не привнес тех уродливых наслоений, которыми полны работы Ленина. Какие же? Плеханов не видел в либералах „контрреволюционной сущности“, не отвергал парламентаризм, с оговорками принимал идею „гегемонии пролетариата“, огромную роль в общественных движениях отводил интеллигенции. Все это в последующем было расценено как оппортунизм, либеральное лакейство, шовинизм и т.д. Особый грех Плеханова был усмотрен не только в „приспособлении меньшевизма к либерализму“, а и в том, что он „оппортунистически“ трактовал (святая святых!) сущность классовой борьбы.

Действительно, в „Введении“ к своей незаконченной, но грандиозной по замыслу работе „История русской общественной мысли“ Г.В.Плеханов писал: „Ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т.е., во-первых, их *взаимной борьбой* там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным *сотрудничеством* там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений“¹⁰⁸. Плеханов полагал, что эта особенность классовых взаимоотношений особенно присуща России, что и наложило неизгладимый отпечаток на своеобразие русского исторического процесса. Возможно, эта позиция повлияла на формирование и „оборонческого мировоззрения“ Плеханова. Ему он остался верен до конца. И хотя Плеханов большевиками презрительно именовался „оборонцем“ или „социал-патриотом“, старый социал-демократ не отступил от своего взгляда на войну до самой кончины. Отсутствие марксистской „чистоты“ во

взглядах на классовую борьбу было постоянным источником критики Плеханова правыми большевиками.

Отвечая Ленину на призыв „брататься“ с немцами во время войны, Плеханов выдвигает саркастическую „гипотезу“. Поскольку Ленин полагает, что это грабительская война со стороны России, то „надо побрататься с немцами: простите, мол, нас, добрые тевтоны, в том, что мы своими грабительскими намерениями довели вас до объявления нам войны; до занятия значительной части нашей территории; до надменно-зверского обращения с нашими пленными; до ограбления Бельгии и до превращения этой, когда-то цветущей, страны в одно сплошное озеро крови; до систематического разорения многих французских департаментов и так далее, и так далее. Наш грех! Наш великий грех!“¹⁰⁹ — с сарказмом восклицает автор антиленинского памфлета.

После более чем трех десятилетий отсутствия на родине стареющий Плеханов примчался в Россию, надеясь помочь народу своему, который любил, но полагал, что он еще не созрел для столь радикальных перемен, которые предложил Ленин в апреле 1917 года. Плеханов очень быстро почувствовал, что его образ „теоретика марксизма“ совсем не есть синоним „революционного политика“. Его конкретный образ мыслей не был понят. Плеханов решительно выступил против курса на социалистическую революцию, обвинив Ленина в форсировании событий, к которым Россия не готова. Ведь это, и совсем недавно, ядовито заметил Плеханов, не оспаривал и Ленин¹¹⁰.

Теоретик российской социал-демократии был убежден, что в начале XX века в России „никакой иной, кроме буржуазной, революции быть не может“.

Возможно, то был главный парадокс Плеханова: всю жизнь он писал о классовой борьбе, диктатуре пролетариата, ведущей роли рабочего класса в переустройстве общества, о социалистической революции как цели марксистского учения. А когда его страна занесла ногу, чтобы перешагнуть порог этой революции, Плеханов открыто запротестовал, поставив на карту весь свой авторитет патриарха. Вероятно, это парадокс кажущийся. Плеханов был слишком ортодоксален, чтобы отступить от классических схем марк-

сизма и согласиться на перескакивание через этапы. Такой подход он считал „ленинским бредом“.

Случилось так, что Плеханов ратовал за революцию буржуазную, Ленин — за социалистическую. Формально получилось, что история стала развиваться по Ленину. Но думаю, что именно — формально. Видимо, буржуазная революция была похоронена, не успев дать своих плодов, а та, что состоялась, дружно нами всеми называемая (автор этой книги не исключение) социалистической, не была таковой. Это была большевистская революция, а не социалистическая. Революция не принесла свободы народу — это ее главный результат. Эксплуатация сословная была заменена на эксплуатацию государственную, тоталитарную, еще более всеобъемлющую и цепкую. Плеханов боялся именно этого. Его наихудшие опасения, увы, сбылись.

Плеханов, давно порвавший с Лениным, будучи более универсальным теоретиком, чем вождь русской революции, оказался слабее его как политик, как практик, как партийный деятель. Политики революции по инерции пытались эксплуатировать его авторитет популярного мыслителя, старейшины российской социал-демократии. Так, Временное правительство и лично его Председатель А.Ф.Керенский, созвав в августе 1917 года в Москве Государственное совещание, пригласили на него и известных революционеров: Брешко-Брешковскую, Засулич, Плеханова. Временное правительство хотело с помощью авторитетов, известных в государстве имен, крупных политических деятелей обрести твердь под собою. Но, похоже, и „иконы“ революции не могли спасти Керенского, так и не сумевшего решить проблему войны и мира. Большевики ценой фактически сепаратного мира в Брест-Литовске получили власть.

Георгий Валентинович Плеханов тоже из дворян, как и Владимир Ильич Ульянов. Отец Плеханова был штабс-капитаном. Сын по настоянию отца собирался сделать военную карьеру, поступив в военное училище. Но, проносив недолгое время погоны юнкера, молодой Плеханов стал студентом Горного института, откуда в 1877 году был исключен со 2-го курса за участие в демонстрации на площади Казанского собора¹¹². Военная косточка, тем не менее, у Плеханова осталась на всю жизнь; он был всегда подтянут, строен, в

хорошей спортивной форме. Не случайно Ленин, подчеркивая интеллектуальную мощь Плеханова, использовал для этого в известном смысле физические параметры. „Плеханов, — говорил Ленин Лепешинскому в 1904 году, — человек колоссального роста, перед ним приходится съезживать себя“. Но тут же, чисто по-ленински, язвительно: „А все-таки мне кажется, что он уже мертвец, а я живой человек“¹¹³.

Судьба Плеханова отразила огромную драму русского дворянства и интеллигенции. Понимая, что лишь прогрессивные перемены могут вывести Россию на путь подлинного прогресса, одна часть этой элиты общества считала, что нужно революционным путем добиться этих перемен; другая — путем приспособления, адаптации, своеобразной „перестройки“ уже существующей системы. Так уж случилось, что моршанский дворянин Георгий Валентинович Плеханов, самый крупный российский социал-демократ конца XIX века, имел брата — Григория Валентиновича Плеханова, полицейского исправника. Их мать была родственницей Виссариона Григорьевича Белинского. Одна семья, общие дворянские корни, а сколько внутренних духовных антиномий!

Когда молодой Николай Вольский (Валентинов) спросил полицейского исправника Г.В.Плеханова:

— Если придет революция, „повалят“ ли памятник Екатерине Великой?

— Что за охота пустяки говорить! Если придет революция? Да она никогда не придет. В России не может быть революции. Она не Франция¹¹⁴.

А его брат-марксист был убежден, что революция, хотя „Россия и не Франция“, неизбежна. Но вначале (и надолго!) только революция буржуазная.

У Плеханова хватило политического мужества во весь голос заявить накануне роковых событий октября 1917 года, что власть грядущая не может опираться лишь на узкий фундамент диктатуры пролетариата. Она „должна базироваться на коалиции всех живых сил страны“. В серии статей, опубликованных в августе и сентябре 1917 года в газете „Единство“, Плеханов прямо заявлял: коалиция — это соглашение нации. Не хотите соглашения — идите за Лениным; не решаются идти за Лениным — входите в соглашение.

В своих отчаянных теоретических попытках остановить приход диктатуры одной силы — „профессиональных революционеров“ — Плеханов шел на заведомое политическое самоуничтожение: „Неужели интересы рабочих всегда и во всем противоположны интересам капиталистов? Неужели в экономической истории капиталистического общества не бывает таких случаев, когда указанные интересы совпадают между собою?“ Частичное совпадение интересов рождает сотрудничество в определенных областях. Социалистические и несоциалистические элементы могут реализовать это ограниченное по возможностям согласие в *социальных реформах*“¹¹⁵. Здесь Плеханов, не ссылаясь на „первоисточники“, приходит к Бернштейну и Каутскому. Все это, с точки зрения Ленина и большевиков, было абсолютной ересью. Но история, похоже, подтвердила правоту того, что исторический шанс социализм мог (и может, возможно) иметь только на рельсах реформ, реформ и реформ... А они невозможны без минимума национального и социального согласия.

По существу, последние перед Октябрем статьи Плеханова представляют принципиально новую концепцию социализма. Она абсолютно другая, нежели у Ленина, который с помощью диктатуры, насилия, ликвидации эксплуататорских классов пытался привнести социализм с абстрактных марксистских матриц. Как затем Сталин, продолжая дело своего учителя, строил „социализм“ в „одной стране“ с помощью монополии одной политической силы, своих указаний и беспредельного террора.

У Плеханова, который долго защищал на заседаниях II Интернационала классовую методологию диктатуры пролетариата, хватило мужества пересмотреть многие из своих прежних постулатов. Не все историки и философы заметили, что в 1917 году Плеханов парадоксально изменился; он стал не только „оборонцем“, но и „реформистом“. А в глазах Ленина и большевиков не было в то время худших ругательств. В устах Ленина „плехановец“ звучало как обвинение, и обвинение нешуточное.

...В марте 1920 года Ленину сообщили, что в Киеве революционный трибунал приговорил И.Киселева, с которым Ленин был знаком, к расстрелу. Несчастный обратился за

помощью к Председателю Совнаркома. Ленин отреагировал запиской:

„т. Крестинский!

Очень срочное дело — приговор о расстреле Киселева. Я видел его в 1910—1914 гг. в Цюрихе, где он был плехановцем (выделено Лениным. — Д.В.) и его обвиняли в ряде гнусностей (подробностей не знаю). Видел я Киселева в 1918 или 1919 году здесь в Москве, мельком. Киселев работал в „Известиях“ и говорил мне, что становится большевиком. Фактов не знаю...”

В общем, Ленин ушел от желания разобраться в существе трагедии (Киселев остался в Киеве „без разрешения партии“. Но Киев—то сдал немцам Ленин!).

В конце концов Ленин адресовал вопрос блюстителю „революционной справедливости“: пусть „т. Дзержинский решит, созвонившись с Крестинским“. Дзержинский на полях записки ответил: „Я против вмешательства“¹¹⁶.

Другого не следовало и ожидать. Но для Ленина отягчающим обстоятельством явилось то, что Киселев „был плехановцем“...

Соприкоснувшись с российской действительностью, Плеханов мог ужаснуться, ибо тезис о диктатуре пролетариата в Программе РСДРП был и его детищем. Он мог ужаснуться и тому, что говорил ранее. Например, Плеханов не раз утверждал, что „благо революции — это высший закон“, а по существу, способствовал открытию шлюзов для беспредела насилия. В начале девятисотых годов Плеханов считал идею парламентаризма производной от успехов революции и интересов пролетариата. Старый социал-демократ не мог не переживать от того, что в начале века утверждал: если после революции парламент окажется „плохим“, его можно разогнать „не через два года, а через две недели“. По сути, этим плехановским рецептом большевики и воспользовались в 1918 году, ликвидируя Учредительное собрание.

Плеханов прошел через мучительную переоценку многих своих прежних взглядов. В этом они с Лениным коренным образом отличались друг от друга. Ленин в основном, абсолютно не изменился до конца своих активных дней. Плеханов же эволюционировал в последний год

своей жизни исключительно стремительно, подобно юноше, как будто боясь, что не успеет измениться в соответствии с требованиями уже не XIX, а XX века...

Валентинов вспоминает, что по приезде в Москву Плеханов попросил организовать для него и Засулич поездку на Воробьевы горы. Через несколько дней в сопровождении группы единомышленников Г.В.Плеханов с супругой и В.И.Засулич отправились на автомобилях на самое высокое место Москвы. Плеханов и Засулич сфотографировались около колонны со старинной разбитой садовой вазой с барельефом. От обеих фигур веяло трагическим. Снимки получились прекрасными и печальными. Валентинов пишет, что Плеханов, волнуясь, вдруг сжал руки Засулич: „Вера Ивановна, 90 лет назад приблизительно на этом месте Герцен и Огарев принесли свою присягу. Около сорока лет назад в другом месте — вы помните? — мы с вами тоже присягнули, что благо народа на всю жизнь будет для нас высшим законом. Наша дорога теперь явно идет под гору. Быстро приближается момент, когда мы, вернее, кто-то о нас скажет: вот и все. Это, вероятно, наступит раньше, чем мы предполагаем. Пока мы еще дышим, спросим себя, смотря друг другу в глаза: выполнили ли мы нашу присягу? Думаю, мы выполнили ее честно. Не правда ли, Вера Ивановна, честно?“¹¹⁷

Вера Ивановна разволновалась...

Восемь месяцев спустя Плеханов умер, а вскоре за ним и Засулич...

В июле 1921 года Семашко внес в Политбюро вопрос о „постановке памятника Плеханову“. Решение Политбюро, зафиксированное в протоколе № 52 от 16 июля, было положительно-нейтральным. Инициатива перекладывалась на плечи инициатора:

„Принять предложение т.Семашко об оказании содействия в постановке памятника (сговориться ему с Петроградским Советом...)“¹¹⁸

Вскоре встал вопрос о помощи семье Плеханова, оказавшейся в трудном положении. Ленин, не забывший, каким кумиром в молодости был для него этот человек (и неопасный совершенно теперь, в силу кончины и быстрого полужабвения), предложил из фонда СНК выделить „небольшую

сумму". На том и порешили. Ленин, Каменев, Зиновьев и Сталин решением Политбюро от 18 ноября 1921 года постановили выдать семье Плеханова 10 тысяч франков в виде единовременного пособия. А заодно помочь и семье Либкнехта, но более существенно: 5 тысяч рублей золотом¹¹⁹. Только Ленину ведомо, почему семье патриарха российских социал-демократов помогли легковесными бумажными франками, а семье немецкого социалиста полновесными золотыми червонцами. Может быть, и потому, что вдова Карла Либкнехта Софья Рысс (Либкнехт) была настойчивее в своих просьбах? В своем письме к Ленину она молила:

„...У отца было состояние в Ростове-на-Дону (3 дома, акции) — около 3 млн. рублей. На мою долю пришлось бы около 600 тысяч рублей, но дома национализированы. Выдайте мне около 1 млн. 200 тыс. марок для меня и детей...

Мне нужно освободиться от материальной зависимости... я задыхаюсь от забот... Обеспечьте этой круглой суммой раз навсегда, я умоляю Вас!

Ах, освободите меня от зависимости — дайте мне вздохнуть свободно. Только не наполовину, а совсем.

Уважающая Вас Софья Либкнехт¹²⁰.

Ленин, согласившись на пять тысяч золотом, начертал: „Секретно, в архив“.

Правда, Г.Е.Зиновьев еще до этого послал С.Либкнехт коробку награбленных драгоценных камней на сумму 6,6 тысяч гульденов и 20 тысяч марок...

У Ленина всегда была своя шкала ценностей. Плеханов давно уже для вождя не котировался высоко...

На десятилетие со дня смерти Плеханова откликнулся статьей А.Н.Потресов. Получилось, писал эмигрант, что Плеханов приехал на родину лишь за тем, „чтобы собственными глазами лицезреть, как Россию опять заковали в цепи. И в какие цепи? — Со штемпелем пролетариата! И кто? — Его же прежние ученики! Трудно представить себе худшую египетскую казнь, чем этот тяжелый удар судьбы, который обрушился на Плеханова... Он был шекспировским королем Лиром, которого покинули и предали его собственные дети...“¹²¹.

Плеханов не захотел быть Почетным магистром ордена, ставшего яacobинским, который они создавали когда-то вме-

сте с Лениным. Плеханов вошел в историю как пророк большевистского краха.

Трагедия Мартова

Обычно человек умирает медленно, как гаснет свеча: тихо и печально. Юлий Осипович Цедербаум (Мартов) прожил сравнительно недолгую жизнь — полвека, но его политическое умирание не было тихим. Восемь месяцев, начиная с конца февраля по роковые дни октября 1917 года, были апогеем неистовой борьбы и смерти политических надежд этого человека. Может быть, она наступила в ночь с 24 на 25 октября, когда состоялся Второй Всероссийский съезд Советов, положивший начало новому отсчету истории великого народа. После открытия съезда Федором Ильичом Давидовичем в президиум двинулись представители партий в соответствии с соотношением сил на съезде: большевики и левые эсеры. Четыре места, выделенные меньшевикам, остались незаполненными в знак протеста против социального насилия. Именно в этот момент из зала раздался трубный, охрипший от волнения голос Мартова, призывавший к историческому благоразумию: отказаться от захвата власти вооруженным путем и разрешить кризис путем переговоров и созданием коалиционного правительства. Вначале, казалось, съезд качнулся в сторону Мартова. Пойди он по этому пути, масса могла проложить курс истории в ином направлении. Но выступление Троцкого спасло линию Ленина: радикальное решение вопроса о власти. Съезд теперь уже качнулся резко влево. Нервы Мартова изменили:

— Мы уходим! — вновь раздался его сильный от простуды и чрезмерного курения голос. Шум поднявшихся десятков его сторонников заглушил голос Мартова. То был не топот ног меньшевиков, освобождавших навсегда политическую сцену российской истории для большевиков. Это был спазм их общего поражения. Свеча Мартова была потушена не только большевиками, но и им самим, его возгласом-выдохом: „Мы уходим“.

В партийном ордене, созданном Лениным, Мартову не оказалось места с самого начала. Первый олицетворял человека, ставшего во главе железного авангарда пролетариата,

а второй — российского Дон Кихота, полагавшего, что за ним добровольно пойдет, нет, не войско партийцев, а некая либеральная ассоциация. Ленин в этой политической дуэли был удачливым полководцем, превыше всего ценившим политическую цель. А Мартов — наивным романтиком, одержимым мыслью привить социалистическим программам и практике демократические ценности.

В начале века шансов у Мартова, казалось, в этом единоборстве было больше. Тогда, фактически на учредительном съезде, проходившем в Брюсселе, а затем в Лондоне, после Плеханова самой заметной фигурой был молодой Мартов. Хотя и голос Ленина все крепчал и число его сторонников росло.

Миллионы советских людей, изучая в соответствии с директивами партии приглашенную до неузнаваемости ее собственную историю, думали, что раскол произошел по организационному вопросу. Точнее — по первому пункту устава партии. Школьные учителя, профессора в вузах, комиссары в армии дружно говорили: „Ленин хотел создать партию-крепость, партию-боевой отряд. А Мартов предлагал учредить аморфное, распылчатое образование, которое никогда не могло бы достичь коммунистических целей“. Второе абсолютно верно и сегодня. А что касается „боевых отрядов“, то речь шла все же не о них. По сути, решался вопрос: создавать ли партию-орден или партию-демократическую организацию. Мы все знаем, что в соответствии с ленинским предложением членом партии может быть каждый, кто ее поддерживает как материальными средствами, так и „личным участием в одной из партийных организаций“. Формулировка Мартова была более мягкой; кроме материальной поддержки, член партии обязан оказывать ей „регулярное личное содействие под руководством одной из организаций“¹¹².

Краткий курс истории ВКП(б), лично отредактированный Сталиным, резюмирует ситуацию: „Таким образом, формулировка Мартова, в отличие от ленинской формулировки, широко открывала двери партии неустойчивым непролетарским элементам... Эти люди не стали бы входить в организацию, подчиняться партийной дисциплине, выполнять партийные задания, не стали бы подвергаться опасно-

стям, которые были с этим связаны. И таких людей Мартов и другие меньшевики предлагали считать членами партии¹¹³.

Главная книга сталинского большевизма уверяет читателей (а их, по воле Агитпропа, были миллионы), что это был „организационный“ вопрос. Да, таковым он, видимо, Сталину и казался.

Мартов, который до первого пункта устава шел вместе с Лениным и голосовал по программному тексту идентично с ним, на двадцать втором заседании „восстал“. Не только по первому пункту Устава, но и по большинству других. Противостояние оказалось не временным, а до конца жизни. Хотя ленинское предложение набрало лишь 23 голоса против 28 за вариант Мартова, в дальнейшем господствовал Ленин. Не только потому что со съезда ушли в знак протеста бундовцы и экономисты. В конечном счете Ленин увидел больше шансов в революционной борьбе для партии-монолита, партии с жесткой внутренней организацией, чем в той ассоциации, которую отстаивал Мартов. В начале века, как и в октябре 1917 года, победил Ленин, еще не зная, что исторически он безнадежно проиграет. Нет, не Мартову, а неумолимому времени, которое отвергнет насилие, диктат и монополию на власть.

Немногие знают, что Мартов начинал свою сознательную жизнь как сторонник самостоятельной еврейской социал-демократической партии — Бунда. Работая в середине девяностых годов в еврейских организациях Вильно, Мартов верил в жизненность еврейского социалистического движения. Если смотреть на количественную сторону, то в начале века Бунд был весьма внушительной общественной силой. Как сообщает историк Бунда М.Рафес, в 1904 году общее количество членов рабочей еврейской партии насчитывало более 20 тысяч человек, более чем в два раза превосходя „русские“ партийные организации¹²⁴.

В конце девяностых годов Ю.О.Мартов видел в Бунде едва ли не важнейшее условие достижения евреями равноправия в области гражданских прав¹²⁵. Однако на II съезде РСДРП Мартов уже выступал против еврейского сепаратизма, встав раз и навсегда на сторону „мягких“ искровцев. Для Мартова политическая „мягкость“ это не только склонность

и способность к компромиссам, но и понимание необходимости (в любых условиях!) союза с высокой моралью. Именно это обстоятельство, а не „пункт первый“ устава, развело Мартова с Лениным со временем навсегда.

Возможно, в конфликте Мартова с Лениным лежали не столько политические императивы, сколько нравственные. Приведу одно любопытное свидетельство, упоминаемое Б.Двиновым в „Новом журнале“. Как рассказывала сестра Мартова Лидия Дан, в детстве дети Цедербаумов своими играми создали некий идеальный мир, который именовали „Приличенск“. Игры, где особо ценятся честь, достоинство, совесть, составляют основу человеческого приличия. Сестра Мартова вспоминала, что в семье произошел случай, потрясший всех, и особенно Юлия. Для младшего брата Владимира взяли кормилицу из деревни. Какое-то время спустя кормилица получила письмо, в котором сообщалось, что ее родной ребенок дома от плохого питания умер. Видя горе несчастной женщины, маленький обитатель „Приличенска“ взял с сестер клятву, что они никогда больше „не допустят такой подлости“. Будучи взрослым человеком, Мартов не раз вспоминал этот случай, который оставил в его душе глубокий шрам¹²⁶. Для ребенка, гимназиста, студента, а затем и социал-демократа Мартова моральное кредо значило слишком много, чтобы его игнорировать.

В отношениях с молодым Владимиром Ульяновым Юлий Мартов вначале вскользь, а затем более рельефно рассмотрел черты, которые создали в конце концов непреодолимый водораздел между ними. В своих „Записках социал-демократа“, которые успели выйти в Берлине при жизни Мартова, автор вспоминал, что в конце века „В.И.Ульянов оставлял при первом знакомстве несколько иное впечатление, чем то, которое неизменно производил в позднейшую эпоху. В нем еще не было, или по меньшей мере не сквозило, той уверенности в своей силе — не говорю уже в своем историческом призвании, — которая заметно выступала в более зрелый период его жизни. Ему было тогда 25—26 лет... Ульянов еще не пропитался тем презрением и недоверием к людям, которое, сдается мне, больше всего способствовало выработке из него определенного типа вождя“. Правда, Мартов тут же замечает, что „элементов лич-

ного тщеславия в характере В.И.Ульянова я никогда не замечал¹²⁷.

Свидетельства Мартова о моральной эволюции Ленина весьма интересны. В генетических корнях нравственности этого человека проявляются многие особенности его натуры, наложившие глубокий отпечаток на деятельность созданной им партии. Решительным и беспощадным Ленин стал не сразу. Вернемся еще раз к воспоминаниям Мартова.

На одной студенческой вечеринке в Петербурге Ульянов „выступал с речью против народничества, в которой, между прочим, со свойственной ему полемической резкостью, переходящей в грубость, обрушился на В.Воронцова. Речь имела успех. Но когда по окончании ее Ульянов от знакомых узнал, что атакованный им Воронцов находится среди публики, он переконфузился и сбежал с собрания“¹²⁸.

Со временем, с годами Ленин перестанет „конфузиться“ и обретет твердость и непреклонность, переходящие в жестокость. Познакомившись с материалами о положении на вязально-текстильной фабрике Мостекстиля, в записке И.В. Сталину и И.С.Уншлихту он советует „созвать из *архива* *дежных* людей совещание *тайное*“ для выработки мер борьбы с расхитителями, кои должны быть весьма просты: „поимка нескольких случаев и расстрел“¹²⁹.

Судьба отношений Мартова и Ленина — это судьба двух концепций революционного развития в России: гуманной — демократической и силовой — тоталитарной. Вопрос далеко выходит за рамки личных отношений и отражает драму борьбы двух начал: политики в союзе с моралью и политики, подчинившей мораль. Борьба в редакции „Искры“ и вокруг нее означала для Мартова нечто большее, нежели просто фракционная борьба. Он видел в ней прообраз власти, утверждающей себя „любой ценой“. Поддерживая высказывания Плеханова о „бонапартизме“ Ленина, Мартов написал специальную брошюру против монополии центра с его контролем и жесткими директивами. Это положение автор работы назвал „осадным положением в партии“¹³⁰. А оно, это „осадное положение“, создавалось с самого начала. Этого не скрывал и Ленин. В своем „Ответе Розе Люксембург“, написанном в сентябре 1904 года, он указывает: „Ка-

утский ошибается, если он думает, что при русском полицейском режиме существует такое большое различие между принадлежностью к партийной организации и просто работой под контролем партийной организации¹³¹.

До революции 1917 года Ленин, по сути, борется за свою главную идею: создать монолитную, централизованную партию, с помощью которой можно прийти к власти. Он не задается мыслью, что будет потом? Ведь партия-орден уже будет создана? Она же не исчезнет никуда? Не в этом ли феномене видна угроза будущему? Нет, Ленин так не думает. Все, кто не согласен с ним, достойны быть лишь с Мартовым.

В письме А.А.Богданову и С.И.Гусеву Ленин однозначно утверждает: „Либо мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой партией будем громить рыхлое чудище новоискровских разношерстных элементов...“ В примечании добавляет, что тех, „которые абсолютно не способны воевать“, он просто „всех отдал Мартову“¹³².

Добавление чрезвычайно красноречиво: кто за „железную“ гвардию, готовность „воевать“ и „громить“ — те в его партию. А не способные к этому — в „рыхлое чудище“ Мартова. Ленин презрительно относится к моральным сентенциям Мартова, Плеханова, Аксельрода. В своей полемике, которая, пожалуй, составляет львиную долю всего литературного наследия Ленина, он мимоходом бросает слова, которые отдают осуждающим рефреном, что, мол, Мартов известен „своей моральной чуткостью“, вопит о „краже“, „шпионстве“ и других безнравственных вещах¹³³.

До своей победы в октябре 1917 года Ленин не перестает полемизировать с Мартовым, если это можно назвать полемикой. Изобличения, осуждения, „приговоры“ и просто оскорбления в адрес человека, с которым в молодости было так много общего. Но Мартов непреклонен. Склонный и способный к компромиссам, Мартов не испытывает никаких позывов к поиску согласия. Просто давно пришло понимание, что тот социализм, который намерен строить вождь партии большевиков, не имеет отношения ни к подлинной справедливости, ни к нравственным принципам, ни к гуманистическим началам социалистических мечтаний.

Уже проиграв, Мартов ужаснулся „промежуточному“ итогу достигнутого в 1917 году. В письме к одному из своих личных друзей Н.С.Кристи Мартов выносит вердикт, который оказался сколь пророческим, столь и весьма точным.

„Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей помириться с тем аракчеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самим тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве. Получается такой букет, что трудно вынести. Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а, напротив, высшим их воплощением, и начало коллективизма я представлял себе противоположным „стадности“ и нивелировке... Здесь же расцветает такой „окопно-казарменный“ квазисоциализм, основанный на всестороннем „опрощении“ всей жизни, на культе даже не „мозолистого кулака“, а просто кулака...“¹³⁴

Интернационалистическая позиция „революционного оборончества“ Мартова весьма контрастировала с пораженчеством Ленина и патриотизмом Плеханова. Вероятно, она, эта позиция Мартова, была наиболее верной и благородной. Весть о вспыхнувшем пожаре европейской войны 1914 года застала Мартова в Париже. В своем „Голосе“ (небольшой социал-демократической газете центристского толка) Мартов не уставал повторять: „Да здравствует мир! Довольно крови! Довольно бессмысленных жертв! Да здравствует мир!“ Вернувшись в мае 1917 года в Россию, Мартов не изменил своим интернационалистским позициям; он последовательно выступал не только против пораженчества, против превращения войны империалистической в войну гражданскую, но и против шовинизма, вызывая часто огонь по своим позициям как слева, так и справа.

В своих воспоминаниях один из заметных актеров российской революционной трагедии И.Г.Церетели приводил монолог Мартова. „Для Ленина такие явления, как война или мир, сами по себе никакого интереса не представляют. Единственная вещь, которая его интересует, это революция, и настоящей революцией он считает только ту, где власть будет захвачена большевиками.

Я задаю себе вопрос, продолжал Мартов, что будет делать Ленин, если демократии удастся добиться заключения мира? Очень возможно, что в этом случае Ленин перестроит всю свою агитацию в массах и станет проповедовать им, что все беды послевоенной поры происходят от преступлений демократии, состоящих в том, что она преждевременно закончила войну и не имела мужества довести ее до полного разгрома германского милитаризма¹³⁵.

Вполне вероятно, что Мартов так мог говорить о прагматизме Ленина, ибо для лидера русской революции, действительно, единственной, монопольной проблемой была только власть. Все остальное было подчинено цели ее захвата.

После того как в июне 1918 года ВЦИК вывел из своего состава правых эсеров и меньшевиков, Мартову ничего не оставалось, как бороться пером против сползания революции к диктатуре одной партии. Д.Шуб приводит свидетельство Е.Драбкиной, видевшей сцену исключения меньшевиков из управляющего эшелона революции. После проведенного Я.Свердловым голосования, исключившего правых эсеров и меньшевиков из Советов, и предложения покинуть зал заседаний ВЦИК вскочил Мартов и, посылая проклятья „диктаторам“, „бонапартистам“, „узурпаторам“, „захватчикам“, пытался надеть свое поношенное пальто, но никак не попадал в рукав. Ленин стоял бледный и молча смотрел на выразительную сцену. Сидевший рядом левый эсер весело смеялся, тыча пальцем в кашляющего и ругающегося Мартова. Тот наконец справился с пальто и, уходя, обернувшись, пророчески бросил хохочущему революционеру:

— Вы напрасно веселитесь, молодой человек. Не пройдет и трех месяцев, как вы последуете за нами¹³⁶.

Вспоминая трагедию Мартова, которая лишь рельефнее оттеняет трагедию русской революции и большевистскую одномерность Ленина, нельзя вместе с тем смотреть на поверженного лидера меньшевиков как на лицо, олицетворяющее только историческую правоту. Он был до конца своих дней ортодоксальным социалистом, одним из лидеров нового „2 1/2 Интернационала“, верил в историческую правомерность диктатуры пролетариата и многие другие догмы марксизма. Он верил, что социалистическая революция может

быть обновляющим и освежающим актом созидания. Мартов не мог принять лишь ленинского монополизма, ставки большевиков на насилие и террор. Правда, это весьма немало.

Потерпевший поражение революционер наивно верил, что революция может быть чистой, моральной, светлой. В дни, когда белый и красный террор, столкнувшись, образовали чудовищную волну насилия, Мартов быстро написал брошюру: „Долой смертную казнь“. На одном дыхании он писал строки, подобные этим: „Как только большевики стали у власти, с первого же дня, объявив об отмене смертной казни, они начали убивать пленников, захваченных после боя в гражданской войне, как это делают все дикари. Убивать врагов, которые после боя сдались на слово, на обещание, что им будет дарована жизнь... Смертная казнь объявлялась отмененной, но в каждом городе, в каждом уезде разные чрезвычайные комиссии и военно-революционные комитеты приказывали расстреливать сотни и сотни людей... Этот кровавый разврат совершается именем социализма, именем того учения, которое провозгласило братство людей в труде высшей целью человечества... Партия смертных казней — такой же враг рабочего класса, как и партия погромов“¹³⁷.

Как бы „доказывая“ правоту слов Мартова, уже после его смерти, в ноябре 1923 года, Политбюро рассматривало „Туркестанский вопрос“. Докладывал Рудзутак. Он сообщил „вождям“, что в Туркестане пригласили на переговоры с советской властью руководителей отрядов басмачей. Им обещалось, что жизни их не угрожает опасность и что на специальной конференции будут рассмотрены пути мирного решения конфликта. Приехало 183 главаря. Всех их немедленно арестовали и 151 человека приговорили к расстрелу. Первых из списка уже поставили к стенке и расстреляли, но тут вмешалась Москва. Нет, Политбюро не сочло этот акт проявлением коварства, а просто пока „несвоевременным“¹³⁸.

У Мартова были аргументы нравственные, у Ленина — аргументы политического прагматизма. Призывы к „моральности“ Ленин считал проявлением „буржуазного либерализма“. На такие сентенции отвечал записками наподобие той, которую он написал И.С.Уншлихту:

„Никак не могу быть в Политбюро. У меня ухудшение. Думаю, что во мне и нет надобности.“

Дело теперь только в чисто *технических* мерах, ведущих к тому, чтобы наши суды *усилили* (и сделали более быстрой) репрессию против меньшевиков...

С ком. приветом Ленин¹³⁹.

Террор, репрессии, насилие для Ленина были чисто „техническим“ делом. У Мартова не было шансов повлиять на большевистское руководство в сторону гуманизации его политики. Ее сутью было насильственное переустройство общества и всего мира. Моральная наивность российского Дон Кихота поднимает его на большую нравственную высоту, недоступную людям, одержавшим над ним и его единомышленниками победу.

Политически Мартов умирал бурно. Физически он погас тихо и печально, как сторевшая свеча. Уже будучи тяжелобольным, он смог по разрешению Политбюро ЦК РКП осенью 1920 года уехать в Германию, успел создать печатный орган меньшевиков в Берлине „Социалистический вестник“. В последней своей статье, которую он смог с трудом написать, пока смерть не похитила его у жизни, Мартов верит в неизбежный уход с исторической сцены большевизма и замену его в России „правовым режимом демократии“. Может быть, мы только сейчас находимся на пороге свершения его вещего желания? Или вновь новая волна большевизма захлестнет несчастную российскую демократию?

Не дожив до своего пятидесятилетия полгода, 24 апреля 1923 года Мартов скончался от туберкулеза. Пожалуй, не столько безмерное курение добило лидера меньшевиков, сколько крах всех его надежд. Свеча русской демократии горестно погасла. Личная трагедия революционера весьма символична для всего социалистического эксперимента в России¹⁴⁰.

И Ленин, и Мартов стояли у истоков рождения революционной партии. Возникнув, партия, как горный ключ, стала метаться то влево, то вправо в стремлении проложить себе историческое русло. Такие люди, как Мартов, хотели, чтобы поток был спокойным, широким, плавным. Сторонники

Ленина видели революционную партию как водопад, низвергающийся с высоты. Ленин оказался более искусным строителем, и созданная российскими социал-демократами партия, так и не приобретя полностью присущих ей традиционных черт, стала быстро превращаться в орден, который после октября 1917 года стал государственным. Он не был ни монашеским, ни рыцарским орденом, а скорее, идеологическим. Никто до самой смерти Ленина не подвергал сомнению его абсолютное право быть Магистром этого ордена.

Мартову, этому Дон Кихоту русской революции, изначально здесь не было места.

Сады Бытия замусорены Ложью, Лестью, Властолюбием, Двуличием, Тщеславием, Корыстолюбием. Они уживаются рядом с Добром, Благодородством, Совестью, Мужеством, Стыдом, Покаянием. Ленин (а сколько было „охотников“ и до него и после!) вознамерился очистить эти сады от человеческого мусора. Для этого ему нужна была железная организация: сплоченная, фанатично преданная идее, безжалостная, тупая в своей одержимости, слепая в своей идеологической зашоренности. С помощью этой организации-ордена Ленин смог в конце концов завладеть общественным сознанием миллионов людей, но не только для того, чтобы позвать их в светлую горницу будущего, но и чтобы разбудить в подвалах инстинктов революционную жажду ниспровержения, отрицания и разрушения. Он не учел одного: его партия могла жить только в тоталитарной системе. В любой другой она не способна существовать. Август 1991 года подтвердил обреченность его детища.

Глава 3

ОКТЯБРЬСКИЙ ШРАМ

*...На русской революции, быть может, больше, чем
на всякой другой, лежит ответ Апокалипсиса.*

Николай Бердяев

Хотя о войне в Европе долго и много говорили, надвинулась она быстро, как летняя гроза. Выстрелы в Сараеве были тем едва ощутимым, легким толчком, который в жаркий летний день сдвинул с вершин гигантскую лавину межгосударственных противоречий. Сербия получила от Австрии ультиматум, который заведомо нельзя было принять. Сильные решили преподать урок слабым.

Император российский, Николай II, незаслуженно забытый как царь-миротворец, пытался остановить бойню. В своей телеграмме Вильгельму он просит германского императора „помешать своему союзнику — Австрии зайти слишком далеко в неблагоприятной войне, объявленной слабой стране“. Германский монарх отмечает двумя жирными восклицательными знаками слова „неблагоприятной войне“, записав на полях телеграммы: „Признание в собственной слабости и попытка приписать мне ответственность за войну. Телеграмма содержит скрытую угрозу и требование, подобное приказу, остановить руку союзника“¹.

Попытка русского царя остановить занесенный меч потерпела такую же неудачу, как и его историческая попытка остановить начавшуюся гонку вооружений. Мир уже забыл, что в августе 1898 года именно Николай II впервые в истории человеческой цивилизации обратился к народам мира с предложением „положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья“. Большинство государств или не поняли призыва, или не захотели его понять, а многие встретили просто враждебно. Но сталкиваясь с холодом безразличия, молодой русский царь добился — таки созыва в Гааге международной конференции (июнь 1899 года), где удалось хоть частично „гуманизировать“ правила войны: запретить ис-

пользование разрывных пуль, газов, воздушных бомбардировок, разрушения городов и сел, варварски обходиться с пленными...

И хотя вскоре эти решения большинством участников будут прочно забыты, может быть, для российского императора роль пионера в стремлении „облагородить“ и остановить войну была самой славной внешнеполитической страницей в его трагической биографии.

Вот и сейчас Николай телеграфно „уговаривает“ Вильгельма „передать рассмотрение конфликта“ третейскому суду, учрежденному той самой конференцией в Гааге. Последовал отказ. Царь под давлением министра иностранных дел Сазонова, генералов вынужден согласиться на объявление „частичной“ (против Австрии) мобилизации, чтобы поддержать славян на Балканах. Реакция последовала незамедлительно: в полночь приходит еще одна телеграмма из Берлина. Содержание ее красноречиво: „Если Россия мобилизуется против Австрии (т.е. приступит к частичной мобилизации), то моя роль посредника, которой ты любезно облек меня, будет поставлена в опасность, если не совсем разрушена. Вся тяжесть решения лежит теперь на твоих плечах, которые несут ответственность за мир или войну“².

Последовавший ультиматум в ночь на 19 июля (1 августа) 1914 года, требовавший отменить в России любую мобилизацию, означал лишь одно — войну. Хотя русский царь запоздало телеграфирует Вильгельму: его войска не сдвинутся с места, пока будут идти переговоры, сколько бы они ни продолжались, в Германии окончательно вынули меч войны из ножен. В 19 часов 10 минут 19 июля (1 августа) 1914 года германский посол Пуртолес вручил Сазонову ноту об объявлении войны. Началась не только первая мировая война; исторический метроном стал отсчитывать годы, месяцы, недели и дни до начала русской революции. По сути, фразой, произнесенной Николаем при подписании приказа о всеобщей мобилизации накануне германского ультиматума: „Вы правы, остается только ждать нападения“, император невольно направил российский государственный корабль к гавани, имя которой — революция.

Народные массы, узнав об объявлении Германией войны России, почти единодушно поддержали царя. Патриотиче-

ский порыв был исключительно сильным. Высочайший Манифест, обнародованный на следующий день, давал шанс на всенародное согласие: „В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага“³.

Пожалуй, лишь Ленин с небольшой группой сторонников не испытал, как Г.В.Плеханов, острого желания защитить отечество. Даже Троцкий, не бывший оборонцем, в эмигрантской газете „Наше слово“ утверждал, что проповедовать желательность поражения царской России нет смысла, ибо это будет означать желание победы реакционной Германии. В момент единодушного порыва народов России, отринувших в сторону классовые, сословные и национальные распри во имя единения перед общей опасностью, лишь Ленин с кучкой своих близких единомышленников интуитивно почувствовал невероятный, фантастический шанс свершения своих надежд и чаяний. И время показало, что его политические расчеты оказались точны. По мере того как в залитых грязью и кровью окопах империалистической войны гасла патриотическая идея и шовинистическая надежда военной победы, у Ленина росла уверенность, что ни Николаю, ни Вильгельму, ни многим другим высоким воителям не выйти из войны без революции. Интеллигенция, не только в России, проклиная войну и призывая к миру, надеялась, что их страна „устоит“ и не будет побеждена. Лишь Ленин увидел в Молохе войны незаменимого союзника.

Ленин, проживший войну в Поронино, Вене, но больше в Берне, Цюрихе, других уютных городах и городках нейтральной Швейцарии, воспринимал войну иначе, чем крестьянин, одетый в шинель и испытавший газовую атаку, по-другому, нежели военнопленный из лагеря в Саксонии, не так, как бедствующая семья городского люмпена. Ленин смотрел на войну со стороны, из безопасного бельэтажа русской политической эмиграции.

Чем занимался вождь будущей русской революции в ее прологе? Готовился ли он к той демонической роли, которую ему предстоит сыграть на исторической сцене? Был ли он уверен в благоприятном исходе грядущей драмы в России? Об этом мы постараемся рассказать в этой главе, а

пока скажем: в канун февральских потрясений 1917 года Ленин вел безмятежную жизнь человека, привыкшего жить вдали от родины. Годы империалистической войны для Ленина — это сотни писем, которые он написал довольно ограниченному кругу знакомых ему людей. Среди них, кроме А.Г.Шляпникова, А.М.Коллонтай, К.Б.Радека, А.М.Горького, Г.Л.Пятакова, С.Н.Равич, Г.Е.Зиновьева, Л.Б.Каменева, больше всех писем адресовано И.Ф.Арманд. Это большая, эмоционально наполненная переписка двух очень близких людей, которые, говоря о революционных делах, пытаются передать друг другу нечто большее, чем рутинная о „рефератах“, сообщения об отправлениях книг, налаживание связей с Россией через Скандинавию. Цюрих, где находился Ленин, и Кларан, где жила Арманд, были связаны пунктирной линией писем, открыток, телеграмм, записок... Деловые же письма, преимущественно с поручениями, шли таким нужным Ленину людям, как Я.С.Ганецкий и Г.Я.Беленький.

Ленин много занимается философским самообразованием, читая и конспектируя Гегеля, Аристотеля, Лассаля, изучает Наполеона, Клаузевица, читает стихи В.Гюго, бывает изредка с Крупской в местном театре. Ленин с женой имеет возможность снимать средней стоимости номер в доме отдыха в горном местечке Флумс, что в кантоне Санкт-Галлен.. В свободное от переписки, отдыха, встреч, поездок, „склок“ с иноверцами время Ленин пишет статьи, брошюры, крупные работы, такую, например, как „Империализм как высшая стадия капитализма“. Но, не будь революции, об этих работах, как и о самом Ленине, мы знали бы сегодня не больше, чем о литературном наследии в делах Михайловского, Ткачева, Нечаева, Парвуса, Равич...

Почта из России приходит с большим опозданием. Новости Ленин черпал из „Таймс“, „Нойе цюрхер цайтунг“, „Тан“, других западных изданий. По всем сведениям, дошедшим до него, Ленин чувствовал: в России близится „землетрясение“. Усталость народа от тягот и неудач войны подошла к критической черте. Но что она совсем рядом, эта черта, Ленин и не подозревал.

В начале января 1917 года Ленина пригласили в „Народный дом“ Цюриха прочесть в очередную, двенадцатую годовщину первой русской революции доклад о том, что тог-

да, в начале века, было. Слушателей было немного, в основном студенты. Доклад получился скучным, пространным, описательным; молодые люди в зале стали понемногу выходить, и Ленин был вынужден произнести:

— ...Мое время почти уже истекло, и я не хочу злоупотреблять терпением моих слушателей⁴.

В докладе оратор нажимал больше на то, что в 1905 году размах гражданской войны был слишком незначителен, чтобы опрокинуть самодержавие.

— ...Крестьяне сожгли до 2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства... К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они *должны* были уничтожить... Крестьяне действовали недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции⁵.

Продолжая торопливо читать заготовленные листки, русский эмигрант выразил уверенность, что революция 1905 года остается „прологом грядущей европейской революции“. Ленин сказал, что „ближайшие годы... приведут в Европе к народным восстаниям...“⁶. Он говорил о возможности восстаний в Европе, но, однако, не упомянул Россию. О том, что эти восстания вспыхнут не так скоро, Ленин заявил в одной из последних фраз своего доклада:

— Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции...⁷

Российский „пророк“ и не ведал, что до „грядущей революции“ осталось меньше двух месяцев...

Демократический февраль

В России все ждали революцию, и тем не менее для всех она оказалась внезапной. Правы те аналитики, которые утверждают, что существуют два основных источника Февральской революции: неудачная война и слабость власти. Обвал российской государственности произошел внешне неожиданно. Но ее устои подтачивались давно.

Что касается войны, то, несмотря на стратегические не-

удачи, положение России еще не было абсолютно безнадежным и катастрофическим. Германия сама была в тяжелейшем состоянии. Фронт стабилизировался вдалеке от столицы России и других жизненно важных ее центров. Брусиловский прорыв летом 1916 года вдохнул в людей веру в почетный исход войны. Дальновидные политики понимали, что стратегически Германия не может выиграть войну, особенно после того как Соединенные Штаты открыто и прямо займут место сражающейся державы на стороне Антанты.

Правда, надо отметить, что социал-демократическая агитация основательно разложила армию, уставшую от войны. Начавшиеся „братания“ на фронтах часто носили односторонний характер: нередко в русские окопы доставлялась немцами социал-демократическая литература большевистского содержания, однозначно помогавшая больше кайзеровской Германии, чем российской армии.

Председатель Государственной думы в своих воспоминаниях пишет, что „симптомы разложения армии были уже заметны на второй год войны... Пополнения, присылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой на одну четверть... Иногда эшелоны, идущие на фронт, останавливались ввиду полного отсутствия личного состава, кроме офицеров и прапорщиков. Все разбежались...“⁸. Так эффективно работали агитаторы-социалисты, бросая семена своей пропаганды на глубокое нежелание крестьян воевать. Большевики внесли свой весомый вклад в поражение русской армии.

Но в целом, несмотря на тяжелое положение, Россия еще далеко не исчерпала всех материальных и духовных ресурсов продолжать войну, которая в условиях германской оккупации российских пространств становилась для нее во все большей степени справедливой (тем более, что начала войну Германия).

Однако царский режим, ставший в известном смысле думским, проявил свою неспособность управлять государством в критической ситуации. Этому содействовало и решение императора 6 августа 1915 года сменить на посту главнокомандующего российской армией великого князя Николая Николаевича и занять этот пост самому. Почти весь Кабинет министров запротестовал, считая, что отъезд в

Ставку царя „грозит крайнему разрушению России, Вам и династии Вашей, тяжелыми последствиями“⁹. Но царь был непреклонен. Самодержец как бы сошел с авансцены главных событий на периферию социальных действий, отдав столицу враждующим и продажным группировкам из своего окружения.

В силу извечной традиции Россия привыкла к государственному единоначалию, персонифицированному в облике конкретной личности. Политика „внутреннего мира“, провозглашенная Думой, в результате кризиса власти быстро рухнула.

Как вспоминал П.Н.Милюков, события в столице развивались совершенно стихийно. „После полудня 27 февраля у Таврического дворца скопилась многочисленная толпа, давившая на решетку. Тут была и „лублика“, и рабочие, и солдаты. Пришлось ворота открыть, и толпа хлынула во дворец. А к вечеру уже почувствовали, что мы (думский Временный комитет. — Д.В.) не одни во дворце — и вообще больше не хозяева дворца. В другом его конце уже собирался другой претендент на власть, Совет рабочих депутатов, спешно созванный партийными организациями, которые до тех пор воздерживались от возглавления революции... Солдаты явились последними, но они были настоящими хозяевами момента. Правда, они сами того не осознавали, бросились во дворец не как победители, а как люди, боявшиеся ответственности за совершенное нарушение дисциплины, за убийство командиров и офицеров. Еще меньше, чем мы, они были уверены, что революция победила. От Думы они ждали признания и защиты. И Таврический дворец к ночи превратился в укрепленный лагерь...

Когда где-то около дворца послышались выстрелы, часть солдат бросилась бежать, разбили окна в полуциркульном зале, стали выскакивать из окон в сад дворца. Потом, успокоившись, они расположились в его помещениях на ночевку... Временный Комитет Думы был оттеснен в далекий угол дворца... Но для нужд текущего дня обеим организациям, думской и советской, пришлось войти в немедленный контакт... Арестованные министры были переведены в Петропавловскую крепость...“¹⁰

Началось, как пишет А.И.Солженицын, „долгое безвре-

меньше“, окончательно подточившее устои государственности, социальной стабильности и национального единства. Весь вопрос заключался в том, кто воспользуется создавшейся ситуацией. В общественном сознании господствовало понимание того, что выход из глубокого кризисного положения возможен лишь в результате определенных радикальных мер революционного характера. Некоторые приближенные царя расценивали обстановку как результат бессилия и безволия властей. Именно это обстоятельство, по их мнению, „вызвало“ революцию. Великий князь Александр Михайлович менее чем за месяц до отречения царя от престола писал ему с горечью: „Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу“¹¹.

Ленин в далеком Цюрихе не знал нюансов российской ситуации, ведь он уже находился в эмиграции целое десятилетие. Эмигрантская жизнь, помимо прочего, отторгает человека от родины, как бы он о ней ни тосковал. Поэтому, когда Ленин 2 (15) марта получил сообщение о победе революции в Петрограде, он был потрясен неожиданностью: грядущие события ему казались исторически близкими, но он и предполагать даже не мог, что они свершатся столь быстро! А первым сказал ему о революции Моисей Bronский, такой тихий, незаметный польский социал-демократ из Лодзи. Ничего сам, мол, толком не знает, но что есть телеграммы из России о революции — „это точно“. Ленин с Bronским походили по всем местам Цюриха, где могли что-то конкретно узнать, но везде лишь говорили: в Петрограде революция. Министры арестованы. Толпы народа запрудили улицы...

Ленин возбужденный вернулся домой; надо что-то предпринимать. В последнее время он частенько писал о делах и революционных перспективах у швейцарских социал-демократов... Каким это все показалось сейчас далеким и надуманным!

Энергично расхаживая из угла в угол небольшой квартиры в Цюрихе, Ленин, находясь в состоянии потрясения, бросал Надежде Константиновне, спокойно сидевшей в старом креслице:

— Потрясающе! Вот это сюрприз! Подумать только! Надо собираться домой, но как туда попасть? Нет, это поразительно неожиданно! Невероятно!

Немного успокоившись и остыв от восклицаний, Ленин садится за письменный стол и пишет свое первое письмо после сенсационного известия Инессе Арманд в Кларан, в котором сообщает о победе революции в России: „Мы сегодня в Цюрихе в ажитации; от 15.III есть телеграмма в „Züricher Post“ и в „Neue Züricher Zeitung“, что в России 14.III *победила* революция в Питере после 3-дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры все *арестованы*.

Коли не врут немцы, так правда.

Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно.

Я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прошу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.¹²

Спустя всего несколько недель после его заявления, что он, возможно, и не доживет до „грядущей революции“, Ленин самоуверенно заявляет, что ясность в том, что Россия была „накануне революции“, для него „несомненна“. Как и большинство политиков, он совсем не считает нужным помнить и тем более следовать тому, что провозгласил ранее.

Пишет телеграмму Зиновьеву в Берн и предлагает тому немедленно приехать в Цюрих. Одновременно отправляет письмо Я.С.Ганецкому: „Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию, и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю Вам на всякий случай мою фотографию..¹³

Задача Ганецкому поставлена непосильная: найти человека, похожего на Ленина, и еще плюс к этому немного... Ленин вообще любил выдвигать труднорешаемые задачки: например, зажечь пожар мировой революции. Вскоре, естественно, от поиска „немного шведа“ отказались. Начались энергичные поиски безопасных путей проезда Ленина и группы большевиков из Швейцарии в Россию.

А вести из Петрограда между тем приходили совсем необычные, потрясающие, ошеломляющие. Отрекся от престола царь. А затем и его брат Михаил. Сколько Ленин выпустил ядовитых стрел непосредственно в Николая II! А сейчас этот бывший уже монарх отрекается в пользу Михаила, а тот, в свою очередь, издает рескрипт: „...прошу всех

граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Петроград, 3 марта 1917 г. Михаил¹⁴.

Ленин напряженно вчитывался в сообщения газет, узнавая состав Временного правительства, образовавшегося после Февральской революции. Фамилии Г.Е.Львова, П.Н.Милюкова, А.И.Гучкова, Н.В.Некрасова, А.И.Коновалова, М.И.Терещенко, А.А.Мануйлова, А.И.Шингарева, А.Ф.Керенского вызывали у него саркастическую улыбку: „Буржуазия успела втиснуть свои зады в министерские кресла“. У Ленина ни минуты не было сомнений в том, что эти либералы ничем не лучше царя. Их приверженность демократическим идеалам он расценивал не больше как стремление „одурачить народ“.

В своем первом „Письме из далека“ Ленин верно, с точки зрения большевистских интересов, уловил своеобразие момента: кроме Временного правительства возникло еще одно „игралолице власти“ — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов во главе с Н.С.Чхеидзе, А.Ф.Керенским, М.И.Скобелевым. В исполком Совета, состоявшего из пятнадцати человек, вошли лишь два большевика: А.Г.Шляпников и П.А.Залуцкий. Но Ленин быстро и точно отметил для себя, что в двоевластии коренится редкий, уникальный для большевиков шанс.

Ленин увидел в Совете будущий прообраз органа революционной диктатуры пролетариата. И наоборот, во Временном правительстве, которое могло бы утвердить в обществе принципы буржуазно-демократического народовластия, Ленин усмотрел исключительно и только мишень для своих бешеных атак. Уже менее чем через неделю после образования Временного правительства Ленин, совсем не зная действительного положения дел в Петрограде и России, беспечелляционно заявил: „Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых... не может дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы“¹⁵.

Атакуя с самого начала Временное правительство — законный орган демократических преобразований, большевики не выдвигали мирной альтернативы революционного развития. Не случайно ленинская директива большевикам, отъезжающим в Россию, была немногословна:

„Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями. Телеграфируйте это в Петроград“¹⁶. Фактически в этой одной длинной фразе — суть революционной линии человека, который пока находился вдали от Петрограда, но был обеспокоен ситуацией. Да, революция свершилась, чему он мысленно и гласно аплодировал. Но власть оказалась у буржуазии. Во главе Советов — умеренные социалисты: меньшевики. Это совсем не устраивало Ленина-максималиста. Он, как показали последние полтора десятилетия, был совершенно не в состоянии найти удовлетворительного для него компромисса с этими людьми. Поэтому — никакого сближения с меньшевиками! Единственный путь — Ленин откровенен и как бы забегает вперед — вооружение пролетариата. Чтобы выйти из затруднительной для большевиков ситуации (в Февральской революции они не сыграли заметной роли), которые оказались на вторых ролях великой драмы, он требует перекроить исторический сценарий. В каком направлении, в чем именно?

Весьма прямо и цинично Ленин сказал об этом, выступая 14 (27) марта в цюрихском „Народном доме“ с докладом „О задачах РСДРП в русской революции“. Готовящийся к отъезду в Россию Ленин с глубоким удовлетворением произнес зловещую фразу, что на его родине „превращение империалистической войны в войну гражданскую началось“¹⁷. А сама Февральская революция есть лишь *первый* этап социальных преобразований. „Своеобразие исторической ситуации *данного* момента, — говорил на собрании Ленин, — как момента *перехода* от первого этапа революции к второму, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии...“¹⁸

Это утверждение стало затем аксиомой ленинизма, его

азбукой. Один из самых приближенных к Ленину большевиков — Г.Е.Зиновьев в своей теперь малоизвестной работе „Ленинизм“ (введение в изучение ленинизма) прямо писал: „В феврале революция была еще буржуазной, а Октябрь был уже началом социалистической революции. Февральская революция была беременна октябрьской; буржуазно-демократическая революция была беременна пролетарской. И случилось даже так, что беременность—то эта продолжалась почти ровно 9 месяцев...“¹⁹ Такие „естественные“ аргументы приводил Зиновьев, долгие годы проживший вместе с Лениным в эмиграции.

Февральская революция для Ленина не была самостоятельным феноменом, независимым социально-политическим явлением; это был лишь „этап“ того процесса, которому молился лидер большевиков, — социалистической революции, по всей вероятности, мировой. Не случайно окончание своего доклада в цюрихском „Народном доме“ Ленин завершил характерными фразами:

— Да здравствует русская революция!

— Да здравствует *начавшаяся* всемирная рабочая революция!

Какой будет начавшаяся революция — Ленин знал. В своем первом „письме из далека“ лидер большевиков писал: „Один кровавый комок — вот что такое общественно-политическая жизнь переживаемого момента“²⁰. Временное правительство только пытается распорядиться властью и не без основания считает, что верность союзническим отношениям обернется меньшей кровью для России (так потом и вышло), нежели сознательно способствовать поражению собственной армии, к чему призывали большевики. Ленин уже видел ситуацию в Россию через призму „кровавого комка“, хотя такой она станет со временем лишь с помощью большевистской партии.

В истории нельзя найти более убедительного прецедента, когда политическая партия во имя корыстных целей захвата власти выступала бы столь последовательно и яростно за поражение собственного отечества! Но для Ленина и большевиков это были звенья одной стратегической цепи: развал отечественного государства с помощью военного поражения с последующим захватом власти в этой повержен-

ной стране. Демократический февраль не смог противостоять этому коварному плану.

Самое удивительное в этом плане не его циничное, антипатриотическое содержание, а то, что Ленину удалось собрать достаточное количество сторонников и с помощью совсем небольшой (к февралю 1917 года) партии реализовать его в кратчайшие исторические сроки! Историки и писатели до сих пор ломают голову, поражаясь фантастической невероятности свершенного. Мы никогда не узнаем в точности: в Цюрихе ли Ленин обдумал план сепаратного мира с Германией, который мог быть заключен только с позиции слабости? Или он не смотрел так далеко, и его беспокоила больше проблема: ехать в Россию сейчас или позже? А может, Ленин больше всего думал, как использовать к собственной выгоде неизбывную тягу миллионов людей на его родине к миру и земле?

Никто сейчас точно не скажет, о чем думал Ленин в триумфальные дни Февраля в уютном буржуазном Цюрихе. Александр Исаевич Солженицын попытался, правда, с помощью художественно-исторического инструментария исследовать космос ленинского сознания в Цюрихе. И делает это, на наш взгляд, весьма убедительно. В своем узле III „Март семнадцатого“ Солженицын пишет, смело скальпируя сознание Ленина, давно ушедшего в мир теней, но волею своих исследователей превращенного в языческую мумию:

„...Произошло в России чудо? — думает Ленин. Но чудес не бывает ни в природе, ни в истории, только обывательскому разуму кажется... Разврат царской шайки, все зверство семьи Романовых, этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих... Восьмидневная революция... Но имела репетицию в 1905 году... Опрокинулась телега романовской монархии, залитая кровью и грязью... По сути, это и есть начало всеобщей великой гражданской войны, к которой мы призывали... Весь ход событий ясно показывает, что английские и французские посольства с их агентами непосредственно организовали заговор вместе с октябристами и кадетами... Милюков и Гучков — марионетки в руках Антанты... Не рабочие должны поддерживать новое правительство, а пусть это правительство „поддержит“ рабочих...“

Помогите вооружению рабочих — и свобода в России будет непобедима! Народ не пожелает терпеть голода и скоро узнает, что хлеб в России есть и можно его отнять... И так мы завоюем демократическую республику, а затем и социализм...²¹

Никто с уверенностью не скажет, что именно так думал Ленин, но Солженицын, по моему мнению, очень близок своим воображением к тому, что могло быть. В навсегда исчезнувшие тайны ленинского сознания можно проникнуть, лишь скрупулезно обследовав то, что было предметом его анализа. По словам лечащего врача Ленина немца Ферстера, больного в 1923 году мучило чувство страха и обреченности. Оставшись наедине со своим уже замутненным сознанием, Ленин, возможно, переживал уже прожитое. Его необратимость, как и караулившая у изголовья смерть, сдавливали спазмами страха виски, голову, тело...²²

Ленинский мозг, его голова были и останутся вечной загадкой для художника и исследователя, хотя деяния человека делают эти тайны прозрачными. „Голову носил Ленин как драгоценное и больное. Аппарат для мгновенного принятия безошибочных решений, для нахождения разительных инструментов, — писал А.И.Солженицын, — аппарат этот низкой мстительностью природы был болезненно и как-то как будто разветвленно поражен, все в новых местах отзываясь. Вероятно, как прорастает плесень в массивном куске живого — хлеба, мяса, гриба, — налетом зеленоватой пленки и ниточками, уходящими в глубину...“²³

Так великий русский писатель пытается приоткрыть завесу над тайнами ленинского сознания. Именно в этом сознании родился план, с которым Ленин решил ехать в Россию.

В то время как большинство лидеров, партий, государственных деятелей считали, что Февраль открыл новую великую страницу российской истории — страницу демократическую, Ленин был убежден, что, если на этой ступени остановиться, он со своей партией в лучшем случае займет малозаметное оппозиционное место в Учредительном собрании. И только. Все крикливые и революционные выступления его представителей будут восприниматься не иначе как экстремистское левачество, к которому снисходитель-

но привыкли западные парламенты. Если Февраль остановится на тех целях, что провозглашены Львовым, Милюковым, Керенским, то его многолетние соперники — меньшевики — получат исторические шансы. Этого Ленин даже мысленно вынести не мог. Но сегодня ясно: удайся первая попытка России в XX веке стать на рельсы демократии и цивилизации, мы бы сегодня не мучились попыткой второй, исход которой пока не ясен. Февраль семнадцатого — дата упущенных исторических шансов...

Нужно в Россию. Ленин придумал и выпестовал племя „профессиональных революционеров“. Нужно, наконец, чтобы они проявили себя. Сегодняшний исторический момент может никогда больше не повториться, а ему уже в следующем месяце сорок семь...

Парвус, Ганецкий и „немецкий ключ“?

Ленин мысленно был в России. Мечта и цель всей его жизни неожиданно оказались географически и политически недалеко. На его Родине, от которой он уже стал порядком отвыкать, зрели потрясающие события. Последнее десятилетие, приблизившее Ленина к полувековому рубежу жизни, сделало его тем типом иммигранта, который уже редко возвращается в родные пенаты. А здесь — революция! Еще несколько недель назад он даже не мыслил о ее столь стремительном приходе. Ленин срочно пишет Ганецкому в Стокгольм с требованием искать выход из швейцарского тупика: как попасть в Россию? Обращается к Р.Гримму — местному социалисту — с просьбой проработать вариант проезда через Германию. Но пока никакого ответа. Быстрее всех действует Ганецкий (Ленин давно отметил про себя его скорую исполнительность, сметку, способность к конспирации); уже 10 марта, всего через несколько дней после революции, Ленин получает 500 рублей „на дорогу“²⁴. Русское Бюро ЦК, действующее за границей, активнее всех заботится о том, как доставить быстрее своих вождей в клочущую Россию. Но решения, плана „переброски“ пока нет. Где-то в душе Ленин допускает вариант, что он может остаться только свидетелем революции, а не ее вождем. Поезд истории может уйти без него! Лидер большевиков

пишет в Кларан Инессе: „В Россию, должно быть, не попадем! Англия не пустит. Через Германию не выходит“²⁵.

Возможно, что ничего бы с поездкой так и не вышло, тем более что Ленин откровенно боялся ареста в Англии или немецких подводок в море. И, кто знает, останься он в Швейцарии до конца войны, сочиняя „Письма из далека“, состоялся ли бы октябрьский переворот? Троцкий позже утверждал, что Октября бы не было без Ленина и его... Но ситуация была такой, что в переезде Ленина и его соратников в Россию были заинтересованы не только большевики, но и, особенно, германское военное руководство. Там давно следили за большевиками, оказывая им через подставных лиц крупную финансовую помощь.

В Берлине германский канцлер Бетман-Гольвег слушал доводы „за“ не только от генерального штаба, но и от некоторых „собственных“ социал-демократов, и в особенности от Гельфанда-Парвуса, издававшего в то время журнал „Ди Глоне“. Парвус, беседуя с германским послом в Копенгагене Брокдорф-Ранцау, настаивал на том, что сепаратный мир с Россией опасен. Царь тогда просто задушит революцию. Нужна только победа Германии. Парвус еще не знает, что Ленин вскоре публично заявит, что он всегда был против сепаратного мира с Германией. В своей статье „Где власть и где контрреволюция?“, опубликованной 19 июля 1917 года в газете „Листок „Правды“, Ленин категорически утверждал, что „сепаратный мир с Германией самым решительным и бесповоротным образом всегда и безусловно отвергал!“²⁶. Вождь большевиков, как мы уже неоднократно отмечали, давно стоял за поражение своего правительства, а значит, и России в войне; стоял за превращение ее в гражданскую как предтечу победы его революции. Во имя власти Ленин не погнушался натянуть на свою плотную фигуру плащ „пораженца“.

Такая позиция лидера большевиков глубоко совпадала и с намерениями германского генерального штаба, ибо голос немецких „пораженцев“ был неизмеримо слабее и глуше. В своих воспоминаниях известный государственный и политический деятель Германии Эрих Людендорф, „военный мозг нации“, писал: „Помогая Ленину поехать в Россию (через Германию из Швейцарии в Швецию. — Д.В.), наше

правительство принимало на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправданно. Россию было нужно *повалить*²⁷ (курсив мой. — Д.В.). Хотя и цинично, но в высшей степени откровенно. Ведь большевистская революция могла предоставить Германии неслыханный шанс выиграть войну, которую она уже проиграла! Людендорф открыто говорил позднее, что советское правительство „существует по нашей милости“.

Заметим, к слову, что, когда в мае 1920 года на заседании Политбюро встал вопрос о публикации на русском языке воспоминаний Людендорфа, все присутствующие (Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Томский, Преображенский) единодушно сошлись на том, что следует „перевести и напечатать лишь те места книги, которые относятся к брестским переговорам“²⁸. Захватив власть, они уже не очень боялись разоблачения, но все же неприятно... Добиваясь поражения России, большевики служили не только целям своей партии, но и фактически устремлениям германского милитаризма.

Как читатель, видимо, понимает, автор в своей книге не может обойти вопрос о так называемом „немецком факторе“ в русской революции. Этому вопросу посвящена обширная литература, особенно за рубежом. Русские марксисты предпочитали об этом не говорить, следуя просьбе Ленина (которая, впрочем, не была напечатана сразу после написания): „еще и еще раз просим всех честных граждан не верить грязным клеветам и темным слухам“²⁹. Большевики никогда не пытались аргументированно, доказательно ответить обвинения в прямом или косвенном сговоре с Германией в стремлении „повалить Россию“. Хотя финансовая связь, видимо, была косвенной, опосредованной, было трудно, просто невозможно опровергать свои пораженческие призывы. Лучше молчать или демагогически огрызаться: „Не верьте клеветникам“. Если и были поползновения оправдаться, то они были неуклюжими, неубедительными, декларативными типа ленинского заклинания: „Просим всех честных граждан не верить грязным клеветам и темным слухам“. Просим... не верить. И все.

Как же дело было в действительности? Были ли прямые (или косвенные) договоренности большевиков и германских представителей в вопросах „пропаганды мира“ (именно так

всегда предпочитали публично говорить в Берлине, касаясь этой щекотливой темы)? Получали ли большевики немецкие деньги „на революцию“? Какую роль во всем этом играл Парвус, которого А.И.Солженицын называет автором грандиозного „плана“? Великий писатель в своем историческом исследовании „Ленин в Цюрихе“ утверждает, что план Парвуса заключался в „уничтожающем разгроме России и революции в ней! Если Россия не будет децентрализована и демократизована — опасность грозит всему миру. Победа Германии в войне принесет классовые завоевания пролетариату. Победа Германии — победа социализма!“³⁰.

Крупный историк С.П.Мельгунов, приговоренный большевиками в 1920 году к смерти, но затем высланный за границу, написал около десятка книг о русской революции. Одна из них — „Золотой немецкий ключ большевиков“ прямо утверждает: „В кармане Парвуса, связанного и с социалистическим миром, и с министерством иностранных дел, и с представителями генерального штаба, надо искать тот „золотой немецкий ключ“, которым открывается тайна необычайно быстрого успеха ленинской пропаганды“³¹.

С выводами А.И.Солженицына, С.П.Мельгунова, многих других писателей и историков созвучно и серьезное документальное исследование, осуществленное учеными Земаном и Шарлау: „Купец революции“³². Открытие партийных архивов в России после памятного августа 1991 года приблизило к разгадке многих исторических ребусов, составленных большевистской революцией. В целом феномен „немецкого золотого ключа“ можно представить как дилемму мистификации и тайны. Автор настоящей книги в результате анализа огромного количества самых различных советских и зарубежных материалов пришел к выводу, что „немецкий фактор“ не мистификация, а историческая тайна, с которой уже давно шаг за шагом стягивается непроницаемый полог. Я не могу категорически утверждать, что после моей книги все в этом вопросе станет ясно. Нет. Тайна сия велика. Многие действия узкого круга большевиков осуществлялись на вербальной, словесной основе. Многие, очень многие документы после октябрьского переворота были уничтожены, тем более что Ленин умел хранить тайны. Устойчивой, непреходящей ленинской страстью была его любовь к секретам, подпольным конспиративным

связям, тайным операциям. Вождь русской революции был непревзойденным Жрецом тайн: исторических, политических, моральных, партийных, революционных, дипломатических, военных, финансовых.

Ленинские „архиконспиративно“, „совершенно секретно“, „тайно“, „негласно“ — оттеняют одну из существенных граней ленинского портрета. Это неудивительно: ленинская партия выросла на нелегальной почве; успеха большевики добились в результате политического заговора; система поднялась, окрепла, говоря устами вождей одно, а делая другое...

Чтобы попытаться и дальше приподнять полог большевистской тайны над „немецким ключом“, автор должен остановиться на двух исторических фигурах, сыгравших демоническую роль в российской истории. Речь идет об Александре Лазаревиче Гельфанде (Парвус, он же Александр Москович) и еще об одном лице, слабо вырванном из тьмы историческим светом, — Якове Станиславовиче Фюрстенберге (он же Ганецкий, он же Борель, Гендричек, Францишек, Николай, он же Мариан Келлер, он же Куба...).

Эти два весьма темных, злодейски талантливых человека сыграли в 1917 году роль невидимых пружин, толкавших стрелку революционного барометра к отметке „социальная буря“. Нет, они не были возмутителями душевного настроения масс. Но они помогали Ленину и его соратникам опираться на конкретные финансовые возможности Германии. Многое говорит об этом.

Александр Гельфанд родился на три года раньше Владимира Ульянова в семье еврейского ремесленника в местечке Березино Минской губернии. Учился в Одессе, университет закончил в Базеле, став доктором философии. Там же, в Европе, он познакомился с грандами теории революционного движения: Плехановым, Аксельродом, Засулич, Цеткин, Каутским, Адлером. Еще до первой русской революции Парвус познакомился с Лениным и Крупской.

Парвус обращал на себя внимание высокой эрудицией, парадоксальностью мышления, радикальностью суждений, смелыми пророчествами. Так в своих статьях серии „Война и революция“, опубликованных в 1904 году, Парвус предрекал России поражение в войне с Японией и как след-

стве — неизбежность революционного пожара в российском доме. Ленин давно со стороны наблюдал за этим человеком, всегда сохраняя большую личную дистанцию. Может быть, вспоминая именно Парвуса, Ленин в свое время заявил Горькому: „Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови“³³. А может быть, эту фразу он произнес, бросая взгляд на себя извне?

Каутский приобщил Парвуса к журналистскому труду, где тот весьма преуспел. Парвус писал в газету „Танин“, редактировал издание „Молодая Турция“, писал статьи для „Берлинер тагблат“, был корреспондентом „Форвертс“. Во всяком случае, Центральный государственный особый архив имеет обширные сведения об этом³⁴.

Троцкий, в свою очередь, был очарован Парвусом, завороженный его смелой теорией „перманентной революции“. Выходец из России стал немецким социал-демократом, длительное время являясь главным редактором саксонской газеты „Арбайтер цайтунг“, выходившей в Дрездене.

В биографии этого человека яркая страница — участие в русской революции 1905 года. Ему, как и Троцкому, довелось здесь сыграть весьма заметную роль, не в пример Ленину, который ограничился положением статиста. И Троцкий, и Парвус были арестованы в Петербурге и сосланы в Сибирь (хотя и в разные места). И тот, и другой бежали. Сначала в Петербург, а затем за границу. Парвус, обладая хорошим пером, тем не менее оставил очень небольшое письменное наследие; слишком много времени у него отнимала его вторая страсть — коммерция. Одна из его заметных литературных вех — книга „В русской Бастилии во время революции“, в которой он описал многомесячное пребывание в Петропавловской крепости после поражения революции.

Свою бурную революционную деятельность Парвус совмещал с не менее активной деятельностью в сфере торговли и посредничества, где он весьма преуспел. Но здесь его ждала большая неприятность. Будучи одновременно литературным агентом Горького, Парвус представлял его денежные интересы в Германии, где одно время неплохо шла на сцене горьковская пьеса „На дне“.

Историк Д.Шуб описывает так дальнейшие события, ссылаясь на Горького. Собирая деньги с театров за поста-

новку пьесы, Парвус по договору двадцать процентов со всей суммы брал себе, а остальные делились следующим образом: четверть передавалась Горькому, три четверти — в кассу социал-демократической партии. У Парвуса в результате собралось что-то около 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал письмо, в котором простодушно сообщал Горькому, что все эти деньги он потратил на путешествие по Италии с одной барышней. Так как это было „наверное, очень приятное путешествие“, писал Горький, „но касалось его только на четверть, он сообщил об этом в ЦК немецкой с.д. партии“. Партийный суд в составе Каутского, Бебеля и Цеткин морально осудил Парвуса, и тот был вынужден уехать в Константинополь. Там Парвус быстро сделался советником в правительстве младотурок, посредничал в торговле между Турцией и Германией и быстро очень разбогател³⁵.

Когда началась империалистическая война, у Парвуса, уже богатого человека, которого теперь знали и в высших сферах государства, родилась навязчивая идея, надолго захватившая его целиком: помочь Германии победить путем инициирования революционных выступлений в России³⁶. Александр Исаевич Солженицын выразился обо всем этом одной фразой: Парвус „взялся сделать революцию в России и вывести ее из войны“. По сути, это верно, хотя, как и любая лаконичная формула, она не может отразить все оттенки вопроса. Авторы книги „Купец революции“ пишут на основании немецких документов о монологе Парвуса перед германским послом в Константинополе фон Вангенхаймом в январе 1915 года: „Интересы германского правительства вполне совпадают с интересами русских революционеров. Русские социал-демократы могут достичь своей цели только в результате полного уничтожения царизма. С другой стороны, Германия не сможет выйти победительницей из этой войны, если до этого не вызовет революцию в России. Но и после нее Россия будет представлять большую опасность для Германии, если она не будет расчленена на ряд самостоятельных государств...“³⁷ Думаю, что в этих словах выражена суть „немецкой роли“ в русской революции. Ленин просто воспользовался объективным совпадением в одном пункте интересов большевиков и Германии. Крушение

царизма давало в руки Берлина военную победу, а в руки большевиков — вождевленную власть.

Есть основания, исследуя последующую деятельность Парвуса, полагать, что этот „план“ у него реально существовал и им заинтересовалось германское руководство. Не ясно было лишь пока, как это руководство хотело способствовать его реализации и как большевики, не теряя своего лица, могли опереться на отдельные элементы этого „плана“.

Западные исследователи утверждают, что Ленин в мае 1915 года встречался с Парвусом в Берне. Например, известный исследователь Ленина и ленинизма Д.Шуб пишет: в мае 1915 года Ленин встретился с Парвусом в Цюрихе. „Вначале Ленин внимательно выслушал планы Парвуса, но не дал ему определенного ответа. Он, однако, для контакта с ним послал в Копенгаген Ганецкого-Фюрстенберга с инструкцией, чтобы тот вступил в парвусовский институт и систематически информировал его оттуда о деятельности Парвуса“³⁸. Биографическая хроника Института марксизма-ленинизма замалчивает сам факт этой встречи. Месяц май в „Хронике“ не богат на события. Исследователи жизни Ленина скрупулезно отмечают малейшие штрихи в жизни маленькой семьи Ульяновых. Указывается, что в связи с подготовкой переезда для отдыха в горы Ленин выписывает из бернской библиотеки книги „Курортный справочник“ и „Влияние высокогорного климата и горных экскурсий на человека“, но о встрече с Парвусом — ни слова.

С середины мая Ленин и Крупская живут в горной деревне Зеренберг в отеле „Мариенталь“, совершают прогулки в горы. Вскоре Ленин, естественно, приглашает на отдых в Зеренберг Инессу Арманд, и она почти сразу приезжает... В „Хронике“ говорится, что Ленин читает, делает в книгах свои бессмертные пометки, пишет письма, инструктирует К.Б.Радека... но ни слова не говорится о встрече с Парвусом. В то время как сам Парвус в своей брошюре „В борьбе за правду“ подробно описывает детали встречи с Лениным именно в мае и именно в Цюрихе.

Упомянувшийся нами известный историк Д.Шуб на основании письменных свидетельств Гельфанда и других документов утверждает, что А.Л.Парвус приехал в Швейца-

рию вместе с Екатериной Громан и остановился в самой роскошной гостинице. Шуб пишет, что через Е.Громан Парвус распределил крупную сумму денег среди нуждавшихся русских эмигрантов.

Ранее, после первой русской революции, Парвус встречался с Лениным и Троцким в Мюнхене. В один из дней мая Парвус неожиданно пришел в ресторан, где обедали русские эмигранты, и сразу подошел к столику, за которым сидели Ленин с Крупской, И.Арманд и близкий знакомый Ульяновых Кастаров. После короткой общей беседы Ленин и Крупская вместе с Парвусом ушли к себе на квартиру, где беседа была продолжена до вечера.

Парвус в своей брошюре о встрече с Лениным в конце мая 1915 года писал: „Я изложил Ленину свои взгляды на социально-революционные последствия войны и в то же время обратил его внимание на то, что, пока война продолжается, никакой революции в Германии не будет; революция возможна только в России, которая вспыхнет в результате победы немцев“. Эту встречу подтверждает большевик Алфур Зифельдт, который видел, как Ленин с Парвусом отправились из ресторана вдвоем на квартиру к Ульянову³⁹.

Д.Шуб пишет, что Ленин к встрече с Парвусом отнесся чрезвычайно осторожно и подозрительно и никогда и нигде не упоминал о ней.

Парвус „соблазнил“ эмигрантов сообщением о том, что он открывает в Копенгагене научно-исследовательский институт причин и последствий войны. Нашлись люди, которые согласились с этим научным центром сотрудничать: Чудновский, Зурабов, Урицкий, другие. Одним из них был и Я.С.Ганецкий, весьма приближенный к Ленину человек. Есть основания считать, что в дальнейшем именно Ганецкий мог служить связующим звеном между Парвусом и большевиками⁴⁰.

Довольно часто встречался с Парвусом и К.Радек, написавший в 1924 году специальный очерк об этом человеке, основанный на личных воспоминаниях. Радек приводит слова Парвуса о себе самом, что он „Мидас наоборот: золото, к которому он прикасается, становится навозом“.

В своем двухнедельном журнале „Новая Россия“, который издавался в Париже, А.Ф.Керенский через два десятиле-

тия высказался весьма определенно, озаглавив одну из своих статей „Парвус — Ленин — Ганецкий“⁴¹. „Временное правительство точно установило, — писал Александр Федорович, — что „денежные дела“ Ганецкого с Парвусом имели свое продолжение в Петербурге в Сибирском банке, где на имя родственницы Ганецкого, некоей Суменсон, а также небезызвестного Козловского хранились очень большие денежные суммы, которые через Ниа-банк в Стокгольме переправлялись из Берлина при посредничестве все того же Ганецкого...“ Керенский имел основания все это утверждать, ибо первое историческое расследование большевистско-немецких связей начало именно его правительство.

Однако стоит сказать, что Керенский о связях большевиков с немцами высказывался еще много раньше. Напомним один полузабытый эпизод.

Большевики, обладавшие огромным опытом конспиративной работы, постарались уничтожить прямые улики, свидетельствующие об их денежных и иных связях с немцами. Тем более что эти связи были многоступенчатые и о полной картине поступления средств в большевистскую кассу знали лишь несколько человек. К приведенным выше аргументам о существовании этих связей можно добавить свидетельства солидного российского юриста, следователя по особо важным делам при омском окружном суде Н.А.Соколова. Как известно, именно он провел первое сенсационное следствие по делу уничтожения царской семьи. Вынужденно оказавшись в Париже, Соколов продолжал расследование этого страшного дела, которое долгие десятилетия мучает умы честных людей.

Представляет, например, интерес протокол допроса Соколовым Александра Федоровича Керенского, как значится в документе, „39 лет, православного, проживающего в Париже, rue de Presbourg, 4“. Допрос этого знаменитого свидетеля Соколов действительно осуществил в Париже 14 и 20 августа 1920 года. Главная часть протокола касается Николая II и его семьи. Но не только эти сведения привлекают внимание.

Керенский полностью подтвердил достоверность официального документа, опубликованного в газете „Общее дело“ 10 декабря 1919 года и означенного как официальное

сообщение прокурора Петроградской судебной палаты Карчевского о связях большевиков с немцами, главным образом, денежного и политического характера.

Александр Федорович заявил: „Фактическая сторона, изложенная в этом документе, бесспорна... Роль Ленина как человека, связанного в июле и октябре 1917 года с немцами, их планами и деньгами, не подлежит никакому сомнению. Но я должен также признать, что он не агент в „вульгарном“ смысле: он имеет свои цели, отрицая в то же время всякое значение морали в вопросе о средствах, ведущих его к этой цели... Они (большевистские руководители и немцы. — Д.В.) работали на фронте и в тылу, координируя свои действия. Обратите внимание: на фронте наступление (Тернополь) — в тылу восстание. Я сам тогда был на фронте, был в этом наступлении. Вот что тогда было обнаружено. В Вильне немецкий штаб издавал тогда для наших солдат большевистские газеты на русском языке и распространял их по фронту. Во время наступления, приблизительно 2—4 июля, в газете, изданной немцами и вышедшей приблизительно в конце июня, сообщались, как уже случившиеся, такие факты о выступлении большевиков в Петрограде, которые произошли позднее. Так немцы в согласии с большевиками и через них воевали с Россией...“

Далее Керенский продолжал: „Австрия готова была выйти из союза с Германией и искала сепаратного мира. Германия спешила совершить у нас переворот осенью 1917 года, стараясь предупредить выход из войны Австрии. Я констатирую Вам следующий факт: 24 октября 1917 года мы, Временное правительство, получили предложение Австрии о сепаратном мире. 25 октября произошел большевистский переворот. Так немцы форсировали ход событий...“*

Конечно, можно возразить: проигравший оправдывается. Немало в утверждениях Александра Федоровича прямолинейного, как он говорит, „вульгарного“. Но проигравшему можно верить, во всяком случае, не меньше, чем октябрьским победителям, имевшим большие возможности замести

---

*Из архива Военной прокуратуры РФ. Из материалов предварительного следствия по делу об убийстве императора Николая Александровича. Л. 100—104, 110—111. Материал не фондирован, т.е. не имеет специального шифра.

следы в этом деле. Впрочем, победителям никогда не удалось бы отрицать или скрыть факт их долгой и преступной работы, направленной на поражение России в войне. Фактически Германия в империалистической войне против России имела союзниками не только Австро-Венгрию, Турцию и Болгарию, но и большевиков. От этого никуда не уйти.

Но вернемся в Парвусу.

Материалы Особого архива многократно сообщают информацию о том, что в 1916 году в Берлине создается некий спецотдел под названием „Стокгольм“, которым руководит Траутман, с которым через Парвуса поддерживают связи Фюрстенберг и Радек. В архиве содержатся адреса, по которым Парвус и Фюрстенберг проживали неподалеку друг от друга в Копенгагене⁴². К слову, в Мюнхене Ленин и Парвус жили в десяти минутах ходьбы друг от друга и не раз встречались.

Дипломат из австро-венгерского посольства в Стокгольме Гребинг вспоминал позже, что „Парвус и Фюрстенберг-Ганецкий могли и действительно вели, с помощью Германии, экспортную торговлю через Скандинавию с Россией. Этот экспорт германских товаров в Россию шел регулярно и в значительных количествах через фирму Парвуса-Ганецкого следующим образом: Парвус получал из Германии некоторые товары, как-то: хирургические инструменты, медикаменты и химические продукты, даже противозачаточные средства, одежду, в которых Россия нуждалась, а потом Ганецкий, как русский агент, отправлял их в Россию. Но за эти проданные товары они Германии ничего не платили. Все вырученные ими деньги с первого же дня революции в России были использованы, главным образом, для финансирования ленинской пропаганды в России“⁴³. Нельзя не признать, что для маскировки финансовых связей это было хорошим прикрытием. Другой прием камуфляжа заключался в эпизодической, но довольно вялой ругани большевиками Парвуса как „рenegата“, „социал-шовиниста“, „ревизиониста“ и т.д. Создавалась видимость полной отстраненности большевиков от этой личности.

Обзорный материал Особого архива сообщает, что авантюристическая политическая деятельность Парвуса опиралась на спекуляции большого масштаба. „Его сделки в Да-

нии, Турции, Румынии, Болгарии, России с продовольствием, зерном, углем, медикаментами, участие в немецкой пропаганде, поставка немецкому генштабу большевистской и антибольшевистской литературы, спекуляции на контрактах по фрахтованию в Скандинавии принесли Парвусу капитал в несколько десятков миллионов, который он помещает в цюрихские банки⁴⁴.

Ленин лично и прямо не был причастен к этим сделкам, но хорошо знал о них. Более того, они не могли осуществляться без его согласия. Но даже при явном провале он остался бы в стороне. Сохранились некоторые денежные документы (хотя большинство их, естественно, давно уничтожены), которые подтверждают безусловные связи Ганецкого, Суменсон, Козловского, отражающие европейский канал поступления товаров в Петроград. Их десятки. Приведу лишь некоторые.

„Зальцебаден, 389/4 18 4/5 16.25.

Суменсон. Надеждинская, 36, Петроград.

Номер 127. Больше месяца без сведений. Деньги крайне нужны. Новый телеграфный адрес: Зальцебаден, Фюрстенберг⁴⁵.

„Зальцебаден, 439/7 21 7/5 10.

Розенбит. Петровка, 17. Москва.

Телеграфируйте немедленно, какое количество получили оригинала карандашей, какое продали. Точную отчетность пришлите письменно. Телеграфный адрес: Зальцебаден. Фюрстенберг⁴⁶.

Грузы шли не только в Петроград и не только для Суменсон.

„Зальцебаден, 427/7 17 7/5 10.

Гагарин. Одесса.

Своевременно 15 000 получил, письма нет. Телеграфируйте, что остальными деньгами или грузом. Телеграфный адрес: Зальцебаден. Фюрстенберг⁴⁷.

Шли телеграммы не только в Петроград, но и оттуда, свидетельствовавшие о двусторонней связи.

„Стокгольм из Петрограда, 374201, 20, 10/V 13.35.

Фюрстенберг, Стокгольм, Зальцебаден.

Номер 86. Получила Вашу 127. Ссылаюсь мои телеграммы 84/85. Сегодня опять внесла двадцать тысяч, вместе семьдесят. Суменсон⁴⁸.

Среди этих денежно-торговых документов находятся и телеграммы, адресованные Ленину, но уже по политическим вопросам. Здесь не используется эзопов язык нелегальщины и революционной тайны.

„Из Ньебенгафен, 105/11 30 11/5 15.6.

Ленину. Главе партии социалистов. Петроград.

Политикен журнал-радикал Дании вас просит телеграфируйте Ваше мнение о будущем международном конгрессе социалистов Стокгольме и русские условия окончательного мира. Политикен“⁴⁹.

„Из Петрограда. 451840, 23/22, 4, 21.20.

Фюрстенберг. Естергазе 58, Копенгаген.

Можете ли доставить партию дамских чулок паутинка размер восемь половиной девять, обязательно сертификат, телеграфируйте количество, крайние цены. Суменсон“⁵⁰.

Грузы, среди которых значатся амидобихлоратум, салол, термигросы, карандаши, многое другое, в том числе и „дамские чулки“, шли через Стокгольм в Петроград, другие города, где они реализовывались, и Суменсон аккуратно переводила деньги в банк. А их забирал для нужд большевиков Козловский.

„Из Петрограда, 2801 12, 14,2 12 22.

Регат. Фюрстенберг. Кунгсгатан 55, Стокгольм.

Номер 74. Внесла Русско-Азиатский банк пятьдесят тысяч. Суменсон“⁵¹.

Попутно Суменсон шлет информацию Ганецкому, носящую внешне сугубо личный характер.

„Из Петрограда, 79901 15 17/5 13.45.

Регат. Фюрстенберг, Кунгсгатан 55, Стокгольм.

Номер 81. Сообщите брату, его родные так же капиталы благополучны. Суменсон“⁵².

Эпизодически Ганецкий получает многозначительные телеграммы и от самого Ленина.

„Из Петрограда. 48160 21 21/5 16 10.

Фюрстенберг. Зальцебаден. Стокгольм.

Зовите как можно больше левых на предстоящую конференцию, мы посылаем особого делегата. Телеграммы получены. Спасибо, продолжайте. Ульянов, Зиновьев“⁵³.

Ленин не опускался до непосредственного руководства созданным механизмом. Крайние элементы человеческой

цепи — деньги, товар, доставка, торговля, банк, изъятие — совсем не знали друг друга. Конспирация, на которой могли бы поучиться позже специалисты ЦРУ и КГБ. А телеграммы, многие из которых весьма загадочны, были часто „лишь условными знаками, шифром, ширмой“, пишет Михаил Фуртрелл, исследовавший пути русских революционеров через Скандинавию и Финляндию в Россию в 1917 году⁵⁴.

А деньги были по-прежнему так нужны...

Царский контрразведчик Б.Никитин, выполнявший позже поручение Временного правительства о выяснении связей большевиков с немцами, писал, что одним из каналов финансирования партии накануне революции была линия Ганецкий — Суменсон⁵⁵. Эта линия, судя по всему, довольно долго действовала бесперебойно:

„Из Павловска. Петроград, 360 10 2/7 18 56.

Зальцебаден. Фюрстенберг.

Номер 90. Внесла Русско-Азиатский сто тысяч. Суменсон“⁵⁶.

Исследователь темного дела связей большевиков с немцами С.П.Мельгунов, незнакомый с документами, которые мы привели, утверждает, что Евгения Суменсон располагала крупным счетом в Сибирском банке. „Финансовая экспертиза в дальнейшем выяснила, что этот счет составлял около 1 млн. рублей, с которого накануне революции было снято около 800 тысяч... Козловский по утрам обходил разные банки и в иных получал деньги, а в других открывал новые текущие счета...“⁵⁷

Когда 8 июля 1917 года Евгения Маврикиевна Суменсон была заключена под стражу по распоряжению контрразведывательной службы Временного правительства, она подтвердила эти сведения. И более того. Из протокола, составленного каллиграфическим почерком помощника начальника контрразведывательного управления Петроградского военного округа, явствует, что в общей сложности через ее и Фюрстенберга руки „прошло два миллиона тридцать тысяч сорок четыре рубля“⁵⁸. По тем временам это очень большие деньги. Далее Суменсон сообщила, что по распоряжению Фюрстенберга она была обязана „давать Мечиславу Юльевичу Козловскому деньги по первому требованию (не беря от него никаких расписок), так как М.Ю.Козловский

являлся его полным заместителем...". Из протокола также следует, что „через Азовско-Донской банк она, Суменсон, перевела в Швейцарию 230 000 рублей одной фирме...“.

Евгения Суменсон сообщила, что первую партию медикаментов из Стокгольма от Фюрстенберга она получила в декабре 1915 года на сумму 288 929 рублей⁵⁹.

Имеет ли к этому отношение майская 1915 года встреча Парвуса с Лениным в Швейцарии? Известный исследователь этой проблемы Земан пишет: „В июле 1915 года германское министерство иностранных дел за подписью фон Ягова просило статс-секретаря государственного казначейства о выдаче пяти миллионов марок на усиление революционной пропаганды в России. 9 июля просьба была удовлетворена“⁶⁰. Большинство историков сходится на том, что „немецкие деньги“ стали работать у большевиков особенно активно с 1915 года, вскоре после памятной майской встречи.

Когда следственная комиссия допрашивала в августе 1917 года брата Фюрстенберга Викентия Станиславовича, то оказалось, что Яков стал неожиданно богат, ведет большое дело, но от всех попыток выяснить характер этого „дела“ явно уклонялся. „Каждый раз, когда я только начал разговор о состоятельности брата и его предприятии, последний тотчас же стремился перевести его на другую тему... Во время нашего разговора пришел присяжный поверенный Козловский; говорили они тихо...“⁶¹ Викентий также сказал, что его брат в семейном разговоре охотно говорил только о политике, но „мы так ничего и не узнали о его коммерческих делах“.

Думаю, что все эти штрихи весьма многозначительны. Ганецкий был „профессиональным революционером“, а они умели хранить тайну, тем более что она, видимо, носила общепартийный характер, хотя и была в руках всего нескольких человек. Ленин ценил Ганецкого и не раз решительно защищал его от различных обвинений в ЦК, на Политбюро. В письме А.А.Иоффе в Берлин в июне 1918 года он подчеркивал: „...Красин и Ганецкий, как деловые люди, Вам помогут и все дело наладится“⁶². Ведь альянс с немцами еще не закончился...

Расследование Временным правительством „дела большевиков“ велось вяло — было не до того. Власть шаталась и

в то же время где-то надеялась, что большевики помогут ей устоять перед лицом правой опасности, новой корнилловщины.

Керенский вспоминал, как пишет Мельгунов, что „несомненно, все дальнейшие события лета 1917 года, вообще вся история России пошла бы иным путем, если бы Терещенко удалось до конца довести труднейшую работу изблечения Ленина и если бы в судебном порядке документально было доказано это чудовищное преступление, в несомненное наличие которого никто не хотел верить именно благодаря его совершенно, казалось бы, психологической невероятности“. Сам Керенский связь большевиков с немцами доводит до полной договоренности между сторонами, далеко выходящей за пределы уплаты денег в целях развала России по представлению одних и получения их для осуществления социальной революции в представлении других⁶³.

О „договоренности“ Керенский, похоже, говорит верно. Большевики не раз договаривались с немцами. Судите сами. Вот документ более позднего времени, собственноручно написанный Лениным.

„Тов. Воровский!

...„помощи“ никто не просил у немцев, а договаривались о том, *когда и как* они, немцы, осуществят их план похода на Мурман и на Алексеева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами...

Ваш Ленин“⁶⁴.

Как видим, Ленин не отрицает возможности „договоренностей“ с немцами. Договорились (ведь „совпадение интересов!“) об использовании немецких войск против Алексеева в августе 1918 года и с таким же успехом могли договориться накануне революции и о том, как совместно „свалить царизм“. Тоже поразительное „совпадение интересов“ при циничном прагматизме большевиков.

Не случайно после Февральской революции большевики начали выпускать такое большое количество газет, листовок, прокламаций! В июле 1917 года партия уже имела 41 газету с ежедневным тиражом в 320 тыс. экземпляров; 27 газет выходили на русском языке, остальные на грузинском, армянском, латышском, татарском, польском и других

языках. „Правда“ издавалась тиражом в 90 тысяч экземпляров. ЦК партии после февраля приобрел собственную типографию за 260 тысяч рублей⁶⁵. Никакие „взносы“ партийцев не могли обеспечить это газетное половодье. Верхушка партии получала партийное жалованье. Касса большевиков не оказалась пустой! И любые деньги (от экспроприации, пожертвования меценатов или ассигнования „доброхота“ Парвуса–Гельфанда) были так кстати в момент, когда представился невероятный, уникальный исторический шанс прихода к власти!

Следователь Б.Никитин, занимавшийся „немецкими деньгами большевиков“, пришел к выводу, что деньги в руках Ленина всегда были важным политическим инструментом. „Члены ЦК, — писал Никитин, — получали за рубежом жалованье от Ленина. Неудобные ему его лишались... Деньги, поступавшие в кассу разным способом (экспроприации, пожертвования и пр.), поставили Ленина в исключительное положение. Они оплачивали его печатные издания и штат партийных работников. Деньги делали его хозяином организации за границей и в России“⁶⁶.

Когда с плоской подачи Алексинского, Ермоленко, Бурцева и других в печати был поднят большой шум о связях большевиков с немцами, их „предательстве и шпионаже“, Ленин в „Листке „Правды“ опубликовал статью „Где власть и где контрреволюция?“. Назвав откровения бывшего члена Второй Государственной думы Г.А.Алексинского „клеветнической пакостью“, Ленин приводит два главных аргумента, которые, по его замыслу, должны опрокинуть „лубочную работу газетных клеветников“. Первый: Ганецкого „недавно свободно впустили в Россию и выпустили из нее“⁶⁷. Но, во-первых, это было до „шума“, и, главное, у Ганецкого было несколько паспортов на разные фамилии... Он мог приехать как Борель, Келлер, Фюрстенберг... Впрочем, когда Ганецкого на границе спецслужбы Временного правительства очень ждали, доверенный Ленина не приехал. Его предупредили об опасности.

Керенский об этом вспоминал: „...С начала мая 1917 года Терещенко и отчасти Некрасов в совершенно секретном порядке собирали все данные по поводу преступной деятельности „Ленина и К^о“. Чрезвычайно серьезные,

но, к сожалению, не судебного, а агентурного характера. Данные эти должны были получить совершенно бесспорное подтверждение с приездом в Россию Ганецкого, подлежащего аресту на границе...“ Однако опубликованные в печати некоторые материалы на большевиков „насторожили ленинский штаб. Приезд Ганецкого был отменен, а Временное правительство потеряло возможность документально подтвердить главнейшие, компрометирующие „Ленина и К““ данные...“⁶⁸.

Аргумент второй у Ленина должен бы вроде быть основным: „Ганецкий и Козловский оба не большевики, а члены польской с.д. партии... Никаких денег ни от Ганецкого, ни от Козловского большевики не получали. Все это — ложь, самая сплошная, самая грубая“⁶⁹.

В своей статье „Ответ“, опубликованной Лениным 26 и 27 июля 1917 года в газете „Рабочий и солдат“, уже после того как Временное правительство отдало приказ об аресте лидера большевиков и он скрылся, вождь русской революции пишет, что у Парвуса служил не только Ганецкий, но и другие эмигранты. „Прокурор играет на том, — пишет Ленин, — что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным! Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких“⁷⁰.

Как же дело было в действительности? Корректны ли аргументы Ленина? Чьи приемы, говоря словами Ленина, являются „мошенническими“?

Совершенно несостоятельно утверждение Ленина о том, что Ганецкий и Козловский „не большевики“. Когда Ганецкого в июле 1937 года арестовали, то следователь со слов несчастного записал: „Член ВКП(б) с 1896 года“⁷¹ (видимо, имея в виду социал-демократическую партию. — Д.В.).

В действительности это видный деятель одновременно польского и российского рабочего движения. Делегат II, IV и V съездов РСДРП. На V съезде РСДРП „небольшевик“ Ганецкий избран членом ЦК партии. А в 1917 году (во время описываемых нами событий) — членом заграничного Бюро ЦК РСДРП... Как же Ленин мог утверждать, что Ганецкий „не большевик“? На что он рассчитывал, вводя

людей в заблуждение? Почти то же можно рассказать и о М.Ю.Козловском, члене исполкома Петроградского Совета, известном большевике.

А как в отношении того, что Ленин не имел „никаких“ денежных дел с Ганецким? Тем более Ленин утверждает, что об этом „все знают?!“.

После февральского революционного спазма Ленин кроме И.Арманда особенно много писем и телеграмм шлет Я.Ганецкому. В начале марта специальной телеграммой Ленин предупреждает Ганецкого „об отправке ему важного письма“⁷². 15 марта 1917 года Ленин шлет Ганецкому телеграмму, содержащую план возвращения в Россию. В последующие дни до отъезда лидер большевиков отправляет почти ежедневно Ганецкому телеграммы и письма, и в том числе такие, в которых даются распоряжения „выделить две или три тысячи крон для организации переезда из Швейцарии в Россию“⁷³. Вскоре Ленин сообщает И.Ф.Арманд, что деньги из Стокгольма на дорожные расходы получены⁷⁴. И, видимо, это был не единственный перевод. В письме той же Арманд Ленин сообщает, что „денег на поездку у нас больше, чем я думал...“⁷⁵.

Так зачем же Ленин утверждал, что у него не было и нет „никаких“ денежных отношений с Ганецким? Распоряжаясь прислать деньги, Ленин знал, что Ганецкий ими располагает! Так кто же, говоря словами Ленина, применяет „мошеннические“ приемы?

Решение на проезд через Германию было принято быстро. В дело по предложению Парвуса включились не только генеральный штаб и министерство иностранных дел Германии, но и сам кайзер Вильгельм II. В публикациях В.Хельвига и З.Земана, составляющих сборник „Германия и революция в России“⁷⁶, на основе немецких документов приводятся более чем откровенные намерения германского руководства. Посланник в Копенгагене граф Брокдорф-Ранцау советует министерству иностранных дел отдавать „предпочтение крайним элементам... Можно считать, что через какие-нибудь три месяца в России произойдет значительный развал и в результате нашего военного вмешательства будет обеспечено крушение русской мощи“. Канцлер Вильгельм II в письме рейхсканцлеру фон Бетман-Гольеву

ставит главное условие: „Я бы не стал возражать против просьбы эмигрантов из России... если бы в качестве ответной услуги они выступили за немедленное заключение мира“.

Есть еще одно свидетельство со ссылкой на документы французской контрразведки, говорящие о том, что весной 1917 года Ленин в присутствии Анжелики Балабановой, швейцарского социалиста Мюллера, французского редактора журнала „Завтра“ Гильбо Анри встречался с представителем немецкого посольства Далленвахом. Рандеву по поводу предстоящего отъезда Ленина через Германию в Россию происходило в ресторане Шоппа на Амтхаугсассе в Берне⁷⁷.

Читатель уже знает, что и революция, и сепаратный мир сотрясут Россию, вольно или невольно в какой-то мере двинувшуюся по „немецкому маршруту“ развития событий. „Ответная услуга“ будет оказана. Ленин, прекрасно зная, что немецкие власти не менее большевиков заинтересованы в проезде русских революционеров через Германию, выдвинул с помощью Фрица Платтена несколько условий, которые могли бы сохранить большевикам видимость политического и исторического алиби. Его, алиби, Ленин вроде бы получил, но это не меняет исторического результата: Россия в мировой войне с помощью большевиков, говоря словами Людендорфа, была „опрокинута“. Никто не в состоянии оспорить этот печальный итог.

То, чего так добивались германские руководители, удалось осуществить. Может быть, этот негласный и даже не зафиксированный письменно союз большевиков и Германии вдохновил Сталина и Гитлера, когда они в сентябре 1939 года скрепили подписями своих министров „Договор о дружбе“? Может быть, здесь просто историческое совпадение или проявление вековых традиций в государственных отношениях России и Германии, выраженных во вражде и дружбе? Может быть, Ленин, следуя своей революционной логике, не мог отказаться от неожиданного шанса?

Свое алиби Ленин постарался усилить, когда в Стокгольме отказал во встрече Парвусу. Ленин лучше, чем кто-либо другой, знал, что Парвус не только социал-шовинист, но и доверенное платное лицо германских властей. Доста-

точно было того, что с Парвусом был близок его помощник Ганецкий... Сам Гельфанд-Парвус вспоминал об этом так: „Я был в Стокгольме, когда Ленин находился там во время проезда. Он отклонил личную встречу. Через одного общего друга (видимо, Ганецкого. — Д.В.) я ему передал: сейчас прежде всего нужен мир, следовательно, нужны условия для мира; спросил, что намеревается он делать. Ленин ответил, что он не занимается дипломатией, его дело — социальная революционная агитация“⁷⁸. Не случайно Ленин, добившись цели, презрительно и иногда демонстративно отвергал Парвуса. Он ему уже был не нужен. Дело было сделано. Работал механизм, ими запущенный, совсем не требовавший личных контактов.

Наконец, Ленин свое алиби обосновал и тем, что пальму первенства в поездке через Германию передал меньшевикам. В своей статье „Как мы доехали“, опубликованной одновременно в „Правде“ и „Известиях“ 5 (18) апреля 1917 года, Ленин писал, что инициатива выдвижения плана проезда через Германию принадлежит Мартову⁷⁹. Как писал Луис Фишер, „Ленину дело представлялось простым: он стремился в Россию, а все остальные пути были закрыты. Что об этом скажут враги в России и на Западе, его нимало не беспокоило. Меньшевики, он знал, не станут на него нападать: их вождь Юлий Мартов приехал в Россию той же дорогой“⁸⁰.

Но все эти алиби, повторим, не могут оспорить неопровержимого исторического результата: совпадения по одному пункту интересов большевиков и Германии — свалить, опрокинуть царскую Россию. Это совпадение интересов было с максимальной эффективностью использовано заинтересованными сторонами. Обе избегали огласки. И та и другая стороны осуществили сделку через второстепенных лиц. Оба партнера смогли многое превратить в историческую тайну.

В поездке революционеры были охвачены противоречивыми чувствами: возбуждение, нетерпение, подспудные опасения перед неизвестностью. В 15 часов 27 марта Ленин и его спутники выехали из Цюриха в Россию. Большевистский вождь еще не знает, что долгие эмигрантские годы остаются за его спиной навсегда. Ленин и Крупская, Зино-

вьев и Лилина, Арманд, Сокольников, Радек, — всего тридцать два человека разместились в отдельном вагоне, с хорошим поваром. И, что больше всего радовало, с дипломатической неприкосновенностью в придачу.

Последующее известно. Немцы оказались на высоте. Один вагон стоил нескольких пехотных корпусов. Немцы не допустили осечки, спокойно доставив Ленина в желаемый пункт. Вагон через Готмадинген — Штутгарт — Франкфурт-на-Майне — Берлин — Штральзунд — Зосниц пересек Германию. 30 марта на шведском пароходе революционеры прибывают в Троллеборг. Находясь на борту, Ленин получил радиограмму Ганецкого: „Следует ли этим паромом господин Ульянов?“. Встречал Ленина и спутников в порту тот же Ганецкий... Ленин пробыл в Мальмё и Стокгольме что-то около суток, в сплошных разговорах, обменах мнениями, за расспросами Ганецкого и других большевиков. Улучив минуту, Ленин с Ганецким побывали в магазине, где путешественник купил себе обувь и пару штанов...

Ганецкий обеспечил большевиков всем необходимым, в том числе и билетами на дальнейший путь. А ведь Ленин утверждал, что никаких денежных дел с Ганецким у него никогда не было...

Ленин в Стокгольме привлек большое внимание социал-демократов, прессы. В честь лидера большевиков в отеле „Регина“ устраивают обед, его снимают для кинохроники, репортеры добиваются его ответов, бургомистр Стокгольма К.Линдхаген приветствует революционера... Ленин с его сильным, пронизательным умом чувствует, что всю прошлую жизнь он прожил только ради того, за чем он едет сейчас на родину. Беседуя с эмигрантами, шведскими социал-демократами, он уже говорит как вождь, мозг, нерв русской революции. Самое главное — не остановиться на полдороге. Вперед, дальше; социализм не далекая утопия.

По пути к шведско-русской границе Ленин шлет В.А.Карпинскому в Женеву телеграмму, в которой выражает удовлетворение соблюдением немецкой стороной согласованных условий. В телеграмме в Петроград предлагает сообщить о его приезде в „Правде“. Ленин понимает: приезжает не просто эмигрант, на родину возвращается человек, сразу превращающийся в вождя.

Говоря о „немецкой теме“, скажу еще, что, когда в июле Временное правительство отдало приказ об аресте Ленина, начавшееся следствие быстро собрало 21 том доказательств связей большевистской партии с германскими властями. Но затем дело сталоглохнуть. Керенский видел в то время главную опасность справа, а не слева и в складывающейся обстановке рассчитывал в определенной ситуации на поддержку большевиков.

Однако известно, что сразу же после октябрьского переворота Ленин и его сторонники распорядились немедленно изъять все материалы следствия против них. Лидер переворота страшно торопился и держал под личным контролем процесс нахождения, изъятия (и, видимо, уничтожения) компрометирующих материалов. По поручению Народного комиссариата иностранных дел его сотрудники Ф.Залкинд и Е.Поливанов 16 ноября 1917 года докладывали об изъятии материалов незаконченного следствия. Там, в частности, говорится:

„Председателю Совета Народных Комиссаров

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров, товарищей Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об „измене“ товарищей Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7, 433 от второго марта 1917 года с разрешением платить деньги... за пропаганду мира в России.

2. Были просмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме... открытые по приказу германского имперского банка за № 2, 754...“⁸¹

В Центральном особом архиве отчет Е.Поливанова и Ф.Залкинда также хранится, опубликованный в газете „Лантерн“, с указанием номеров чеков (№ 7433 и 2754 немецкого государственного банка)⁸². Здесь же находится досье Эдгара Сиссона, агента информационного комитета в Петрограде, созданного по инициативе правительства США⁸³.

В деле Временного правительства о связях большевиков с немцами содержится еще ряд подобных документов с упоминанием большевистских вождей, но за подлинность их трудно поручиться; это документы обобщающего характе-

ра, подготовленные следствием. Распоряжения на финансирование лиц, занимающихся „пропагандой мира“, слишком прямолинейны, чтобы признать их подлинными. Установлено, что значительное число документов (возможно, и даже вероятно, как раз подлинных) бесследно исчезло. Это не удивительно. Было бы непонятным, если бы большевики сохранили в неприкосновенности компрометирующие их материалы.

Следствие пыталось создать версию прямого подкупа Ленина и его соратников немецкими разведывательными службами. Это, судя по материалам, которыми мы располагаем, маловероятно. Наиболее реально другое, об этом говорят все многочисленные косвенные свидетельства. Парвус (возможно, и эстонец Кескула) с согласия министерства иностранных дел и германского генштаба с их финансовой помощью и субсидиями „питали“ фирму Ганецкого, Суменсон, Козловского в их коммерческих делах. Без немецкой помощи Парвуса Ганецкий просто не мог бы начать „дела“. Еще в 1914 году, по свидетельству его брата, Яков бедствовал и у него не было денег даже на молоко своему ребенку⁸⁴.

Значительная часть выручки через Ганецкого, Суменсон, Козловского шла в большевистскую кассу по разным каналам. Английский исследователь М.Футрелл, изучая судьбу Ганецкого, пришел к выводу: „Рассматривая предыдущую жизнь Фюрстенберга, трудно себе представить, чтобы он мог посвятить себя финансовым операциям ради иной цели, чем помощь революции...“⁸⁵ Думаю, что это именно так. Ганецкий занимался коммерцией на основе партийного поручения Ленина. Через его руки до революции и после прошли миллионы рублей, огромное количество драгоценностей. Он, в частности, долго вел дело по расчетам с поляками после рижского мира 1920 года, занимался по решению Политбюро реализацией за рубежом огромного количества царских бриллиантов, жемчуга, золота, ювелирных изделий. И тем не менее, когда Ганецкий был арестован в 1937 году, во время многочасового обыска у него дома нашли лишь... два доллара и абсолютно никаких драгоценностей⁸⁶. К его рукам ничего „не прилипло“. Или, как утверждают некоторые, в швейцарских банках и сейчас существу-

ют его счета? История полна тайн.. Не вызывает сомнений, вместе с тем, что это был идейно убежденный человек, о чем не раз говорил и сам Ленин.

Могу еще раз убежденно сказать, что „немецкие деньги“ — не клеветническая мистификация, как неизменно утверждали большевики, а большая историческая тайна. Находя, „откапывая“ все новые и новые свидетельства и факты, мы постепенно ее открываем.

Может быть, одним из первых после революции пытался поднять вопрос о „немецких деньгах“ в русской революции знаменитый Эдуард Бернштейн. Он опубликовал через четыре года после октябрьского триумфа Ленина большую статью в берлинской газете „Форвертс“ — органе германской социал-демократии. Судя по содержанию, Бернштейн долго и тщательно готовил статью; он не хотел запятнать свое имя легковесными версиями.

Приведу фрагмент этой статьи.

„Известно, и лишь недавно это вновь было подтверждено генералом Гофманом, что правительство кайзера по требованию немецкого генерального штаба разрешило Ленину и его товарищам проезд через Германию в Россию в запломбированных салон-вагонах, с тем чтобы они могли в России вести свою агитацию...

Ленин и его товарищи получили от правительства кайзера огромные суммы денег на ведение своей разрушительной агитации. Я об этом узнал еще в декабре 1917 года. Через одного моего приятеля я запросил об этом одно лицо, которое благодаря тому посту, который оно занимало, должно было быть осведомлено, верно ли это. И я получил утвердительный ответ. Но я тогда не мог узнать, как велики были эти суммы денег и кто был или кто были посредником или посредниками (между правительством кайзера и Лениным)“.

Далее Бернштейн пишет: „Теперь я из абсолютно достоверных источников выяснил, что речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше пятидесяти миллионов золотых марок, о такой громадной сумме, что у Ленина и его товарищей не могло быть никакого сомнения насчет того, из каких источников эти деньги шли. Одним из результатов этого был Брест-Литовский договор.

Генерал Гофман, который там вел переговоры с Троцким и другими членами большевистской делегации о мире, в двойном смысле держал большевиков в своих руках, и он это сильно давал им чувствовать⁸⁷.

Через неделю, 20 января 1921 года, Бернштейн опубликовал в „Форвертс“ еще одну статью, где бросал вызов коммунистам Германии и российским большевикам: он готов предстать перед судом, если они находят, что он оклеветал Ленина. Но центральные комитеты двух коммунистических партий многозначительно промолчали, фактически невольно признав неотразимость утверждений и аргументов Бернштейна.

Возникает только вопрос: действительно ли так велика сумма немецкой „помощи“ большевикам?

Думаю, что Бернштейн привел обобщенные финансовые данные за все годы, начиная с 1915-го, ибо крупные денежные инъекции Берлин продолжал осуществлять и после октября 1917 года. В сборнике германских документов „Германия и революция в России 1915—1918 гг.“ говорится: „Лишь тогда, когда большевики начали получать от нас постоянный приток фондов через разные каналы и под различными ярлыками, они стали в состоянии поставить на ноги их главный орган „Правду“, вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкий базис своей партии... Всецело в наших интересах использовать период, пока они у власти, который может быть коротким, для того чтобы добиться прежде всего перемирия, а потом, если возможно, мира. Заключение сепаратного мира означало бы достижение желанной военной цели, а именно — разрыв между Россией и ее союзниками“⁸⁸.

В этом сборнике много документов, подобных таким, например: посол Германии в Москве Мирбах отправил 3 июня 1918 года (за месяц до своей гибели) зашифрованную депешу в министерство иностранных дел: „Из-за сильной конкуренции союзников нужны 3 миллиона марок в месяц“. Через два дня советник германского посольства Траутман по поручению Мирбаха шлет новую телеграмму: „Фонд, который мы до сих пор имели в своем распоряжении для распределения в России, весь исчерпан. Необходимо поэтому, чтобы секретарь имперского казначейства предоставил в

наше распоряджение новый фонд. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, этот фонд должен быть, по крайней мере, не меньше 40 миллионов марок⁴⁹.

Подобных документов много. Люди, знакомившиеся с ними, никогда не ставили их подлинность под сомнение. Эти документы свидетельствуют, что в крупномасштабной операции по инициированию революционной активности большевиков и оказанию им прямой финансовой помощи с немецкой стороны участвовали: кайзер Вильгельм II, генерал Людендорф, коммерсант и идеолог Парвус, канцлеры фон Бетман-Гольвег и граф фон Гертлинг, статс-секретарь министерства иностранных дел Рихард фон Кюльман, германские послы в Москве граф фон Мирбах и барон фон Ромберг, секретарь германского казначейства граф Зигфрид фон Редерн и некоторые другие, более мелкие фигуры.

Со стороны большевиков играли свои роли в этом спектакле Ганецкий-Фюрстенберг, Красин, Иоффе, Козловский, Кескула, Радек, Раковский, ряд других лиц.

А Ленин? Он как опытный режиссер стоял за кулисами и следил, как идет спектакль, созданный при его участии и согласии. Ленин был очень осторожен и за исключением нескольких промахов (отрицание своих денежных связей с Ганецким, например) оставил немного своих следов в этом деле. Одобрив огромную по значению антипатриотическую, антироссийскую акцию, он в максимальной мере воспользовался возможностями, которые предоставила большевикам Германия. И немцы, и Ленин хотели поражения царизма. В этом их интерес полностью совпадал. Они своего добились.

Кайзеровская Германия и большевики оказались тайными любовниками. Но странными — по расчету.

Большевики никогда не любили распространяться о „немецком ключе“. Хотя любой звук, любое слово или отдельная строка, работавшая на них, брались на вооружение. В конце января 1919 года Чичерин прислал Троцкому телеграмму, в которой говорилось:

„Только что полученное радио сообщает, что парижская газета „Опллер“ передает сообщение нью-йоркской газеты из вечерней „Таймс“ следующего содержания: легенда о сношениях большевистских вождей с Германской империей окончательно опровергается. В январе 1918 года рус-

ские контрреволюционеры послали полковнику Робинсу серию документов, доказывающую связь между германским правительством, Лениным и Троцким. Робинс произвел расследование и обратился к Гальперину, который признал, что многие из этих документов были в руках правительства Керенского и являются несомненным подлогом... Бывший издатель „Космополитен магазин“ Верста Сиссон согласился с Робинсом, однако позднее Сиссон переменял мнение. После долгих блужданий документы были проданы за 100 тыс. рублей американцам...“⁹⁰

Чичерин не задает себе и Троцкому одного-единственного вопроса: если документы, как утверждает Робинс, фальшивка, почему за них дали 100 тысяч...

Стоит коротко остановиться и на судьбе Парвуса и Ганецкого, сыгравших столь значительную роль на коротком отрезке российской истории. Оба, особенно второй, были хорошо знакомы Ленину. Ганецкий в 1916—1921 годах был одним из самых доверенных лиц Ленина.

После успеха октябрьского переворота Парвус решил еще раз испытать себя, как и в 1905 году, на сцене революции. Правда, ему было уже пятьдесят лет и он был старше Ленина на три года. В середине ноября 1917 года Парвус встретился с Радеком в Стокгольме и попросил передать Ленину личную просьбу: разрешить вернуться в Россию для революционной работы. У него есть опыт, голова, наконец, большие деньги, и его еще не покинули силы. Парвус признал, что его репутация запятнана сотрудничеством с социал-патриотами, его сам Ленин называл „шовинистом“, но все, что он делал, было во имя успеха революции в России. Желая победы Германии, он тем самым приближал триумф революции в России. Он даже готов к партийному суду и с нетерпением ждет ответа Ленина. Через три недели Радек вернулся в Стокгольм. Его ответ содержал жесткие слова Ленина:

— Дело революции не должно быть запятнано грязными руками.

Парвус пережил большое разочарование. „Купец революции“ не мог сказать, что руки большевиков, воспользовавшихся его помощью, были более чистыми. Он помог русской революции, но теперь был ей не нужен... Само имя

Парвуса могло теперь только компрометировать Ленина. Свою роль он сыграл и может уйти. Более того, простое появление Парвуса в Петрограде лишь подтвердило бы обвинения в „измене“ большевиков.

После революции германское правительство также охладело к человеку, выдвинувшему в свое время идею использования большевиков, чтобы „повалить Россию“. Ему перестали выдавать кредиты для новых коммерческих предприятий. Тогда Парвус пригрозил, что за один миллион марок предаст гласности разоблачительные документы. Не знаю, шантаж ли помог или просто разногласия миром уладили, но большого скандала не получилось⁹¹.

Свою роль на исторических подмостках Александр Лазаревич Парвус сыграл досрочно. Перебежчикам, двойным агентам обычно до конца не доверяют обе стороны. Нужно было уходить за кулисы. Парвус собирался написать большие мемуары; ему было о чем сказать! Но последние два десятилетия русско-немецкий социал-демократ провел очень бурно: курорты, женщины, вино, смелые финансовые комбинации, фантастические планы... После октября семнадцатого рыхлый, огромный, одутловатый Парвус продолжал вести образ жизни такой же, словно ему было тридцать. Но фонтан юности когда-то неизбежно иссякает. В декабре 1924 года, через десять месяцев после смерти Ленина, у Парвуса отказало сердце. Никто и никогда после этого не мог сказать и никогда не скажет, о чем они с Лениным долго беседовали в мае 1915 года...

Некоторый интерес представляет книга Е.А.Гнедина, сына Парвуса, „Катастрофа и второе рождение“⁹². В ней Евгений Александрович в основном описывает свои долгие похождения, связанные с попыткой по поручению советских властей заполучить наследство Парвуса в пользу... СССР. Но в окружении социал-авантюристов было немало ловких людей, которые позаботились об этом заранее, и деньги Парвуса утлыли, естественно, в другие руки. Однако Гнедин смог заполучить богатую библиотеку Парвуса с частью его бумаг. По существовавшим тогда порядкам библиотека и документы были вначале тщательно „просмотрены“ чекистами. После этого, естественно, там не могло остаться ничего такого, что могло компрометировать Ленина и большевиков.

Хотя Е.А.Гнедин официально осудил политическую позицию своего отца, его это не спасло. В 1939 году он был арестован и провел в лагерях и тюрьмах долгих шестнадцать лет...

Теперь о Я.С.Ганецком, человеке, державшемся в тени. Ганецкий, с момента их первого знакомства и до кончины Ленина, был человеком, близким к вождю большевиков. Как отмечала жена брата Ганецкого: „Яков находился в особо дружеских отношениях с Лениным“. Он был признанным мастером по финансовым делам партии, ее тайным, теневым сторонам. Это знали все руководители. И не только они. Интересно, когда А.М.Горький, находившийся в Италии, в 1926 году не мог отрегулировать свои денежные отношения с Государственным издательством, он не стал обращаться за помощью к кому бы то ни было, а написал именно Ганецкому: „...я очень попросил бы Вас похлопотать, чтобы мне выслали 2 т. долл. в дополнение к тем двум, которые мною уже получены в счет обещанных четырех...“⁹³

Все, что мне удалось установить о Я.С.Ганецком, дает основание сказать, что в период подготовки к большевистскому перевороту он был ленинским „казначеем“, умевшим добывать деньги и держать язык за зубами. Думаю, его роль в событиях (по влиянию) ничуть не меньше роли тех вождей-соратников Ленина, о которых написаны книги и статьи в самых толстых энциклопедиях. Но все дело в том, что его роль тайная, закулисная.

Судьба Ганецкого трагична. Он не умер, как Парвус, в собственной постели. Хотя вначале, используя явное покровительство Ленина, занимал солидные посты в Наркомфине, Наркомторге, ВСНХ. Ленин не раз давал ему и после революции щекотливые, деликатные поручения, порой и личного характера. В апреле 1921 года Ленин, например, пишет отъезжающему в зарубежную поездку Ганецкому записку:

„т. Ганецкий!

Будьте любезны, если не затруднит, кушить по этому списочку (побольше) для Надежды Константиновны. Если Мария Ильинична не оставила Вам иностранных денег, черкните сумму, не забудьте.

Привет! Ленин“⁹⁴.

В конце мая вновь отъезжающий за границу Ганецкий опять получает „записочку“.

„т. Ганецкий!

Попрошу Вас посылать мне (и приложить расчет цены — сколько на это выходит из переданных мной Вам швейцарских денег) — муки (лучше ржаной), колбасы, консервов (только не деликатесы), мясо и рыбу...

Привет. Ленин⁹⁵.

Думаю, не каждому вождь революции будет давать такие бытовые поручения (вроде шнурков для ботинок Надежде Константиновне и французских булавок)...⁹⁶

Десятки документов, просмотренных, подписанных или подготовленных Лениным и связанных с Ганецким, это почти всегда деньги... В одном случае Ганецкий докладывает о деньгах социал-демократа Моора (83 513 датских крон). Что с ними делать? Ленин забыл, что это за деньги. Помогает Зиновьев: „По-моему, деньги (сумма большая) лучше отдать в Коминтерн. Моор все равно пропьет их“⁹⁷.

Ленин напрасно пишет, что „забыл об этих деньгах“.

Вождь большевиков хорошо знал Карла Моора, швейцарского социал-демократа, немца по национальности. В свое время, будучи членом кантонального парламента и правительства в Берне, он давал поручительство на жительство в Швейцарии Ленину с Крупской, как и И.Арманд. Ленин не знал (это стало точно известно только после второй мировой войны), что К.Моор был платным агентом Берлина. Нося кличку Байер, он регулярно слал свои донесения в германское посольство в Берне о делах и намерениях большевиков. А Моор знал немало об этом, будучи лично знакомым с Лениным, Радеком, Шкловским, Зиновьевым, другими революционерами.

В сентябре 1917 года К.Моор вдруг решил передать ЦК большевистской партии крупную сумму денег. Он объяснил, что неожиданно стал обладателем крупного наследства. Но Моор лукавил: наследство в Германии он получил еще в 1908 году. Предложенные деньги („наследство“) были выделены германским командованием для поддержки большевиков. Авторы этой операции надеялись, что подобной акцией Моор сможет заслужить особое доверие и войти в контакты с самым высшим руководством большевиков.

Правда, в ЦК сначала засомневались в происхождении этих денег и, будучи напуганными расследованиями по поводу их связей с Берлином, отказались принять „дар“. Но после октября деньги были приняты без всяких оговорок и условий.

Таким образом, Карл Моор был лишь одним из каналов поступления немецких денег в большевистскую казну. Оставшись после переворота в России, Моор по-прежнему регулярно информировал Берлин об обстановке в большевистской верхушке. Несколько раз встречался с Лениным. И хотя в отношении Моора существовали подозрения, это не мешало ему выполнять роль Байера.

Упомянутые выше 83 513 датских крон, как докладывал в ЦК Ганецкий, были „фактическим остатком полученных сумм от Моора“⁹⁸.

Когда Моор умер в Берлине (14 июня 1932 года) почти 80-летним стариком, Карл Радек опубликовал в „Известиях“ траурную статью, где сделал неожиданное признание, что Моор оказывал денежную помощь большевикам. Конечно, никто тогда не знал (кроме нескольких лиц, включая самого Радека), что К.Моор передавал большевикам не свои деньги, а германского генштаба. Никто не понял намека. В то время сенсации были невозможны...

Но мы отвлеклись, рассказывая о Ганецком, как одной из главных фигур большевистско-германского неписаного соглашения.

В другом случае Ганецкий едет в Варшаву по вопросу улаживания очередных денежных контрибуционных выплат Польше (очередные 5 млн. рублей золотом) после окончания войны с ней. В третьем случае Ганецкого Ленин рекомендует в руководство Центросоюза для „укрепления“ организации. Ленин полностью верит человеку, который помог ему в щекотливом деле с „планом Парвуса“ и нигде никогда не проболтался. Мало ли что Керенский и кадеты всех их, в том числе и Ганецкого, называли „немецкими шпионами“... Его, Ленина, вождя победоносной революции, тоже называли „шпионом“ Германии... Ложь на ворота не виснет.

После смерти Ленина Ганецкий сразу ушел как бы в тень, но продолжал держаться в среднем слое большевистских руководителей. В 1935 году он был назначен директо-

ром Государственного музея Революции. Но это была его последняя должность. Ганецкий вместе с женой Гизой Адольфовной и сыном Станиславом, слушателем военной академии, 18 июля 1937 года были арестованы. Сам Ганецкий как... немецкий и польский шпион. При обыске у него нашли книги и брошюры Троицкого, Зиновьева, Каменева, Радека, Бухарина, Шляпникова — целых 78 работ. Это были страшные „улики“.

Во время обыска в квартире Ганецкий успел написать ломающимся карандашом: „Наркому Внудел товарищу Ежову“. Записка начиналась так:

„Николай Иванович!

Кошмарный трагический случай: ночью меня арестовали! Меня уже именуют врагом!.. Что произошло? Откуда эта ужаснейшая ошибка?..

Очень прошу Вас, умоляю Вас: 1) Приостановите все репрессии по отношению моей семьи. 2) Пусть меня сейчас допросят. Вызовите Вы меня — и убедитесь: налицо ужаснейшее недоразумение!..“⁹⁹

Сверху листка, написанного лихорадочным почерком: „Прошу передать немедленно!“

Напрасно Яков Станиславович пытался убедить сталинского монстра в „ужаснейшем недоразумении“. Ленинское любимое детище, ходившее вначале в облике ВЧК, а теперь НКВД, не могло находиться без работы.

Погубил Ганецкого найденный в делах отчет о его поездке в Польшу 20 сентября 1933 года. Ездил он по поручению Сталина за архивом Ленина, но, чтобы заполучить его, ему пришлось неоднократно встречаться с офицерами 2-го разведывательного отдела польского генерального штаба. Это самовольство „засекли“. НКВД со временем расценил, естественно, этот поступок как „шпионскую связь“. А „германским шпионом“ он стал, как заявил ему следователь, еще с времен империалистической войны, что было близко к истине. По сути, это был намек на старые „немецкие дела“, которые, однако, никто не разрешал „ворошить“. Даже сам Ганецкий не мог упоминать на допросах о заданиях Ленина. Это означало бы немедленный приговор. А он надеялся на снисхождение Сталина. То, что не удалось доказать Временному правительству, ленинско-сталинские чекисты просто

констатировали: не может человек не быть „шпионом“, так много в жизни общаясь с иностранцами. К тому же люди, которые слишком много знали, были для Системы всегда опасны. Очень опасны. О судьбе таких людей, прежде чем предрешить ее, обычно докладывали Сталину. Так было и здесь. Вождь был краток: „Ликвидировать“.

Допрошенный в качестве свидетеля старый большевик Валецкий Максимилиан Густович (также расстрелянный в сентябре 1937 года) показал, что Ганецкий был близким компаньоном Парвуса. Подобное заявление было уже страшно отягчающим обстоятельством. Валецкий очень точно обрисовал работу компании Парвус—Ганецкий в 1916—1917 годах, указав, что помогали им Козловский и Суменсон. Ганецкий на очном допросе пытается опереться на Ленина, требуя, чтобы в протокол было записано: он ездил в Польшу за архивом Ленина¹⁰⁰. Записывают. Но это не помогает. Ганецкий мечется на допросе, пытаясь спастись. А здесь еще его сотрудник Петермейер на очной ставке доложил, что когда он ездил в Берлин, то по поручению Ганецкого получал для него марки у некоего господина Сеньора... Не помогло отчаянное, кричащее письмо Ежову, в котором Ганецкий, чувствуя, что он слишком много знает о большевистских вождях и это погубит его, пытается найти хоть какую-нибудь зацепку для спасения¹⁰¹. Тщетно. Бесполезно. Система беспощадна.

К чести Ганецкого, хотя его, как и всех других, подвергали страшным „физическим воздействиям“, пытали, он не сломался и не „признался“, что он „немецкий и польский шпион“. Таких стойких было немного.

На закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда Союза ССР под председательством Никитченко Ганецкий 26 ноября 1937 года был приговорен к смертной казни как шпион и троцкист. Суд начался в 11.30. Заседание закончилось в 11.45. Всего пятнадцать минут... Ленин не мог и предположить, какие успехи в борьбе с „волокитой“ будут достигнуты... Расстреляют в тот же день. В последнем слове, которое занимает в протоколе закрытого судебного заседания всего две строчки, Ганецкий сказал: „Виновным себя ни в чем не считаю“. К делу приложена последняя справка объемом менее полстраницы:

„Приговор о расстреле Ганецкого Якова Станиславовича (он же Фюрстенберг) приведен в исполнение в гор. Москве 26 ноября 1937 года. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР, том № 2, лист 395.

Начальник 12 отд. 1-го спецотдела НКВД СССР лейтенант госбезопасности Шевелев¹⁰².

Ганецкие: муж, жена, сын — все были расстреляны. Однако оставшейся в живых дочери Ханне Яковлевне Ганецкой должно быть сообщено:

1. Ганецкий Яков Станиславович умер 21.1.1939 г. от ослабления сердечной деятельности.

2. Ганецкий Станислав Яковлевич умер 24.11.1941 г. от воспаления легких.

3. Ганецкая Гиза Адольфовна умерла 29.12.1938 г. от рака желудка...¹⁰³

Деятельность ЧК—ВЧК—ОГПУ—НКВД, которые так любил Ленин, была доведена в своем „мастерстве“ до совершенства. Автор так подробно остановился на судьбе Я.С.Ганецкого, одного из самых приближенных к Ленину людей, не случайно. В этой судьбе — кровавой капле большевизма — видна вся его суть.

Сталин, ставший „Лениным сегодня“, не мог допустить, чтобы по земле продолжали ходить люди, знавшие тайны революции изнутри. Список несчастных, приговоренных по „первой категории“, Сталин просматривал еще до суда. На фамилии Я.С.Ганецкого, которого неплохо знал, его взгляд не задержался... Яков Станиславович Ганецкий больше, чем кто-либо, знал о „немецком ключе“ большевиков. Так закончил свой жизненный путь один из самых доверенных людей Ленина, обладатель всей тайны финансовой связи большевиков с германским „купцом революции“.

Ленин, пойдя на преступную связь с немцами, знал: в жизни всегда есть риск, но никогда нет вечных гарантий.

Ленин и Керенский

Ленин и Керенский родились в Симбирске, оба в апреле месяце. Но Керенский моложе Ленина на одиннадцать лет. Истории было угодно, чтобы два политических деятеля ста-

ли олицетворением двух начал: радикального, революционного, и компромиссного, эволюционного. Американский полковник Р.Робинс, член американской миссии Красного Креста в России в 1917—1918 годах, несколько раз встречался и с Керенским, и с Лениным. Керенский принимал Робинса в царской библиотеке Зимнего дворца, куда он переселился 18 июля, незадолго до своего свержения, а Ленин — в кремлевских, тоже царских, хоромах в марте 1918 года.

И тот и другой до революции говорили, что царские дворцы надо отдать обитателям хижин, сделать из них музеи, государственные присутствия. Но как только власть оказалась у этих политиков в руках, особенно речь идет о большевиках, палатки российских монархов тут же были облюбованы вождями и их окружением как места для своих жилищ. В.Бонч-Бруевич, сумевший в 1919 году осуществить второе издание книги „Волнения в войсках и военные тюрьмы“, в предисловии пишет, что „просит материалы об этом деле присылать по моему новому адресу: Москва, Кремль, Дворцовая площадь, Кавалерский корпус, Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевич“¹⁰⁴. Написано так обыденно-просто, словно автор живет в Орехово-Зуеве или Мытищах... Любая власть порочна. Но чем менее она демократична, порочность ее возрастает. Однако я отвлекся.

Робинс дает такую характеристику Керенскому: „Человек с характером и мужеством, выдающийся оратор, человек неукротимой энергии, ощутимой физической и духовной силы, пытавшийся поставить сложившуюся в то время в России ситуацию на рельсы эволюционного развития, хотя базы для этого не было. Он пытался перевести революционную ситуацию в эволюцию... Поражение Керенского было сильно ускорено и в конце концов наступило из-за глупости союзников... Раскинув руки с нервно сжатыми пальцами на царском письменном столе, Керенский страстно сказал: „Союзники заставили меня агитировать за западно-европейский либерализм“.

Робинс вспоминает, что Ленин, сидя в кабинете царя, откинувшись на спинку великолепного кресла, положив руки на подлокотники, обтянутые тканью с царской короной, уверенно рассуждал о глубоких преимуществах социа-

лизма перед капитализмом. „Американская система, — говорил Ленин, — похожа на старика; она старая, выполнила свою задачу, в свое время она была великой. Возможно, российская советская система — младенец в колыбели, но он полностью обладает способностью создать новую творческую систему... Наши насильственные методы могут оказаться методами, которые вы примените позже...“

При всей фрагментарности приведенных воспоминаний американского полковника в них схвачены некоторые важные моменты, характеризующие двух самых популярных людей семнадцатого года в России. Керенский — типичный российский либерал, пытавшийся поглаживаниями успокоить вздыбившуюся Россию, сделать ее похожей на западные демократии. Ленин — великий и беспощадный утопист, вознамерившийся с помощью пролетарского кулака разможить череп старому и создать общество, идея которого родилась в его воспаленном мозгу.

Вскоре после приезда Ленина в Петроград „социалист Керенский“ (как он любил себя называть) выразил желание встретиться с Лениным. Интуитивно понимая, что, находясь по своему мироощущению где-то между левыми и правыми и являясь человеком исторического компромисса, Керенский искал контактов с людьми, представляющими разные полюса политического спектра. Поддерживая связи с А.И.Гучковым, М.В.Родзянко, И.В.Годневым, Г.Е.Львовым, П.Н.Милюковым, Керенский с не меньшей активностью встречался с социалистами И.Г.Церетели, В.М.Черновым, Ф.И.Даном, Н.С.Чхеидзе. Но Керенский понимал, что встреча с „главным“ социалистом может дать надежду на поддержку его усилий левым флангом политических сил России.

Управляющий делами Временного правительства В.Набоков вспоминал: „О Ленине на заседаниях правительства почти никогда не говорили. Помню, Керенский, уже в апреле, через некоторое время после приезда Ленина, как-то сказал, что он хочет побывать у Ленина и побеседовать с ним, а в ответ на недоуменные вопросы пояснил, что ведь большевистский лидер „живет в совершенно изолированной атмосфере, он ничего не знает, видит все через очки своего фанатизма, около него нет никого, кто бы хоть сколько-

нибудь помог ему сориентироваться в том, что происходит¹⁰⁵.

Керенский наивно надеялся, что он сможет помочь Ленину „сориентироваться в том, что происходит“. Несмотря на то что Керенский дал знать через своих помощников о своем желании встречи с Лениным, тот от нее без колебаний уклонился. Так же как от Парвуса, которого использовал, но держал на дистанции, и многих других, которые могли запятнать его революционную репутацию. Ленин любил сокрушать своих противников издалека. Он не любил прямых дуэлей. Сильный ум Ленина вскоре после приезда в Россию быстро вычислил судьбу Керенского: это герой момента. Компромисса с ним не будет. Если придут правые, то правительственные постановления будут подписывать корниловы, гучковы, алексеевы. Если же верх одержат левые, под декретами будет стоять его подпись. Керенский, по Ленину, не имел будущего. В России никогда не было сильной партии центра. И это ее трагедия. Именно поэтому и не удалась Февральская революция. Правые и левые без сильного амортизирующего центра в конце концов пошли стенка на стенку. Было много пепла...

Ленин верно оценил Керенского: тот не хотел идти явно ни с большевиками, ни с белыми генералами. Эсер, трудовик, социалист Керенский мечтал о „третьем пути“. Находясь в изгнании, А.Ф.Керенский напишет: „Ни в Ленине, ни в белых генералах нет спасения, ибо ни с Лениным, ни с очередным Врангелем народа русского нет. Социальная справедливость, свобода, свободный человек были растоптаны красными и белыми вахмистрами. Но против них выступит решающая третья сила...“¹⁰⁶ Под ней Керенский подразумевает народную демократию, которая родилась в феврале. Увы, эти провидческие слова Керенского, как это очень часто бывает в истории, оказались преждевременными. Керенский, бежав на Запад, всю жизнь справедливо говорил, что царские генералы — это контрреволюция справа; большевики — контрреволюция слева. Для него (вероятно, для многих и теперь) непреходящей ценностью была лишь Февральская революция. Именно здесь, думаю и я, Россией был упущен великий исторический шанс.

Керенский, быстро поняв, что Ленин не хочет стать

союзником демократической эволюции, тем не менее по отношению к вождю большевиков вел себя сдержанно и порой весьма благородно. Даже в последующем он не опускался до площадных, плебейски-плоских выражений, в чем себе никогда не отказывал Ленин. Вот пример.

На одном из заседаний Временного правительства Милюков в своем выступлении заявил: „В какой мере германская рука активно участвовала в нашей революции — это вопрос, который никогда, надо думать, не получит полного, исчерпывающего ответа... Но германские деньги в революции все же сыграли свою роль...

Керенский, расхаживавший по комнате, остановился, поблел и закричал:

— Как? Что Вы сказали? Повторите! — и быстрыми шагами приблизился к своему месту у стола. Милюков спокойно повторил.

Керенский словно осатанел. Он схватил свой портфель и, хлопнув им по столу, закричал:

— После того как господин Милюков осмелился в моем присутствии оклеветать святое дело великой русской революции, я ни одной минуты здесь больше не желаю оставаться.

Схватив портфель, повернулся и вылетел стрелой из зала...

Львов выбежал следом, догнал, уговорил, вернул...¹⁰⁷

Даже когда под влиянием и давлением негодующего общественного мнения Временное правительство издало распоряжение об аресте Ленина и некоторых других лиц, подозреваемых в связях с немцами, Керенский, одобряя в принципе создание специальной комиссии по расследованию, подчеркнул:

— Пусть эти люди ответят перед лицом закона. Только закона...

Керенский хотел уважать закон. Он не был создан для революционных жестокостей. Ленин — другое дело.

...В мае 1918 года Ленин, узнав, что Московский Революционный трибунал, рассмотрев 2 мая 1918 года дело по обвинению четырех служащих суда во взяточничестве, вынес им мягкую меру наказания, тотчас пишет записку в ЦК, где есть строки о судьях:

„Вместо расстрела взяточников выносить такие издевательски слабые и мирные приговоры есть поступок *позорный* для коммуниста и революционера. Подобных товарищей надо *преследовать* судом общественного мнения и исключать из партии, ибо им место рядом с Керенскими и Мартовыми, а не рядом с революционерами-коммунистами...“¹⁰⁸ Одновременно с этой запиской Ленин отправил указание наркому юстиции Д.И.Курскому, от которого потребовал „тогдаш, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказание за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. и т.п.) должно быть не ниже десяти лет тюрьмы, и, сверх того, десяти лет принудительных работ“¹⁰⁹.

Ну а что касается судей, которые стали поводом для грозных записок, Ленин настоял, чтобы ВЦИК пересмотрел дело и взяточники непременно получили по 10 лет тюрьмы.

В этой истории любопытно другое. Ленин, сам того не подозревая, своей запиской в ЦК РКП дает характеристику Керенскому (как и Мартову) как либералу, человеку, не способному к „революционной твердости“. В этой оценке Ленин прав: Керенский не годился в диктаторы. Хотя одно время Ленин упорно пытался обвинить его в бонапартизме.

Керенскому не повезло в истории. Ее любимчик всего на полгода, он затем на долгие десятилетия (Александр Федорович прожил без малого девяносто лет) был многими предан остракизму: большевиками, белыми эмигрантами, социалистами, буржуазными деятелями. Благодаря многолетним усилиям советской историографии он топчется где-то на краю исторической сцены как фигляр, марионетка, политический клоун. Даже его кличка, под которой на него было заведено дело спецслужбами НКВД, была весьма выразительной: Клоун¹¹⁰.

На протяжении десятилетий сначала Сталин, а затем и другие советские бонзы пристально следили за Керенским. В 20—50-е годы агенты ИНО ОГПУ—НКВД контролировали каждый шаг Керенского. Любое его выступление, статья, поездка тут же становились известными Москве. Задача уничтожения Керенского, видимо, не ставилась; большевистское руководство скоро убедилось, что политически он ему не опасен. Даже предпринимались попытки влияния на

Керенского в определенном направлении. К нему подсылались „неожиданные собеседники“, „старые знакомые“, „единомышленники“, но Керенский не запятнал себя сотрудничеством с агентами Кремля. Несмотря на противоречивые подчас высказывания, Керенский до конца дней остался приверженцем идеалов свободы и демократии, которые провозгласила Февральская революция.

Но, думаю, в конце концов история Керенского оценит по достоинству. Это был демократ-самородок. Он несколько месяцев был горячим любимцем народа, потому что сам любил его, но никогда не заискивал перед ним. Керенский был способен, оцущая слепую инерцию толпы, бросать ей яростные слова:

— Взбунтовавшиеся рабы!

И толпа покорно замирала. Как писал тонкий наблюдатель человеческих состояний Виктор Чернов, „в лучшие свои минуты он мог сообщать толпе огромные заряды нравственного электричества, заставляя ее плакать и смеяться, опускаться на колени и взвиваться вверх, клясться и каяться, любить и ненавидеть до самозабвения...“¹¹¹. Я думаю, что это прекрасная и точная характеристика Керенского в его „лучшие минуты“.

Керенский интуитивно понимал, что два враждебных крыла — правое и левое — при отсутствии сильного либерально-демократического центра рано или поздно схлестнутся, затопив Россию кровью. Он возлагал огромные надежды на Учредительное собрание, которое должно стать первым „всероссийским народным парламентом“, способным повести Россию по дороге демократии. Калиф на час страстно хотел привести Россию к этому спасительному, как он выражался, „большому всероссийскому комитету“, способному выработать стратегию нации. Керенский „прилагал чудовищные усилия воли и мысли“, писал сторонник главы Временного правительства Станкевич, „для того чтобы поворачивать весь громадный корабль государственности в ту сторону, где видел спасение“¹¹². Ему же Керенский поведал, что он „с нетерпением ожидает созыва Учредительного собрания, для того чтобы открыть его, сложить свои полномочия и немедленно, во что бы то ни стало, уйти“¹¹³.

Увы, он не уйдет сам. Ему просто придется бежать.

Находясь в начале января 1918 года в России, в подполье (в Москве и Петрограде), пытаюсь вырваться в Европу, Керенский имел все основания воскликнуть, узнав о разгоне большевиками Учредительного собрания, как Робеспьер, когда его схватили:

— Революция погибла! Настало царство разбойников...

Ведь он так любил говорить о Французской революции! Он любил и демократическую революцию российского Февраля. Многие его слова о ней оказались пророческими. Выступая 16 мая 1917 года на митинге в Одессе, Керенский воскликнул:

— Нам суждено повторить сказку Великой Французской революции!¹¹⁴

Хотя, если говорить о „повторении сказки“, более прав А.Н.Потресов: „Российская катастрофа куда шире французской и по своему охвату и, в особенности, куда глубже, радикальнее, по предпринятой ею перестройке и осуществленному разрушению“¹¹⁵.

Ленин был беспощаден к Керенскому. Только в опубликованных материалах (так называемом Полном собрании сочинений) фамилия Керенского за период революции упоминается более двухсот раз! Любимый лейтмотив ленинских речей и статей, касающихся Керенского, это обвинение его в тайных договорах с союзниками. Керенский „считался эсером — и как будто социалистом, и как будто бы революционером, а на самом деле представлял из себя империалиста, который прятал тайные договоры в кармане...“¹¹⁶. Эти „договоры в кармане“ не дают Ленину покоя. Выступая в Московском Совете, Ленин заявил неуклюжей фразой, что „враги, с которыми нам приходилось иметь дело до сих пор, — и Романов, и Керенский, и русская буржуазия — тупая, неорганизованная, некультурная, вчера целовавшая сапог Романова и после этого бегавшая с тайными договорами в кармане...“¹¹⁷. Ну и конечно, меньшевики и эсеры „прикрывали тайные договоры“ Керенского¹¹⁸. Десятки раз Ленин клеймит „тайные договоры“, которым был верен Керенский.

Ленин, сам страшно любивший тайны, обвиняет Керенского в верности Временного правительства подписанным соглашениям с союзниками, многие из которых носили откровенно империалистический характер. Если Керенский

просто соблюдал договоры, соглашения, которые и могли нести государственную тайну, но не преступную, то у Ленина бывало иначе. Его тайны часто кровавы. Вот одна из них (из записки Склянскому).

„Прекрасный план! (Речь идет об акции на советско-польской границе. — Д.В.). Доканчивайте его вместе с Держинским.

Под видом „зеленых“ (мы потом на них и свалим) пройдем на 10—20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 р. за повешенного...“¹¹⁹

Куда тайнам Керенского до этих „тайн“!

Керенский упоминается Лениным очень часто в своих трудах как виновник всех бед в России. Царь и „соглашатели с Керенским во главе“ виновны в том, что нам „достались в наследство разложение и крайняя разруха“¹²⁰. Эта идея как рефрен звучит во многих речах Ленина. Например, выступая в коммунистической фракции V съезда Советов, Ленин заявил, что „усилиями Керенского и помещиков-кулаков, говорящих: после нас хоть потоп, страна доведена до того положения, что говорят: чем хуже, тем лучше“¹²¹.

Но эти обвинения кажутся вождю русской революции недостаточными. Он их усиливает: „Керенский гнал войска в наступление и миллионы людей уложил в битвах“¹²².

Многие „революционные речи“ Ленина сводятся к нехитрому утверждению, что царь (часто вождь большевиков называет его „Николаем Кровавым“) и Керенский вкупе с меньшевиками и эсерами — главные виновники национальной трагедии. Лишь большевики способны выполнить мессианскую роль и спасти Россию.

Автор уже говорил, что Ленин никогда не стеснялся в выборе выражений, полосуя ими своих политических противников. Керенскому (как, впрочем, и Каутскому, и Бернштейну, и Плеханову, и Николаю II, и Милюкову, и многим, многим другим...) досталось особенно много сочных эпитетов вождя социалистической революции в России. Приведем лишь маленькую толику этой богатейшей ругательной мозаики. „Словесный республиканизм Керенского просто несерьезен, недостойн политика, является, объективно, политиканством“¹²³. Керенский — „демократический краснобай“, который говорит народу „громкие, но пустые слова“¹²⁴.

Ленин ищет все новые и новые эпитеты: „Перед нами стояли мизерные, презренно жалкие (с точки зрения всемирного империализма) враги, какой-то идиот Романов, хвастунишка Керенский“¹²⁵. Ленин поучает победившие массы, что „сбросить невежество и халатность гораздо труднее, нежели свергнуть идиота Романова или дурачка Керенского“¹²⁶. Эпитеты и дуэт этих исторических деятелей весьма приглянулись лидеру большевиков. Героизм момента не труден, учит Ленин, особенно если речь идет о восстании „против изверга-идиота Романова или дурачка-хвастунишки Керенского“¹²⁷. У вождя большевиков нет и тени сомнения в оправданности и позволительности этой бранной риторики. По отношению к своим политическим противникам Ленин следовал правилу, высказанному им еще в Париже в 1911 году: „Таких людей надо прижимать к стене и, если не подчиняются, втоптывать в грязь“¹²⁸. Подобные выражения — обычный стиль ленинской полемики, когда крепость и бранность слов очень часто заменяли политические аргументы вождя.

На закате своих дней Керенский, читая лекции в Нью-Йоркском и Стэнфордском университетах и задумав написать „Историю России“, решил прочитать Ленина. Аккуратно, том за томом приносил он из университетской библиотеки труды вождя. Страницу за страницей пробегали старческие глаза. Свою фамилию на страницах он находил очень часто. Ни разу человек, с которым он хотел искренне встретиться и поладить во имя революции, не сказал о нем ни одного доброго слова! Но умудренный годами, печальным опытом борьбы и изгнаний, Керенский не отвечает мертвому Ленину ядом обличений. И не только потому, что мстить истории бессмысленно, но и в силу осознания непростого факта: проигравшие всегда оправдываются.

Александр Федорович понимал, что и сам оказался во многом легковесным и несостоятельным, но и ленинизм выразился в теории набором непререкаемых догм, а на практике нашел выражение в жестоком тоталитаризме. Однако многое из того, что Керенский говорил и писал по горячим следам растоптанного Февраля, сохранило свою значимость в понимании существа социальных бурь тех далеких теперь уже лет. У Керенского хватило исторического достоинства

не опуститься до ленинского стиля политического спора. Неудачный политик понимал: история всех рассудит... Удайся Февраль 1917 года, и Россия была бы сегодня великим демократическим государством и ее не ждал бы развал, как советскую империю...

Добравшись из России до Парижа, где он оказался ненужным, Керенский писал, писал, писал. Статьи, воспоминания, заметки. В одной из статей, полемизируя с Лениным, неудачник скажет: „Большевизм — это социализм нищеты и голода... Но нет социализма вне демократии; социальное освобождение невозможно в государстве, где не уважаются личность человека и его права“¹²⁹. Звучит современно и сегодня.

Демократизм Керенского ярко выразился и в отношении к монарху, отрекшемуся от трона. Бывший председатель Временного правительства пишет, что нельзя было превращать царя в мученика; этим самым была бы возрождена монархическая легенда. „Я сам, — писал Керенский, — 7 марта (20-го) в заседании Московского Совета, отвечая на яростные крики: „Смерть царю, казните царя“, отвечал: „Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя обязательство за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Я сам доведу его до Мурманска“¹³⁰.

Но, к сожалению, пишет Керенский, британские власти до окончания войны отказались принять царскую семью. Тогда Временное правительство вывезло Николая и его близких в самое тогда безопасное место в России — в Тобольск. Керенский считает, что если бы октябрьский переворот застал Романовых „в Царском, то царь бы погиб не менее ужасно, но почти на год раньше“¹³¹.

У Керенского было время осмыслить тот период, когда он, тридцатилетний, стал главой Временного правительства и Верховным Главнокомандующим Российского государства. „Заложник демократии“ оказался между жерновами угрозы генеральской диктатуры и большевистского якобинства. И там, и там в качестве средства наведения „государственного“ или „революционного“ порядка был террор. Несколько месяцев Керенскому удавалось балансировать между жерновами, но большевикам помог... Корнилов.

Керенский знал о намерениях генералитета „навести в России порядок“, даже в известном смысле приветствовал бы это, но при условии высшего контроля со стороны Временного правительства. Но это не устраивало генералитет. И Керенский по-прежнему маневрировал, балансировал...

Но когда 27 августа ему на стол положили телеграфную ленту, он понял: Корнилов, „спасая Россию“, будет делать это без Временного правительства и его, главы этого органа.

„Объявление Верховного Главнокомандующего!

Русские люди!

Великая родина наша умирает.

Близок час кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба...

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, в храмы, молитесь Господа Бога об объявлении величайшего чуда, спасения Родной Земли. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагами — до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни...¹³² Керенскому сообщалось, что своим решением Корнилов вводит в Петербурге военное положение и берет всю полноту военной и гражданской власти в свои руки...¹³³

Это был не только призыв. Третий конный корпус, Уссурийская, Донская и Туземная дивизии уже двигались к Нарвской, Московской и Невской заставам Петрограда. Поднимались и другие части и соединения. Керенский, отбросив нерешительность, телеграфировал в Ставку: „Приказываю все эшелоны, следующие на Петроград и в его район, задерживать и направлять в пункты прежних стоянок“. Корнилов, получив это распоряжение, начертил: „Приказание этого не исполнять, двигать войска к Петрограду...“

Видимо, Керенский своими телеграммами войска бы не задержал. Но вмешались большевики и части, находившиеся под их влиянием. ЦК партии большевиков, другие социалистические организации обратились к населению с воззванием, в котором призывали солдат, рабочих дать отпор корниловщине. Генеральский мятеж схож с августовским путчем 1991 года. Особенно в отношении лидеров страны. Тогда, в 1917-м, Керенский как-то сразу потерял свое влияние, а через семьдесят четыре года в сходной августовской ситуации его лишился Горбачев. В этом опасность бесконечного балансирования, маневрирования, лавирования, которые в определенные моменты нужны, но сутью долгосрочной политики быть не могут.

После выступления Корнилова, которое удалось с помощью большевиков отразить и погасить, Керенский издал приказ о предании суду за мятеж генералов Корнилова, Деникина, Лукомского, Маркова, других столпов путча.

Возвращаясь к тем драматическим дням, Керенский уже в 1919 году справедливо напишет, говоря о корниловщине: „Заговор открыл дверь большевикам“¹³⁴. Путч Корнилова оказался для большевиков спасительным, вдохновляющим, обнадеживающим; после него их авторитет пошел в гору и быстро стало падать влияние Керенского. Станкевич вспоминает, что, когда в начале октября он приехал из Пскова к премьеру Временного правительства, тот „произвел на него впечатление какой-то пустынности, странного, никогда не бывалого спокойствия. Не было ни постоянно окружавшей Керенского толпы, ни делегаций, ни прожекторов... У Керенского появились какие-то странные досуги, и я имел редкую возможность беседовать с ним целыми часами, обнаруживая у него странную неторопливость“¹³⁵. История отвернулась от своего недолгого любовника.

Керенский был в зените славы, популярности, влияния, пока Февральская революция испытывала долгий, высокий прилив. Когда же начался отлив, то экспрессия, порыв, импульсивность, лихорадочная активность лидера переходного периода быстро потускнели и погасли. Даже к собственной персоне он стал относиться без прежнего уважения. А раньше... В своей книге о Февральской революции Виктор Чернов писал, что „Керенский всегда злоупотреблял и орга-

нически не мог не злоупотреблять личным местоимением первого лица: его „Я“ им выговаривалось мысленно с большой буквы...“¹³⁶.

Керенскому с генералами не „везло“. К нему как Главнокомандующему они относились снисходительно-иронически. Когда он бывал на фронте, то чувствовал на себе любопытно-недоброжелательные взгляды. Генерал Корнилов своим мятежом придал лишь второе дыхание большевикам. Когда же Александру Федоровичу пришлось бежать из Петрограда, был еще один шанс, который зависел теперь от другого генерала — Петра Николаевича Краснова, командира 3-го конного корпуса. Своим приказом Керенский направил корпус на столицу с целью вернуть себе власть. Но агитаторы большевиков еще на дальних подходах к Петрограду сделали свое дело. Краснов был арестован. Но поскольку советская власть еще переживала эйфорию победы, генерал был под честное слово отпущен. Слова своего он не сдержал и продолжил борьбу, оказавшись в конце концов в Германии, где увлекся литературной деятельностью.

Его многотомный роман „От белого орла до красного знамени“ вызвал любопытство Сталина. Когда книги ему достали, он, полистав, бросил:

— Роман, как и сам генерал, дерьмо...

Уже семидесятилетний П.Н.Краснов решил помочь Гитлеру, естественно, не добившись на этом позорном поприще успеха.

Когда П.Н.Краснова вместе с генералами А.Г.Шкуро, Султан-Гиреем и другими коллаборационистами схватили в 1945 году в Германии, Сталин приказал судить их в Москве, проявив к этому старику немалый интерес.

Суд припомнил Краснову его сотрудничество с Керенским. Во время следствия он подробно рассказал о событиях тридцатилетней давности, когда пытался выполнить приказ Керенского.

Суд под председательством небезызвестного В.В.Ульриха приговорил 16 января 1947 года Краснова Петра Николаевича — последнего русского генерала, на которого надеялся А.Ф.Керенский, к повешению. На другой день 78-летний Краснов, последний командующий вооруженными силами Временного правительства, был казнен¹³⁷. В последнем слове он не просил пощады.

Керенский еще не знал, что, проиграв Ленину в октябре 1917 года, он не проиграл ему исторически. Наоборот. После семи десятилетий грандиозного советского эксперимента выяснилось, что монолитная система, созданная большевиками, могла существовать лишь в бесконечной войне: с окружающими противниками, внутренними „врагами“, потенциальными агрессорами, с разными инакомыслящими, иными, нежели коммунистическая, идеологиями. Как только выяснилось, что большинство этих угроз мифические, система рухнула.

Социализм Керенского тоже трудно примерить к современности. Он аморфен, расплывчат, неопределен. Но в одном Керенский был всегда высокой личностью: превыше всех ценностей он почитал свободу. И тогда, когда в декабре 1905-го и июне 1906 года он был арестован „за хранение и распространение рукописей преступного содержания“, и тогда, когда своим первым распоряжением как министр юстиции он выпустил из тюрем политических заключенных, и в последние дни земной жизни, когда медленно водил пером по страницам своего последнего труда „Россия и поворотный момент истории“, Керенский не изменил приверженности свободе как высшей духовной ценности.

В эмиграции Керенский много писал. Ленина давно не было в живых, и он не полемизировал с ним. Но последовательно доказывал, что ленинизм не имеет будущего. В начале тридцатых годов Керенский редактировал в Париже еженедельник „Дни“, а в конце десятилетия журнал „Новая Россия“. По инициативе Керенского в еженедельнике проходили регулярные собрания „Дней“, на которые приглашались политические деятели, писатели, философы, просто „бывшие“ для обсуждения проблем далекой, чужой, но бесконечно родной России.

Сталин до конца своих дней требовал сведений о Керенском: чем занимается, на что живет, кто „крутится“ около него, нельзя ли „использовать“ бывшего главу Временного правительства. Специальным распоряжением вначале Ягода, а затем Берия поручили спецслужбе „разрабатывать Клоуна“. Берия пишет резолюцию: „гг. Фитину, Судоплатову. Надо наладить освещение групп Керенского и Чернова. 7 января 1942 г.“. За околицей Москвы шла жестокая война,

а НКВД „освещал“ Керенского и Чернова. Источник Аллигатор, в частности, сообщил в Москву, что живет Керенский на средства старшего сына инженера и материальную поддержку чехословацкого правительства. Его журнал „Новая Россия“ финансирует богатая еврейка Бейнсон. Керенский часто бывает в Англии, где живут его бывшая жена Барановская и два сына. Керенский поддерживает связи с Бунаковым, Рудневым, Зензиновым, Демидовым, Алдановым, Авксентьевым, Мережковским... Аллигатор сообщает далее, что Керенский заявляет: „Диктатура Сталина — самая жестокая и ужасная из всех известных на земле“.

Иногда Керенский разъезжает по западным столицам с лекциями в поддержку демократии и осуждением диктаторских режимов. Агент также докладывал, что Керенский проповедует идею создания „второй партии“ в России кроме ВКП(б) или хотя бы „крестьянского союза“. Без этого Россия никогда не станет демократической страной. „Источник“ информировал, что Керенский имеет большую поддержку среди евреев, так как они не забыли 4 апреля 1917 года, когда российское Временное правительство опубликовало декрет о равноправии евреев. Правда, когда после окончания второй мировой войны Керенский очень активно стал курсировать по Европе, на одном из докладов (уже не Аллигатора, а Бориса) Гукасов — один из руководителей НКВД — наложил резолюцию: „Керенский опять выплывает на первые роли. Надо подумать о нем и обезвредить“¹³⁸.

Но по каким-то причинам решение, видимо, было изменено, и Керенский избежал печальной судьбы Троцкого. Все это могло бы стать темой специального исторического исследования. Но я коротко останавлиюсь лишь на одном вопросе, поднятом Керенским, актуальность которого и ныне не исчезла.

Керенский однажды на очередном собрании „Дней“ целое выступление посвятил единственному вопросу: „Существует ли для России угроза распада?“. К июню 1930 года, когда шла дискуссия, большевики уже давно по инициативе Ленина изменили национальный облик России. Еще в 1919 году большевиками было признано „деление страны на губернии и уезды“ устаревшим¹³⁹. Никто не мог и предполо-

жить тогда, что искусственное создание национальных образований, закладывает под Россию мину страшной разрушительной силы.

Политбюро принимало решения, подобные тому, что родилось 22 июня 1920 года: „Разбить, выселить русских кулаков из Туркестана. Выслать из Туркестана в российские концлагеря всех бывших членов полиции, жандармерии, охранки, царских чиновников...“¹⁴⁰ Или, создавая национальные образования, безапелляционно решать (постановление Политбюро от 29 ноября 1923 г.) — к социалистической Белоруссии присоединить следующие уезды: Городецкий и Мстиславский Смоленской губернии; Витебский, Полоцкий, Богейновский, Оршанский, Себежский, Дриссенский, Невельский, Городокский и Велижский уезды Витебской губернии; Хюгилевский, Рогачевский, Быховский, Климовичский, Чауский, Черниковский, Гомельский и Речицкий уезды Гомельской губернии и т.д.¹⁴¹. Постановления Политбюро о создании Татарской республики¹⁴², о „башкирских делах“ и т.д.¹⁴³ диктовались лишь соображениями следовать догме марксизма в национальном вопросе.

Большевики создали новую политическую карту того образования, которое раньше называлось Россией. Именуемое Союзом, это было, тем не менее, унитарное государство. Керенский, как проницательный, умный человек, понимал, что, пока тоталитарность жива, Россия может долго сохраняться как советская империя. Ну а если рано или поздно она будет сдвигаться к демократизму, цивилизованности? Керенский корректно полемизирует с мертвым Лениным, ленинской моделью устройства коммунистической России. Но эта полемика выглядит не ожесточенной и непримиримой, а мудрой и рассудительной со стороны долгожителя, бывшего главы Временного правительства.

Керенский одну из будущих бед увидел в том, что Россия, „органически участвуя в создании многонациональной, или, лучше сказать, сверхнациональной России, сама растворилась в ней... Я уже не раз говорил, что человечество движется к объединению, а не распылению. Социализм, как христианство, как все великие творческие социальные идеи, сам по себе универсален, империалистичен“¹⁴⁴.

Критикуя ленинскую идею создания множества нацио-

нальных образований на территории России, Керенский пишет, что идея „самоопределения малых народов вплоть до отделения — реакционна, ибо идет вразрез с мировой тенденцией к интеграции и объединению“. Он с огромной убежденностью и болью пишет, что „в то время, когда Европа тянется к созданию над-Европы, нам предлагают вернуться в границы Московии и раздробить на этнографические части уже существующее, выкованное и выстраданное историей, великое сверхплеменное единство. Я этого не хочу. Я этого не могу“. Керенский заявляет, что „время для федерирования сверху — прошло. Теперь надо постараться найти новые формы для крепкого сцепления снизу, для нового органического развития России — отчества многих, во всем равноправных наций“¹⁴⁵.

Керенский пророчески предрекает крах „механической федерации“, в которой под запретом подлинное равноправие и свобода. Как это ни парадоксально, в таком унитарном обществе запрещено и „национальное чувство русских“. Изгнанник предрекает усиление центробежных сил, которые могут в один не очень прекрасный момент разрушить ленинский союз, сцементированный „партией-государством“.

Керенский еще не знает, что ленинская идея „федерации сверху“ в конце концов в условиях тоталитарного государства приведет к возможности наказания целых народов, их депортациям, лишению общечеловеческих прав. Ленинская ставка на разрушение губернского деления и искусственное образование национальных единиц в условиях отсутствия демократии лишь аккумулировала национальное недовольство народов, рано или поздно разрушивших Союз, созданный большевиками. Если бы Ленин мог знать, что с ведома и одобрения его детища — большевистского Политбюро — 11 мая 1944 года Государственный Комитет Обороны решит: „Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (т. Берия) выселение крымских татар закончить к 1 июня 1944 года...“¹⁴⁶

До татар и после них будут немцы, калмыки, болгары, греки, турки, ингуши и другие народности. Советская импе-

рия, созданная по чертежам Ленина, дойдет до состояния, когда она будет способна пожирать своих собственных членов. Керенский еще в 1917 году, когда он стал у государственного руля, ратовал за „сверхплеменное единство“, добровольное объединение народов не по национальному признаку, а экономическому, географическому, административному, политическому. Но ни тогда, ни позже его голос не был услышан.

До конца своих дней Керенский остался верен идеалам Февральской революции. У нее постоянно были два опасных врага: реставраторские силы старого режима и экстремизм большевиков. Но еще в мае 1917 года Керенский, ознакомившись с апрельской программой Ленина, вместе с Церетели провидчески заявили: „Контрреволюция в России придет через левую дверь“¹⁴⁷. Был ли исторически прав Керенский, судить читателю.

Керенский вошел в историю как глашатай свободы, но не вождь.

В конце своей жизни Керенский уже говорил о революции: „Она может быть неизбежной, но никогда — желанной“. Возможно, он согласился с Жоресом, который в своей „Социалистической истории“, говоря об эпохе Конвента, заявил: „Революция — варварская форма прогресса. Сколь благородна, плодотворна, необходима ни была бы революция, она всегда принадлежит к более низкой и полужвериной эпохе человечества“. Вождь большевиков всегда думал иначе. Без этого он не был бы Лениным.

Июльская репетиция

Более семи десятилетий отделяют нас от рокового 1917 года. Все это время миллионы людей славили Октябрьскую революцию и миллионы проклинали ее. Сейчас о ней судят те, кто не совершал революцию и не несет за нее исторической ответственности. Это более беспристрастные люди.

Каждая революция бросает семена, которые дают всходы, часто противоположные тем, что от них ожидают. Семнадцатый год вместо свободы дал людям рабство. В области духа, труда, социальных отношений. Но революция россий-

ская дала одно несомненное благо: от нее выиграли народы многих стран. Это звучит парадоксально. Как? Почему?

Увидев плоды великого сокрушения самих основ жизни, страшный и долгий эксперимент, мало кто захотел повторить этот кровавый и горький опыт. Русская революция стала Великим Предостережением от Рабства...

Ленин, провозгласив после приезда в апреле 1917 года курс на социалистическую революцию, остался до конца верен ему. Вначале даже среди большевистского руководства у него было немного сторонников. Но по мере углубления кризиса в стране и роста разочарования во Временном правительстве все больше людей обращали свои взоры к большевикам — ведь они предлагали очень простые решения самых сложных вопросов.

„Финансовая газета“ в передовице от 17 мая 1917 года писала: „Для политической революции достаточно было взять у Николая II отречение и арестовать десяток его министров. Это легко было сделать в один день. Для революции же социальной нужно получить отречение от всех своих имущественных прав от десятков миллионов граждан и арестовать всех несоциалистов“. Сегодня правота газеты не вызывает сомнений. Ленин тут же ответил газете в своей „Правде“ статьей „Как запугивают народ капиталисты?“.

Оказывается, по Ленину, для успеха социальной революции не нужны тот „вздор“ и „величайшая клевета“, которыми полна „Финансовая газета“. Для торжества социальной революции нужно всего-навсего экспроприировать „самое большее от одной-двух тысяч миллионеров — банковых и промышленных воротил. Этого вполне достаточно, чтобы сопротивление капитала было сломлено. Даже и у этой горстки богачей не нужно отнимать „все“ их имущественные права; можно оставить им и собственность на известный скромный доход.

Сломить сопротивление нескольких сот миллионеров — в этом и только в этом задача¹⁴⁸.

Ленин едва ли не понимал, что это чистой воды политическая демагогия. Но он знал, что темные, полуграмотные массы рабочих, крестьян, солдат понимают и принимают именно эту „отбирательную“, конфискационную, „разделительную“ логику. Задача действительно кажется простой: „от краха можно спастись“, сломав сопротивление всего-

навсего нескольких сот богачей! Столь простые решения вековых вопросов imponировали уставшим, обездоленным, смятенным людям. Большевики в условиях двоевластия (Временное правительство и Советы), проводя ленинскую стратегию, исподволь и неуклонно упрочивали свое влияние. Они, и только они, обещали очень быстро и наверняка и мир, и землю, и свободу.

Но давая рецепты „революционным массам“, как лишить опоры Временное правительство в лице „банковских и промышленных воротил“, Ленин не уставал бичевать и руководство Советов за недостаточную революционность. „Вся ответственность за этот кризис, за надвигающуюся катастрофу ложится на народнических и меньшевистских вождей. Ибо они в данное время — вожди Советов...“¹⁴⁹ „Правда“, которую он теперь редактировал, изо дня в день вносила в смятенное общественное сознание предельно простые „истины“, понятные „рецепты“, доступный анализ ситуации.

Стоило эсеру С.Маслову выступить в печати с осуждением самочинных захватов помещичьих земель, как Ленин тут же вступает за крестьян: „Владение помещичьими землями отдать *сразу* местным крестьянам...“ Большевики хотят земли „передать крестьянам без выкупа, без *всякой платы*“¹⁵⁰. Эта простая информация, западая в голову солдату-крестьянину, сразу же делала его сторонником большевиков. На I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, проходившем в мае 1917 года, эти ленинские идеи легли в основу проекта резолюции по аграрному вопросу. Выступая на съезде крестьян, Ленин рисовал идиллические картины: „Это будет такая Россия, в которой будет вольный труд на вольной земле“¹⁵¹. Забегая вперед, в послеленинские дни, мы знаем, что ни „вольного труда“, ни „вольной земли“ не будет.

Реализуя кооперативный план вождя через десятилетие с небольшим после „социалистической“ революции, ленинское Политбюро будет принимать самые жесткие постановления, с помощью которых превратит крестьян в крепостных XX века.

Так что о „вольном труде“ по достижении главной цели — захвата власти — вспоминать большевики больше не будут.

Ленинские призывы к миру, так же как и слова о земле,

находили горячий отклик у всех, кто устал от войны. Произнося речь о войне на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 9(22) июня 1917 года, Ленин предлагал простое и понятное решение.

— Как же практически представляем мы себе выход из этой войны? Мы говорим: выход из войны только в революции... Когда говорят, что мы стремимся к сепаратному миру, то это неправда. Мы говорим: никакого сепаратного мира...¹⁵²

Но революция во время войны — это поражение собственной страны. Что же касается сепаратного мира, то через несколько месяцев именно большевики его и заключат с Германией. Мало кто знал, что, заключив пораженческий мир, большевики перейдут к ликвидации не нескольких сот миллионеров, а сотен тысяч собственников, средней и крупной буржуазии, интеллигенции. Это приведет к страшной гражданской войне, которую и планировали большевики.

Но до октября призывы Ленина к миру, посулы „вольной земли“ играли роль костра надежды, видного издали уставшему путнику.

Думаю, что большевики едва ли задумывались над тем, что одно дело давать обещания, находясь в оппозиции, и другое, когда они заполучат власть. Буквально по всем пунктам обещаний — мира, земли, свободы, Учредительного собрания, свободы печати и многим, многим другим — произошла быстрая, почти мгновенная метаморфоза в сторону ужесточения, ограничения, отмены, иного „чтения“, прямого отказа. Даже землю, которую большевики дали, сделали нежеланной, ибо все, что на ней производилось, беспощадно отбиралось. Иными словами, хотя большевики, и особенно Ленин, любили клеймить своих противников „демагогами“, именно они взяли на вооружение демагогию — политический способ обретения популярности максимально завышенными обещаниями, подлаживанием под желания масс, в своей основе людей с низкой политической сознательностью.

Особенно „не повезло“ свободе. Вскоре после захвата власти, ссылаясь на „особые условия“, „гражданскую войну“, „контрреволюционную угрозу“, руководители нового государства установили беспощадный режим террористи-

ческой диктатуры. Естественно, что политические силы и классы, которых лишили всего, ответили также насилием. Ленинская любовь к ЧК, чрезвычайщине, ставка на террористическое управление государством способствовали тому, что постепенно, но с самого начала возникновения пролетарского государства над ним стало быстро подниматься полицейское ведомство. Свобода, провозглашенная с броневика, высоких кафедр, съездов, страниц „Правды“, очень скоро оказалась на положении изгоя, а потом и узника.

Когда в июне 1917 года Временное правительство, напуганное слухами и известными ему фактами подготовки большевиками захвата власти, приняло решение о запрете (на три дня!) готовящейся демонстрации, Ленин выступил сразу с несколькими статьями протеста. Он напирает на то, что „во всякой конституционной стране устройству таких демонстраций — неоспоримейшее право граждан“¹⁵³. Через несколько месяцев Ленин забудет, что такое „права граждан“. Ни о каких демонстрациях речь даже не может вообще идти. Любое собрание, объединение, коллективная акция — только с ведома и разрешения ВЧК—ГПУ.

В июне 1922 года Политбюро по инициативе Ленина рассмотрело вопрос об антисоветских группировках среди интеллигенции. Постановление высшего партийного ареопага, над которым много потрудились Уншлихт, Курский и Каменев, получилось похожим на извлеченное из архивов средневековой инквизиции. Вот только несколько небольших фрагментов. Предписывалось осуществлять „фильтрацию студентов“, имея в виду „установление строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения и установление свидетельств политической благонадежности“. Предписывалось провести „тщательную проверку всех печатных органов“. Специальным пунктом вменялось „установить, что ни один съезд или Всероссийское совещание спецов (врачей, агрономов, инженеров, адвокатов и проч.) не может созываться без соответствующего на то разрешения НКВД. Местные съезды или совещания спецов разрешаются губисполкомами с предварительным запросом заключения местных органов ГПУ... Существующие секции спецов при профсоюзах взять на особый учет и под особое наблюдение“¹⁵⁴.

Подобный полицейский циркуляр весьма колоритно вы-

ражал стратегическую линию партии в строительстве „нового“ общества. Еще несколько лет назад лидер большевиков страстно говорил о свободе, демократии, народном представительстве и буквально сразу же после прихода к власти становится духовным и организационным наставником формирования полицейского социального режима.

Об этих вещах автор напоминает потому, что после бескровного Февраля на протяжении почти восьми месяцев большевики настойчиво „раскачивали“ общество, подрезали жилы власти, ослабляли и разлагали армию, дискредитировали демократические партии под лозунгами, ничего общего не имеющими с их последующей практикой. Выводя сотни тысяч людей на улицы, большевики надеялись таким образом приблизиться к власти, а затем и завладеть ею. Циничный прагматизм: власть любой ценой, неразборчивость в средствах уже тогда не могли не броситься в глаза проницательному наблюдателю.

Ираклий Церетели, один из меньшевистских лидеров, прошедший каторгу и глубоко приверженный социал-демократическим идеям, вспоминал, как 11 июня в помещении кадетского корпуса представители всех фракций Всероссийского съезда Советов обсуждали вопрос о несостоявшейся демонстрации накануне 10-го числа. В своем выступлении Церетели заявил, что „заговор был обезврежен в момент, когда мы его раскрыли... Контрреволюция может проникнуть к нам только через одну дверь: через большевиков. То, что делают теперь большевики, это уже не идейная пропаганда, это — заговор. Оружие критики сменяется критикой с помощью оружия...“¹⁵⁵.

Может быть, обвинения Церетели, лидеров других политических партий в том, что большевики делают ставку на насильственный захват власти в стране, не имели под собой почвы? Может быть, „соглашатели“, как большевики называли меньшевиков и эсеров, ступали краски? Но нет. Ленин, выступая на совещании Петербургского комитета РСДРП 11 июня по поводу отмены демонстрации, совершенно определенно сказал, что „мирные манифестации — это дело прошлого“¹⁵⁶. Ленин недвусмысленно заявил, что „рабочие должны трезво учесть, что о мирной демонстрации теперь речи быть не может“¹⁵⁷. Сохраняя курс на захват власти,

переход от „буржуазного к социалистическому“ этапу революции, большевики взяли курс на использование военной силы.

Временное правительство не без основания видело выход в ослаблении внутривластного кризиса на рельсах широкомасштабного наступления на фронте. О нем в обществе много говорили, некоторые — с надеждой; успехи наступления ускорят установление мира. Керенский, бросив все дела в столице, с раннего утра до темна объезжал полки, дивизии, корпуса. Везде говорил, говорил — до хрипоты. По его словам, от этого „наступления зависит судьба революции“. Мы долго усмехались над этими словами „незадачливого политика“. Может быть, и напрасно. Удайся наступление (для чего, правда, было немного шансов), и положение в стране, особенно в Петрограде, стало бы совсем иным. Власть Временного правительства получила бы ту опору, которую оно быстро теряло: веру, доверие миллионов людей.

Но армия была уже не в состоянии решать крупные оперативные и стратегические задачи. Хотя частного успеха могла и добиться. Но и это было бы важно. Однако перед наступлением в полках под влиянием большевиков подолгу митинговали, ставили перед командирами разные условия, выдвигали ультиматумы. Иногда принимали резолюции: „Займем траншеи австрийцев — за это половина полка в отпуск домой на две недели“.

В воспоминаниях В.Б.Станкевича говорилось, как Керенский, выступая в одном полку, встретил ожесточенное сопротивление большевика, капитана Дзевалтовского, который находчиво разбивал каждый тезис Верховного Главнокомандующего. „Часть солдат аплодировала Дзевалтовскому, часть, не меньшая, — Керенскому, но большинство слушало молча, думая про себя свою думу...“¹⁵⁸

Но даже в таком состоянии неорганизованно поднявшись в атаку части первоначально добились тактического успеха. Австрийцы и венгры отступали, не оказывая серьезного сопротивления. Весть об этом успехе вызвала в Петрограде взрыв ликования. Но торжествовали недолго. Продвижение не было закреплено. Полковые комитеты требовали отпусков, замены командиров, выдвигали другие требова-

ния. Германский генштаб, перебросив на Юго-Западный фронт несколько корпусов, организовал сильное контрнаступление. Тарнопольский прорыв привел к лавинообразному отступлению деморализованных русских войск. Агитаторы большевиков вновь получили весомые аргументы утверждать, что главный противник находится не за колючей проволокой немецких окопов, а в Зимнем дворце. Армия была окончательно парализована. Тысячные толпы дезертиров потекли в тыл. Как писал Керенский, после провала июньского наступления „разъяренные толпы вооруженных людей бросились с фронта в глубокий тыл, сметая на своем пути всякую государственность и всякую культуру“¹⁵⁹.

После неудачи июньского наступления политический маятник вновь резко пошел влево. Казалось, что больше нет путей выхода из кризиса, из войны, из разрухи, нежели тот, что предлагали большевики. Ленин, понимая, что, возможно, приближается кульминация его жизни, поразительно много работал. Почти ежедневные статьи в „Правде“, беседы с членами Военной организации при ЦК РСДРП, с представителями рабочих и солдатских депутатов в Кронштадте; он выступает на митингах, принимает членов ЦК, советуется, дает указания. Вождь большевиков похож на сгусток энергии. Но все же основная работа по подготовке к захвату власти — литературная. Его материалы, часто плохо отредактированные, с повторами и длиннотами, словно поставлены на пропагандистский конвейер. Статьи „Восемнадцатое июня“, „Революция, наступление и наша партия“, „Есть ли путь к справедливому миру“, „Расхлябанная революция“, „Чудеса революционной энергии“, „Классовый сдвиг“ и множество других подчинены одной цели: подготовить партию к захвату власти. Монополюбно. Однозначно. Решительно.

Когда Ленину дали 4 июня 1917 года слово на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, он беспешеллиционно отверг путь „реформистской демократии“, признавая только „демократию революционную“. Что это такое, Ленин пояснил минутой спустя:

— Здесь говорили, „что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя“. Я отвечаю: „Есть! Ни одна партия от этого отка-

заться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком¹⁶⁰.

После этих слов в зале раздались жидкие аплодисменты и громкий хохот. Жидкие потому, что из 1090 делегатов, прибывших на съезд, большевиков было всего 105 человек. Невероятно, но менее чем через пять месяцев эта партия придет к власти.

Карты были открыты: большевики были готовы взять власть целиком. Более того — в „каждую минуту“. А поскольку им никто не собирался преподносить ее как верительные грамоты, то большевистское руководство почти не маскировало своих решительных намерений захватить власть. Но для этого нужно было еще больше укрепить свое и так немалое влияние на заводах и фабриках, в воинских частях и на кораблях.

Каждый день поздно ночью Ленин, едва сняв верхнее платье, падал в изнеможении на кровать и забывался тяжелым, тревожным сном. Пришел момент осуществить все то, о чем он говорил более двух десятилетий. Может быть, ему снился зал хохочущего съезда, когда он заявил, что есть партия, готовая взять власть в любую минуту? Может быть, это донкихотство в истории будут приводить как пример политической легковесности? Ленин и сам верил с трудом в то, что он сказал тогда. Но политическая игра теперь пошла по-крупному, на фоне эпох, континентов, народов, формаций.

Короткий сон не освежал. Ему было трудно, но он пересиливал себя. Проснувшись, Ленин чувствовал тупые боли в голове, но рука тянулась к ручке: нужно было писать новую статью, готовить передовицу „Правды“, а затем, просмотрев утреннюю почту, определить, кому сегодня давать разносную отповедь: Церетели, Чернову, Плеханову или министрам Временного правительства вкупе с их „зарубежными хозяевами“?

По совету близких, а Ленин всегда был очень внимателен к своему здоровью, решил на пару недель укрыться от революционного шума за городом, издали наблюдая и влияя на развитие событий. Вместе с Марией Ильиничной в сопровождении двух верных рабочих 29 июня они уезжают в деревню Нейвола, близ станции Мустамяки, по пути наве-

стив на даче Демьяна Бедного и остановившись в доме В.Д.Бонч-Бруевича. В книге В.Д.Бонч-Бруевича, предельно слащавой, тем не менее говорится, что у Ленина „появились головные боли, его лицо побледнело, глаза говорили о большом утомлении“¹⁶¹. Деревенская тишина и буйная зелень красивых окрестностей действовали успокаивающе. Не верилось, что совсем недалеко, в Петрограде, по-прежнему бушевали страсти, шла жестокая политическая борьба. Ленин подолгу сидит на веранде, вглядываясь в бесконечно глубокую голубизну неба.

Почему-то перед глазами стоял профиль портрета Томаса Карлейля из его превосходной книги „Французская революция“. Все социал-демократы в качестве исторических аргументов неизменно ссылались на эту революцию. Особенно этим грешил социалист Керенский. Даже гимном России Временное правительство определило „Марсельезу“. А „революционные комиссары“, „Учредительное собрание“, „соглашательские партии“, российские „Мараты“, „Карно“, „Робеспьеры“ пришли из той далекой уже великой революции.

У Ленина в эмиграции было много времени между поездками, „склоками“, встречами для самообразования. Среди мыслителей он не обошел и английского историка Карлейля. Хорошая книга. Но почему историк пишет: „Разве утешение людей не есть самая главная обязанность человека?“ Правда, писатель говорит, что, если разметать все пергаменты, формуляры и государственные рескрипты „по всем ветрам“, тогда, может быть, само человечество скажет, „что именно нужно для его утешения?“¹⁶².

Ленин давно заметил, что бездонное небо, снежные отроги Альп, лазурь Средиземного моря, загадочный шум листвы русского леса всегда рождали в нем стремление охватить мыслью одновременно и себя, и всю Вселенную, планету, просторы континентов... Философским мыслям нужен безбрежный простор и духовные источники. Дает их только великая природа. А что касается Карлейля, мог думать Ленин, то великий историк ошибается, что утешение есть главная обязанность человека... Изменить мир, как учат бесмертные отцы марксизма, — вот главное его предназначение. Оружием, которое человеческий мир кардинально

меняет, может быть только революция. Великая революция... Бывают моменты в истории, когда от одного человека, его ума, воли, страсти может зависеть не только великая идея изменения мира, но и ее реализация.

Упреждая собственных критиков, скажу: быть может, Ленин и не думал на даче Бонч-Бруевича о Томасе Карлейле и главном предназначении человека. Может, он размышлял о более прозаических вещах: как завладеть властью, которая сейчас не принадлежит по-настоящему ни Советам, ни правительству. Прочитав десятки тысяч страниц, написанных Лениным и о нем, могу, однако, утверждать: вождь русской революции любил парить мыслью высоко-высоко. Нельзя отрицать благородства его намерений и мечтаний, но пути превращения их в земную реальность у него были якобинскими. Это никогда не смущало Ленина. Ведь в социальной практике революция, и в это верил вождь большевиков, является главным, универсальным оправданием всех намерений и дел человека. Любых, в том числе и страшных, бесчеловечных, отталкивающих.

Дошедшие вести о провале наступления на германском фронте вызвали вначале горечь, а затем и негодование властью, которая ни на что не способна. Ленин и его окружение сразу почувствовали резкое изменение в общественном настроении того аморфного образования, которое они называли „массаами“. Ленин решил ускорить события. „Правда“ с еще большей страстью клеймила Временное правительство, „бросившее тысячи людей в кровавую мясорубку“. Все чаще на митингах большевики кидали в толпу лозунги-призывы: „Долой Временное правительство!“, „Долой меньшевистских соглашателей!“. Сотни глаз и ушей с надеждой внимали большевикам. Влияние их быстро, стремительно росло.

Как вспоминал П.Н.Милюков, „бессилие власти было настолько очевидно, что понятен был соблазн — покуситься теперь на нечто большее, нежели отложенная демонстрация 10 июня. И две недели спустя после „общего“ выступления 18 июня мы встречаемся с событием, которому при желании можно было дать название первого опыта большевистской революции“. Далее мемуарист пишет, что „3 июля вечером (П.Н.Милюков ошибается, не 3-го, а 4 июля) Ленин

уже занял свой знаменитый балкон в доме Кшесинской и приветствовал солдат, давая им указания. Здесь помещалась вся военная разведка ЦК партии большевиков; сюда направлялись и отсюда рассылались приходившие воинские части. Словом, военный штаб восстания был налицо...¹⁶³.

В ЦК РСДРП(б) вновь поднимается вопрос: нужна мощная, массовая акция, которая заставит Временное правительство отказаться от власти в пользу Советов. А в Советах нужна борьба за их большевистское усиление. Идея быстро получила поддержку со стороны рабочих заводов, фабрик, многих воинских частей. Солдаты, которые были в этом лично заинтересованы, отказывались отправиться на фронт, но поддерживали большевиков. Вместо грязных окопов, вшей, тоски „брать власть“ в столице куда приятнее! Ведь разложенные большевиками части были против этой войны и против защиты Отечества!

В ночь с 3 на 4 июля по поручению ЦК РСДРП(б) за Лениным в деревню Нейвола выезжает работник редакции „Правды“ М.А.Савельев. Разбуженный рано утром Ленин прямо в прихожей выслушивает гонца и тут же собирается в Петроград. Приехав в столицу, Ленин включается в процесс управления поднятыми на демонстрацию десятками тысяч людей. Все советские учебники и монографии об этих событиях пишут, что главной задачей Ленина было превратить демонстрацию в мирное волеизъявление трудового Петрограда. Но авторы как бы забывают, что еще 14(27) июня Ленин публично заявил, что „мирные манифестации — дело прошлого“¹⁶⁴. А между тем в центр Петрограда прибывали и прибывали рабочие с заводов и фабрик, моряки из Кронштадта, солдаты из казарм многочисленных частей столичного гарнизона. Ленин направляется к своей облюбованной трибуне — на балкон особняка Кшесинской. Речь его была короткой, и главный ее смысл: „Вся власть Советам“.

Интересная деталь: в ленинских сочинениях приведено множество второстепенных его записок, разговоров, резолюций, выступлений, но этого выступления нет, хотя он выступал с тезисами в руках. Но все потому, что после разгона демонстрации, на которую многие пришли вооруженными, власти завели дело против большевиков и лично

против Ленина, обвиняя его в подстрекательстве к вооруженному восстанию. Большевистская печать позже изложила эту речь как мирную.

Как вспоминал Н.Н.Суханов, у большевиков едва ли был четкий план, но „шансы восстания и переворота поднялись очень высоко“. Большевистское руководство колебалось. „Ленин с балкона, — пишет Суханов, — произнес речь весьма двусмысленного содержания. От стоявшей перед ним, казалось бы, внушительной силы Ленин не требовал никаких конкретных действий; он не призывал даже свою аудиторию продолжать уличные манифестации, хотя эта аудитория только что доказала свою готовность к бою громоздким путешествием из Кронштадта в Петербург. Ленин только усиленно агитировал против Временного правительства, против „социал-предательского Совета“ и призывал к защите революции, к верности большевикам...“¹⁶⁵

Впрочем, позже Ленин не скрывал того, что это была попытка мирным путем захватить власть, но едва ли кто мог надеяться, что Временное правительство просто так сложит свои полномочия.

Между тем, как писал Суханов, в Петрограде возобновились беспорядки. Толпы солдат были часто вооружены. Кое-где громят винные магазины, местами начались грабежи. Около полудня в разных концах города поднялась стрельба: на Суворовском проспекте, на Васильевском острове, на Каменноостровском, на Невском — у Садовой и у Литейного.

Ленин из Таврического дворца внимательно наблюдает за ходом событий. Из разных районов гонцы сообщают о хаотических стычках, неорганизованных столкновениях, о выдвигании войск, верных правительству, в стратегически важные пункты города. Все чаще говорят о грабежах, обысках, погромах. Ленину становится ясно, что полустихийное выступление не способно спихнуть даже слабую власть. Было желание взять власть, но не было организации. Подняв более полумиллиона людей, большевики действовали без ясного плана, без четкого управления. Ленин счел за благо свернуть выступление и с меньшими политическими потерями отступить. Нужно было сохранить не только социальный заряд, но и революционное лицо.

Июль стал индикатором неустойчивого динамического равновесия с микроскопическим преимуществом Временного правительства.

10 июля 1917 года Ленин пишет тезисы „Политическое настроение“, которые, правда, были опубликованы не сразу, а лишь в начале августа. Вождь большевиков раскрывает политические карты: „...собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию...“. Здесь же Ленин заявляет, что большевики окончательно порывают с соглашателями: „Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции...“¹⁶⁶

Ленин чувствует, что если не сделать верных шагов, то никакого перехода к „второму этапу“ революции не будет. Сообщения поступают одно другого тревожнее: разгромлена „Правда“, Временное правительство вызывает войска с фронта, начались аресты активных участников июльского выступления. Печать полна „свидетельствами“, „документами“ и заявлениями о „шпионской“ деятельности Ленина и большевиков. Неудачи на фронте теперь ясны: шпионы сидят в Таврическом дворце! Ленин быстро решил: уходит на нелегальное положение. Он знал: с часу на час последует решение на арест. Но власть была и в этом вопросе нерешительна: распоряжение на арест Ленина и еще группы руководителей-большевиков вышло лишь 7(20) июля.

В тот же день Ленин в сопровождении Я.М.Свердлова тайно уходит с квартиры Елизаровых к М.Л.Сулимовой. Но здесь проводит менее суток и на другой день вместе с Н.К.Крупской перебирается на квартиру к В.Н.Каюрову, на Выборгской стороне. На этом судорожные перемещения не оканчиваются: следует переход в сторожку завода „Русский Рено“, затем на квартиру к большевику Н.Г.Полетаеву, на Матнинской, наконец Ленин на два-три дня задерживается у старого революционера С.Я.Аллилуева.

Здесь, у Аллилуевых, Ленин узнает, что его ищут, чтобы арестовать как государственного преступника. Вначале он заявляет, что, если ЦИК решит о его явке в суд, он отдаст себя в руки властей. Однако Ленин с самого начала решил, что этого не будет. С пришедшими на квартиру к Аллилуевым В.П.Ногиным, Г.К.Орджоникидзе, Е.Д.Стасо-

вой, И.В.Сталиным, Я.М.Свердловым и некоторыми другими состоялось совещание: как быть? Никто не верит в справедливость суда, и приходят к общему решению: на арест не идти, а уходить из Петрограда в надежное место.

Ленин вообще любил конспирацию. Даже учитывая, что режим самодержавия преследовал левый экстремизм, ставивший целью низвержение существовавшего строя, страсть вождя к конспирации была поразительной. Впрочем, этим „страдали“ все русские революционеры. Даже Плеханов, проживший свою жизнь в безопасной Европе, был и Бельтовым, и Валентиновым, и Волгиным, и Каменским, и Ушаковым и т.д. Иногда псевдонимы заменялись кличками: Фотиева была Киской, Бауман — Балериной, Красин — Лошадью, Эссен — Зверем, Кржижановская — Булкой, Бош — Японкой, Воровский — Жозефиной и т.д. Многие клички дал сам Ленин, и надо признать, весьма неэстетического свойства. Но по количеству псевдонимов и вымышленных имен с Лениным не мог соревноваться никто, их десятки. Достаточно сказать, что в историю В.И.Ульянов все же вошел как Ленин. Назовем лишь некоторые псевдонимы и вымышленные фамилии, которые носил вождь большевиков: Петербуржец, Старик, Ильин, Фрей, Петров, Майер, Иорданов, Рихтер, Карюв, Мюллер, Тулин и другие.

Кончилось нелегальное время, но его главный последователь Джугашвили—Сталин продолжил ленинскую традицию псевдонимов, и не только во время Отечественной войны, но и позже. Во время корейской войны 1950—1953 годов свои телеграммы Мао Цзэдуну Сталин подписывал Филиппов, а Ким Ир Сену — Фын Си.

Пожалуй, эта страсть к конспирации, тайнам, секретам — одно из проявлений авторитарного, антидемократического мышления. Обсуждение о явке Ленина на суд было формальным, лидер большевиков еще до решения Временного правительства решил скрыться, уйти в подполье.

Ленин 8-го пишет небольшую статью (которая, впрочем, была опубликована лишь в 1925 году) „К вопросу о явке на суд большевистских лидеров“. В ней он утверждает, что если бы было Учредительное собрание, „правильное правительство, правильный суд“, то тогда можно говорить „в пользу явки“¹⁶⁷. В статье он весьма сомнительно утверж-

дал, что „действует военная диктатура“. Керенский—диктатор? Едва ли и сам Ленин верил этой звонкой фразе. Впрочем, в это не верили и другие. Выступая на VI съезде партии (26 июля — 3 августа 1917 г.), И.В.Сталин предложил Ленину явиться на суд, если будут даны гарантии личной безопасности. „В данный момент все еще не ясно, в чьих руках власть“, — заявил Сталин¹⁶⁸. Как видим, Ленину мерещится диктатура, а другие вообще не могут понять — у кого власть?

Возможно, что суд был бы и несправедливым. Правительство в силу своей слабости было ущемленным. Но Ленин на суде не столько боялся обвинений в „июльском восстании“, сколько последствий заявления, написанного Алексинским и Панкратовым, напечатанного в газете „Живое слово“, а затем и в других изданиях о „шпионской“ деятельности большевиков. Есть основания полагать, что Ленин тогда еще не представлял, каким объемом сведений о финансовых связях большевиков с немцами располагает Временное правительство. Один пункт обвинений Ленин опровергнуть бы не смог: существование откровенного стратегического курса большевиков на поражение России в империалистической войне, превращение ее в войну гражданскую. Множество выступлений, статей, прокламаций большевиков свидетельствовали в подтверждение этой циничной политической установки.

Ленин звал людей на баррикады, к восстанию. Сам же не собирался там находиться. Его нельзя было увидеть, как других социал-демократов, во главе колонн демонстрантов, на фронте, кораблях флота. Стихией Ленина было „руководство издали“ в братстве с пером. Литературная грань лидера большевиков, возможно, была сильнейшей его стороной. Даже перебегая с квартиры на квартиру с 6 по 9 июля, в суতোлке конспиративных забот сумел написать статьи „В опровержение темных слухов“ и „К вопросу о явке на суд большевистских лидеров“, „Дрейфусиада“.

Ленин был человеком, который умел носить маску. Его могли видеть взбешенным, раздраженным, взволнованным, потрясенным. Но его никто никогда не видел испуганным, подавленным, смятенным. Он умел управлять собой. Хотя, бесспорно, бывали моменты, когда Ленин чувствовал, что

все висит на волоске и возможен непоправимый крах. Так было в августе 1918 года, еще раньше — в начале того же года, когда немцы начали широкомасштабное наступление в глубь России. Думаю, чувство страха Ленин испытал и при переходе после июльского выступления на нелегальное положение. Не случайно именно в эти дни Ленин отправляет записку Л.Б.Каменеву, в которой просит „в случае своей гибели“ опубликовать материалы тетрадки в „синей обложке“, где находились главы его книги „Государство и революция“¹⁶⁹.

Ленин в 1917 и 1918 годах всегда имел запасной вариант — в случае поражения уйти в подполье. А затем, видимо, и за границу. Он не очень переживал, что в заваренной каше погибнут тысячи, а может быть, и миллионы людей. Троцкий вспоминал: „4 или 5 июля я виделся с Лениным (и с Зиновьевым?), кажется, в Таврическом дворце. Наступление было отбито (Троцкий не скрывает, что это было большевистское „наступление“. — Д.В.).

— Теперь они нас перестреляют, — говорил Ленин. — Самый подходящий для них момент.

Основной его мыслью было дать отбой и уйти, поскольку окажется необходимым, в подполье...

Позже, в эпоху III Конгресса Коминтерна, Владимир Ильич говорил как-то:

— В июле мы наделали немало глупостей.

Весьма вероятно, пишет Троцкий, что, если бы им удалось в первые дни после июльского выступления захватить Ленина, они, то есть их офицерство, поступили бы с ним так же, как менее чем через два года немецкое офицерство поступило с Либкнехтом и Розой Люксембург.

Ленин требовал немедленно приступить к правильному заговору: застичнуть противника врасплох и вырвать власть, а там видно будет...¹⁷⁰

Ленин в эти дни соединял в себе качества азартного игрока с расчетливым, „правильным“ заговорщиком. Для него главное была власть, „а там видно будет“.

Ленин не был Богом. Он был способен надеяться, обманываться, ошибаться, страдать и просто испытывать обычное человеческое чувство страха. Но этот страх он умел держать в узде. Страх помогал ему избегать опасности. Ле-

нин почти никогда лично не рисковал, был осторожен. И тогда, когда нужно было въехать в Россию (через Англию? Но арест, немецкие подводные лодки); или когда Деникин приблизился на расстояние смертельного дыхания к Москве (выехать на фронт? Риск, риск...); явиться на суд Временного правительства, ведь тот же Троцкий сам отдал себя в руки властей (использовать трибуну суда для разоблачений и пропаганды). Но нет. Личная безопасность — превыше всего. Ленина с начала революции всегда охраняли. После покушения Ф.Каплан на Ленина — особенно бдительно. Сталин не раз ставил на заседаниях Пленума ЦК, Политбюро вопрос о „гарантиях безопасности“ вождя¹⁷¹. Как явствует из письма Ленину сотрудника ВЧК спецназначения (подпись неразборчива), вождя всегда охраняла группа особо проверенных лиц. По настоянию Сталина число спецсотрудников было увеличено.

Июльская неудача оказалась спонтанной репетицией захвата власти. На время нужно было покинуть политическую сцену. Хотя Ленин и называл Временное правительство, которое после событий начала месяца возглавил А.Ф.Керенский, „военной диктатурой“, ему было ясно, что власть слаба. Нужно продлить время для ее ослабления, дальнейшего разложения армии, дискредитации партий „соглашателей“. Может наступить момент, когда государственная власть рухнувшей великой империи, перехваченная либералами и демократами, будет просто валяться на бульжных мостовых столицы. Тогда наступит его час. Триумфальный час! А сейчас нужно сохранить себя. Это главное. Для переворота, который затем будут называть Великой Революцией.

Октябрь и „заговор равных?“

Не только будущее, но и прошлое дает предписания настоящему.

Ленин черпал вдохновение во французских революциях. „Пример якобинцев поучителен, — писал он в статье „Враги народа“. — Он и сейчас не устарел, только применять его надо к революционному классу XIX века, к рабочим и полупролетариям. Враги народа для этого класса в

XX веке не монархи, а помещики и капиталисты как класс¹⁷².

Ленин не ссылается на Гракха Бабефа, но многие шаги большевистского вождя после июля 1917 года весьма сходны с „заговором равных“. Профессор В.В.Святловский в предисловии к книге Ф.Буонарроти „Гракх Бабеф и заговор равных“ пишет, что продолжателями решительного революционаризма в истории были не только Бабеф, Бланки, Карл Маркс, но и левые марксисты, среди которых он называет В.И.Ульянова¹⁷³.

Книга, написанная участником заговора, переносит нас в подземелье сада заброшенного аббатства святой Женеьевы. Там „равные“ создали свою организацию, свой Комитет, Инсуррекциянное Бюро и Тайную Директорию. Комитет выделил из своего состава военную группу, которая ставила перед собой вдохновляющую дальнюю цель: уничтожение частной собственности, а посредством этого акта и социального неравенства. Ближайшей же целью был захват власти. В.В.Святловский еще при жизни Ленина, в 1922 году, пишет, что „большевизм в числе составных частей своего мировоззрения содержит и бланкизм. Так Бабеф протягивает руки нашей современности“¹⁷⁴.

Читая сегодня о создании бабувистами своей газеты „Народная трибуна“, организации „Тайная Директория“, пытавшейся восстановить народ в своих „естественных правах“, листая „Манифест равных“, как и план захвата власти, известный в истории как „Акт восстания“, невольно переносишься к истокам событий, которые духовно питали не одну генерацию революционеров. Листая страницы творчества „заговора равных“, провозгласивших высшей целью свободу и справедливость, улавливаешь до боли знакомые ноты, которые прозвучат и в русской революции. „Акт восстания“, в частности, провозглашал: „Всякое сопротивление подавляется на месте силой. Сопrotивляющиеся уничтожаются... Все имущество эмигрантов, мятежников и врагов народа будет без промедления роздано защитникам отечества и беднякам. Бедняки всей республики сразу же будут вселены в дома мятежников и наделены их утварью...“¹⁷⁵ Какие знакомые мотивы! И до Октября пытались с помощью зла дать людям свободу и справедливость.

Марксизм и его русские интерпретаторы не очень далеко ушли от бабувистов. Вот строка из ленинского декрета: „В Петрограде подлежат реквизиции по одному теплому одеялу и одной теплой вещи (из числа следующих: куртки, валенки, рукавицы, теплое белье, теплые носки, шарфы) с каждой богатой квартиры“¹⁷⁶. Пока — теплые вещи. А затем все, что можно унести, а самих буржуа — отправить для исполнения трудовых повинностей на железнодорожную станцию для очистки путей от снега, на рытье окопов, на распиловку дров... Уже в 1917 году „буржуев“ стали изгонять из своих квартир, „уплотнять“, лишать продовольственных карточек. Но и спустя несколько лет эта практика продолжалась. С участием Ленина Политбюро ЦК 20 апреля 1921 года вновь решает вопрос об „улучшении быта рабочих“ за счет выселения буржуазного элемента...¹⁷⁷ Бабувисты начала XX века недалеко ушли в своей цивилизованности от своих братьев конца XVIII...

Я совсем не хочу сказать, что большевики лишь повторяли пройденное в истории. Нет, конечно. Они даже осуждали бланкизм. Но в главном, основном они ушли от них недалеко: власть можно взять только вооруженной силой и ошастливать народ нельзя без применения насилия.

Об Октябрьской революции, а точнее — государственном перевороте написаны холмы книг. В большинстве апологетических. Я не намерен хронологически воспроизводить бесчисленные события этого переломного момента. Моя задача скромнее: посмотреть на Ленина накануне Октября и в дни переворота. Именно переворота. Вначале и Ленин, и большевики говорили не о революции, а о „перевороте“. И это — точнее. В связи с очередной годовщиной этого события Истпарт в Москве провел 7 ноября 1920 года „Вечер воспоминаний об октябрьском перевороте“. Тогда это название — „переворот“ — не шокировало ни Троцкого, ни Подвойского, ни Садовского, ни других большевиков, принявших участие в вечере. Они сами именовали событие „переворотом“.

В ночь с 9 на 10 июля, вскоре после оглашения постановления Временного правительства об аресте Ленина, он в сопровождении С.Я.Аллилуева, В.И.Зофа и И.В.Сталина по специально выбранному маршруту добирается до Примор-

ского вокзала. Затем в сопровождении Н.А.Емельянова едет до станции Разлив, где прячется на чердаке сарая, а затем перебирается в ныне знаменитый шалаш подле озера, где скрывается вместе с Г.Е.Зиновьевым под видом финских косарей. Около гранитного шалаша, построенного в 1927 году, перебивала уйма народу. Партийные пропагандисты вещали, как Ленин, готовя Октябрьскую революцию, день и ночь развивал марксистскую теорию о государстве. Действительно, Ленин, занимаясь текущими делами, завершил в подполье крупную работу („заготовка“ была сделана ранее) „Государство и революция“.

Вечерами подолгу беседует с Григорием Евсеевичем Зиновьевым, одним из самых близких к Ленину людей. Говорили о многом и разном. Вспоминали Пражскую партийную конференцию, Женеву, Париж, Берн, Цюрих, Краков (ведь часто жили рядом, в одном доме). Вспоминали общих друзей, соратников, знакомых: Л.И.Аксельрод, Ф.И.Дана, Ю.О.Мартова, И.А.Семашко, М.М.Литвинова, В.Л.Бурцева, других.

За время пребывания в Разливе к нему приезжали А.В.Шотман, Э.Рахья, В.И.Зоф, Г.К.Орджоникидзе, И.В.Сталин. Периодически к подпольщикам приезжает из Петрограда работница А.И.Токарева с баулом белья, еды, газет. Прочтя свежую почту, Ленин обычно тут же садится за новую статью, чтобы ответить своим оппонентам или дать „указание“ товарищам по партии. Так были написаны статьи „К лозунгам“, „Ответ“, „Начало бонапартизма“, „Уроки революции“, „За деревьями не видят леса“, некоторые другие материалы. Ну а все остальное время, особенно когда Ленин переберется в Гельсингфорс, он отдает книге „Государство и революция“, которой сам придает огромное значение.

Представляется, что сама книга, небольшая по объему (всего около 120 страниц), как бы символизирует судьбу теории ленинизма. Долгие десятилетия работа считалась шедевром марксизма. Только в СССР за годы советской власти книга вышла тиражом более 7 миллионов экземпляров на 46 языках народов страны. Коммунистические партии за рубежом также сделали книгу теоретическим бестселлером. В предисловии к 33-му тому 5-го издания, где опубликована работа, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

сообщает: „Ленинский труд, в котором впервые наиболее полно и систематизированно изложено марксистское учение о государстве, представляет собой непревзойденное по глубине и многогранности научное освещение теории государства, яркий образец партийности в борьбе с врагами марксизма“¹⁷⁸.

Ленин занимался книгой в преддверии главного события в своей жизни — октябрьского переворота и захвата власти большевиками. Революция „помешала“ Ленину написать заключительную, последнюю главу книги „Опыт русских революций 1905 и 1917 годов“. Автор в послесловии замечает: „Приятнее и полезнее „опыт революции“ проделывать, чем о нем писать“¹⁷⁹.

Что же читатель встречает в книге „непревзойденного по глубине и многогранности“? Почему книга долгие годы была библией большевизма? Ответы весьма просты.

Вся книга представляет собой пространный комментарий к таким же пространным цитатам Маркса и Энгельса. Книга Ленина — панегирик классовой борьбе, диктатуре пролетариата, антипарламентаризму. Автор, используя в качестве главных аргументов положения трудов Маркса и Энгельса, доказывает, что высшая форма демократии — диктатура пролетариата, что необходим слом старой государственной машины, неизбежна насильственная революция, за которой последует исчезновение классов и отмирание государства. Ленин полностью игнорирует ранние гуманистические изыски немецких социалистов. Для него и сама демократия — форма насилия. Демократия — это, по Ленину, „организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою“¹⁸⁰. Автор книги утверждает, что, „только когда исчезнет государство, можно говорить о свободе“. Вся книга полна тяжеловесными утверждениями типа „чем демократичнее „государство“, состоящее из вооруженных рабочих и являющееся „уже не государством в собственном смысле слова“, тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство“¹⁸¹.

Думаю, что я утомил читателя цитированием схоластических утверждений об особой революционной роли насилия, диктатуре как высшей форме демократии, неизбежности коммунизма и отмирании государства. Ленин, вопреки

Марксу, который лишь несколько раз использовал термин „диктатура пролетариата“, считает ее, диктатуру, основой мироздания. Кроме рабочих и буржуазии, для Ленина как будто никто не существует.

Жизнь жестоко посмеялась над теоретиком, как и над нами, видевшими в „Государстве и революции“ почти божественное откровение. Ленин увлеченно философствовал об отмирании государства всего за два месяца до того, когда сам начал лихорадочно укреплять это государство, применяя безбрежное насилие, принуждение, репрессии. „Государство и революция“ — книга, убедительнейшим образом символизирующая, коммунистическую утопию. Используя ряд бесспорно верных и известных до Ленина положений о возникновении государства, его функциях в разные периоды существования, Ленин пришел к выводам, которые, хотя и „непревзойденны по глубине“, тем не менее схоластичны, надуманны, оторваны от жизни. Попутно Ленин уничтожающе разносит всех своих реальных и потенциальных оппонентов, совсем не заботясь, как всегда, об интеллигентности выражений. Он убежденно говорит от имени „массы“, считает себя уполномоченным давать обобщающие оценки: пролетариат, мол, „передовых“ парламентских стран испытывает омерзение при виде таких „социалистов“, как Шейдеманы, Давиды, Легины, Самба, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги, Брантинги, Биссолати и К^о...¹⁸² Думаю, что „массы“ в своем подавляющем большинстве и не подозревали о существовании этих людей.

Если бы эта работа была просто плодом теоретических упражнений человека, исследующего антимир, антиобщества, антилюдей, и была бы известна только узкому кругу библиофилов, то не было бы никакой беды. Но на подобных книгах воспитывались целые поколения людей. Миллионы „строителей коммунизма“. Многими воспринимались буквально указания Ленина, подобные, например, такому: контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, „некуда будет деться“¹⁸³.

Страшное „некуда будет деться“ относится, прежде всего, к духовной пище, подобной „Государству и революции“, которой на протяжении десятилетий обильно кормили народ. „Некуда будет деться“ от всеобщего полицейского контроля, слежки, „партийного влияния“, бюрократических клещей.

Переехав в середине августа 1917 года нелегально в Гельсингфорс, Ленин продолжает по привычке влиять на ход дел „издалека“. Просиживая часами над записями и конспектами материалов для „Государства и революции“, он с жадностью набрасывается на почту, свежие вести, записки, которые ему привозят из Петрограда Н.К.Крупская, М.И. Ульянова, И.Т.Смилга, А.В.Шотман, супруги Г. и Л.Яловы. А Ленина, между тем, хотя и вяло, но ищут. Прошел слух о том, что Ленин скрывается на линкоре „Заря свободы“. Прокурор Петербургской палаты приказал провести обыск на судне и доставить арестованного в Петроград¹⁸⁴. В газетах промелькнуло сообщение: Ленин скрывается в столице. Начальник Петроградской городской милиции рассылает циркулярно секретное распоряжение: всем комиссарам города принять меры к поимке В.И.Ульянова (Ленина) и доставить властям¹⁸⁵.

В конце сентября Ленин перебирается из Гельсингфорса в Выборг — отсюда легче осуществлять связь с ЦК, партийными организациями Петрограда. Пережив корниловскую угрозу в августе, когда он вынужденно качнулся к поддержке Керенского, в сентябре Ленин начинает проявлять явное нетерпение. Он убежден, что критический момент, когда можно захватить власть, наступает, и наступает быстро.

В конце августа во весь рост встала проблема: куда и как пойдет Россия? За Корниловым, Керенским или Лениным? Корнилов — это военная диктатура, это полиция, армия, казаки, и его фактически поддерживали кадеты. Ленин — это якобинцы; тоже диктатура, но только левая. Керенский — это верховенство тех партий, которые большевики называли „соглашательными“: эсеры и меньшевики. Спектр политических комбинаций, повторю, был таков, что от разгрома Корнилова больше всего выиграли большевики, и их влияние стало вновь стремительно расти.

Ленин пишет одну за другой статьи, записки, письма, похожие на программы или директивы. И нужно сказать, вождь большевиков, осуществляя свое влияние на ЦК, проявляет большое искусство. В своем письме в ЦК РСДРП(б) „Марксизм и восстание“ Ленин выражает абсолютную убежденность в победе выступления большевиков. Он требует, не теряя ни минуты, организовать штаб восстания, арестовать генеральный штаб и правительство, мобилизовать рабочих, занять телеграф... Отдавая свои указания, Ленин не уходит и от пафоса революционности: „Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти...“ Ленин с полной уверенностью заявляет, что убежден: „99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь — это значит уже победить весь мир“¹⁸⁶. Он знает: помощь немцев большевикам и преследовала эту цель — вывести Россию из войны и дать Германии шанс победы на Западном фронте. Вспомните, еще три месяца назад Ленин клялся, что не думал и не думает о сепаратном мире. Он решительно „против сепаратного мира“! А теперь готовность к миру и полная уверенность в сепаратном перемирии... Таков Ленин: прагматик до мозга костей. Кроме революции и власти — ничего священного.

В движении к цели Ленин придерживается циничного прагматизма: ничего святого, неизменного, нерушимого. Мало ли что говорил Ленин в июне; обстановка изменилась... Еще Никколо Макиавелли в своем знаменитом „Государе“ заявил: „Мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, когда нужно, обвести вокруг пальца...“¹⁸⁷

Ленин клеймил „соглашателей“, клеймил Керенского, он чувствовал, что власть сама плывет ему в руки. Он ни с кем не хотел ее делить. И нужно сказать, что месяцы, проведенные накануне 25 октября в подполье, Ленин использовал исключительно искусно: непрерывно толкал ЦК влево, к самым решительным действиям; своими статьями нагнетал обстановку, заряжал сознание своих сторонников уверенностью, морально подавлял потенциальных противников.

Судя по письмам, статьям этого времени, Ленин нервничает, волнуется, порой негодует из-за нерешительности сво-

их партнеров. В этом отношении весьма характерна большая статья „Кризис назрел“, написанная в Выборге в конце сентября. Я уже говорил, что временами Ленин парил высоко. С высоты птичьего полета истории прячущийся от опасности вождь увидел, что революция созрела не только в России, но и в международном плане. „Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало *военных восстаний* в Германии — вот несомненные признаки великого перелома, признаки *кануна революции* в мировом масштабе“¹⁸⁸. Но мысль Ленина явно оторвалась от реальной действительности.

Что же касается России, то Ленин убежден, что „кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту... Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту. Кризис назрел...“¹⁸⁹.

Картежная терминология в который раз убеждает: Россия для большевистских вождей огромный игорный стол, из-за которого они намерены вытолкнуть лидеров других политических сил и монопольно-единолично решать судьбы русского народа. Может быть, спросить сам русский народ? Что думает он по поводу своего будущего? Ведь принято решение провести выборы в Учредительное собрание, которое определит будущее государственное и общественное устройство гигантской страны. Но нет, Ленин нетерпелив и категоричен:

„Ждать“ съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд ничего не даст, *ничего не может дать!*“ Ленин не хочет ждать не только Учредительного собрания, но даже съезда: „Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд“.

Что же делать? У Ленина готов план: „Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам: мы можем (если не будем „ждать“ Советского съезда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота... девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3—5 июля, ибо *не пойдут войска* против правительства мира...“ В случае несогласия с этим планом Ленин угрожает, шантажирует выходом из ЦК. Он пишет, что уже заметил в реакции ЦК „тонкий намек на зажимание рта и на предложение мне удалиться...“¹⁹⁰.

Последняя часть статьи с планом восстания и ультимату-

мом Ленина предназначена не для печати, а для членов ЦК. Ленин тонко уловил перемену настроения в общественном сознании в пользу большевиков; казалось, только они способны вывести Россию из трясины глубочайшего кризиса. В начале октября Ленин затребовал статистику о численности партии большевиков. Э.Рахья привозит ему пакет, в котором содержатся необходимые сведения.

В феврале 1917 года — 23 тыс. членов партии.

В апреле 1917 г. — 100 тыс.

В августе 1917 г. — 240 тыс.

В начале октября 1917 г. — 350 тысяч.

Ленина сведения вдохновляют: какая-то небольшая горстка в момент Февральской революции немногим более чем за полгода возросла в полтора десятка раз! Ленин уже просто убежден, что редкий исторический шанс большевики не упустят. Не должны упустить! На сторону большевиков переходят целые войсковые части и заводы. И все это на фоне паралича власти.

В своих пространственных записках Н.Н.Суханов довольно убедительно, хотя и скучно, показал полное бездействие власти, которая уже была обречена. „Никакого управления, никакой органической работы центрального правительства не было, а местного — тем более. Развал правительственного аппарата был полный и безнадежный. А страна жила. И требовала власти, требовала работы государственной машины... Даже разговоры о земле застопорились на верхах, в то время как волнение низов достигло крайних пределов. В Петербурге мы перешли предел, за которым начался голод со всеми последствиями... Не нынче-завтра армия должна была начать поголовное бегство с фронта... Положение на железных дорогах становилось угрожающим. Вся пресса, снизу доверху, в разных аспектах, с разными тенденциями и выводами, но одинаково громко и упорно вопила о близкой экономической катастрофе...“¹⁹¹ Похоже, что Суханов повествовательно изложил яркое проявление „основного закона революции“, сформулированного Лениным в „Детской болезни „левизны“ в коммунизме“: низы не могут жить больше по-старому и верхи не в состоянии управлять по-прежнему.

В ЦК читают кричащие письма Ленина, соглашаются, но мало что делают... Так, на заседании ЦК 15 сентября

1917 года решили лишь обсудить вопросы тактики партии в ближайшее время... Письма Ленина дальше ЦК не идут. Его члены шокированы крайним радикализмом своего вождя. Более того, члены ЦК принимают решение уничтожить все письма Ленина по поводу восстания, кроме одного. В ЦК еще жила надежда, что с помощью Демократического совещания и Предпарламента удастся многого добиться и без применения силы. Ленина это бесило. В своей статье „О героях подлога и об ошибках большевиков“, написанной в начале октября, он с сарказмом замечает, что, приняв участие в Демократическом совещании, руководство большевиков тем самым „притупило нарастающую революцию посредством игры в бирюльки“¹⁹².

Центральный Комитет медленно, но неуклонно подвигался Лениным к радикальной позиции. Партийный ареопаг обходил молчанием ультиматум и угрозы об отставке Ленина. Некоторые его статьи в редакции уточнялись и даже редактировались путем исключения слишком воинственных абзацев и фрагментов.

Ленин чувствовал, что он должен быть в Петрограде, среди членов ЦК, всех тех, кто сегодня реально держит нити управления партией и другими массовыми организациями, которые находились под ее влиянием. Но вождь колеблется, он рассматривает разные возможности.

Ленин, получив согласие ЦК на проезд в Петроград, не хочет слишком рисковать. С приехавшим к нему Э.Рахьей Ленин тщательно определяет маршрут и порядок возвращения в столицу. Учитываются все мелочи и возможные случайности, которые могли бы сорвать операцию¹⁹³. Как явствует из воспоминаний очевидцев, Ленин все время напоминал, что в случае угрозы его ареста иметь запасной вариант его быстрого ухода из Петрограда (лучше всего в Финляндию). После просчета разных вариантов Ленин на пригородном поезде прибывает в Петроград и останавливается на квартире М.В.Фофановой (на Выборгской стороне). Конспирация устанавливается еще более строгая, чем в Разливе, Гельсингфорсе или Выборге. Накануне решающих событий Ленин хочет исключить любые случайности. По сути, с 7 октября Ленин берет главные рычаги управления партийной машиной в свои руки, руководя непосредственной подготовкой восстания¹⁹⁴.

Ленин при случае подчеркивает, что „восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс“¹⁹⁵. Ленин, где только может, на словах отрещивается от бланкизма. И тем менее это огромный заговор, трудно скрываемый и маскируемый, организуемый не по рецептам бабувистов, а по более совершенной методологии. Разве закрытая, секретная часть статьи-письма в ЦК „Марксизм и восстание“ не говорит об этом? Указания о штабах повстанческих отрядов, распределении сил, захвата телеграфа, генштаба, аресте правительства, нейтрализации „дикой дивизии“, налаживании связи управления и т.д. — азбучные бланкистские установки об организации восстания, носящего заговорщицкий характер¹⁹⁶.

Спустя десятилетие после октябрьских событий А.Н.Потресов, выступая с регулярными статьями „Заметки публициста“ в парижской газете „Дни“, писал: октябрьское детище Ленина близко по родословной „не только с коммунистом Бабефом, но и с Робеспьером и его друзьями“¹⁹⁷. Особенность этого заговора заключалась в том, что большевики почти ничем не рисковали, — столь была власть слабой и эфемерной. Правда, Керенский еще совершает какие-то судорожные движения, пытаясь оживить мертвеющие органы власти. 1 сентября 1917 года „Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику“. Власть передается для управления „пяти лицам из состава правительства во главе с министром председателем. Временное правительство свою главную задачей считает восстановление государственного порядка и боеспособности армии...“¹⁹⁸.

По прибытии в Петроград Ленин настоял на уходе большевиков из Предпарламента, „чтобы не сеять иллюзий“ у масс. Ленин никому не хотел отдавать свой главный козырь: обещание народу немедленного мира. Будучи неплохим психологом и отличным тактиком, вождь большевиков не видел достойных контраргументов своему замыслу. Он понимал, что народ пойдет не столько за большевиками, сколько за миром, представлявшимся в обыденном сознании как всеобщая панацея, универсальное избавление от бед и лишений.

Никто не хотел видеть, что Германия тоже стояла на

пороге своего неминуемого поражения и, возможно, мир мог быть достигнут более быстро в условиях объединения усилий союзников. Но... большевики уже внесли идею немедленного мира в общественное сознание так глубоко, что никто не хотел ни ждать, ни думать, что будет после большевистского мира. Как писал А.Н.Потресов, „измученные многолетней войной рабоче-крестьянские, солдатские массы уже приняли как некое откровение ту проповедь немедленного мира и безотлагательной всеобщей дележки, которая демагогически раздалась из уст партии большевиков“¹⁹⁹.

Ленинское давление — установка на немедленное восстание — начинает сказываться. Закрытое заседание Петербургского комитета РСДРП 5 октября одобряет предложение Ленина²⁰⁰. 7 октября Московский комитет РСДРП принимает резолюцию, поддерживающую курс Ленина на восстание²⁰¹. Вождь большевиков понимает (сам он этого никогда не говорил), что от него самого сейчас в решающей мере зависит судьба восстания. Он должен непрерывно, неустанно, ежечасно подвигать все имеющиеся в распоряжении партии силы к вооруженному выступлению. В этом отношении характерна его статья „Советы постороннего“, написанная 8 октября 1917 года, но которую по конспиративным соображениям признали нецелесообразной печатать немедленно (была опубликована 7 ноября 1920 года).

Ленин формулирует новый стратегический лозунг: „Переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание“. В статье-письме, конечно, говорится о необходимости захвата телефона, телеграфа, железнодорожных станций, мостов и т.д. Здесь он повторяет лишь свои старые указания. Новым является отношение Ленина к цене восстания. Он пишет, что стратегические пункты должны быть „заняты и ценой *каких угодно потерь*“. „После захвата юнкерских школ, телеграфа, телефона и прочее, — пишет Ленин, — нужно выдвинуть лозунг: „*Погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*“²⁰².

Конечно, любое вооруженное восстание — это почти неизбежные жертвы. Но поражает в ленинских указаниях максималистская диктаторская установка: достичь цели „ценой каких угодно потерь“...

Большевики всегда отличались безразличием к цене побе-

ды, цене войны, цене восстания. Главное, чтобы была достигнута цель Любой ценой. Читая эти страшные строки Ленина, понимаешь, что подобная политическая линия и моральная установка стали определяющими у его соратников и учеников на долгие годы. В моем сознании при чтении ленинских „Советов постороннего“ всплывают сталинские „добавления“ к отдаваемым им во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов приказам. Например, его красноречивая собственноручная приписка: „Верховное Главнокомандование обязывает как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Гордова не падать сил и не останавливаться ни перед какими жертвами“²⁰³. Ленинская установка станет методологией его последователей на долгие годы. Человеческая жизнь для вождей — лишь статистическая единица: „ценой каких угодно потерь...“.

По настоянию Ленина 10 октября состоялось чрезвычайно важное заседание ЦК РСДРП, на котором обсуждался вопрос о вооруженном восстании. По воле игры господина случая тайное заседание ЦК, созванное Лениным, состоялось на квартире известного меньшевика Н.Н.Суханова, жена которого Г.К.Суханова-Флаксерман была большевичкой и работала в Секретариате ЦК партии. Суханова в ту ночь дома не было*. Из 21 члена ЦК присутствовало чуть больше половины — 12. Кто же эти люди, поддержавшие Ленина в его крайнем радикализме? Судя по документам, там были Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов (Оппоков). Председательствовал Свердлов. Вопросы стояли вроде и не о восстании: 1) Румынский фронт, 2) литовцы, 3) Минский и Северный фронт, 4) текущий момент, 5) областной съезд, 6) вывод войск. А где же вопрос о восстании?

Ленин и Свердлов (фактически возглавлявший всю организаторскую работу партии) были хорошими конспираторами. По неписаным законам политического заговора главный вопрос был замаскирован под „текущим моментом“.

*Судьба Н.Н.Суханова трагична, как и множества других социал-демократов. Несколько арестов в годы советской власти. В августе 1939 года Военный трибунал сибирского военного округа постановил (подсудимый был выслан в г. Тобольск): „Суханова Николая Николаевича подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу без конфискации имущества за отсутствием такового“.

В своем докладе о текущем моменте Ленин подчеркнул, что „политически дело совершенно созрело“ и вопрос теперь за военно-технической подготовкой. Вождь, как искусный заговорщик, и не рассчитывал на поддержку большинства населения. Он осуждает тех, кто считает техническую подготовку к восстанию чем-то вроде „политического греха“. Он заранее выдает свою индульгенцию тем, кого смущает заговорщицкий характер подготовки к восстанию. Ленин, по сути, не скрывал антинародного характера заговора: Учредительное собрание „явно будет не с нами“. Соглашаясь, констатируя, признавая, что Учредительное собрание, выражавшее волю миллионов людей, будет не с большевиками, Ленин тем не менее держит курс на захват власти. Преступность замысла очевидна. С самого начала.

Докладчик ожидал возражений, сопротивления, но ЦК (те, кто присутствовал на заседании) согласился с предложениями Ленина начать подготовку восстания и осуществить его в ближайшее время. Резолюция принимается десятью голосами при двух „против“. Возражали и выступили против восстания лишь Зиновьев и Каменев. Их аргументы были известны заранее: большевики обладают слабой поддержкой в провинции; с помощью Учредительного собрания можно добиться большего, нежели военным путем.

Нетрудно заметить, что судьбоносное решение о перевороте принято меньшинством ЦК (10 человек из 21 члена). Есть основание полагать, что двое из отсутствовавших — Рыков и Ногин — также голосовали бы „против“. Но Ленин был уверен, что немедленный мир и передача земли крестьянам решат дело восстания в пользу большевиков.

Нужно признать, что в вопросе о восстании Зиновьев и Каменев оказались весьма проницательными. Они полагали, что Учредительное собрание сможет отразить более широкий спектр политических интересов населения России. По существу, они предлагали парламентский путь реформ, хотя и в этой своей позиции были непоследовательны. После заседания ЦК Каменев, обосновывая свою позицию, публично заявил: „Партия не опрошена. Такие вопросы десятью не решаются“²⁰⁴.

Могли ли соратники Ленина, его близкие друзья Зиновьев и Каменев представить себе, что, когда Сталин бросит

их в тюрьму в 1936 году, на суде им припомнят и „октябрьские грехи“? Во время следствия Зиновьеву и Каменеву напомнят как акт „подлого предательства“ заявление, сделанное ими 11 октября 1917 года: „Говорят: 1) за нас уже большинство народа России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы! — ни то, ни другое неверно, и в этом все дело“.

Могли ли думать Ленин, Зиновьев и Каменев тогда, что революция, которую они готовили, в конце концов уничтожит их? Но это не было случайностью. Ставка на безбрежное насилие вернулась, как бумеранг, к его творцам и поразила то, что называли „Великой революцией“, и ее творцов. Потресов, анализируя глубинные причины якобинства ленинцев, заявляет в своих „Заметках публициста“, что „основоположнику большевизма Ленину неизменно казалось, что цель освящает средства... Но не цель освятила средства, в данном опыте, а средства уничтожили без остатка цель...“²⁰⁵.

Резолюция заседания ЦК РСДРП, проходившего 10 октября, состояла всего из двух абзацев. Первый, стилистически неуклюжий, пространный, перечислявший революционные факторы: „восстание во флоте в Германии“, „нарастание всемирной социалистической революции“, „угроза мира империалистов с целью удушения революции в России“, „решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам“, „приобретение большинства пролетарской партией в Советах“, „подготовка второй корниловщины“ — „все это ставит на очередь дня вооруженное восстание“²⁰⁶. Ленин добился своего: курс на самое радикальное разрешение кризиса был одобрен руководством партии.

На заседании ЦК образовали Политбюро для руководства политическими действиями в ходе подготовки к восстанию. В него вошли Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов. Впрочем, в этом составе Политбюро так ни разу и не собралось. Как постоянно действующий высший орган власти Политбюро стало лишь после VIII съезда партии в марте 1919 года. А в октябре 1917-го это была группа людей, особо близких к Ленину и наиболее авторитетных в высшем эшелоне партии.

Однако буквально через пару дней Ленин почувствовал, что, несмотря на принятое решение о подготовке восстания,

в партийных комитетах продолжались колебания. Высказывались мнения о необходимости отложить „вопрос“ до съезда Советов или даже до Учредительного собрания. Ленин был взбешен и настоял спешно провести еще одно заседание Центрального Комитета о восстании. Расширенное заседание ЦК состоялось 16 октября в доме на Болотной улице на Выборгской стороне. Спорили до хрипоты всю ночь до самого утра. Протокольная запись ленинского доклада и выступлений свидетельствует, что принципиально нового сказано ничего не было. По сути (об этом пишет и Троцкий в своих воспоминаниях „Вокруг Октября“), в ЦК выкристаллизовались три группы: противники захвата власти вооруженным путем (Зиновьев, Каменев); Ленин, исступленно требовавший начала восстания до съезда; группа членов ЦК, полагавшая, что восстание должно получить „мандат“ у съезда²⁰⁷. Но Ленину вновь удалось настоять на своем, отразив в резолюции, что сроки начала восстания, „благоприятный момент“, укажет ЦК.

В сохранившихся рабочих записях Ленина можно найти отрывочные фразы главного инициатора вооруженного восстания: „Мы не смеем победить — вот главный вывод из всех речей“. „Зиновьев: усталость у масс несомненна“. „Власть Советов заменили ЦК РСДРП“. „Ногин: политическими средствами надо искать выхода, а не военными...“²⁰⁸ Ленину пришлось выступать на заседании трижды. Судя по этим отдельным фразам, набросанным Лениным на клочках бумаги, лидеру большевиков было не просто отстоять курс на вооруженное восстание.

Еще до заседания ЦК Петроградский Совет создал Военно-революционный комитет (в него затем вошел Военно-революционный центр, созданный ЦК)²⁰⁹. Но этот комитет, который возглавлял левый эсер П.Е.Лазимир, первоначально имел целью мобилизовать население Петрограда для обороны. По существу, большевики умело использовали этот легальный орган как штаб восстания. Ведь, по их мысли, они, готовя восстание, „оборонялись против контрреволюции“. Комитет контролировал гарнизон Петрограда в 150 тысяч человек. Таким образом, штаб восстания, официально созданный 12 октября, был легальным. Но управляли, руководили этим органом нелегально люди из большевистского ЦК. Огромную роль в решающие дни переворота сыграл Троцкий.

Оставшиеся десять дней до восстания Ленин, судя по всему, провел с ручкой в руке, предоставив организационной работой заниматься другим. Правда, после 16 октября Ленин встречается с руководителями военной организации В.А.Антоновым—Овсеенко, В.И.Невским, Н.И.Подвойским, заслушивая их о ходе подготовки к вооруженному выступлению, нетерпеливо требуя ускорения всей намеченной работы. А все остальное время пишет записки в ЦК, письма им же, вновь письма. Так, после заседания ЦК 16 октября Ленин написал „Письмо к товарищам“ почти на двух десятках страниц, где, по сути, не говорит ничего нового, а лишь снова и снова повторяет свои старые аргументы о необходимости срочного вооруженного выступления.

В своей книге „Как большевики захватили власть“ С.Мельгунов пишет, что „восстание становится для Ленина навязчивой идеей“. Не случайно некоторые письма вождя, отмечает Мельгунов, рожденные „как бы в состоянии пароксизма неменяемости“, ЦК постановил сжечь. „У вождей массовых движений типа Ленина, — пишет автор книги, — скорее фанатиков, чем гениальных провидцев, нет чувства исторической перспективы и какой-либо моральной ответственности за свои действия“. Истерические призывы в конце концов заражали верхи партии. „ЦК постепенно становился на рельсы ленинской политики“²¹⁰.

Находясь на конспиративной квартире, Ленин пишет два документа: „Письмо к членам партии большевиков“ и „Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)“, в которых подвергает уничтожающей критике Зиновьева и Каменева, не гнушаясь эпитетами „жульничество“, „кляузная ложь“, „безмерная подлость“, „бесстыдство“. Ленин идет далеко, требуя исключения обоих из партии, заявляя при этом, что Зиновьева и Каменева „товарищами их обоих больше не считаю...“²¹¹.

Основанием для столь беспощадных выводов послужило выступление Каменева в газете „Новая жизнь“ о его фактическом несогласии с тактикой прихода большевиков к власти. Ленин расценил этот факт как предательство, ибо одна из заповедей революционного заговора — глубокая тайна намерений и особенно сроков выступления. Но было ли неожиданностью это откровение Каменева? Ведь сам Ленин еще

16-го на заседании Пленума ЦК заявил, что если „восстание назрело, то говорить о заговорах не приходится“²¹².

Троцкий, выступая на заседании Петроградского Совета по вопросу о Военно-революционном комитете, прямо сказал: „Нам говорят, что мы готовим штаб для захвата власти. Мы из этого не делаем тайны“²¹³. Хотя в выступлениях, рассчитанных на массовую аудиторию, большевики говорили иначе. Тот же Троцкий, обращаясь 21 октября к казакам, дислоцированным в Петрограде, заявил: „Вам говорят, будто Совет собирается 22 октября устроить какое-то восстание, сражение с вами, стрельбу на улицах, резню. Те, кто сказал вам это, — негодяи и провокаторы...“²¹⁴

Накануне переворота до глубокой ночи заседало Временное правительство. В таком же ритме работал Петроградский Совет. Керенский обращается к Предпарламенту с призывом оказать поддержку в подавлении предстоящего восстания большевиков. Но там искали компромиссных решений. Керенский в своем сборнике воспоминаний пишет: „Нужно признать, большевики действовали тогда с большой энергией и не меньшим искусством“²¹⁵. Метания главы правительства между Советом Республики, штабом столичного округа и своей резиденцией в Зимнем дворце имели цель собрать, вызвать, мобилизовать все, что только можно, для подавления большевистского восстания. Но призрачная власть уже ничего не может... А возможно, могла бы, если бы месяцем раньше, а может быть, именно в октябре положила конец войне и пошла бы на сепаратный мир с Германией.

Попытки эти, робкие, были, но Керенский не хотел нарушать верности союзникам. Сделай это Керенский — и, вероятно, он мог бы не только сохранить власть, сберечь демократические завоевания, но и оставить большевиков без своего главного козыря и избавить Россию от десятилетий мук не-свободы. Но давно замечено, что исторические лидеры переходного периода (примеры тому А.Ф.Керенский и М.С.Горбачев) хороши лишь для начала дела. Они неспособны без катаклизмов довести начатое до конца. Это герои исторического момента, но тем не менее роль их нельзя недооценить. Керенский „споткнулся“ на неспособности решить проблему мира. Горбачев „уткнулся“ в идеализацию октябрьского переворота. Его утверждение, что „выбор между со-

циализмом и капитализмом — это главная социальная альтернатива нашей эпохи, что в XX веке вперед идти нельзя, не идя к более высокой форме социальной организации — социализму²¹⁶, исторически ложно. Мы все, как и Горбачев, не сумели понять, что в XX веке уже является анахронизмом деление обществ на капиталистические и социалистические. Неизмеримо более глубокие пласты преобразований дает движение от бюрократии и тоталитарности к демократии и цивилизованности. Конец XX века вынес свой приговор революциям в пользу эволюций и реформ... Но никому не дано выйти из „своего века“ — ни Керенскому, ни Горбачеву. И тот и другой сделали главное: они не разрушили царский режим и сталинскую систему, нет. Они не мешали их саморазрушению. И в этом огромная историческая заслуга этих внешне столь разных людей.

Бывают моменты в истории, которые ставят вопросительные знаки: найдется ли такой человек, от которого будет в определяющей степени зависеть будущее развитие? Нужно, видимо, согласиться с Троцким, который, будучи уже в изгнании, утверждал, что, не будь Ленина в Петрограде в октябре 1917 года, революционного переворота не совершилось бы... Но тем тяжелее историческая ответственность этого человека. Великие чаяния миллионов людей, их порыв к миру, земле, счастью, свободе в конце концов были заменены на новые, во многом более страшные формы несвободы. Хотя никто не станет отрицать, что тоталитарная деспотия одновременно обеспечила (ценой дополнительных лишений) определенные продвижения в технических сферах человеческого прогресса. Но лишь до каких-то пределов, дальше которых творчество в рамках диктатур становится почти невозможным.

Сделаем отступление. Думаю, что Л.Д.Троцкий, делая этот вывод, едва ли грешил против истины. Не будь невероятного напора, страсти, фанатичной целеустремленности Ленина в октябре 1917 года, большевистский переворот едва ли бы состоялся. Существовала личность, которая указанную возможность могла сделать действительностью. Этот человек — Павел Николаевич Малянтович, бывший в течение одного месяца 1917 года (с 25 сентября по 25 октября) министром юстиции Временного правительства и главным прокурором.

Известно, что еще в июле 1917 года, после неудачной попытки большевиков захватить власть, Временным правительством было возбуждено дело „О вооруженном выступлении 3—5 июля в г. Петрограде против государственной власти“. Тогда по решению Временного правительства следователь по особо важным делам П.А.Александров подписал постановление об аресте В.И.Ленина как обвиняемого в связях с Германией — противником России в войне. Известно также, что Ленин тут же скрылся.

Следствие, однако, велось. Как заявил арестованный НКВД в 1939 году П.А.Александров, „контрразведка представила в наше распоряжение несколько шкафов документов, переписки“²¹⁷. Как мы теперь знаем, из всех этих „шкафов“ уцелел после чистки документов дела, учиненной большевиками в ноябре 1917 года, лишь 21 том материалов. Впрочем, и потом, вплоть до 1940 года, осмотры, чистки дела проводились неоднократно и тома „худели“²¹⁸. Здесь, кстати, кроется одна из причин того, что преступные связи Ленина с германскими властями подтверждаются, главным образом, косвенными уликами. Но их сохранилось много.

Малянтович, ставший калифом, то бишь министром, на один месяц, подписал телеграмму всем прокурорам палаты о задержании Ленина, чтобы давно существующее распоряжение о его аресте было исполнено. Текст документа, подписанный министром юстиции Временного правительства, таков: „...Постановлением Петроградской следственной власти Ульянов-Ленин подлежит аресту в качестве ответственного по делу о вооруженном выступлении третьего-пятого июля в Петрограде. В виду сего поручаю Вам распорядиться немедленным исполнением этого постановления“²¹⁹. Соответствующим лицам это распоряжение было передано Малянтовичем и устно.

Но Малянтович и тогдашние власти недооценили конспиративные способности Ленина; к тому же поиски лидера большевиков шли вяло. Как свидетельствовал на суде в 1939 году П.А.Александров, они ждали, что Ленин для личного „опровержения“, как вождь уверял, „клеветы“ явится сам на допросы. „Прокурор судебной палаты Кадинский, — рассказывал Александров, — велел мне явиться в известный день и час (вечерний) для допроса Ленина, заявив, что Ленин

сам, негласно, во избежание эксцесса, явится на допрос. Ленин не явился и таким образом остался не только не арестованным, но и недопрошенным²¹⁰.

Ульянов-Ленин тем временем готовил свою выдающуюся акцию, от которой весь XX век станет столетием коммунистического эксперимента.

Конечно, П.Н.Малянтович советской властью несколько раз арестовывался. Например, Коллегия ОГПУ 10 мая 1931 года приговорила его к 10 годам тюрьмы. Но заступничество Соляца, Муралова, Лежавы, Горького позволило отделаться ссылкой на три года. В последний раз Малянтович был арестован в ноябре 1937 года вместе с сыновьями Георгием и Владимиром. Шансов у Малянтовичей выжить в той сталинской мясорубке было немного. Ускорил развязку сын Владимир, который в кругу своих близких знакомых однажды неосторожно сказал: „Министры Временного правительства допустили большую ошибку. Среди них нашелся только один смелый министр, действовавший решительно, но с опозданием. Это был мой отец, П.Н.Малянтович, бывший министр Временного правительства, который предлагал арестовать Ленина. Если бы он успел, этих ужасов не было бы“²²¹. Неудивительно, что эти слова тут же стали известны „органам“. Последовали аресты отца и сыновей Малянтовичей.

К чести Павла Николаевича Малянтовича, на долгих допросах с применением физического насилия, будучи семидесятилетним стариком, он держался в высшей степени мужественно. Например, на допросе 10 ноября 1937 года на вопрос, какую борьбу подсудимый вел „против пролетариата, большевистской партии и ее вождей“, Малянтович ответил:

— Да, я как меньшевик вошел в состав Временного правительства, занял пост министра юстиции и главного прокурора, будучи непримиримым врагом большевистской партии и пролетарской революции. Я, Малянтович, издал приказ, сделал распоряжение, предписал телеграмму всем прокурорам палаты об аресте Ленина, чтобы давно существующее распоряжение об аресте Ленина было приведено в исполнение. Этим я хотел обезглавить восстание рабочих и солдат, направленное на захват власти пролетариатом...²²²

Видимо, следователь здесь записал все прямолинейно, особенно, что касается „обезглавливания“, но Малянтович

протокол допроса подписал. И даже через два с лишним года, когда состоялся наконец скорый (менее часа) суд над бывшим министром, тот в своем последнем слове заявил:

— Санкцию на арест Ленина давал по приказанию Временного правительства с целью предотвратить вооруженное восстание, которое, по их мнению, совершенно не нужно было, ибо созывалось Учредительное собрание.

Малянтович понимал и не хотел лгать перед историей: арест Ленина летом или осенью 1917 года мог изменить ход российской драмы. И не только российской. Ленин слишком много, невероятно много значил для большевиков. Вождь был для них мозгом и волевой пружиной.

Военный суд в составе Орлова, Романьчева, Детисова и секретаря Мазура после короткого совещания 21 января 1940 года (в очередную годовщину смерти Ленина) вынес обычный в те времена вердикт. Все было ясно давно: расстрел. Через несколько часов, когда наступило 22 января, как гласит лаконичная справка, подписанная начальником 12-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР, „приговор приведен в исполнение“. Не учли, что до революции Малянтович участвовал в десятках политических процессов, защищая российских социал-демократов, в 1906 году выиграл крупное дело в пользу большевиков, которые в результате получили 100 тысяч рублей золотом из наследства С.Т.Морозова; не спасла его и бывшая дружба с Горьким, Луначарским, Красиным. Человек, который потенциально мог затормозить и изменить ход революционного развития событий осенью 1917 года, не мог быть большевиками прощен. Почему процесс с осуждением Малянтовича затянулся на два с лишним года? По некоторым косвенным данным я установил: Сталин надеялся, что будут найдены „доказательства“ попыток ареста в 1917 году и его, Джугашвили...

Чтобы закончить сюжет с П.Н.Малянтовичем, напишу несколько строк о трагедии его семьи, и особенно жены, Анжелики Павловны. Его сына Владимира после жестоких истязаний заставили „показать“ на отца. Пока бывший министр два с лишним года находился под следствием, его супруга делала все, что могла, чтобы облегчить участь престарелого мужа. Наконец Анжелика Павловна, после бесчисленных ходатайств, прорвалась 7 марта 1940 года в прием-

ную Военной коллегии, где ей объявили: „П.Н.Малянтович осужден 21 января с.г. по ст. 58⁸ и 58¹¹ на 10 лет без права переписки в дальневосточные лагеря“²²³.

Старуха А.П.Малянтович ждала вестей от мужа более десяти лет... Слова „без права переписки“ охладили душу. Она скончалась в декабре 1953 года, так и не узнав всех подлинных обстоятельств гибели человека, который мог самым существенным образом повлиять на события осени 1917 года.

Лишь после августа 1991 года внуку бывшего министра К.Г.Малянтовичу пришло, спустя полвека после гибели деда, сообщение о его реабилитации.

Читатель вправе решить сам: прав ли был Троцкий, заявляя, что без Ленина революционного переворота в октябре „не совершилось бы...“. И мог ли этому способствовать Павел Николаевич Малянтович, блестящий русский интеллигент, не согнувшийся до конца дней своих.

История не кинолента, бывшее „прокрутить“ назад можно только мысленно, в сознании. Ленин свершил то, что свершил... Ничего в прошлом изменить нельзя, оно вечно.

Но мы отвлеклись. Так или иначе, именно Ленин настоял не просто на вооруженном восстании, но и на том, чтобы не связывать его с открытием съезда Советов. В главе „Переворот“ книги „О Ленине“ Л.Д.Троцкий, на мой взгляд, весьма точно заметил, что, „как и в июньские дни, когда Ленин твердо ожидал, что „они“ перестреляют нас, он и теперь продумывал за врага всю обстановку и приходил к выводу, что самым правильным, с точки зрения буржуазии, было бы захватить нас вооруженной рукой врасплох, дезорганизовать революцию и затем бить ее по частям. Как и в июле, Ленин переоценивал проницательность и решительность врага, а может быть, уже и его материальные возможности“²²⁴. Видимо, именно этой „переоценкой“ противника Ленин заставил свою партию действовать. По Ленину выходило: если мы не возьмем власть, они нас „перестреляют“. А Ленин жил только восстанием. Он не мог думать ни о чем другом. В своем последнем перед переворотом письме в ЦК он умоляет, настаивает, требует. „Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало! Промедление в выступлении смер-

ти подобно²²⁵. Отныне „добивание“ станет надолго главной задачей большевиков. Добивали монархистов, буржуев, помещиков, белое офицерство, казачество, старорежимную интеллигенцию, меньшевиков, эсеров, кулаков...

Русский мыслитель А.И.Ильин писал: „...революция была срывом в духовную пропасть, религиозным оскудением, патриотическим и нравственным помрачением русской народной души. Не будь этого оскудения и помрачения, русская многомиллионная армия не разбежалась бы, ее верные и доблестные офицеры не подверглись бы растерзанию... Ленин и его шайка не нашли бы себе того кадра шпионов и палачей, без которого их террор не мог бы осуществиться; народ не допустил бы до избиения своего духовенства и до сноса своих храмов; и белая армия быстро очистила бы центр России...“²²⁶ Действительно, обстоятельства сложились таким образом, что „помрачение народной души“ было катастрофическим.

Ученым, писателям, историкам остается только поражаться, как великий народ позволил так экспериментировать над своей судьбой. Петр Струве сказал по этому поводу: „Народ, создавший великое государство, объятый каким-то наваждением, в короткий срок разрушил это великое государство ради призрачных выгод и благ. Произошло государственное самоубийство государственного народа“²²⁷.

Однако, как пишет очевидец тех событий Н.Н.Суханов, „сопротивления не было оказано. Начиная с двух часов ночи, небольшими силами, выведенными из казарм, были постепенно заняты вокзалы, мосты, осветительные учреждения, телеграф, телеграфное агентство. Группки юнкеров и не думали сопротивляться. В общем, военные операции были похожи скорее на смены караулов в политически важных центрах... Город был совершенно спокоен. И центр, и окраины спали глубоким сном, не подозревая, что происходит в тиши холодной осенней ночи“²²⁸. Керенский утром выехал (это походило на бегство) „навстречу верным войскам с фронта“. Никаких серьезных мер по предотвращению переворота Временное правительство не делало и сделать, видимо, уже не могло. Власть валялась на мостовой Петрограда.

В полдень под председательством Троцкого состоялось экстренное заседание Петроградского Совета. В большом зале, писал Суханов, было полно народу; сновали взад и вперед вооруженные люди. Троцкий, открыв заседание, сказал:

— От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временного правительства больше не существует. Отдельные министры подвергнуты аресту. Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы.

Речь Троцкого прерывалась шумными аплодисментами, восторженными выкриками. В конце речи Троцкий заявил, что в „нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу целого ряда условий не мог до сего времени появляться.

— Да здравствует возвратившийся к нам товарищ Ленин!

Суханов об этом моменте пишет так: „Когда я вошел, на трибуне стоял и горячо говорил незнакомый лысый и бритый человек. Но говорил он странно знакомым хриловато-зычным голосом, с горловым оттенком и очень характерными акцентами на концах фраз... Ба! Это — Ленин. Он появился в этот день после четырехмесячного пребывания в подземельях...“²²⁹

Поздно вечером, в 22.40, в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. В результате перемен, происшедших в стране, на съезде более 60 процентов уже составляли большевики. В президиум поднялись новые люди: большевики и левые эсеры. Попросил слово Мартов, призвавший создавать власть без насилия, без военных действий. Эсер Мстиславский и большевик Луначарский поддержали Мартова. Казалось, может сложиться уникальная ситуация компромисса и согласия в самый решающий момент российской истории. Но только казалось...

Меньшевики и правые эсеры хотели полной определенности. Было зачитано их совместное заявление, требовавшее осуждения вооруженного восстания большевиков и немедленных переговоров с Временным правительством с целью создания новой демократической власти. В зале поднялся страшный шум, гвалт. Демократическое крыло российской социал-демократии сделало ложный шаг: покинуло съезд. А если сказать точнее — уступило политическую сцену большевикам и левым эсерам. Суханов позже с горечью писал: „Мы ушли неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции“²³⁰.

А тем временем возобновился обстрел Зимнего дворца. Из Петропавловской крепости выпустили 30—35 снарядов, но попаданий было всего лишь два. Одно — в карниз дворца. Никто даже не был ранен²³¹. Началось разоружение юнкеров. Павшая власть оказалась полностью недееспособной. Даже опереточный обстрел и декоративная осада парализовали волю защитников Зимнего дворца. В конце концов во дворец ворвалась не революционная когорта большевистской рати, а в полном смысле слова разношерстная толпа с присущими ей эксцессами и насилиями... Хулиганские элементы начали свои подвиги с разграбления дворца.²³²

Когда шло первое заседание съезда, Ленин, переволновавшийся от массы впечатлений и переживаний, не пошел в зал. В одной из пустых комнат Смольного они с Троцким лежали прямо на полу на разостланных одеялах и тихо разговаривали. Троцкий вспоминал, что Ленин с усталой улыбкой сказал ему:

— Слишком резкий переход от подполья к власти. Кружится голова...²³³

В два часа ночи Зимний был в руках восставших, а министры Временного правительства в руках В.А.Антонова—Овсенко. Луначарский зачитал обращение к „Рабочим, солдатам и крестьянам!“ о переходе всей власти в руки Советов. Большевики-интернационалисты сделали последнюю попытку найти компромисс в формировании власти. Но зал был уже хмельным от такого легкого успеха. Принятием под утро „Обращения“, закреплявшего переход всей власти к Советам, октябрьский переворот был политически оформлен.

Ленин появился на втором, вечернем заседании съезда, шумно встреченный делегатами. Теперь он был главным олицетворением власти. Его доклады на съезде дали основу для принятия знаменитых Декретов о мире и земле. На съезде было сформировано и первое правительство: Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным.

В январе 1917 года Ленин полагал, что социалистическая революция — дело далекого туманного будущего. И вот спустя несколько месяцев он — глава первого правительства, на знамени которого — социализм! Самая вожденная мечта Ленина — власть — в его руках. С ее помощью он будет пытаться реализовать те книжные схемы, которые он создал, опираясь на „первоисточники марксизма“. В России начался

колоссальный, невиданный по масштабам и последствиям эксперимент.

Еще сутки назад у Ленина, окончательно перебазировавшегося в Смольный, возникали сомнения. Когда Троцкий рассказал, что войска в Петрограде исполняют приказы Военно-революционного комитета, „Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, радостном потирании рук“²³⁴. Ленин, видимо, только сейчас сам поверил, что авантюрное, как казалось многим, предприятие может завершиться триумфом его партии.

Пройдет два-три года, и участники исторического действия начнут осмыслять происшедшее. Каждый по-своему. Виктор Чернов, один из видных социалистов-революционеров, напишет: „...Октябрьской революции не было. Был октябрьский переворот. Он был преддверием эволюции от Ленина-Пугачева к Ленину-Аракчееву. Он был преддверием драпирующейся в красные цвета, но самой доподлинной контрреволюции“²³⁵. Ленин, прочитав эту выдержку из статьи Чернова „Революция или контрреволюция“ в английской газете, напишет сверху синим карандашом: „В архив“. Он еще не задумывается, что можно сдать в партийный архив этот лист бумаги, но нельзя замуровать в нем событие, даже давно минувшее.

Да, это не было классическим заговором. Большевики, точно оценив реалии момента, были готовы взять власть любым способом: мирным, заговорщицким или массовым выступлением. Вся ситуация работала на них. Заговор оказался ненужным. Ленин в своей решимости взять власть, осуществить главную цель своей жизни все время параллельно плел нити большевистского заговора. Сорвется массовое выступление, получит осечку восстание — пригодится конспирация заговора. Но заговора не „равных“, как у Бабефа, а „единых“. Может быть, именно более высокая, чем у какой-либо иной партии в России, степень организованности и единства сыграла решающую роль в октябрьском перевороте. Небольшая кучка подпольщиков в феврале 1917 года смогла трансформироваться в мощную политическую силу во главе с одержимым идеей социалистической революции вождем.

Ленин еще не знал, что свергнутые классы не смирились с поражением. Они были просто деморализованы и разобщены. Но, взяв через три дня после переворота в руки „Рабочую газету“, счастливый вождь прочел последний сдавленный крик

Предпарламента, заседавшего до его роспуска в Мариинском дворце:

„Всем! Всем! Всем!

Граждане России!

Временный Совет Российской Республики, уступая напору штыков, вынужден был 25 октября разойтись и прервать на время свою работу.

Захватчики власти со словами „свобода и социализм“ на устах творят насилие и произвол. Они арестовали и заключили в царский каземат членов Временного правительства, в т.ч. и министров-социалистов... Кровь и анархия грозят захлестнуть революцию, утопить свободу, республику и вынести на своем гребне реставрацию старого строя... Такая власть должна быть признана врагом народа и революции...“²³⁶ Эта же газета в том же номере опубликовала заявление военных:

„Фронт требует подчинения

Временному правительству

От имени армии фронта мы требуем немедленного прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному правительству, единственно способному довести страну до Учредительного собрания — хозяина земли русской.

Действующая армия силой поддержит это требование.

Начальник штаба Верховного Главнокомандования — Духонин.

Помощник нач. штаба по гражданской части — Вырубов.

Председатель общепартийного комитета — Перекрестов“²³⁷.

Ленин, так долго говоривший и призывавший к превращению войны империалистической в войну гражданскую, мог почувствовать, прочитав заявление Предпарламента, ее смертоносное дыхание.

В книге поэтессы Зинаиды Гиппиус о своем муже Дмитрии Мережковском есть строка о днях, которых мы коснулись только что. „...Вот холодная, черная ночь 24—25 октября. Я и Д.С. (Дмитрий Сергеевич Мережковский. — Д.В.), закутанные, стоим на нашем балконе и смотрим на небо. Оно в огнях. Это обстрел Зимнего дворца, где сидят „министры“. Те, конечно, кто не успел улизнуть. Все социал-революционеры, начи-

ная с Керенского, скрылись. Иные заранее хорошо спрятались. Остальных, когда обстрел (и вся эта позорная битва) кончился, повели пешком, по грязи, в крепость, где уже сидели арестованные Керенским, непригодные большевикам или им мешавшие люди.

На другой день, черный, темный, мы вышли с Д.С. на улицу. Как скользко, студено, черно... Подушка навалилась — на город? На Россию?

Хуже...²³⁸

Так восприняла эти дни известная русская писательница: „скользко, студено, черно...“. Гиппиус не знала, что демократию в России на последнем ее рубеже, в Зимнем дворце, защищали лишь „ударницы“ из женского „батальона смерти“, несколько рот зеленой юнкерской молодежи и 40 георгиевских кавалеров во главе с капитаном на протезах...

А Ленин, выслушав в это время доклад Троцкого о его „военной хитрости в момент открытия генерального боя“, нарраспев, весело, возбужденно проговорил:

— Вот это хо-ро-о-шо-оо! Это очень хорошо!

„Военную хитрость Ильич любил вообще, — вспоминает Троцкий, — обмануть врага, оставить его в дураках — разве это не самое разлюбозное дело!

— Лишь бы взять власть!“²³⁹

Комиссары и Учредительное собрание

Русская революция, и я об этом говорил, словно оглядывалась постоянно на революцию французскую. Вожди русской революции бредили образами той, давно отгоревшей во Франции. Считалось признаком хорошего тона использовать в речи сравнения с Робеспьером, Маратом, Карно, Дантоном, Дюмурье. Формула-лозунг „Отечество в опасности“ словно передана с городской ратуши Парижа на площади Петрограда. Пришли в российскую жизнь и комиссары — лица, „уполномоченные революцией“. Много комиссаров. Скоро „сотрудник ЧК“ и „комиссар“ станут главным олицетворением советской власти. И первое советское правительство, которое тоже вначале было временным (предполагалось — до созыва Учредительного собрания), называлось „Совет Народных Комиссаров“.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял 26 октября постановление, написанное Лениным в тот же день. Утром Ленин предложил трем левым эсерам Б.Д.Камкову, В.А.Карелину, В.Б.Спиро войти в состав первого правительства. После совещания они отказались, так как считали вклад левых эсеров в дело переворота более весомым, чем три правительственных портфеля.

В постановлении говорилось, что „правительственная власть принадлежит коллегии председателей — т.е. Советам Народных Комиссаров.

В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц:

Председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин);
Народный комиссар по внутренним делам — А.И.Рыков;
Земледелия — В.П.Милютин;

По делам военным и морским — комитет в составе В.А. Овсеев (Антонов), Н.В.Крыленко и П.Е.Дыбенко;

По делам торговли и промышленности — В.П.Ногин;

Народного просвещения — А.В.Луначарский;

Финансов — И.И.Скворцов (Степанов);

По делам иностранным — Л.Д.Бронштейн (Троцкий);

Юстиции — Г.И.Оппюков (Ломов);

По делам продовольствия — И.А.Теодорович;

Почт и телеграфов — Н.П.Авилов (Глебов);

Председатель по делам национальностей — И.В.Джугашвили (Сталин).

Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незаполненным²⁴⁰.

Через полгода лишь трое из членов первого правительства сохранили за собой эти посты: Ленин, Луначарский и Сталин. А через два десятилетия абсолютное большинство первых народных комиссаров будут физически уничтожены „учеником Ленина“ — Сталиным.

Взяв в руки власть, создали правительство. Троцкий вспомнил о рождении правительства:

— Как назвать его? — рассуждал вслух Ленин. — Только не министрами: это гнусное, истрепанное название.

— Можно бы комиссарами, — предложил я, — но только теперь слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары.. Нет, „верховные“ звучит плохо. Нельзя ли народные?

— Народные комиссары? Что ж, это, пожалуй, подойдет. А правительство в целом?

— Совет Народных Комиссаров?

— Совет Народных Комиссаров, — подхватил Ленин, — это превосходно: пахнет революцией.

Последнюю фразу помню дословно²⁴¹.

Ленину нравилось председательствовать. Заседания Совнаркома шли по 5—6 часов. Председатель строго следил за временем; если докладчик не укладывался в положенные минуты, Ленин мог оборвать. Иногда, приставив ко лбу правую руку козырьком, разглядывал зал, словно ища кого-то. В ходе заседания Ленин то и дело посылал записочки к некоторым участникам заседания; требовал справку, уточнял обстоятельства, советовался, предлагал решения...

Работавшие (обслуживавшие) его люди вскоре заметили: он был строг, хотя и часто улыбался. Вся обслуга знала: Ленин любит прохладную температуру в помещении; когда было очень тепло — задыхался. Не любил мягких кресел. Больше полагался на записки, посыльных, чем на использование телефона. Часто и подолгу редактировал документы, заботясь при этом больше о политическом смысле, чем о литературном совершенстве; постановления и решения поэтому нередко были весьма „жорявыми“ и тяжеловесными, как и весь слог его письма. Много работал, но как только чувствовал недомогание, усталость — бросал все и ехал отдыхать. Организационные заботы не отбили у него охоты к партийной журналистике; в результате всех этих перегрузок, профессиональной неподготовленности Ленина к государственной работе, он стал стремительно „изнашиваться“ и разрушаться, стареть на глазах. Совнаркомовские бдения были долгими, отупляюще однообразными. Для Ленина роль лидера, вождя оказалась очень прозаичной, канцелярской, неблагодарной.

Буквально через несколько дней в конце октября разразился первый кризис в правительстве. Представители Всероссийского исполкома железнодорожного профессионального союза („Викжель“), где было сильно влияние меньшевиков и эсеров, потребовали создания „однородного социалистического правительства“, то есть из представителей всех социалистических партий. „Викжелевцы“ назвали это возможное правительство Народным Советом. Требование „Викжеля“ поддержали четыре наркома-большевика: Милютин, Ногин, Рыков,

Теодорович, некоторые члены ЦК партии большевиков. Более того, меньшевики и эсеры условием своего вхождения в Совет Народных Комиссаров ставили устранение „организаторов военного заговора“ Ленина и Троцкого (вместо Ленина предлагаются Чернов или Авксентьев).

Ленин взбешен. Тем более что большевистская фракция в ЦИКе склоняется к необходимости создания коалиционного правительства. Каменев, возглавляя группу большевиков на переговорах с „Викжелем“, колеблется и готов пойти на уступки. Тогда Ленин созывает 1(14) ноября заседание ЦК РСДРП. Каменев докладывает о ходе переговоров и условиях меньшевиков и эсеров. Предлагает компромиссное решение, в частности продолжить переговоры с „Викжелем“. Его поддерживают Зиновьев, Рыков, Милютин, Ларин, Рязанов, некоторые другие.

Ленин был резок: „Политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент. Разговаривать с „Викжелем“ теперь не приходится... „Викжель“ стоит на стороне Калединых и Корниловых...“²⁴² Ленин абсолютно справедливое требование о создании коалиционного правительства расценивает как контрреволюцию (обвиняет несогласных с ним в связи с Калединым и Корниловым). Прием чисто ленинский. Несмотря на его нажим, 1 ноября не удалось уломать строитивых большевиков. Потребовалась еще целая серия заседаний, совещаний, ультиматумов меньшинству ЦК, поддерживавшему „Викжель“, пока Ленин не добился своего. В знак протеста против антидемократичности в формировании правительства Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин и Ногин вышли из ЦК, а Милютин, Ногин и Теодорович сложили с себя полномочия народных комиссаров.

Ленин пишет тогда ультиматум непокорным, обвиняя их в соглашательстве и дезорганизаторстве. Кроме Ленина, документ подписывают А.С.Бубнов, Ф.Э.Дзержинский, А.А.Иоффе, М.К.Муранов, Я.М.Свердлов, Г.Я.Сокольников, И.В.Сталин, Л.Д.Троцкий, М.С.Урицкий. От выполнения требований ультиматума, пишет Ленин, „зависит судьба партии, судьба революции“²⁴³. Выступая на заседании правительства, Ленин „возражает против всяких соглашений с „Викжелем““²⁴⁴. Ленин не хочет лишаться монополии на власть.

Председатель Совнаркома увидел в случае с „Викжелем“ нечто большее, чем борьбу за правительственные посты. Для него было ясно — меньшевики и эсеры хотят не допустить

политической монополии большевиков на власть. Но именно ее и добивался Ленин. Этот „кризис в ЦК и правительстве показал, что истинная цель Ленина не вообще советская власть как таковая, а Советская власть как форма диктатуры большевистской партии“²⁴⁵. Ленина устраивает только одно-одно-большевистское правительство. Путем личных бесед с „соглашателями“ (Зиновьевым, Милютиным, Ногиним и другими) Ленин добился отказа этих людей от своих первоначальных взглядов на состав советского правительства.

Поначалу Ленин с огромным увлечением погрузился в работу правительства, которое заседает почти ежедневно, по многу часов. Достаточно сказать, что с момента его образования по 27 июля 1918 года из 173 заседаний Совета Народных Комиссаров Ленин не присутствовал лишь на семи²⁴⁶. Знакомство с протоколами заседаний Совнаркома сначала приводит в удивление, а затем в состояние глубокого недоумения.

Социалистическое общество большевики решили строить, детализируя, контролируя, декретируя, регламентируя широчайший спектр областей деятельности огромного государства. Только в ноябре—декабре 1917 года комиссары рассмотрели около 500 вопросов государственной, общественной и экономической жизни. Вначале главными были вопросы конфискации, дележки, выделения средств, революционного суда и борьбы с саботажем. Большевики добились, сломив сопротивление эсеров и демократически мыслящих своих сотоварищей, принятия 4(17) ноября 1917 года специального постановления ВЦИК, которое наделило СНК не только исполнительными, но и законодательными правами²⁴⁷. По сути, ЦК РСДРП(б), управляя и ВЦИК и СНК, с самого начала захватил безграничную монополию на власть, ее законы и исполнение. Декреты СНК плодились неимоверно быстро, непродуманно, сиюминутно. В основе их разработки и принятия была только „революционная целесообразность“. Законотворчество было такое, что могли осудить за любой пустяк, если он выглядел „буржуазным“. Например, Президиум ВЦИК на одном из заседаний в мае 1920 года рассматривал множество различных ходатайств. Сам их характер весьма красноречив.

„5. Ходатайство Калужского губпродкома об отмене приказа Наркомпрода о выговоре тов. Архипу...“

13. Ходатайство о помиловании осужденных Костромским Ревтрибуналом за игру в карты: В.Лбовского, Н.Середин-

ского, Д.Истомина, Г.Беляева, И.Постникова, В.Усикова, Д.Нагорского, П.Быкова, А.Вальденбурга, В.Конопатова на 4 года заключения в лагерь и П.Вахромеевой и В.Квасникова — на 10 лет.

14. Ходатайство т. Ф.Ильина об оставлении его в занимаемой им квартире во 2-м Доме Советов и об освобождении от платы за нее...²⁴⁸

Сам Ленин на специальном бланке со штампом „Председатель Совета Народных Комиссаров“ отдавал множество распоряжений самого разного свойства. Вот, например, 18 августа 1918 года собственноручно пишет черными чернилами на бланке:

„Здоровец, Орловской губ. Бурову, Переяславцеву; копия губсовету Орловскому.

Необходимо соединить беспощадное подавление кулацкого левоэсеровского восстания с конфискацией всего хлеба у кулаков и с образцовой очисткой хлеба полностью с раздачей бедноте части хлеба даром телеграфируйте исполнение.

Предсовнаркома Ленин²⁴⁹.

При всей незаурядности ленинского ума и обширности теоретических знаний глава правительства не только никогда не работал в промышленности, сельском хозяйстве или государственных органах управления, но и не бывал там. Его знания особенностей функционирования различных сфер государства (конкретной экономики, транспорта, военного дела, дипломатии и т.д.) были крайне дилетантскими, поверхностными. Многие указания, советы вождя путанны и труднопонимемы. Вот, например, выступление Ленина на совещании представителей Петроградского гарнизона по вопросу „О водворении порядка в городе“.

„...Наша задача, которую мы ни на минуту не должны упускать из виду — всеобщее вооружение народа и отмена постоянной армии. Если рабочее население будет привлечено — работа будет легче. Практично предложение товарищей собираться каждый день... Каждая часть должна заботиться вместе с организацией рабочих о том, чтобы все нужное для этой вашей войны было запасено, не ожидая указки сверху. Надо с сегодняшней же ночи взяться за эту задачу самостоятельно...²⁵⁰ И все это публикуется в „Правде“. Многое выглядит просто ребусом, трудно понимаемым. А все это от переоценки своих конкретных знаний, опыта, компетентности. При-

веду выдержку из личного письма А.А.Иоффе к Л.Д.Троцкому, которая подтверждает мысль о дилетантизме главы правительства в конкретных вопросах, насаждении им таких комиссаров в правительстве, которые были преданны, но малокомпетентны. Иоффе пишет:

„...На другой же день после назначения Красина наркомпутом, т.е. на пост, на который он, несмотря на все свои достоинства, совершенно не годится, мне пришлось уезжать и перед отъездом быть у Владимира Ильича. В разговоре последний меня спросил, когда я еду. Я ответил, что не знаю, когда идет поезд.

— Так Вы позвоните Красину, — сказал мне Владимир Ильич.

В его представлении наркомпутом должен знать все, в том числе и расписание поездов, и это несмотря на то даже, что он ведь только вчера назначен и до сего железнодорожным делом никогда не занимался. И так во всем²⁵¹.

Далее Иоффе пишет о подборе и назначениях народных комиссаров. „...По финансовому вопросу изволь обращаться к Крестинскому, хотя с каких пор последний стал финансистом? По иностранным делам — к Чичерину, хотя всем известно, какой он дипломат. Быть может, так и следует в „благоустроенном“ государстве, но тогда нужна была бы еще одна предпосылка, а именно назначение на пост только специалистов данной области, как при царском режиме, когда министром финансов становился человек, наживший геморрой как раз в финансовом ведомстве; министром иностранных дел человек, обивший пороги всех иностранных дворов, сначала в роли атташе, затем посланника и наконец посла и т.д. Но у нас, когда человека всегда берут, так сказать, от сохи, когда какого-нибудь Лутовинова назначают Членом Коллегии Н.К.Р.К.И. не потому, что он что-нибудь понимает в Инспекции или когда-нибудь этим интересовался, а только потому, что ему надо заткнуть глотку и „оработить“ Р.К.Инспекцию...“²⁵²

Я утомил читателя этой пространной выдержкой из письма известного советского дипломата, но она, по моему мнению, удачно показывает, что классовое имело огромный приоритет перед профессиональным. Замечание Иоффе характеризует главу правительства как человека, весьма смутно раз-

бывавшегося в элементах сложнейшего государственного механизма.

Правительство, состоящее из комиссаров, большинство из которых никогда раньше не занималось тем, чем они теперь ведали, руководствовалось прежде всего „классовыми“ принципами и соответствием принимаемых решений догмам марксизма. Сам Председатель редко докладывал на заседаниях СНК, ограничивая свою роль общим руководством и приданием деятельности правительства ярко выраженной революционной направленности. Но по наиболее острым политическим вопросам Ленин старался выступать сам.

На заседании СНК 28 ноября 1917 года Ленин внес проект декрета „Об аресте виднейших членов ЦК партии врагов народа (кадетов. — Д.В.) и предании их суду Революционного трибунала“²⁵³. Предложение, естественно, почти единогласно принимается (против голосовал один Сталин). Будущий преемник Ленина иногда таким способом подчеркивал свою независимость и самостоятельность в суждениях.

Заседания Совнаркома проходили обычно утром и вечером. Нередко комиссары заканчивали обсуждение вопросов и принятие решений далеко за полночь. Вот, например, какие вопросы Советское правительство под председательством Ленина рассмотрело на своем заседании 19 ноября 1917 года. За столом находились члены Совнаркома и приглашенные: Ленин, Коллегаев, Шлихтер, Елизаров, Глебов, Шляпников, Троцкий, Стучка, Аксельрод, Пятаков, Менжинский, Боголепов, Якубов, Коллонтай, Петровский.

Обсуждения были немногословными. Ленин, как обычно, торопил, требовал лаконизма, обрывал многословных, выговаривал опоздавшим. Так, по его инициативе было принято специальное постановление „О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний“, которое было адресовано всем органам советского управления. В документе говорилось:

„Опоздание без уважительных причин на заседания более чем на 10 минут влечет за собой выговор; второй раз — вычет дневного заработка и в третий раз — выговор в печати... Опоздавшие более чем на 15 минут подвергаются выговору в печати или привлечению на принудительные работы в праздничные дни...“²⁵⁴ По предложению Ленина для членов Совнарко-

ма также предусмотрели специальные санкции. Установили штраф для опаздывающих: до получаса — 5 рублей, до часа — 10 рублей. От штрафа освобождаются только те народные комиссары, которые заранее представят соответствующие заявления с точным указанием причин опоздания²⁵⁵.

Вот таким образом вождь революции хотел добиться, чтобы гигантская машина всеобщих и бесконечных заседаний работала ритмично. Ленин мог резко оборвать шепчущихся за столом, бросить ядовитую реплику, написать „колючую записку“. Например, на заседании СНК 2 декабря Л.А.Фотиева вполголоса что-то поясняла стенографисткам. Это Ленина раздражало, и он, взяв лежалый перед ним синий карандаш, быстро набросал Фотиевой записку: „Если Вы будете болтать, я Вас, ей-ей, прямо выгоню“²⁵⁶. Лидия Александровна, получив записку, сразу же притихла...

Впрочем, секретарям от Ленина всегда доставалось, хотя все они затем вспоминали вождя только в духе официальной установки ЦК. Той же Фотиевой однажды, когда она понадобилась Ленину и ее не оказалось на месте, Председатель Совнаркома раздраженно начертил: „Фотиевой. Объявляю Вам выговор. Вы должны не спать, а уметь делать так, чтобы Вас все могли легко найти и всегда по делу ко мне. 21-11. Ленин“²⁵⁷. Нескладная фраза свидетельствует о большом недовольстве Председателя Совета Народных Комиссаров...

Однако вернемся к заседанию 19 ноября 1917 года. Какие вопросы решало правительство и как? Воспроизведу (с сокращениями) форму протокола заседания Совнаркома:

Слушали:	Постановили:
1. Проект декрета о гражданском браке	Передать на рассмотрение в Комиссариат юстиции
2. Проект декрета о разводе	Передать на рассмотрение в Комиссариат юстиции
5. Доклад Сталина о торговле с Финляндией и о финляндской валюте	Поручить Пятакову выяснить вопрос о валюте. О кредите в кредитной канцелярии,

-
	доложить на решение Малому Совету Совнаркома...
8. Предложение Сталина об отсрочке выборов в Учредительное собрание	Отложить рассмотрение этого предложения до 20 ноября 1917 года
9. Доклад Сталина об Украине и Раде	Поручить Сталину созвать 20 ноября особую комиссию...
11. Экстренное требование 500 000 рублей рабочими Зентеевского горнозаводского округа	Передать на рассмотрение межведомственной комиссии...
13. Запрос Сталина о кредитах комиссариатам	Если выяснится, что служащие получили жалованье по 1 января 1918 г., — вернуть эти деньги обратно. Перед арестами и преданием революционному суду не останавливаться
15. Предложение Ульянова о назначении врем.зам.нар.комиссара по госуд.контролю т.Эссена	Назначить т. Эссена зам.нар.ком. по гос.контролю
18. Ходатайство чрезвычайного Крестьянского съезда об ассигновании ему на расходы 200 000 руб.	Выдать 200 000, остальные 250 000 из фонда Предпарламента
21. Доклад Глебова о прибавке почтово- телеграфным служащим (Ассигновка 500 000 рублей)	Выдать почтово-телеграфным служащим Петрограда 500 000 руб. за ноябрь месяц

25. Доклад Троцкого о военном министерстве	(Записывается закрытое постановление о чистке министерства, „выписке“ командного состава из латышских полков...)
26. Запрос Петровского об арестах по мин. внутр. дел	Арестовать, если Петровский признает это необходимым
27. О „чистке“ в министерствах	Обязать подпиской всех народных комиссаров давать ежедневно письменные отчеты о „чистке“ в своих министерствах.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В.Ульянов (Ленин)²⁵⁸.

Протокол даже в сокращенном виде дает представление о работе революционного правительства. Основные вопросы, решаемые народными комиссарами: выделить средства, разделить, назначить, арестовать, „почистить“... Те же проблемы, которые носили характер хоть какого-то созидания, тут же передавались наркоматам, комиссиям, комитетам. Старая государственная машина была сломана, новая была примитивной, малоэффективной, с самого начала сугубо бюрократической. Возможно, не все тогда понимали, даже Ленин, что создаваемые новые структуры, органы, комитеты, комиссариаты представляли собой рождение гигантской исторической ловушки: директивной, бюрократической, тоталитарной системы. Ленин без конца говорил о том, что народ должен управлять государством, а сам все больше и больше регламентировал и ограничивал самостоятельность спонтанно возникавших общественных и государственных элементов человеческого бытия.

Ленин всегда — и до революции, и до своих последних сознательных дней — видел в государственном, общественном, рабочем контроле панацею от всех бед. Контролю он отводил буквально мессианскую роль.

Едва ли он предвидел, что безграничный контроль за производством, потреблением, распределением, поведением гражд-

дан рано или поздно приведет к созданию полицейского государства. Впрочем, почему поздно? Полицейское государство стало создаваться на второй день после переворота. Уже 26 октября Ленин собственноручно написал „Проект Положения о рабочем контроле“, где, по сути, главным в общественной жизни страны провозглашалось: контроль, контроль, контроль за всеми сферами жизни. „Виновные в нерадивости, сокрытии запасов, отчетов и пр. караются конфискацией всего имущества и тюрьмою до 5 лет“²⁵⁹. Особый контроль Ленин требовал за печатью. Уже в декабре 1917 года многие издания, альтернативные большевистским, были просто закрыты. Но Ленин не останавливался. В подписанном им „Положении о военной цензуре ВЧК“ этому органу вменяется „просмотр предварительный как периодической, так и непериодической печати, фото и кинематографа, снимков, чертежей, рисунков... просмотр почтово-телеграфной корреспонденции“²⁶⁰.

Совсем недавно еще многие ленинские статьи, речи, брошюры пылали негодованием по поводу жестокостей полицейского режима самодержавия и буржуазии! Теперь же Ленин в неизмеримо больших масштабах насаждает репрессии, кары, слежку, пролетарский контроль, цензуру, реквизиции, ограничения свобод... Единственный аргумент, которым он везде пытается прикрыть беззаконие и революционный произвол, — это делается „в интересах масс“ и осуществляется „самым передовым классом“ — пролетариатом. Едва ли он не знает, что его аргументы — классическая демагогия, которая рано или поздно должна быть раскрыта и осуждена.

Ленин считал себя вправе дополнять, корректировать постановления Совнаркома. Им, например, собственноручно было написано дополнение к декрету СНК „Социалистическое отечество в опасности!“. Стоит привести один-два фрагмента этого полицейского документа.

„2. Каждый, принадлежащий к богатому классу или к состоятельным группам... обязан обзавестись немедленно *рабочей книжкой* для еженедельной отметки в этой книжке, выполнена ли им соответственная доля военной или административной работы... Рабочие книжки для состоятельных получают за 50 руб. штука...

3. ...Неимение рабочей книжки или неправильное (а тем более лживое) ведение записей карается по законам военного времени.

Все, имеющие оружие, должны получить новое разрешение а) от своего домового комитета; б) от учреждений... Без двух разрешений иметь оружие запрещено; за нарушение этого правила кара — расстрел.

Та же кара за сокрытие продовольственных запасов...²⁶¹

Так новая власть выполняла свои обещания создать „свободное общество“, без угнетения, полицейщины, террора и сыска. Но Ленин не испытывал ни угрызений совести, ни элементарной неловкости за обман и демагогию. Правительство новых правителей — народных комиссаров сделало главной опорой чрезвычайные, карательные органы. Проницательные люди рассмотрели контуры страшной угрозы сразу. Горький, пока „не принял“ революцию, был категоричен: „Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия“. Слова автора „Буревестника“ жестки и бескомпромиссны: „...Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата. Рабочие не должны позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам пролетариат...“²⁶²

Среди людей, чувствовавших пришествие новой страшной власти, были не только мыслители, писатели, профессура, но и самые простые люди. Архивы сохранили для нас письма, которые получал Ленин в 1917-м и в последующие годы. Среди них много откровенных, кричащих от душевной боли, выражающих интеллектуальную муку и страдание.

Вот что писал Ем.Павлов Ленину: он обвинял во всем комиссаров — людей в „кожаных куртках“. Эти люди „курят перед вами фимиам и всеми мерами стараются втопнуть вас на такой пьедестал, откуда вам ничего не было бы видно, да и вы виднелись бы народу, как недосягаемое божество...“²⁶³.

А вот что излагал в письме российскому вождю Н.Воронцов в то смутное время. „...Все твои реформы свелись в сущности к следующим: 1) всеобщие каторжные работы с типичными признаками такого режима: уничтожение права

свободного переезда, система пропусков, насильственное питание и обучение и т.д. Усовершенствование до возможных границ Охранного отделения (ЧК) и его распространение на всех граждан: система повальных обысков и отсутствие суда...“ Автор полагает, что не исключено, что „труп Твой растащат по Москве как труп Самозванца...“²⁶⁴.

Трудно сказать, дошли ли эти письма до главы российского правительства, но нельзя не согласиться, что еще в самом начале, у порога советской истории, многих ужасала перспектива, которую Ленин развернул перед великим народом, привыкшим за долгие столетия страдать, каяться, надеяться и снова страдать. Ленинская революция, большевистская власть зачерпнули для народа полной чашей мучения, окрашенные часто ложным пафосом первопроходчества к вечной справедливости как конечной цели.

В ряде случаев для поднятия авторитета новой власти Ленин прибегал к популистским приемам. По его предложению был принят декрет об окладах денежного жалования членам правительства. СНК постановил: месячное жалование народного комиссара — 500 рублей плюс 100 рублей на каждого неработающего члена семьи²⁶⁵.

Но Ленин ведь знал: все это — верхняя часть айсберга. Комиссары получали особые пайки; в Москве быстро были разобраны „буржуазные“ дачи, выделялись личные врачи. Уже с 1918 года стали практиковаться частые поездки для лечения и отдыха за границу. Партверхушка, которую в монополюбно-большевистском правительстве некому было критиковать, „своего“ не упускала.

Сам Ленин часто в разгар каких-либо событий брал на несколько дней отпуск и уезжал в Подмосковье. После октябрьского переворота, через два месяца, в декабре, Ленин взял пятидневный отпуск...²⁶⁶

Совет Народных Комиссаров штамповал декрет за декретом. Хотя и было провозглашено, что регулярная армия заменяется всеобщим вооружением народа, реальные войска были и регулярная армия оказалась необходимой. Ее нужно было создать, кормить, одевать, управлять ею. С остатками старой пришлось повозиться. Ленин подряд в течение нескольких дней в ноябре подписал ряд декретов об армии. В декрете „Об уравнивании всех военнослужащих в правах“

СНК упразднил все чины и звания, титулы и ордена, офицерские организации, провозгласив, что „армия Российской республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии“²⁶⁷. Одновременно другим декретом вводилось: „выборное начало власти в армии“. В рескрипте подчеркивалось, что армия подчиняется верховному выразителю воли народа — Совету Народных Комиссаров. Вся полнота власти в частях и соединениях принадлежит солдатским комитетам. Командный состав и все должностные лица в армии выбираются...²⁶⁸

Ленин, следуя абстрактным схемам, подобным теории об отмирании государства, своими декретами разрушал остатки военной организации. Не имея представления об особенностях военной системы, ее иерархической сути, связанной с единоначалием, комиссары в правительстве насаждали в полках и на кораблях анархию, революционный беспредел. Меня всегда поражала способность Ленина к бездумному экспериментированию, имея в руках как предмет бредовых опытов классы, государство, народы, армию.

Что хорошо усвоили большевики и чем постоянно пользовались неограниченно — это репрессии и реквизиции. Поступили жалобы, что некоторые воинские части плохо снабжаются, тут же, естественно, последовал декрет „Об увеличении пайка солдатам“. Документом правительства предписывалось идти за решением вопроса не в Советы, а поступить „революционным путем — конфисковать средства у богачей“. В декрете говорилось, что „Совет Народных Комиссаров еще раз напоминает, что только революционная самостоятельность и революционный почин... способны решить наболевший вопрос“²⁶⁹.

Такого же порядка было постановление Совнаркома от 30 ноября 1917 года о реквизиции золота и о назначении премий тем, кто его „обнаружит“. Предложение внесли Троцкий и Бонч-Бруевич. Решили: лицам, которые „обнаружат“ золото для реквизиции, донесут о его „наличии“, причитается один процент рыночной цены...²⁷⁰.

Подписывая эти государственные бумаги, Ленин поощрял социальный произвол, морально развращал людей, подталкивал „бывших“ к организованному сопротивлению, за-

жигал местные факелы гражданской войны, которые скоро сольются в один страшный пожар.

Во всех этих „починах“ Ленину активно помогали левые эсеры. Председатель правительства после совещания в ЦК решил дать несколько портфелей народных комиссаров своим попутчикам. 9 декабря вопрос был рассмотрен на заседании СНК. Главное условие, поставленное перед левыми эсерами, — следовать „общей политике Совнаркома“, то есть курсу большевистского ЦК. После долгого ночного совещания Свердлова с представителями левых эсеров было объявлено на заседании СНК „о достижении полного соглашения“. В правительство вошли левые эсеры в качестве наркомов: А.А.Коллегаев — земледелия, юстиции — И.З.Штейнберг, почт и телеграфа — П.П.Прошьян, местного самоуправления — В.Е.Трутовский, госимущества — В.А.Карелин, „без портфеля“, но с решающим голосом — В.А.Алгасов, а несколько позднее пост народного комиссара получил еще один левый эсер — М.А.Бриллиантов²⁷¹.

Участь всех их в будущем печальна. Тот, кто не умер от тифа и других напастей лихолетья в гражданскую войну, как Прошьян, или не уехал за рубеж, как Штейнберг, разделили в тридцатые годы трагическую участь Зиновьева и Каменева.

Пожалуй, это была редкая и, может быть, уникальная возможность социалистического плюрализма власти, хотя долгое сожительство большевиков с левыми эсерами было едва ли возможно. Но какой-то шанс сдержать большевиков в их якобинстве, особенно если были бы приглашены в правительство и меньшевики, имелся. Впрочем, левые эсеры были, пожалуй, еще большими якобинцами, чем сами большевики.

Так или иначе, первое время большевики и левые эсеры более или менее продуктивно сотрудничали. Ленин, выступая в январе 1918 года на III съезде Советов, подчеркнул, что „на основании двухмесячного опыта совместной работы я должен сказать определенно, что у нас по большинству вопросов вырабатывается решение единогласное“²⁷².

Но трения в СНК между большевиками и левыми эсерами начались сразу же. Нарком юстиции И.З.Штейнберг стал требовать, чтобы его комиссариат имел право полного кон-

троля над ВЧК и следственной комиссией Ревтрибунала. Большевики не могли допустить такого. Ленин был категоричен в своих отказах. Наркомат местного самоуправления, возглавляемый левым эсером В.Е. Трутовским, вознамерился сохранить земские учреждения, а большевики в них видели оплот старорежимности... Совнарком на протяжении недолгого сотрудничества двух партий более десятка раз занимался разбором конфликтных ситуаций. Однако по прошествии лет можно сказать, что этот союз, коалиция, соглашение способствовали взаимному сдерживанию, что в принципе могло бы в будущем, возможно, ослабить оковы тоталитарности и монополии.

Правда, был момент, когда левые эсеры — партия радикального социализма — хотели объединиться с большевиками. Но, как вспоминал Троцкий, Ленин сначала настороженно, а затем с иронией отнесся к этому предложению.

— Пусть подождут, — многозначительно подытожил лидер большевиков²⁷³.

Пока Ленин не справился с партией левых эсеров, что произошло после убийства немецкого посла Мирбаха, сотрудничество все же состоялось. Например, в Коллегии ВЧК из двадцати человек семь были левыми эсерами, включая заместителей Дзержинского Александровича и Закса. Левые эсеры в апреле 1918 года помогли большевикам разгромить анархистов. Они же помогли большевикам усилить влияние в деревне. В частности, левые эсеры поддержали грабительский декрет СНК от 13 мая 1918 года „О продовольствии“, с помощью которого большевики просто отбирали хлеб у крестьян.

Но скоро выяснилось: большевики ни с кем власть делить не хотели. И стоило левым эсерам пойти против мира в Брест-Литовске, большевики тут же обвинили их в заговоре и 6—7 июля 1918 года попросту разгромили. Большевизм не способен иметь равноправных союзников, даже таких авантюрно-радикальных, как левые эсеры. Когда они 15 марта 1918 года в знак протеста вышли из СНК, большевики вздохнули облегченно. Ленин всегда хотел однопартийного правительства. И он добился своего.

Ленина больше беспокоило не правительство с выпадами „Викжеля“ и капризами левых эсеров, а дамоклов меч

Учредительного собрания, которое по первоначальному замыслу должно было определить будущее Российского государства. Председатель Совнаркома не забыл, что он уже публично выразил свою озабоченность ролью будущего высшего органа власти в судьбах социалистической революции на памятном заседании ЦК 10 октября. Тогда он откровенно заявил партийцам (чувствовал!): „Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять задачу“²⁷⁴. Но тогда это предостережение все пропустили мимо ушей; до Учредительного собрания было далеко, а удастся ли взять власть — было еще под большим вопросом. А теперь власть в руках, но Учредительное собрание, если дать ему волю, может большевиков ее лишить. Ленин понимал, что в крестьянской стране, где село, деревня шли не за большевиками, шансов у них на предстоящих выборах крайне мало. Но было и другое. Не знаю, помнил ли лидер большевиков то место из книги Карлейля „Французская революция“, где тот писал об Учредительном собрании. „Избранное в тысячу двести человек годно лишь для одного: для разрушения. Действительно, это не что иное, как более решительное применение его природного таланта: ничегонеделания. Не делайте ничего, только поддерживайте агитацию, дебаты, и все рухнет само собой“²⁷⁵.

Ленин не мог знать, что придет время и Съезд народных депутатов СССР (своеобразное Учредительное собрание) не спасет его детище — Союз. Столь же сомнительную роль сыграет и Съезд народных депутатов России. Огромная толпа амбициозных людей, стоящих над парламентом, властью, судом, действует больше разрушительно, нежели созидательно. А над парламентом должен стоять не ленинский съезд, а только Бог и Народ. Но ни Ленин, никто другой не знали, что, возможно, Учредительное собрание России и начало бы с того, чтобы создать представительный и работоспособный парламент, чтобы гигантская страна могла перейти на цивилизованные рельсы развития.

На историческом пути валяется множество несбывшихся прогнозов, проектов, вариантов конкретных моделей социального творчества. Ленин в 1917 году едва ли думал обо всем этом. Для него было ясно: Учредительное собрание

может лишить его заветного плода, который он всю жизнь лелеял и возвращал в своей душе, мыслях, делах, — власти. Он не был бы Лениным, если бы примирился с таким вариантом развития революции. Вождь Октября был полон решимости сбросить каркас и обломки „мертвого буржуазного парламентаризма“ с революционного поезда, устремленного в будущее.

А ведь совсем недавно Ленин говорил и делал совсем другое! Еще до переезда из Швейцарии в Россию Ленин в написанной им листовке призывал требовать „немедленного созыва Учредительного собрания“²⁷⁶. В своей статье „О задачах пролетариата в данной революции“, написанной на основе его апрельских тезисов, Ленин патетически восклицал: „Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учредительного собрания!!!“

Я бы назвал это „брედовыми“ выражениями...“²⁷⁷

Большевики до самого Октября продолжали себя выдавать за последовательных сторонников созыва Учредительного собрания. На следующий день после переворота „Правда“ провозглашала: „Товарищи, вы своею кровью обеспечили созыв в срок хозяина земли русской — Всероссийского Учредительного собрания“.

Еще Временное правительство определило, что выборы в Собрание состоятся (17)30 сентября 1917 года, а его созыв — 30 сентября (13 октября). Постановление было подписано 14 июня 1917 года председателем правительства Львовым и министром юстиции Переверзевым. Выделили на проведение народного волеизъявления 6 миллионов рублей. Правда, позже, уже Керенскому, который стал председателем правительства, и министру юстиции Зарудному выборы пришлось перенести на 12 ноября (и эти сроки не оказались последними), а созыв Учредительного собрания — на 28 ноября. Когда начались переносы сроков и выявилось враждебное отношение большевиков к Учредительному собранию, Зинаида Гиппиус задолго до его роспуска уже оплакала его судьбу:

*Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва осторожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и вздыхание, —*

*Учредительное собрание,
что мы с ним сделали...?*²⁷⁸

В состав комиссии по выборам вошли достаточно известные люди: Л.М.Брамсон, М.М.Винавер, М.В.Вишняк, В.М.Гессен, В.В.Гомберг, М.И.Градзицкий, В.Н.Крохмаль, А.Г.Лелюхин, Г.Н.Лордкипанидзе, В.А.Маклаков, В.Д.Набоков, барон Б.Э.Нольде, Э.Н.Понтович, М.С.Фокеев, И.В.Яшунский и некоторые другие. Председателем комиссии стал Н.И.Авинов.

Было определено, что подготовка списков и проведение выборов возлагаются на органы волостного и городского местного самоуправления. Определено представительство от избирательных округов. Например, Воронежский округ должен был избрать 15 членов Учредительного собрания, Забайкальский — 7, Казанский — 12, Камчатский — 1, Киевский — 22, Московский (столичный) — 10, Московский (губернский) — 9, Пермский — 18, Таврический — 9, Тобольский — 10, Харьковский — 15 и т.д.²⁷⁹

В один день выборы провести не удалось. В ряде мест они проходили в течение всего декабря. Было избрано 715 человек. Результаты для большевиков оказались обескураживающими. Они получили в собрании 175 мест, эсеры — 370, левые эсеры — 40, меньшевики — 15, народные социалисты — 2, кадеты — 17, независимые — 1, от национальных групп — 86.

Троцкий вспоминал: „В первые же дни, если не часы, после переворота Ленин поставил вопрос об Учредительном собрании:

— Надо отсрочить выборы... Надо дать возможность обновить избирательные списки. Наши собственные списки никуда не годятся: множество случайной интеллигенции, а нам нужны рабочие и крестьяне. Корниловцев, кадетов надо объявить вне закона.

— Неудобно сейчас отсрочивать. Это будет понято как ликвидация Учредительного собрания, тем более что мы сами обвиняли Временное правительство в оттягивании Учредительного собрания.

— Пустяки! Почему неудобно отсрочивать? А если Учредительное собрание окажется кадетско-меньшевистско-эсеровским, это будет удобно?

Долгое время по вопросу об Учредительном собрании Ленин оставался в одиночестве. Он недовольно помахивал головой и повторял:

— Ошибка, явная ошибка, которая может нам дорого обойтись! Как бы эта ошибка не стоила революции головы...²⁸⁰

Взвешивая все „за“ и „против“, Ленин однозначно стоял за „разгон“ Учредительного собрания. Его только немного смущало, как к этому отнесутся их попутчики — левые эсеры. После обсуждения вопроса с большевиками в узком кругу левые эсеры согласились на „разгон“ Собрания. Но Ленин не успокаивался:

— Ошибка явная: власть уже завоевана нами, а мы вынуждены принимать военные меры, чтобы завоевать ее снова.²⁸¹

„Военные меры“, в частности, выразились в том, что Ленин распорядился о переброске в Петроград одного из самых верных латышских полков. В случае „непокорности“ Учредительного собрания, предполагалось применить силу. Так же, как сила была применена, чтобы сорвать или признать выборы недействительными по вине якобы меньшевиков и кадетов. Дело было так.

Очередное заседание комиссии по выборам в Учредительное собрание открылось 23 ноября в Таврическом дворце. В полдень в комиссию заявился комендант дворца прапорщик Пригоровский. Он заявил, что уполномочен арестовать кадетско-оборонческий состав комиссии. Невзирая на протесты, профессора и адвокаты, врачи и политики были водворены в пустую комнату и заперты как раз накануне выборов. Четверо суток их держали без еды и постелей, угрожая поступить круче... А все дело в том, что эта самая комиссия по выборам в Учредительное собрание десятью днями раньше опубликовала в своем бюллетене обращение к народу от имени Временного правительства (правда, распространить его почти не удалось), в котором говорилось: „Осуществленная попытка в 20-х числах октября захвата власти расстроила в ряде избирательных округов дело проведения выборов... Не считая возможным отменить день созыва Учредительного собрания, Временное правительство назначает его открытие в Таврическом дворце 28 ноября в 2 часа дня...“²⁸²

Когда стало известно об этом „самовольстве“, Ленин распорядился ликвидировать комиссию. Прапорщик Пригоровский и исполнил этот приказ. Комиссаром по выборам был назначен Урицкий. Оставшиеся на воле несколько членов комиссии прорвались к народному комиссару Джугашвили-Сталину. Был заявлен протест, и М.М.Добраницкий спросил наркома:

— Почему была арестована комиссия? Не за то ли, что она не признает власти народных комиссаров?

— Нас мало интересует, как к нам относится комиссия. Дело серьезнее. Вы занимались подлогами и фальсификацией...

— Никаких подлогов не было! Это ложь!

— Разве вы можете гарантировать, что кадеты и оборонцы не устраивали секретных от вас заседаний?²⁸³

У большевиков логика классовая: то, что разрешается им, другим инкриминируется как преступление.

Сталин вел себя вызывающе и на прощание бросил:

— Мы не позволим контрреволюции использовать ширму Учредительного собрания для своих целей!

Арест комиссии был воспринят в Петрограде как прямой вызов демократическому процессу. 28 ноября кадеты и правые эсеры организовали демонстрацию протеста у Таврического дворца. Была попытка проникнуть во дворец и „открыть“ заседание Учредительного собрания. Большевики с помощью верных им отрядов матросов и рабочих рассеяли демонстрантов. Вечером того же дня Совнарком под председательством Ленина рассмотрел вопрос о событиях в Петрограде. Доклад сделал Троцкий. Он расценил выступление правых эсеров и кадетов как попытку вооруженного восстания в Петрограде. По мнению Троцкого, руководство кадетов — постоянный очаг контрреволюции, очаг восстания. Ленин внес проект декрета „Об аресте виднейших членов ЦК партии врагов народа и предании их суду революционного трибунала“²⁸⁴. Эта акция была продолжением широкой кампании большевиков против Учредительного собрания. На следующий день СНК решил распустить комиссию по выборам, поручив их проведение (там, где они еще не состоялись) Урицкому. Комиссия, однако (те, кто мог), собралась вновь. Урицкий приказал выставить членов комис-

сии из дворца. Его не послушались. Тогда было оглашено постановление Совнаркома о ликвидации комиссии.

Но депутаты были избраны. В состав Учредительного собрания вошло много известных людей: Розенфельд (Каменев) Л.Б., Фрунзе М.В., Спиридонова М.А., Питирим Сорокин, Чернов В.М., Авксентьев Н.Д., Маклаков В.А., Ульянов (Ленин) В.И., Гоц А.Р., Милюков П.Н., Бронштейн (Троцкий) Л.Д., Джугашвили (Сталин) И.В., Брешко-Брешковская Е.К., Чернова-Слетова А.К. (жена В.М.Чернова), Вишняк М.В., другие лица. ВЦИК срочно принимает декрет „О праве избирателей отзывать „депутатов, не оправдавших доверия“. И хотя Учредительное собрание еще не приступило к работе, большевики точно знали, кто „не оправдал доверия народа“. Начались шумные кампании отзыва, инспирируемые большевиками. На ряде съездов крестьян и солдат были лишены мандатов депутатов Собрания Авксентьев, Брешко-Брешковская, Гоц, Милюков, другие „контрреволюционные элементы“. Но этим большевики не ограничились. Секция на Собрании, которая должна была представлять их интересы, также была смещена, ибо Зиновьев, Каменев, Рыков, Рязанов, Милютин (Ленин не простил им „Викжеля“) полагали, что созыв Учредительного собрания будет важным этапом социалистической революции.

В середине декабря Ленин набросал 19 тезисов об Учредительном собрании. Они означали крутой поворот большевиков от своих первоначальных лозунгов. Вождь в качестве своего главного аргумента выдвинул тезис о том, что Советы являются „более высокой формой демократизма“, чем Учредительное собрание. Притом не только более высокой, но и „единственной“. Эти совершенно научно не обоснованные, голословные утверждения легли в основу практической политики большевиков. Далее в тезисах Ленин доказывает, что „списки старые“, население еще не успело оценить достижений политики большевиков в вопросах о мире и земле²⁸⁵.

Казалось бы, люди, имевшие власть и утверждающие, что старые списки „искажили“ новую расстановку классовых сил, могли все поправить демократическим путем. Как пишет М.Вишняк, Ленину тогда следовало бы, „распустив Учредительное собрание, избранное в ноябре по октябрьским

спискам, тут же назначить и провести новые выборы²⁸⁶. Но Ленин не стал этого делать; большевики проиграли в ноябре и проиграли бы на следующих выборах. Лидер большевиков просто решил попытаться ослабить „меньшевистско-кадетскую часть“ Собрания путем частичного отзыва неудобных депутатов, а затем все же созвать „хозяина земли русской“ и предложить одобрить ему основные декреты, принятые большевиками. Он знал, что и правые эсеры, и меньшевики откажутся это сделать. Тогда Учредительное собрание просто нужно „прихлопнуть“.

Ленин говорил Троцкому:

— Конечно, было очень рискованно с нашей стороны, что мы не отложили созыва, — очень, очень неосторожно. Но, в конце концов, вышло лучше. Разгон Учредительного собрания советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры²⁸⁷.

Думаю, в последней фразе Ленина выражен весь глубинный смысл борьбы с представительным органом, избранным народом. Разве диктатуре нужны национальные, учредительные собрания, парламенты? Нет, конечно. Исключения могли составлять „однопартийные“ собрания по типу Верховных Советов СССР и его республик. Это большая тень подлинного парламентаризма. Разве певец пролетарской диктатуры мог согласиться на такое? Еще раз повторюсь: тогда Ленин не был бы Лениным.

Решили соблюсти форму, созвать все же Учредительное собрание. „Совет Народных Комиссаров назначает сроком открытия Учредительного собрания пятое января, при наличии установленного кворума в 400 человек“²⁸⁸. Даже средства на канцелярию выделили: „отпустить из средств государственного казначейства на оплату жалованья — 71 000 рублей, на переписчиков, курьеров и сторожей — 8 т., на разъезды курьеров — 10 000 р., на содержание ресторана 5 000 р. ...Всего в круглых цифрах 233 000 рублей“²⁸⁹. Большевики знали, что расходы эти — краткосрочные.

В декабре большевики развернули пропагандистскую войну против Учредительного собрания. На одном из заседаний Совнаркома Троцкий внес предложение „Об усиле-

нии слежения за буржуазной печатью, за гнусными инсинуациями и клеветами на советскую власть“. Поручили Петровскому создать при министерстве внутренних дел (!) специальный орган для реакции на „клевету“²⁹⁰. Это было зачатком будущей цензуры ВКП(б) и НКВД, создавших печальной памяти Главлит — идеологический шлагбаум на пути к истине.

Наконец Собрание, с которым очень многие связывали такие большие надежды, открылось. В поддержку Учредительного собрания вновь была организована манифестация. Однако большевики были предусмотрительны. Войска не пустили демонстрацию к Таврическому дворику. Начались столкновения. Пролилась кровь, были жертвы. Впрочем, начавшийся 1918 год будет так щедр на эти жертвы... В зале оказалось всего 410 депутатов из 715.

Собрание открыл один из старейших депутатов С.П.Шевцов. Но его коротенькую речь уже не слушали. Большевики и левые эсеры с момента открытия Собрания (в 4 часа дня) устроили какофонию: стучали по попитрам, топали ногами, свистели, улюлюкали (как похоже на наши съезды народных депутатов!). Особо выделялись Крыленко, Луначарский, Скворцов—Степанов, Спиридонова, Камков. „В левой от председателя ложе — Ленин, сначала прислушавшийся, а потом безучастно развалившийся то на кресле, то на ступеньках помоста и вскоре совсем исчезнувший“. При выборах председателя Собрания Чернов получил больше всех голосов, но ему не давали вести заседание сплошным гвалтом. М.В.Вишняк пишет, что выступающий Бухарин заявил: „Диктатура закладывает фундамент жизни человечества на тысячелетия“.

Свердлов от имени большевиков внес предложение признать и одобрить декреты Советской власти. Эсеровское большинство отвергло это домогательство. Тогда в соответствии со сценарием, разработанным Лениным, большевики покинули зал заседаний. Вскоре за ними ушли и левые эсеры. „В зале заседаний матросы и красноармейцы, — вспоминает Вишняк, избранный секретарем Собрания, — уже окончательно перестали стесняться. Прыгают через барьеры лож, щелкают на ходу затворами винтовок, вихрем проносятся на хоры. Из фракции большевиков покинули Тавриче-

1918 год. Немецкий патруль на Крещатике (Киев).

1918 год. Германские войска в Киеве.

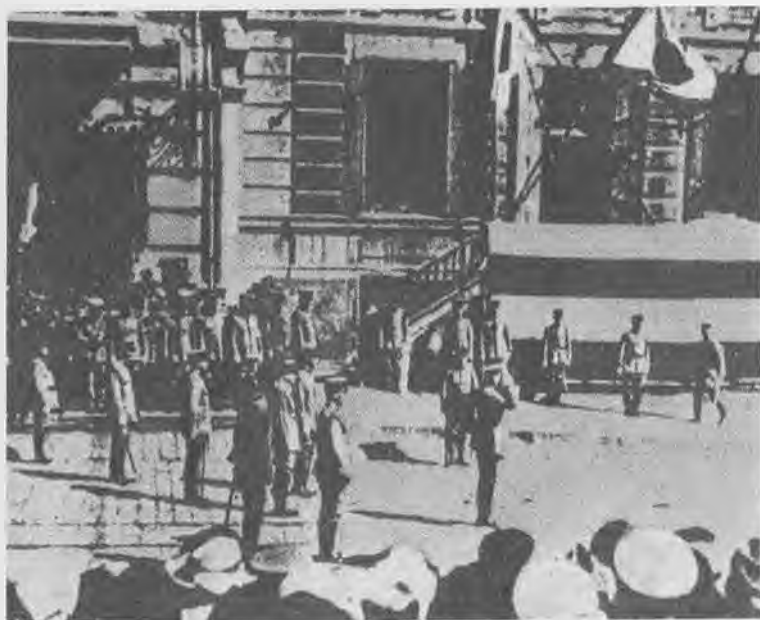

1918 год. Архангельск. Английский генерал Г.Роулинсон допрашивает пленного красноармейца.

1918 год. „Умиротворение“ Украины австро-венгерскими войсками.

Японские оккупационные войска и их жертвы во Владивостоке.

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛИКА.
ПРЕДСЕДИТЕЛЬ
СОВЕТА
НАРОДНОСТЬ КОМУНИЗМ

Москва-Ирпень)

11/11/1988 г.
ЛБ

Вс. 11/11/88

М.цам Кураду,
Ботю, Шикрину и
Дру. чини поштом
К. 11 поштом

М.цам! Уверенно пишу
Вашим Кураду
Ботю и Шикрину и Дру. чини
поштом подала им. Для
мужей и их же всех револу-
ции, что у нас всех коллабор-
ации "

прислуж. тов. "Купальщица".
1914 год. Дарт.

1) Купальщица (температура
поднята, дабы народ видел)
не менее 100 зал. двух

кулаков, бояры, кровоизлиян.

2) Визитная их масса.

3) Визиты у них всех плос.

4) Качественный залог
— согласно взглядам пл.
грамот.

1914 г. № 1

Сделано так, чтобы
на сцене (визит) крупно
народ видел, режиссер, жест,
красота: душа и заду-
ша кровоизлиян. кулаков.

Мне запрещено искусство
и использование пл. летим.
1914 Найдено использование использование.

Ленинская политика в отношении кулаков: «повесить (непрерывно повесить, дабы народ видел)...»

1918 год, 7 ноября. Открытие мемориальной доски у кремлевской стены.

1918 год, 7 ноября. Ленин и Троцкий на Красной площади.

Ф. Каплан. По большевистской версии именно она стреляла в Ленина.

1918 год. Ленин председательствует на заседании большевистского правительства.

1918 год, 7 ноября. Ленин произносит речь на открытии памятника К.Марксу и Ф.Энгельсу (временного).

1918 год, октябрь. Ленин с сотрудниками секретариата большевистского правительства.

1918 год, декабрь. В.И. Ленин и Я. М. Свердлов в президиуме съезда комитетов бедноты и сельхозкоммун.

1919 год, 13 марта. Ленин на похоронах М.Т.Елизарова.

1919 год, май. У Кремлевской стены на Красной площади.

1919 год. Ленин произносит речь на Красной площади.

1919 год, 25 мая. Ленин принимает парад войск всеобуча.

1919 год. Адмирал А.В.Колчак на фронте.

Руководители антибольшевистских войск в Сибири. Сидит (второй слева) — Колчак.

1919 год. Адмирал Колчак —
„Верховный правитель России“.
Расстрелян в 1920 году.

1919 год. Генерал Ф.Гейдсеľ —
командующий чехословацким
корпусом в Сибири.

Красный террор.

А.П.Кутепов. Один из активных генералов антибольшевистского сопротивления. Исчез во Франции при неясных обстоятельствах.

П.Н.Врангель — главнокомандующий „Русской армии“ в 1920 году.

Копия

ЦЕННОСТИ, ОТПУЩЕННЫЕ ТРЕТЬЕМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Брошь-кулон.....		5.000 руб.
2 Бриллианта.....	8,50 карат	21.500 руб.
Кулон бриллиантовый.....		3.500 руб.
Запонка жемчужная		4.000 руб.
Пиял. запонка с сапфиром.....		2.500 руб.
Кольцо брилл. с рубином.....		2.000 руб.
Браслет-подставка с брилл. и сапфиром		4.500 руб.
Платин. браслет с бриллиантами.....		4.500 руб.
1 бриллиант.....	2,30 карат	7.000 руб.
27 бриллиантов.....	13,30 "	32.000 руб.
1 бриллиант.....	4,05 "	16.000 руб.
1 бриллиант.....	3,30 "	19.000 руб.
14 бриллиантов.....	8,50 "	17.000 руб.
11 бриллиантов	16,40 "	56.000 руб.
2 серьги жемчужн.		14.000 руб.
Кулон с 2 жемч. подвеск. с брилл.....		12.000 руб.
Брошь круглая брилл. в платине		12.000 руб.
Брошь бриллиантовая		13.000 руб.
5 бриллиантов	5,08..?	22.500 руб.
Кольцо бриллиантовое.....		21.000 руб.
2 бриллианта.....	2,55 "	10.500 руб.

Всего на сумму 300.000 руб.

28/5-192

Очередная бриллиантовая „иньекция“ большевиков Третьему Интернационалу.

1. Все, проживающих на территории Р.С.Ф.С.Р. иностранных подданных тех государств, которые ведут против нас ^{сильную} враждебную деятельность в возрасте от 17 до 30 лет, заключить в концентрационный лагерь
2. Исключению на действия пункта 1-го настоящего постановления подлежат:

- а/ лица, доказавшие свою преданность Советской власти,
- б/ все рабочие, занятые на фабриках, заводах и других учреждениях, при подаче ими письменного заявления о желании продолжить в пределах Р.С.Ф.С.Р. и по удостоверению фабрично-заводских комитетов,
- в/ при предоставлении письменного поручительства пятью гражданами, имеющими полное к себе доверие,
- г/ специалисты, занятые на Советской службе, при условии если их не попросит, согласно пункту д.
- д/ лица, доказавшие полную свою лояльность и выразившие желание вступить в ряды Красной Армии.

~~Подписано: ...~~ ...

- в) женщины, живущие своим полевым трудом и обрабатывая семейным трудом.
3. Подробную инструкцию о задержании лиц о порядке проведения в жизнь настоящего постановления поручить выработать Народному Комиссариату внутренних дел, по соглашению с Народным Комиссариатом иностранных дел и В.Ч.К. ^{Народный Комиссариат}
  4. Все заключенные в концентрационных лагерях содержатся на общих основаниях.

Председатель Совета Обороны

В. М. Молотов

Секретарь *А. Фролов*

Документ, подписанный Лениным, о заключении иностранных граждан в концлагеря.

1920 год, март. Ленин в президиуме IX съезда РКП(б).

1920 год, 1 Мая. Ленин среди делегатов съезда „трудовых“ казаков.

1920 год, 1 Мая. Ленин обходит строй почетного караула.

1920 год, 5 мая. Эта фотография всегда давалась обрезанной с правой стороны. Теперь справа от трибуны мы видим Троцкого и Каменева.

1920 год. Ленин во время заседания II конгресса Коминтерна.

1920 год, июль. Ленин среди делегатов II конгресса Коминтерна.

1920 год. Ленин беседует с итальянскими делегатами II конгресса Коминтерна.

1921 год. Штурм восставшего Кронштадта красноармейскими частями.

П.Е.Дыбенко, И.Ф.Федько и К.Е.Ворошилов после подавления кронштадтского мятежа.

1921 год, 22 марта. Ленин и Ворошилов среди участников подавления
кронштадского мятежа.

А.А.Гельфанд (Парвус) — „купец революції“.

Я.С. Ганецкий (Фюрстенберг) накануне расстрела в ноябре 1937 года.
Повременный Ленин в деликатных финансовых делах.

Ленин в 1920 году.

ский дворец лишь более видные... Публика на хорах в тревоге, почти в панике. Депутаты на местах неподвижны, трагически безмолвны. Мы изолированы от мира, как изолирован Таврический дворец от Петрограда и Петроград от России...²⁹¹

Исторический шанс мирного, цивилизованного, парламентского развития был вновь упущен. Теперь на долгие десятилетия. Может быть, именно тогда была заложена одна из причин огромной исторической неудачи, которая будет осознана только к концу столетия.

Собрание (оставшиеся депутаты) хотело сохранить этот форум. Продолжались выступления, хотя в зале уже витал зловещий призрак нависшей военной силы. В пятом часу утра большевики устами знаменитого матроса А.Г. Железняка просто предложили депутатам покинуть зал. В следующий раз свободно избранные в этой стране депутаты войдут в подобный зал только через семьдесят лет...

Ленин, покинув зал заседаний, набрасывает тезисы к проекту декрета ВЦИК о судьбе Учредительного собрания. Рукописный вариант проекта несколько отличается от принятого. Ленин в пункте пятом перекладывает „вину“ за роспуск представительного органа на партию правых социалистов и меньшевиков, что привело „к конфликту между Учредительным собранием и Советской властью“. Но основной пункт, седьмой, не претерпел изменений: „Учредительное собрание распускается“²⁹².

С двадцатиминутной речью на заседании ВЦИК в ночь с 6 на 7 января 1918 года выступил Ленин. Он нажимал на то, что социалистическая революция „не может не сопровождаться гражданской войной“. Оратор не боялся прибегать к явно демагогическим приемам, которые, однако, принимались аплодисментами. „Народ хотел созвать Учредительное собрание, — говорил Ленин, обводя глазами зал, — и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это Учредительное собрание...“²⁹³

Как мог народ почувствовать, что из себя представляет этот представительный орган? Еще ни газеты, ни другие средства информации не оповестили о ходе заседания даже столицу! Оказывается, распуская Собрание, большевики „исполнили волю народа!“. С легкой руки Ленина впредь и на

долгие десятилетия партийная власть узурпировала право все творить от имени и по воле народа... Ленин, готовя проект декрета, текст своей речи, посвященные роспуску органа, с которым так много связывалось надежд, успел между делом 6 января написать и статью „Люди с того света“. На все лады автор статьи „раскладывает“ Чернова и Церетели, которые весь пафос своих речей посвятили призыву: „Да не будет гражданской войны“. А Ленин повернул по-другому: либо победа в гражданской войне — либо гибель революции²⁹⁴.

Чернов, как и многие другие члены Учредительного собрания, которые не погибли, а провели всю оставшуюся жизнь в эмиграции, всегда вспоминал о 5 января 1918 года как о великом упущенном шансе. За ним все эти годы следили ОГПУ—НКВД. Каждый шаг, каждое выступление тут же становились известными Москве. По агентуре ИНО—ОГПУ Чернов проходил под кличкой Цыган. Из дома № 17 по улице Короля Александра в Праге агент Лорд выкрал часть документов Чернова, и в том числе часть подлинного протокола об открытии Учредительного собрания. В конце первой страницы протокола написано:

„В ознаменование исторического момента эту стенограмму подписывают:

Председатель Учредительного собрания

Виктор Чернов,

Члены: Евсеев, Рабинович, Ефремов, Кузнецов,

Роговский, Бунаков...²⁹⁵,

и далее подписи многих других депутатов.

Троцкий позже в издевательской форме запишет: „В лице эсеровской учредилки Февральская республика получила оказию умереть вторично...“²⁹⁶ Здесь же второй вождь большевизма счел нужным сделать сравнение: „Чернов есть эпигонство старой революционной интеллигентской традиции, а Ленин — ее завершение и полное преодоление“. Видимо, Троцкий прав, если под „преодолением“ понимать попрание, отрицание, искажение. Старая русская интеллигенция, несущая на себе крест духовного бунтарства, была совестью, честной, неподкупной, идеалистичной. Ленин „преододел“ эти „слабости“, явив собою тип нового интеллигента-марксиста: беспощадного прагматика, фанатика

утопической идеи, считающего себя вправе на любые эксперименты, благо главная цель — власть — достигнута.

Чернов, Мартóв, Дан, другие русские интеллигенты-социалисты отличались от Ленина в главном: они хотели добиться достойной человека жизни без применения насилия, с использованием всего мирового демократического опыта. А Ленин думал не о человеке, а о „массе“, для которой хотел создать конструкцию коммунистической жизни, рождавшуюся в его голове. Борясь с идущей диктатурой, российские социал-демократы меньшевистского типа видели на горизонте призрак грозной тоталитарности. Можно считать пророческими слова В.М.Чернова, сказавшего: „Охлократическое вырождение революции может легко кончиться каким-нибудь цезаризмом“²⁹⁷. К несчастью для России, его пророчество сбылось.

На этом можно было бы и остановиться, говоря о роли Ленина в печальной судьбе Учредительного собрания. Но осенью 1918 ему стало известно, что Карл Каутский написал брошюру „Диктатура пролетариата“. Ее ему прислал Воровский из Скандинавии. В ней патриарх европейской социал-демократии откровенно, но весьма корректно пишет о диктаторстве большевиков. Каутский, например, оспаривая ленинский тезис о том, что Советы являются более высокой формой демократии, чем Учредительное собрание, не без иронии замечает: „Жаль только, что к этому выводу пришли (большевики. — Д.В.) лишь после того, как оказались в меньшинстве в Учредительном собрании. Раньше никто не требовал его более бурно, чем Ленин“.

Читая Каутского, Ленин негодовал — он не привык к критике в свой адрес. Сам вождь считал, что может разносить кого угодно и как угодно, но не переносил критических личных уколов, особенно если они были верны. А Каутский весьма точно, аргументированно и вместе с тем корректно показал глубокий антидемократизм большевиков и самого Ленина. Вождь Октября не мог этого пропустить.

На фронтах гражданской войны шла изнурительная борьба, которая несла реальную угрозу поражения Советам; республика страдала от жестокого голода, бандитизма, террора; ныла рана в плече у самого Ленина, но Председатель Совета Народных Комиссаров, отодвигая множество госу-

дарственных забот, садится за книгу „Пролетарская революция и ренегат Каутский“. Он должен был ответить обидчику! Думаю, этот почти стостраничный труд может характеризовать в целом „научный“ стиль Ленина. Прагматизм и безапелляционность в суждениях, больше имеющих отношение к политике, нежели к теории, сопровождаются такой бранью, что трудно поверить, русский ли интеллигент все это писал. Метр К.Каутский бесчисленное количество раз называется „иудушкой Каутским“, „ренегатом“, „мошенником“, „слепым щенком“, „сикофантом буржуазии“, „негодяем“, „подпевалой мерзавцев и банды кровопийц“, „филистером-мещанином“, и т.д. и т.п.

Приходится лишь удивляться, как даже мы, со своими мозгами, схваченными обручем марксистского догматизма, не увидели беспомощности этого легковесного и скандального памфлета! Поразительно, что, превосходя самого себя в брани, Ленин обвиняет Каутского, достойного „помойной ямы ренегатов“, в „презренных приемах“, „гнусной лжи“.

Чтобы знать Ленина, подлинного, настоящего, не обязательно было ждать вскрытия „ленинских тайников“. Даже опубликованный Ленин, если бы наша мысль не была парализована многолетней пропагандой, мог давно выглядеть в наших глазах иным...

Еще в 1918 году В.Медем писал: „Есть нетерпеливые люди, которые думают, что без Учредительного собрания можно скорее и легче всех осчастливить. Но еще никогда и никого насильно счастливым не сделали. На месте народо-властия возникает самозванство“²⁹⁸.

Октябрь оставил глубокий, вечный шрам на ковре российской истории. Он еще более рельефно виден на фоне рваных ран гражданской войны, в которую страна после империалистической бойни и революционного катаклизма погрузилась почти на три года. Все хотели распоряжаться Россией, вместо того чтобы служить ей.

Глава 4

ЖРЕЦЫ ТЕРРОРА

*Гражданские войны целиком принадлежат самой
иррациональной стихии революции.*

Николай Бердяев

Власть в руках Ленина оказалась сказочно легко. Без баррикад, кровавых сражений, интервенции высшая власть в государстве перешла к людям, которые обещали очень быстро сделать людей счастливыми: дать мир, землю, свободу. Согласно каноническим марксистским схемам все представлялось просто: ликвидировать частную собственность, сломать буржуазное государство, заменить армию вооружением народа, выдвинуть к руководству рабочих (можно и „кухарок“), огласить все тайные договоры, провозгласить право народов на самоопределение, установить в обществе жесткий социальный контроль, утвердить диктатуру большинства. Казалось, Ленин своими трудами, наподобие „Государство и революция“, предусмотрел все. По созданным чертежам нужно было лишь построить социалистическое здание. Но оказалось, что жизнь гораздо сложнее начерченных ленинских схем. Надвинулся голод, встали многие заводы, крестьяне прятали хлеб, армия рассыпалась, бесчисленные банды правили в России свой бал... Страна погрузилась во мрак и хаос.

Ленин быстро почувствовал, что только „железная рука“ диктатуры спасет его революцию. Выступая на заседании ВЦИК 14(27) декабря 1917 года, Ленин подчеркнул, что нельзя победить „без диктатуры пролетариата и без наложения железной руки на старый мир“¹. И эту руку „накладывали“. Вводили трудовую повинность, облагали буржуазию бесконечными поборами, „чистили“ учреждения, требовали от „осколков старого мира“ всевозможные справки о „выполненном общественно-полезном труде“, уплотняли буржуев в их квартирах, постоянно грозили новыми и новыми карами. Казарменные порядки тихо вползали в многочисленные комиссариаты, конторы, Советы, пролетарские органы.

Троцкий вспоминал, что, когда Ленин узнал о протесте наркома юстиции Штейнберга против использования насилия, репрессий как способа решения социальных проблем, Председатель Совнаркома воскликнул:

— Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?

Это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора... Такие тирады можно было слышать десятки раз на дню, и они всегда метили в кого-нибудь из присутствующих, подозреваемых в пацифизме.

— Если мы не умеем расстрелять саботажника-белогвардейца, то какая же это великая революция? Да вы смотрите, как у нас буржуазная шваль пишет в газетах? Где же тут диктатура? Одна болтовня и каша...²

Мы знаем, каким настойчивым умел быть Ленин. Достаточно вспомнить его одержимость идеей вооруженного восстания. И пусть многие называли его курс на социалистическую революцию „бредом“, Ленин добился-таки своего. Так и теперь, постоянно подчеркивая необходимость ужесточения диктатуры „для спасения революции“, он постепенно, но быстро превратил свою установку на проведение „железной рукой“ беспощадного террора в *практический* курс большевиков.

Да, Ленина к самым жестоким мерам часто подталкивала надвигающаяся безысходность и прежде всего — голод в стране. Вождь, по существу, говорил: с помощью террора можем спастись от голода. Нужно „взять хлеб“ у богатеев. Нужно расстреливать спекулянтов. Выступая в Петроградском Совете по вопросу о мерах борьбы с голодом, Ленин особо нажимал на необходимость „поднять массы на самодеятельность“. Смысл той „самодеятельности“ — массовые обыски и реквизиции в поисках хлеба. „Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет“. Ленин толкает людей на самосуд: „С грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте“, а „зажиточную часть населения надо на 3 дня посадить без хлеба, так как они имеют запасы...“³

Обстановка чрезвычайщины, классовой вседозволенности, полное игнорирование прав личности толкали людей

из „буржуазии“ к сопротивлению, протесту, саботажу. С другой стороны, использование силы становилось нормой, гранью повседневной жизни. Те, кто искренне кричал: „Смерть троцкистско-бухаринским двурушникам“ в 1937 и 1938 годах, первые страшные импульсы получили сразу после Октября.

„Отказ от террора“ есть реформизм в его современной постановке — так характеризовал Ленин попытки ограничить „классовое насилие“.

Да, можно и нужно говорить о жестоких обстоятельствах момента, о глубочайшем кризисе общества, сопротивлении „вчерашних“, но исторически курс на массовый террор оправдать нельзя ничем. Тем более что он начался вскоре после октябрьского переворота, стал основой социальной методологии режима. Как оценить в этой ситуации Ленина, его роль в терроре? Как мог человек, обладающий пониманием гуманистических принципов, сделать ставку на террористические методы? Было ли это случайностью или исторической неизбежностью? Думаю, что в этой связи можно отметить три момента.

Первый. Ленин элементарно растерялся перед лавиной проблем. Нельзя забывать, что вчера он был просто интеллигент-эмигрант, который практически никогда не работал, в обычном понимании слова, ничем никогда не управлял (кроме сект своей партии), был оторван от грозных реалий российской жизни. Даже при выдающейся силе ума ему было трудно руководить всем (а на первых порах так и было: записки о выделении комнаты старому большевику, помощи подмосковному селу, контроль за совнаркомовской столовой, бесконечные пропагандистские выступления...). Старая машина государства рухнула, новой не было. Рычаги власти были в твердых, но совершенно неумелых руках.

Добившись монополии на власть, Ленин оказался отрезанным от широкой поддержки крестьянства, интеллигенции, специалистов. О растерянности, даже временами панике, свидетельствуют его некоторые распоряжения и телеграммы. Вот телеграмма Антонову-Овсеенко и Дзержинскому в Харьков: *„Ради бога, принимайте самые энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба!!!* Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды. Сбор

и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно. Ради бога!“⁴ Вспомнил Ленин и про Бога... Это просто крик отчаяния, свидетельствующий, что вождь готов буквально на все. Растерянность, паника ходили по соседству с жестокостью.

Второй момент. У этих людей, российских якобинцев, существовала совсем другая шкала нравственных ценностей. Беспощадность, классовая ненависть, обнаженный макиавеллизм выглядели в их глазах высшей революционной добродетелью. Даже заложничество — отвратительный метод достижения целей — было взято Лениным на вооружение. Это было тотальным крушением морали.

Момент третий. Ленин просто хотел запугать, подавить террором людей, взять на свое вооружение страх. При помощи террора Ленин рассчитывал сломить волю к сопротивлению у миллионов людей. После убийства Володарского Ленин телеграфирует Зиновьеву: „Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает“⁵.

Ленина трудно заподозрить в личной жестокости (хотя, например, будучи в сознании, он не спас жизнь Ф.Каплан). Она у него носила ярко выраженный социальный, философский характер, как у человека-руководителя, лидера, вождя. Главным аргументом оправданий террора большевиков было постоянное утверждение Ленина: это в интересах пролетариата. Как будто есть разница: отобрать жизнь у человека во имя какого-то класса или против него! В своей статье „Плеханов о терроре“ Ленин внешне просто-душно говорил о разнице террора буржуазии и большевиков: первые „практиковали террор *против рабочих, солдат и крестьян* в интересах кучки помещиков и банкиров, а Советская власть применяет решительные меры против помещиков, мародеров и их прислужников — в *интересах рабочих, солдат и крестьян*“⁶.

Нетрудно видеть, что эта аргументация абсолютно не состоятельна ни в правовом, ни в нравственном отношении; так можно оправдать любое преступление, если представить его осуществленным в „интересах пролетариата“! (А

почему и не в интересах какой-то группы?) Но нельзя не видеть, что террор уже вскоре после революции стал чертой образа существования не благодаря криминальным проявлениям снизу, а главным образом в результате инициирования его сверху. Вожди революции стали Жрецами террора. Красный террор вызвал и террор белый. Но там инициатива, в основном, принадлежала низовой массе как реакция на большевистские бесчинства.

В условиях голода, разрухи и нарастания классового террора России выпали новые испытания: угроза германского нашествия. Ослабить его смог только унижительный договор, подписанный 3 марта 1918 года Г.Я.Сокольниковым, отодвинувший европейскую Россию к границам, рубежам смутного времени...

Анатомия Брест-Литовска

Кажется, о Брестском мире мы знаем все. Ленин якобы мужественно пошел на позорный для России мир, чтобы спасти „завоевания революции“. А точнее, все выглядит иначе: во имя власти и призрака мировой революции Ленин был готов отдать пол-России... Была борьба, но у Ленина хватило сил и умения „обуздать левых“. Все вроде бы так. Но я думаю, что суть ленинской позиции в этом вопросе можно полностью понять, если проследить ее с момента борьбы, а затем от заключения „грабительского“ мира до его денонсации 13 ноября 1918 года. Только такая временная и пространственная анатомия мирного договора позволяет уловить оттенки и эволюцию взглядов Председателя Совнаркома.

Как известно, большевики 20 ноября (3 декабря) 1917 года, менее чем через месяц после захвата власти, пошли на сепаратные контакты с Германией, а уже 9 декабря (22-го) начались мирные переговоры. Этого хотела и Германия, когда она помогала большевикам. В начале января германская делегация выразила согласие подписать мирный договор при условии очень крупных территориальных уступок со стороны России (свыше 150 тысяч квадратных километров). Ленин предложил условия принять и подписать мир. Вот здесь-то и развернулись драматические события.

Партия, по существу, раскололась. Началась борьба между сторонниками Ленина и так называемыми „левыми коммунистами“, которые не без основания считали заключение грабительского мира предательством революции.

Самое интересное, что ни сторонников Ленина, ни сторонников Бухарина не пугали гигантские территориальные потери (в конце концов были вынуждены уступить около 1 миллиона квадратных километров. Больше территории самой Германии!). Для Ленина главным было сохранить власть, а значит, как говорил вождь, и сохранить „революционные завоевания“. Он был готов к утрате Петрограда и даже Москвы, лишь бы сохранить власть. „Я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть и только в этом... Подписание договора при поражении есть средство собирания сил“. Если вести революционную войну, как предлагает Бухарин, это „вернейший путь сбросить нас сейчас“⁷.

„Левые коммунисты“ главное видели в другом: отвергая мир, призывая к революционной войне, они надеялись использовать европейскую революционную ситуацию и вызвать на континенте пожар. „Русская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала“. Бухарин предлагал „аннулировать договор о мире, который ничего не дает, и теперь же приступить к правильной подготовке“, то есть к революционной войне⁸.

Решающее столкновение по вопросу о мире произошло на VII съезде, который был созван в страшной спешке. Может быть, поэтому его и назвали „экстренным“. По одним материалам на съезде присутствовало 47 депутатов с решающим и 59 с совещательным голосами. Хотя в приложении к стенограмме даны другие данные: делегатов с решающим голосом — 29, с совещательным голосом — 8 (в том числе Ленин, Троцкий, Бухарин, Урицкий, Иоффе, Бубнов) и 32 с „неустановленным представительство́м или правом пользования голосом“⁹.

Думаю, что еще ни на одном съезде Ленин не подвергался такой жестокой критике. Были сделаны два доклада: Ленина и Бухарина. В докладе лидера большевиков было трудно усмотреть что-либо в отступление от революцион-

ных догм: те же рассуждения о мировой революции, о том, что Петроград и Москву, возможно, придется сдать немцам, что война с Германией неизбежна, но, чтобы получить „передышку“ (хоть день-два!), нужен мир. По сути, выходило, что эта ленинская микроскопическая передышка стоит одного миллиона квадратных километров! К чему такая передышка?! Вот здесь-то и атаковали Ленина левые коммунисты.

Бухарин утверждал, что ленинская „передышка“ — это „овчинка выделки не стоит“. За несколько дней нельзя решить те задачи, о которых говорил Ленин. „Не передышку мы получаем... а уничтожаем себя в качестве авангарда международной социалистической революции. Такой ценой нельзя покупать двухдневную передышку, которая ничего не даст“¹⁰. Урицкий, Бубнов, Рязанов остро критиковали позицию Ленина. Рязанов заявил, что „Толстой предлагал устроить Россию по-мужицки, по-дурацки; Ленин — по-мужицки, по-солдатски. Плоды этой политики, мужицкой и солдатской, мы теперь расхлебываем“¹¹. Бубнов смотрел шире: „Перед нами сейчас задача развития гражданской войны в мировом масштабе“. Война против Германии, даже партизанская, утверждал оратор, способна осуществить это превращение¹².

В повторном выступлении Ленин пытался доказать, что „мир — это не капитуляция“, а лишь маневр, тактический прием, с помощью которого нужно выиграть время и спасти власть. Именно — власть! В конце концов за позицию Ленина и его проект резолюции на съезде проголосовало большинство: за — 30, против — 12 делегатов. Нужно сказать, что огромную роль в исходе этого столкновения сыграл авторитет Ленина. Если бы Троцкий не занял позицию нейтралитета, а поддержал бы левых коммунистов, съезд мог бы пойти на „революционную войну“, но не мир. Думаю, что позиция Троцкого здесь сыграла решающую роль. Правда, Ленин в конце заседания сделал одно важное добавление: в подходящий момент съезд дает полномочия ЦК аннулировать договор... Предложение единодушно принимается. Это был компромисс во имя будущего.

Ленин пытался все решения съезда сделать тайными, сдать все материалы на секретное хранение и даже взять

подписку от делегатов не разглашать деталей обсуждения вопроса. Кроме одного пункта: „Съезд — за мирный договор“. Ленин, по-видимому, не хотел огласки в том, что касалось резкой критики его позиции. Он понимал, что в глазах простого человека его взгляды, мягко говоря, непатриотичны. Люди не забыли, что еще накануне октябрьского переворота на нем висело клеймо „немецкого шпиона“.

По инициативе Ленина было принято решение о переводе столицы из Петрограда в Москву. Это было похоже на бегство перед угрозой немецкой оккупации. По предложению Зиновьева решение провели через съезд Советов: „В условиях того кризиса, который переживает русская революция в данный момент, положение Петрограда как столицы резко изменилось“¹³. Правда, Зиновьев смягчил решение, заявляя, что переезд правительства в Москву — дело временное, ибо „берлинский пролетариат поможет нам перенести ее обратно в красный Петроград. Но мы, конечно, не можем сказать, когда это будет. Может быть и обратное, что нам придется перенести столицу и на Волгу или Урал, — это будет диктоваться положением международной революции“¹⁴.

В субботу 9 марта 1918 года народные комиссары — члены правительства и другие новые высокопоставленные чиновники получили депеши следующего содержания:

„1. Отъезд в Москву состоится 10 марта с.г. в воскресенье ровно в 10 часов вечера с Цветочной площадки.

2. Цветочная площадка помещается за Московскими воротами (Московская застава). Через один квартал за воротами надо свернуть по Заставской улице налево и, доехав до забора, ограждающего полотно, повернуть направо. Здесь близко от поворота находится платформа Цветочная площадка, у которой стоит поезд...

4. К отходу поезда стараться, по возможности, доставиться на вокзал своими средствами, в крайнем случае заблаговременно по тел. 1-19 просить выслать легковой автомобиль...

Управляющий делами Совета

Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич¹⁵.

Несмотря на протесты левых, как и простых питерских

рабочих, 10—11 марта правительство переехало в Москву. По сути, это было сигналом Германии, что Россия не будет защищать прежнюю столицу. А уже на 14 марта в Москве было назначено открытие Чрезвычайного съезда Советов. Съезда, который должен был выразить свое отношение к первому разделу России. Да, это так. Второй раздел наступит почти семьдесят три года спустя.

Ленин выехал специальным поездом, с надежной охраной; члены правительства — другим составом. В Москве вначале Ленин с Крупской жили в двухкомнатном номере в „Национале“ 107/9. Артур Рэнсом, английский журналист, в частности, видел главу революционного правительства, сидящего в холле гостиницы в окружении поношенных чемоданов, узлов с постелями и каким-то тряпьем, связками книг...¹⁶

Через несколько дней Ленин перебрался в Кремль, в свою правительственную квартиру. Кроме трех больших комнат, она включала комнату прислуги, кухню. Кабинет находился в том же здании, где и квартира.

Едва приехав в Москву, Ленин решил появиться перед пролетариатом столицы. Первое его выступление состоялось в Московском Совете 12 марта. Речь была сумбурной, без четкого плана. Вновь Ленин говорил об „идиоте Романове“ и „хвастуне Керенском“, о том, что „революция рождена войной“, пытался всячески переложить вину на „соглашателей и Керенского“, которые „разрушили армию“. С традиционных обвинений переходил на мрачные пророчества: „Война неминуемо начнется, хотя у нас все разрушено“.

Притихший зал не мог понять, к чему клонит глава большевистского правительства. Но в конце концов Ленин сказал главное: „У нас армии нет, а страна, которая лишилась армии, должна принять неслыханно позорный мир“¹⁷. Помнил Ленин или нет, что всего каких-то четыре месяца назад он сам убежденно говорил: „Наша задача, которую мы ни на минуту не должны упускать из виду, — всеобщее вооружение народа и отмена постоянной армии...“¹⁸ А все объявления большевиков о массовой демобилизации, съезды демобилизуемых, разрушение выборностью остатков армии?.. Но это осталось „за кадром“ ленинской речи.

Ленин не мог не чувствовать, что все под ногами закача-

лось. Он понимает, что трудно найти аргументы, оправдывающие развал великой России. Ему приходится использовать все доводы, которые приходят ему на ум, все свое красноречие и авторитет. Лидер большевистской революции понимает, что, если он дрогнет сейчас, рухнет не только государство, его власть, революция, но и он сам. Ленин может остаться в истории погубителем великой державы. Впрочем, очень многие люди так считали всегда и считают не без оснований и сегодня.

Вернувшись после выступления домой, Ленин ищет аргументы для укрепления своих доводов в пользу заключения позорного мира. Но кроме тривиальных „передышки“, „выигрыша времени“, „собрания сил“, ему не удастся ничего изыскать. А ведь рядом съезд, который или ратифицирует „ленинский“ мир, разом превращающий Россию во второ-разрядное государство, или ему придется уйти...

Сидя в кресле номера, он останавливает взгляд на связке книг. Развязав бечеву, берет в руки томики Блока, Беранже, Пушкина. Он редко уделял внимание поэзии, не был ее тонким ценителем, не хватало сентиментальности. Но сейчас какая-то внутренняя и в то же время космическая, духовная музыка почудилась ему в строках кудесников слова. Ведь настоящий поэт всегда философ. Они правы: все, что происходит в этом бренном мире, раздираемом страстями, алчностью, враждой, ничто по сравнению с вечностью... Незаметно пришло успокоение; отступить ему некуда. Надо сражаться за мир, а также за власть, за себя.

В своем почти полуторачасовом пространном докладе на Чрезвычайном съезде Ленин был очень многословен. Кого и чего он только не вспоминал! Опять досталось и бедному „дураку“ Керенскому, и Чернову, и Церетели, и новому персонажу его речей — украинскому политику Винниченко. Даже „грабителя Наполеона“, „грабителя Александра I“, „грабителей английской монархии“, „Тильзитский мир“ и „Парижскую коммуну“ — все упомянул докладчик. Из зала ему иногда кричали: „Ложь!“ — но это не смущало Ленина. Когда он заявил, что и сейчас есть газеты, которые „наполняют страницы своих изданий контрреволюционными писаниями“, из зала послышался голос:

— Закрыли все...

Ленин тут же среагировал на реплику жестко, что вызвало аплодисменты части зала:

— Еще, к сожалению, не все, но закроем все¹⁹.

Ленин призвал ратифицировать „тяжелый и позорный мир“, имея в виду, что, „скоро большевикам поможет Либкнехт“. Мы „подождем, когда международный социалистический пролетариат придет на помощь, и начнем вторую социалистическую революцию уже в мировом масштабе...“²⁰.

Без „шумных“ аплодисментов, но Ленину удалось добиться поддержки и ратифицировать договор. Съезд поименным голосованием (724 голоса — за, 276 — против, 118 воздержались) „скромно“ поддержал Ленина²¹.

Почти миллион квадратных километров отрезалось от России. Она была обязана демобилизовать армию и флот, в том числе и те части, которые были вновь сформированы в рамках Красной Армии. Выплачивалась крупная контрибуция. Германия получила то, о чем кайзер и его министры во время войны не могли и мечтать.

Позиция людей, выступавших против этого мира, а фактически против раздела России, независимо от того, кто это был: левые коммунисты или остатки кадетов, левые эсеры или патриотическая интеллигенция, долгие годы называлась „авантюристической“, „губительной“, „безумной“. С точки зрения цинизма политики, возможно, это и так. Но с позиций морали и национального достоинства она, по крайней мере, заслуживает уважения. Когда Бухарин, брошенный перед расстрелом Сталиным в застенки НКВД, в одном из своих многочисленных писем-исповедей советскому диктатору утверждал: „Я искренне думал, что Брест — величайший вред“²², — он говорил правду. Так думали многие.

Ленин хотел спасти не столько революцию, сколько власть. Сегодня он уповает только на европейскую революцию. Когда к нему на съезде подошла большевичка С.И.Гопнер из Екатеринослава с печалью в глазах — что она скажет рабочим города, ведь он передается немцам по договору, как же так? — Ленин вновь использовал свой последний козырь, который по воле рока окажется счастливым:

— В Германии революция неизбежна. Она, эта революция, отбросит Брестский мир...²³

А пока Ленин обживает Кремль. Затянулся ремонт ком-

нат его квартиры в здании бывших судебных установлений. Ульяновы пока занимают две комнаты в Кавалерском корпусе. Через неделю после переезда в Кремль Ленин раздраженно пишет записку помощнику наркома имущества республики Е.В.Орановскому: „Я очень просил бы сообщить мне фамилию и адрес того, кому Вы поручили докончить подготовку квартиры... Дело тянется непомерно, и надо же найти виновного в невероятных промедлениях...“²⁴ Угроза „найти виновного“ быстро помогла. Через два дня семья вместе с М.И.Ульяновой уже переехала в отремонтированную квартиру²⁵.

А тем временем германские войска, как жирное масляное пятно по грязной, изорванной российской скатерти, расплывались все шире: вошли в центральные области, двинулись к Севастополю, продвинулись к Петрограду, Пскову. Идут тревожные телеграммы из разных мест. Договор договором, а русские люди не могут понять, почему кайзеровские солдаты без боя, на пассажирских поездах, как путешественники-пилигримы, занимают город за городом. Почему? Ленин „успокаивает“ смятенных людей еще одним декретом²⁶ о недопустимости военных действий с германцами ввиду ратификации 15 марта 1918 года IV Чрезвычайным съездом Советов мира, равносильного безоговорочной капитуляции.

Меньшевики еще могут полуподпольно, язвительно и одновременно печально писать: „Советская власть принуждена расплачиваться за право своего существования исполнением всех приказов и желаний германского империализма. К Вильгельмовой кабале на Руси уже прикладывается штамп Советской власти во всех последних ее шагах. И скоро мы не будем знать, какой у нас режим: советский или мирбаховский?“²⁷

Пока же Народный комиссариат иностранных дел судорожно пытается нотами остановить продвижение немцев за границы линии, обусловленной договором. Чичерин просительно телеграфирует МИДу в Берлин о том, что германская армия не должна выходить за границы Украины. „Мы повторяем свое предложение германскому правительству высказаться определеннее по вопросу о том, какие границы ставит это правительство Украинской республике...“²⁸ Вели-

кая в прошлом Россия просит установить ее собственные границы...

Ленин готов, повторю еще раз, на все, чтобы сохранить власть. Он идет на форсированный обмен послами. В Москву приезжает граф Вильгельм Мирбах (не зная, что лишь три месяца он проживет в Москве), а в Берлин отправляется Адольф Абрамович Иоффе, член ВЦИК и кандидат в члены ЦК РКП(б), большой личный друг Л.Д.Троцкого.

Приехав в Берлин, Иоффе шлет депешу в Москву, что ему пока не удастся убедить немцев остановить наступление на кавказском направлении. Немцы требуют, сообщает Иоффе, „вернуть суда в Севастополь“, в противном случае они продолжат наступление. „Я советую, — телеграфирует советский посол, — принять ультиматум и вернуть суда из Новороссийска в Севастополь... и заявить, что Россия принимает обязательство не переступать указанной демаркационной линии... Нужно настаивать на сохранении границ Брестского договора...“²⁹

Москва, забыв о своей „революционной решимости“, вновь упрашивает Германию не нарушать договоренностей. Кроме, пожалуй, одной. В секретной директиве командующему Черноморским флотом и главному комиссару флота, где говорилось: „...Совет Народных Комиссаров, по представлению Высшего военного совета, приказывает вам с получением сего уничтожить все суда Черноморского флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске. Ленин“³⁰.

Когда у Ленина прошла растерянность и определенный испуг, он обнаружил, что Германия навязала России позорный, как капитуляция, мир, будучи сама на краю неизбежной военной катастрофы. То, что было ясно и видно всем в западных столицах, наконец увидели и в Москве. Германское „наступление“ (почти без сопротивления) больше походило на марши железнодорожных составов в глубь гигантской страны.

Брестский мир не был неизбежностью. Он был платой за разложение армии и вольное или невольное принятие большевиками помощи немцев. В военном отношении дела России не были безнадежными. Брусиловское наступление в 1916 году вдохнуло веру в уставшую армию и деморализо-

ванное общество. В 1917 году задача России была проста: удержаться, устоять против такого же усталого и израненного противника. Ни для кого не было секретом, что предстоящее вступление в войну Соединенных Штатов быстро качнет весы победы в сторону Антанты. Но большевики, придя к власти, должны были оплачивать векселя обещаний. Это можно было сделать только путем национального поражения. Большевики окончательно разложили войска; например, гарнизон Петрограда в 200 тысяч человек хотел оставаться только в столице. Обещание „немедленного мира“ парализовало войска. Еще никто не знал, что вместо мира будет три года войны, более страшной и кровопролитной, чем империалистическая бойня.

Почему Ленин уже через два-три месяца стал менять свое отношение к Германии, договору? Иоффе докладывал о нарастании внутренних трудностей в стране, усилении брожения в армии, осознании в Берлине непреложного факта, что стратегически Германии невозможно победить западные державы. А большевики тем временем не жалели денег на усиление революционной пропаганды в Германии. Как немцы с помощью большевиков разлагали Россию в 1916—1917 годах, так теперь их негласные союзники отвечали им тем же.

Уже на V съезде Советов 5 июля в докладе Ленина, который своим шумом, криками, обструкцией едва не сорвали эсеры, появились новые ноты. Эти мотивы свидетельствовали о том, что патологический страх перед гибелью Советской республики стал быстро проходить. Ленин позволил себе говорить о Германии и других „империалистических хищниках“ совсем по-другому, правда, не называя их поименно. „У нас этот истекающий кровью зверь оторвал массу кусков живого организма... но погибнут они, а не мы, потому что быстрота, с которой падает их сопротивление, быстро ведет их к пропасти“³¹.

В своем оригинальном исследовании „Из истории Брестского мира“ Ю.Фельштинский считает, что Ленин постепенно все больше осознавал свою ошибку с миром, похожим на капитуляцию. „Ведь если Германия оказалась на краю гибели через три с половиной месяца после заключения Брестского мира, ведя боевые действия крупного масштаба лишь

на одном фронте, получая продовольственную помощь из России и Украины и используя Красную Армию в борьбе с чехословацким корпусом, который, если бы не акции большевиков, давно бы уже воевал в Европе против немцев, на каком глубоком дне лежала бы кайзеровская Германия, вынужденная воевать на два фронта? В каком состоянии находились бы теперь страны четвертного союза? Где проходила бы граница коммунистических государств?³² Может, Ленин чувствовал какую-то былую зависимость? Ведь слишком долго интересы большевиков и Германии объективно совпадали: „повалить“ царскую Россию...

Главной угрозой режиму были не немцы, а внутреннее недовольство большевиками. Голод стягивал петлей горло городов, поддерживающих большевиков. Ширилась оппозиция. После эйфории октябрьской победы пришло понимание, что одни лозунги, призывы, декреты решить лавину тяжелейших проблем не могут. В своей книге Г.Соломон, лично знавший Ленина, писал о размышлениях знакомого советского дипломата в Берлине: „Мы обречены и должны тянуть до последней возможности... Наша попытка окончится провалом, и нас ждет суровая расправа. Мы заварили эту кашу, и нам же следует ее расхлебывать“³³.

Летом 1918 года произошла любопытная политическая метаморфоза: не только большевики почувствовали ослабление Германии, но и Берлин увидел в обстановке, которая сложилась в России, агонию большевиков. Ведь до известного момента берлинская дипломатия видела в большевиках своих неофициальных союзников; они „помогли“ поражению царизма, пошли на сепаратный договор и дали возможность крупные военные силы перебросить с Восточного на Западный фронт, а немцы поддерживали комиссаров своим наступлением на белые отряды. В одной из своих шифрованных телеграмм Ленин сообщал, что договорились с немцами в силу „совпадения интересов“ о том, что они пойдут на север. Дело в том, что в Москве допускали продвижение англичан из Мурманска (там высадился десант). Ленин надеялся, что немцы преградят им путь на юг. Однако планы англичан никогда не заходили так далеко.

Но где-то летом Берлин почувствовал, что большеви-

ки действуют конвульсивно, прогибаются под грузом навалившихся проблем. Граф Мирбах, посетивший Ленина в Кремле 16 мая и побеседовавший с ним менее часа, вынес вначале убеждение, что „Ленин твердо уверен в своей звезде“ и сохраняет „неисчерпаемый оптимизм“³⁴. Но уже через месяц докладывал рейхсканцлеру Гертлингу: ввиду „возрастающей неустойчивости большевиков“ мы должны „подготовиться к перегруппировке сил...“. Мирбах писал, что монархисты и кадеты „возможно, составят ядро будущего нового порядка“. Посланник предлагает: „с должными мерами предосторожности и соответственно замаскированно, мы начали бы с предоставления этим кругам желательных им денежных средств... большевистская система находится в агонии...“³⁵.

В конце июня Мирбах еще более определен: „Сегодня, после более чем двухмесячного внимательного наблюдения, я не могу более поставить благоприятного диагноза большевизму: мы, бесспорно, находимся у постели тяжело больного; и хотя возможны моменты кажущегося улучшения, но в конечном счете он обречен“³⁶. Пожалуй, Мирбах мог бы сказать нечто подобное и о Германии.

Как видим, летом 1918 года сложилась ситуация, когда недавние негласные „союзники“ — Германия и большевики — почувствовали взаимное ослабление и, соответственно, начали перестраивать свою тактику. Ленин, по существу, начал придерживаться линии, провозглашенной еще Троцким в Брест-Литовске: „Ни мира, ни войны“. Он готов разорвать Брестский мир в любой момент, но все еще выжидает. Даже когда левые эсеры дали ему повод порвать этот позорный лист бумаги, убив 6 июля 1918 года Вильгельма Мирбаха.

Через два часа они со Свердловым приезжают в германское посольство по Денежному переулку и выражают соболезнование и негодование в связи со случившимся. Телеграфируют А.А.Иоффе: „Посетите германского министра иностранных дел и выразите германскому правительству возмущение русского правительства...“ Убийцы будут преданы чрезвычайному революционному трибуналу³⁷. Ленин готов сделать все, чтобы подтвердить свою приверженность миру.

Однако, когда через неделю Чичерин сообщает Ленину в Кунцево (он там отдыхал) о том, что Берлин требует согласия СНК ввести в Москву батальон немецких солдат для охраны посольства, Председатель правительства решителен: этого не будет. Не собирая заседания Совнаркома, Ленин поручает Чичерину ответить на германскую ноту отказом. Он уже достаточно тверд и готов к самому худшему.

Выступая 15 июля на заседании ВЦИК во Втором доме Советов (бывшая гостиница „Метрополь“), Ленин почти готов к разрыву Брестского соглашения. Если допустить ввод германского батальона, это будет, заявил Председатель Совнаркома, „началом оккупации России чужеземными войсками“. (Почему началом? Германия уже оккупировала российскую территорию колоссальных размеров!) Ленин жестко говорил, что „есть пределы“, за которые республика не выйдет и будет готова, как „один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой“³⁸. Ленин говорил так, как четыре месяца тому назад говорили его оппоненты: левые коммунисты и левые эсеры. Ленин невольно подтвердил, что тогда он переоценил опасность; германия сама была в едва ли лучшем положении, чем Россия.

Изменение отношения Ленина к своему детищу — Брестскому миру — выразилось и в том, что он дал установку на сокращение денежных выплат и материальной контрибуции Германии по этому договору. В Берлин по предложению Ленина был послан Я.С.Ганецкий (где денежные дела — там этот человек!) для переговоров по финансовым вопросам³⁹.

Отказ выполнить германский ультиматум о вводе немецкого батальона в Москву не вызвал ужесточения позиции Берлина. Посольство просто выехало в Ревель. Ленин окончательно убедился, что перед ним уже „не та“ Германия. Советское правительство незаметно, но решительно стало менять курс в отношении Берлина. Это можно было почувствовать по знаменитому „Письму американским рабочим“, написанному незадолго до покушения на Ленина, 20 августа 1918 года. Судя по письму, для Ленина германский империализм уже как бы отходит на второй план; главная опасность для России — „хищные звери англо-

французского и американского империализма". Ленин заявляет, что в случае наступления на Россию „акул англо-французского и американского империализма... я ни секунды не поколеблюсь заключить такое же соглашение с хищниками немецкого империализма...“⁴⁰. Привычное дело... По сути, Ленин готов помочь Германии против стран Антанты. Фактически выплата контрибуции, поставки хлеба и металла в Германию способствовали ее сопротивляемости перед лицом превосходящей мощи стран Запада. Берлин в ответ дал обещание не поддерживать белое движение.

Брестский мир сразу превратил Россию во второразрядное государство. Неумелые, но амбициозные руководители во имя спасения власти жертвовали всем. Представляется, что иной могла быть и судьба Черноморского флота, за который, по существу, не боролись. В соответствии с распоряжением Ленина и Тройкого флот решили перевести в Новороссийск. Комиссары, комитеты, Советы, Чрезвычайные комиссии проводили бесконечные митинги, съезды, голосования, выдвигали ультиматумы, слали телеграммы в Москву и Киев, не зная, как решить судьбу флота. Немцы приближались к Севастополю (хотя везде это были небольшие части, почти без артиллерии и тылов). Наконец, как сообщил Ленину Раскольников, 27 апреля из Севастополя в Новороссийск вышли восемь миноносцев, четыре транспорта и пять крейсеров. На следующий день снялись с якоря линейные корабли „Воля“ и „Свободная Россия“ вместе с миноносцем „Дерзкий“. В Севастополе остались, дожидаясь немцев, 2-я минная бригада, 2-я бригада линейных крейсеров, весь подводный флот, самолеты, все боевое снаряжение, все склады, мастерские и портовое оборудование. Однако позже „Воля“ и шесть миноносцев вернулись в Севастополь и оказались в руках немцев. Раскольников обвиняет в измене комиссаров Вахрамеева и Авилова-Глебова⁴¹. По мере приближения небольших передовых отрядов германцев к Новороссийску флот решили затопить, что и было осуществлено 18 июня 1918 года.

Возможно, это было единственное решение. Однако не покидает чувство внутреннего протеста, что все это произошло в результате просчетов на переговорах с противником. Великая держава припала к сапогу меньшего по силе

государства, которое само едва волочило ноги... Но Ленин требовал везде жесткого исполнения унижительных условий. Осмотревшись через 3–4 месяца, он почувствовал, что „триумфатор“ — Германия — находится в едва ли лучшем положении, чем Россия.

Как видим, отношение Ленина к Брестскому миру более сложное, нежели может показаться, если анализировать только процесс борьбы за его подписание. Заключительная часть этого процесса выражается в том, что Ленин сконцентрировал все политические, дипломатические, идеологические усилия на создании революционной ситуации в Германии. На это были ассигнованы крупные средства.

Ленин, отдыхая в Горках, написал письмо в ЦК, о котором Я.М.Свердлов сказал: Ленин пишет, что „в Германии разразился политический кризис, правительство мечется, не находит опоры в массах. Дело кончится переходом власти в руки пролетариата. Тактика большевиков оправдалась. Мы не будем нарушать Брестского мира *теперь* (курсив наш. — Д.В.). Но мы уже ставим вопрос подготовки помощи немецким рабочим в их тяжелой борьбе со своим и английским империализмом...“⁴². Ленин за разжигание факела германской революции, но пока против денонсации Брестского мира. Теперь он очень боится Запада: Англии, Франции, Америки. И очень ошибается. Либеральная Антанта по отношению к внутренним проблемам России занимала весьма пассивную позицию.

Результаты большевистского влияния в Германии, Австро-Венгрии были весьма заметны. „Антивоенная и антиправительственная литература, — пишет Ю.Фельштинский, — отпечатанная на немецком языке в РСФСР, рассылалась советским полпредством во все уголки Германии и на фронт. Свой долг Германии — немецкие миллионы, выплаченные на организацию революции в России, Ленин отдавал теми же купюрами — оплачивал коммунистическую революцию в Германии“⁴³. Закупалось оружие для немецких рабочих, продовольствие. Советское полпредство, как докладывал А.А.Иоффе, основало через подставных лиц десятиmillionный фонд помощи немецким коммунистам.

Официальный Берлин протестовал, слал в Москву

ноты против вмешательства большевиков во внутренние дела Германии. В конце концов Берлин выслал советских дипломатов из страны и отозвал своих. Но дело было сделано. Через год после большевистской революции, 9 ноября 1918 года, кайзер Вильгельм был низложен, а 11 ноября социал-демократы Эберт и Шейдеман в Компьене поставили свои подписи: Германия, как и следовало ожидать, проиграла Антанте. Большевикам осталось только объявить (что и сделал Я.М.Свердлов), что документы Брестского мира, подписанные 3 марта 1918 года, полностью лишены силы и значения. Антанта спасла Россию от унижительных условий ленинско-кайзеровского мира. Так счастливо окончилась фантастически опасная игра, затеянная Лениным с Германией. Первый раздел России был недолгим: всего девять месяцев.

Ленин проявил себя как изворотливый, находчивый, волевой тактик, но не стратег. В конечном счете история как будто подтвердила его правоту: позорный мир оказался недолговечным. Но благодаря не самой России, а брошенным ею союзникам. Стратегически вождь большевиков все время переоценивал силу и мощь Германии. Завороженный магией власти, он был готов пойти (и пошел!) на унижение национального достоинства великого народа. Ему явно не хватило проницательности, чтобы увидеть, что положение Германии абсолютно бесперспективно перед лицом Антанты и Соединенных Штатов Америки.

Напомним, в критические дни июля 1941 года Сталин тоже был готов на „второй Брест“. Но в этом случае фашистская Германия хотела большего, хотела всего. Но и здесь у ученика Ленина не хватило масштабности мышления: Германия вновь не имела исторических шансов перед лицом объединенной мощи Англии и Соединенных Штатов Америки.

Бумаги Брест-Литовска стали для России свидетельством измены национальным интересам.

Брестская эпопея, долгие десятилетия раскрывавшаяся как пример величайшей мудрости вождя, совсем не учитывала национальные, геополитические и исторические факторы. Власть — вот что рассматривалось как высшая цен-

ность. Но она никогда не была и не будет таковой. Однако именно во имя ее в России еще прольются реки крови.

„Белые ризы“

Да, так называла Зинаида Гиппиус святые одежды — символ верности „белой идее“. До конца жизни сохранив глубокое неприятие большевизма, она через три дня после переворота написала:

Блевотина войны — октябрьское веселье!
 От этого зловонного вина
 Как было омерзительно твоё похмелье,
 О бедная, о грешная страна.
 Какому дьяволу, какому псу в угоду
 Каким кошмарным обуянным сном,
 Народ, безумствуя, убил свою свободу,
 И даже не убил — засек кнутом?
 Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
 Смеются пушки, разевая рты...
 И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
 Народ, не уважающий святынь!

В своем „Петербургском дневнике“ Зинаида Николаевна писала: „Все население Петербурга было взято „на учет“... Почти вся оставшаяся интеллигенция очутилась в большевистских чиновниках. Платят за это ровно столько, чтобы умирать с голоду медленно, а не быстро. К весне 1919 года почти все наши знакомые изменились до неузнаваемости, точно другой человек стал. Опухшим — их было очень много, — рекомендовалось есть картофель с кожурой, — но к весне картофель вообще исчез, исчезло даже наше лакомство — лепешки из картофельных шкурочек...“

Новые чиновники, загнанные на службу голодом и плеткой, — русские интеллигентные люди, — не изменились, конечно, не стали большевиками. Сдавшиеся, предавшие, насчитываются единицами; они усердствуют, якшаются с комиссарами, говорят высокие слова о „народном гневe“... Есть еще приспособившиеся; это просто люди

обывательского типа; они тянут лямку, думая только о еде... Но к чести русской интеллигенции надо сказать, что громадная ее часть, подавляющее большинство, состоит из „склонившихся“, из тех, кто с великим страданием, со стиснутыми зубами, несут чугунный крест жизни... К ним надо причислить и почти всех офицеров Красной Армии — бывших офицеров армии русской. Ведь когда офицеров мобилизуют (такие мобилизации объявлялись чуть не каждый месяц) — их сразу арестовывают; и не только самого офицера, но его жену, его детей, его мать, отца, сестер, братьев, даже двоюродных дядей и теток. Выдерживают офицера в тюрьме некоторое время непременно вместе с родственниками, чтобы понятно было, в чем дело, и если увидят, что офицер из „пассивных“ героев — выпускают всех; офицера в армию, родных под неусыпный надзор. Горе, если прилетит от армейского комиссара донос на этого „военспеца“... Едут дяди и тетки, — не говоря о жене с детьми, — куда-то на принудительные работы, а то и запираются в прежний каземат“⁴⁴.

А вот телеграмма Председателя Реввоенсовета Троцкого Межлауку, отправленная 2 декабря 1918 года: „Одиннадцатая дивизия обнаружила свою полную несостоятельность. Части продолжают сдаваться без сопротивления. Корень зла в командном составе. Очевидно, Нижегородский губвоенком сосредоточил свое внимание на строевой и технической стороне дела, позабыв о политической. Предлагаю обратить особое внимание на привлекаемый командный состав, ставя на командные должности только тех бывших офицеров, семьи которых находятся в пределах советской России, и объявляя им под личную расписку, что они сами несут ответственность за судьбу своей семьи...“⁴⁵

Эти пространные выдержки автор книги привел затем, чтобы читатель полнее оценил взгляды представителей двух непримиримых лагерей, схлестнувшихся в смертельной схватке за право определять будущее России, которая пребывала в хаосе и мгле.

Ленинский лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую удался в самой чудовищной форме. Все „бывшие“, лишенные места под солнцем,

были просто обречены на сопротивление. И не нужно было быть пророком, чтобы предвидеть кровавую эволюцию перехода империалистической войны в гражданскую. Каждый из лагерей считал, что правда на его стороне.

Еще в мае 1917 года, задолго до октября, Верховный Главнокомандующий русской армией генерал М.В.Алексеев при открытии офицерского съезда в Могилеве заявил: „Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам Великой Армии, спасти ее. Пусть эта платформа объединит Вас... Нужно, чтобы дружная семья образовалась из корпуса Русских офицеров...“⁴⁶ После этой речи Алексеев сразу же был отстранен от своего поста Временным правительством... Но уже тогда было ясно, что российское офицерство может стать костяком военной оппозиции революции, если она зайдет слишком далеко.

Отринув путь реформ, парламентаризма, эволюционное развитие страны, большевики предопределили ее сползание к гражданской войне. Это, впрочем, полностью согласовывалось с их установками, с которыми они и шли в революцию. Еще в сентябре 1916 года в своей ключевой работе „Военная программа пролетарской революции“ Ленин однозначно заявил: „Гражданские войны — тоже войны. Кто признает борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы“⁴⁷. Это „естественное“ продолжение классовой борьбы началось с памятного дня октябрьского переворота, но с лета 1918 года приняло ужасные, разрушительные, в высшей степени бесчеловечные формы. Большевики здесь стали пионерами, вдохновителями, зачинателями. Правда, Ленин в самый разгар российской Вандеи пытался переложить всю вину на международный капитал. „Всемирный империализм, — заявил Ленин 2 декабря 1919 года, — который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну, и виновен в ее затягивании...“⁴⁸

Слов нет, империалистические государства сделали немало для того, чтобы помочь контрреволюции, но их дей-

ствия были разрознены, спонтанны, и они не являлись основными генераторами страшной российской междоусобицы.

В то же время, если обратиться к политическому „творчеству“ Ленина, то мы обнаружим, что в его основе — насильственная ликвидация эксплуататорских классов, старых порядков, устоявшихся норм российской жизни, вековых обычаев. Ленин не просто теоретически инициировал насилие над миллионами людей, он, будучи главой правительства, фактически ежедневно давал советы и прямые указания, как это осуществлять. В одной из основных работ революционного периода (напечатанной, правда, позже) „Как организовать соревнование?“, фактически используемой большевиками на практике ежедневно, прямо говорилось, что коммуны, ячейки в городе и деревне должны посвятить себя „общей единой цели: *очистке* земли российской от всяких вредных насекомых, от блох-жуликов, от клопов-богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десятков богатей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за *вредными* людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом...“⁴⁹.

Изобретательный Ленин едва ли имел основания полагать, что после такого богатейшего набора мер „очистки земли российской“ все жертвы диктатуры пролетариата безропотно снесут эти классовые экзекуции. Без боязни впасть в ошибку можно утверждать, что подобные шаги в огромной мере способствовали разжиганию багрового, кровавого пламени гражданской войны.

Разве Ленин мог считать, что его программа борьбы с зажиточным крестьянством, „кулаками“, не способствовала возрождению гражданских схваток? Ленин знал, что из 15 миллионов крестьянских семей — „казачьих“, „богатеев“ едва ли больше двух миллионов. Он называет их не иначе как „кровопийцы“, „пауки“, „пиявки“, „вампиры“ и бросает в августе 1918 года клич:

— Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!⁵⁰

Сталину, приступившему к коллективизации через пять лет после смерти Ленина, не нужно было искать новые призывы, они были сформулированы еще вождем Октября.

„Очистка земли российской“ стала одним из главных истоков социального спазма, или, как определял В.О.Ключевский, „социального разлада“. Этот разлад стал кровавым. Но большевики не ограничивались в „очистке“ методами, провозглашенными Лениным вскоре после Октября. Социальная методология „очистки“ непрерывно совершенствовалась. Вот одна из записок Ленина, набросанная химическим карандашом на листке бумаги его продолжателю:

„Т.Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и т.п. я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас.

Решено ли „искоренить“ всех энесов?..

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов: выезжайте, господа!“⁵¹.

„Очистка России“ обернулась одной из самых кровавых гражданских войн в истории человеческой цивилизации. Уже в конце 1917 года генералы Алексеев и Корнилов начали формировать Добровольческую армию. Большевики пытаются в самом зародыше погасить очаг классового сопротивления. Одна из первых армий, созданных большевиками под командованием Сиверса, вступает на Дон. Красные пачками расстреливают „белое офицерье“, всех сочувствующих контрреволюции. Белые не остаются в долгу: попавшие им в руки бойцы Красной Армии и особенно комиссары не могут рассчитывать на снисхождение.

Ленин, по существу поручивший Троцкому создание Красной Армии, не ошибся. Человек, никогда не служивший в военной организации, не обладавший ни военными знаниями, ни опытом, оказался великолепным организатором, но не менее жестким и даже жестоким диктатором, как и почти вся большевистская верхушка. Люди, еще недавно рассуждавшие, что нужно, распустив армию, озобо-

тяться всеобщим вооружением народа, скоро убедилась: или они в короткие сроки создадут боеспособную армию, или все их „дело“ погибнет.

Троцкий сумел весьма эффективно организовать работу Реввоенсовета Республики, созданного 2 сентября 1918 года. Этому органу не повезло в историографии. В силу того, что с момента образования и до 1925 года его возглавлял Л.Д.Троцкий... В первом составе Совета были Л.Д.Троцкий, Н.А.Кобозев, К.А.Мехоношин, Ф.Ф.Раскольников, К.Х.Данишевский, И.Н.Смирнов, А.П.Розенгольц, И.И.Вацетис. Председатель Реввоенсовета Республики выделил основные направления работы этого высшего военного органа: оперативно-стратегическое, политической работы, революционных трибуналов, инспекционный. Первое время, когда почти все члены Совета находились на фронтах, заседания этого коллегиального органа проходили редко. По предложению Троцкого, одобренному Лениным, летом 1919 года состав Совета сократили до шести человек — сам председатель и члены: Э.М.Склянский (заместитель председателя Совета), А.И.Рыков, С.И.Гусев, И.Т.Смилга, С.С.Каменев. Это был высший коллегиальный орган по руководству обороной республики. По сути, единственным источником указаний, обязательных для исполнения РВСР, был ЦК большевистской партии.

Уже в 1918 году возникло несколько фронтов, стали формироваться многочисленные армии. Сам Троцкий принимал личное участие в подборе членов военных советов армий. По его рекомендации и с одобрения Ленина находились на должностях членов военных советов фронтов и армий в апреле 1919 года С.И.Гусев, Г.И.Теодорович, П.К.Штейнберг И.С.Кизельштейн, Ф.Ф.Новицкий, А.П.Розенгольц, И.И.Ходоровский. И.Э.Якир, Г.Я.Сокольников, Б.В.Легран и другие большевики. Ленин и Троцкий не скрывали, что эти люди и целый легион комиссаров самых разных рангов должны были прежде всего контролировать деятельность командующих и командиров, в своем большинстве (от полка и выше) бывших старых офицеров, пресекать любые проявления паники или „контрреволюционных поползновений“. Ленин с большим одобрением относился именно к такой трактовке Троцким функций

комиссаров. Председатель Реввоенсовета требовал от комиссаров „не снимать руки с револьверов“.

— Без серьезных и опытных военных нам из этого хаоса не выбраться, — говорил Троцкий Владимиру Ильичу каждый раз после посещения штаба.

— Это, видимо, верно. Да как бы не предали...

— Приставим к каждому комиссара.

— А то еще лучше двух, — воскликнул Ленин, — да рукастых. Не может же быть, чтобы у нас не было рукастых коммунистов?⁵²

В своих прямых фронтовых распоряжениях (и Ленин это хорошо знал) Троцкий был в высшей степени категоричен и конкретен:

„Казань. Реввоенсовет. Раскольникову.

...При сомнительных командирах поставьте твердых комиссаров с револьверами в руках. Поставьте начальников перед выбором: победа или смерть. Не спускать глаз с ненадежных командиров. За дезертирство лица командно-го состава комиссар отвечает головой...“⁵³

Почти одновременно с телеграммой Раскольникову идет депеша и в Москву, Ленину. Докладывая о причинах казанской катастрофы, Троцкий требует среди различных мер и такую: „...Отсутствие револьверов создает на фронте невозможное положение. Поддерживать дисциплину, не имея револьверов, нет возможностей. Предлагаю т.Муралову и т.Позерну реквизировать револьверы у всех лиц, не состоящих на строевых должностях. Наряду с этим подтянуть Тулу. Без револьверов воевать нельзя...“⁵⁴

Большевики силой взяли власть, силой начали создавать новое государство и общество, силой заставили крестьян, офицерство воевать, защищая „революционные завоевания“. Но это не могло не вызвать огромного внутреннего протеста, прямого сопротивления и всяческого уклонения от этой „чести“. В армии это выразилось в массовом дезертирстве. Самые крупные волны самовольного оставления частей истории и статистика отметили во второй половине 1918-го и в начале следующего, 1919 года. О размахе уклонения людей, которых вновь заставили воевать, сражаться за большевиков, говорит, например, такая цифра. В течение мая 1919 года, когда правительство созда-

ло специальные органы для борьбы с этим явлением, было задержано 79 036 дезертиров!⁵⁵ После объявления о добровольной явке дезертиров в июне 1919 года, с обещанием „прощения явившимся и суровой кары упорствующим“, сразу же, в течение только одной недели после обращения правительства, сдалось властям 98 183 человека. Всего же в течение 1919 года задержаны и добровольно явились для регистрации властям 1 млн. 761 тысяча дезертиров! Если к этому прибавить 917 тысяч уклонившихся от призыва в Красную Армию только во второй половине 1918-го и начале 1919 года⁵⁶, читатель будет иметь представление о размахе бойкота неселением „исторического“ ленинского призыва, как всегда раньше считалось (написанного, правда, Троцким), „Социалистическое отечество в опасности“, оглашенного в феврале 1918 года. Воззвание, как известно, было оформлено как декрет Совнаркома, и им предписывалось: „Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови“. Ну если пролетарии, все сознательные граждане России должны быть готовы отдать все до „последней капли крови“, то все буржуи и контрреволюционные элементы (видимо, и дезертиры), „сопротивляющиеся“ должны „расстреливаться“⁵⁷.

Нетрудно представить степень консолидации большевизируемого общества: сотни тысяч уклонившихся и дезертиров. Но террором, принуждением, заложничеством большевики заставили людей сражаться. Естественно, такая политика встречала мощное (часто стихийное, малоорганизованное) сопротивление. В первых рядах его были те, кто хотел сохранить, как писала З.Н.Гиппиус, „чистоту белых риз“.

Имеется огромная военная переписка Ленина. Но опубликовано было только то, что прямо не связано с Троцким или только то, где есть критические, негативные высказывания Ленина в адрес Председателя Реввоенсовета. Разве могла быть, например, опубликована такая благодарственная телеграмма осенью 1918 года:

„Свияжск, Троцкому.

Благодарю, выздоровление идет превосходно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно

поддерживающих их кулаков-кровопийц, будет образцово беспощадное.

Горячий привет. Ленин⁵⁸.

Ленин в гражданской войне как бы находился в тени у Троцкого. Тот был все время на первом плане, а Ленин ограничивался общеполитическими указаниями, советами, требованиями, часто крайне нервного характера.

Телеграмма Реввоенсовету фронта Гусеву, Лашевичу, Юреневу в мае 1919 года: „Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной...“

Телеграмма Зиновьеву, Лашевичу и Стасовой с требованием выделить еще коммунистов на фронт: „Иначе мы слетим, ибо положение с чехословаками из рук вон плохо“.

Киев, Раковскому для Иоффе: „Абсолютно неизбежна гибель всей революции без быстрой победы в Донбассе...“⁵⁹

У Ленина никогда не было желания выехать на фронт, туда, где решается судьба революции. Во всяком случае, он никогда не ставил этого вопроса ни в ЦК, ни в Совнарком. Достаточно было того, что Троцкий, Сталин, Подвойский, Рыков, Серебряков, Смилга, Мехоношин, Аралов, Антонов-Овсеенко и другие его соратники колесили по бесчисленным фронтам. Собственно говоря, фронтов в строгом понимании не было. Иногда Ленину приносили оперативную карту, на которой значилось бесчисленное количество различных овалов, дужек, стрел, пунктирных линий, но никогда не было сплошного „огненного кольца“ фронтов. Самое большое стратегическое преимущество большевиков заключалось в том, что силы Колчака, Деникина, Юденича, другие антибольшевистские формирования были разобщены. Сколько они ни пытались (даже с помощью представителей Антанты) объединить свои усилия, скоординировать их, этого белым так и не удалось.

Автор не намерен подробно описывать события на различных фронтах. Он пытается лишь рассмотреть роль Ленина в этой братоубийственной войне. Вождь редко вмешивался в оперативно-стратегические вопросы, рассматривая проблему обычно только в политическом и социальном контексте.

Почему социальном? Дело в том, что гражданская

война велась не только на фронтах и направлениях, но и в многочисленных анклавах, где вспыхивали то тут, то там крестьянские восстания. Иногда эти „беспорядки“ возникали в районах высадки интервенционистских войск. Очаги восстаний нужно было подавлять. Это являлось предметом особой заботы уже Ленина; он мобилизовывал местные партийные органы на их подавление, высылал необходимые подкрепления, отдавал распоряжения по созданию специальных органов борьбы с восставшими, спекулянтами, саботажниками, требовал, угрожал, настаивал:

„Пенза. Губисполком. 29 августа 1918 г. Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены вами. Бездеятельность ваша преступна...“⁶⁰

„Саратов. Пайкесу. 22 августа... Временно советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты...“⁶¹

„Шляпникову, 12 декабря 1918 г. ...Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили...“⁶²

„Реввоенсовет Южного фронта. Сокольникову. Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось. Отвечайте подробнее“. И далее: „Во что бы то ни стало надо быстро ликвидировать и до конца восстание... если вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно...“⁶³

Бесконечный конвейер указаний и распоряжений вождя, который из Кремля требует: „ускорить подавление“, „с беспощадной решимостью“, „расстреливать на месте“. Политические, пропагандистские, административные указания весьма односложны, и суть их одна: достичь цели любой ценой, не считаться с жертвами, проявить классовую твердость. Интересная деталь: Ленин, будучи человеком внешне весьма мягким, добродушным, часто весело похотывающим, любящим тепло домашних животных, способным на сентиментальные воспоминания, — когда дело касалось классовых, политических вопросов, весь преобра-

жался. Он сразу становился жестко-колючим, бескомпромиссным, беспощадным, мстительным. Но даже в такой ситуации был способен на смех, который выглядел в этом случае весьма необычно.

Троцкий вспоминал, что после получения известия о покушении на Мирбаха он зашел к Ленину.

— Дела! — сказал я, переваривая не совсем обычные новости. — На монотонность жизни мы пожаловаться не можем.

— Д-да, — ответил Ленин с тревожным смехом. — Вот оно — очередное колебнутие мелкого буржуа...

Нужно было ехать в посольство, выразить „соболезнование“. Решено было, что поедут Ленин, Свердлов и, кажется, Чичерин... Ленин вспоминал, как в подобном случае звучит немецкая фраза. Чуть не напутал... Он чуть-чуть засмеялся, вполтона, оделся и твердо сказал Свердлову: „Идем“.

Лицо его изменилось, стало каменисто-серым⁶⁴.

Жестки и беспощадны были требования Ленина, которые он шифротелеграммами, телефонными звонками, записками адресовал командующим фронтами, военным советам, конкретным исполнителям. Фразы его становятся жесткими, холодными. Язык инквизитора, прокурора, а иногда и палача.

„Пенза. 9 августа 1918 г. Копия Евгении Бош. Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города“⁶⁵.

„Свияжск. Сентябрь 1918 г. Троцкому. Удивлен и встревожен замедлением операций против Казани... По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дальше, ибо необходимо беспощадное истребление...“⁶⁶

Неизвестному лицу. „3 июня 1918 г. Я уже одно удостоверение ему прислал. Можете ли вы еще передать Теру, чтобы он все приготовил для сожжения Баку полностью в случае нашествия и чтобы печатно объявил это в Баку“⁶⁷.

„Симбирск. Реввоенсовету Восточного фронта... Придется вам налечь изо всех сил на мобилизацию, иногда поголовную, прифронтовой полосы, на местные воензаги и на сбор винтовок с населения. Расстреливайте за сокрытие винтовок...“⁶⁸

В годы гражданской войны слова „расстрелять“, „расстреливать“, „расстреляйте“ были у Ленина одними из часто упоминаемых. За что только Ленин не предлагал расстреливать: за „участие в заговоре“, за „сопротивление при аресте“, за „сокрытие оружия“, за „неповиновение, отсталость и неаккуратность“ и даже „карать расстрелом за ложные доносы“. Правда, Ленин не оговаривает, нужно ли поощрять за доносы „не ложные“. Лидер большевиков в годы гражданской войны, несмотря на то, что предпочитал почти все время быть в Кремле или уютном загородном доме, где нельзя было увидеть всех ужасов братоубийства, своими распоряжениями генерировал жестокость. А если бы он видел фронтовой ад?

Характерно, что в своих устных выступлениях (а выступал в эти годы он очень, очень много) Ленин крайне редко прибегал к прямым призывам расстреливать контрреволюционеров, изменников и предателей. Свои жестокие указания Ленин предпочитал давать в зашифрованных телеграммах, конфиденциальных записках, безымянных (или от имени Совнаркома) постановлениях и декретах. Он был осторожен. Ленин очень заботился о своей репутации и не хотел ее запятнать славой палача. Надо сказать, что это ему в немалой степени удалось. История долго молчала о подлинном Ленине.

Таков был Ленин: энергичный, требовательный, беспощадный, жестокий, признающий лишь два цвета — красный и белый.

Ленин вначале с недоверием отнесся к линии Троцкого, насаждавшего в армии широчайшее использование военспецов. Когда Ленин однажды узнал от Председателя Реввоенсовета, что в Красной Армии в середине 1919 года уже служат более 30 тысяч бывших царских офицеров, он сначала не поверил. Но, убедившись в истинности цифры, понял: белых они могут одолеть лишь с помощью потенциальных белых. Лидер большевиков не питал иллюзий — лишь незначительное число офицерства служило в Красной Армии по убеждению. Большинство были заложниками (точнее, их семьи).

В 1918 году большая часть России отвергала революцию большевиков. Но они, большевики, однако, победили.

Прежде всего, потому, что их классовые оппоненты не смогли выдвинуть ярких, привлекательных идей. Отвечая белым террором на террор красный, хранители „белых риз“ были так же далеки от простого крестьянина и обывателя.

Белые тоже старались „не отставать“ от своего противника. Летом 1919 года А.Ф.Керенский в беседе с корреспондентами буржуазных газет заявил, что „нет преступления, которого не совершили бы агенты Колчака... В Сибири имеют место не только случаи казни и пыток, но часто все население деревень подвергается порке, не исключая учителей и интеллигентов... Благодаря Колчаку общественная и экономическая жизнь в Сибири была уничтожена и создано новое и усиленное большевистское движение“⁶⁹. Так видел ситуацию бывший Председатель Временного правительства, не приемлющий ни белых, ни красных.

Большевики сумели организовать оборону своих „завоеваний“ за короткий срок и, несмотря на фантастическое дезертирство, создать трехмиллионную армию. Жестокие меры в сочетании с невиданной в России настойчивой пропагандой заставили простого крестьянина, рабочего поддерживать советскую власть в надежде, что щедрые посулы комиссаров хоть частично, но будут реализованы.

Троцкий вспоминал, что он убеждал Ленина в том, что без принуждения людей нельзя заставить воевать.

— Чтобы преодолеть эту гибельную неустойчивость, нам необходимы крепкие заградительные отряды из коммунистов и вообще боевиков, — говорил Троцкий Ленину перед отъездом на восток. — Надо *заставить* сражаться. Если ждать, пока мужик расчухается, пожалуй, поздно будет.

— Конечно, это правильно, — отвечал Ленин, — только опасаясь, что и заградительные отряды не проявят должной твердости. Добер русский человек; на решительные меры революционного террора его не хватает...⁷⁰

С одобрения Ленина в Красной Армии создавались и использовались заградотряды. В своей директиве Реввоенсовету 14-й армии от 12 августа 1919 года Троцкий предписывал:

„...Особое внимание обратить на создание заградительных отрядов: прежде чем получить возможность создать

кулак против неприятеля, нужно иметь хоть кулачок против разнузданности и шкурничества собственных частей...“⁷¹

А разнузданности и шкурничества, в том числе и антисемитского, было предостаточно. Об этом не принято было говорить, а тем более писать. Ленин к докладам по этим вопросам отнесся достаточно спокойно, считал их просто досадными эпизодами гражданской войны. А размах красноармейского антисемитизма в отдельные периоды достигал очень большой амплитуды.

В „секретном“ ленинском фонде содержится ряд документов, подтверждающих этот духовный, социальный и национальный вандализм.

Уполномоченный ВЧК Зилист докладывает в ноябре 1920 года о погромах Первой Конной армии: „Новая погромная волна прокатилась по району. Нельзя установить точное количество убитых... Отступающие части 1-й Конной армии (и 6-я дивизия) на своем пути уничтожали еврейское население, грабили и убивали. Рогачев (более 30 убитых), Барановичи (14 жертв), Романов (не установлено), Чуднов (14 жертв) — это новые страницы еврейских погромов на Украине. Все указанные места совершенно разграблены. Разгромлен также район Бердичева... Горшки и Черняхов совершенно разграблены“⁷².

В июле 1921 года А.Чемеринский сообщал Ленину: „Бандитско-погромные события в Минской и Гомельской губерниях начинают развиваться с катастрофической быстротой и в украинском масштабе. Особо крупные погромы: в Капаткевичах 10 июня (175 жертв), Ковчицы 16 июня (84 жертвы), Козловичи (46 жертв), Любань (84 жертвы), Кройтчи, Пуховичи, пароход у Родула (72 жертвы). Этот бандитизм, с которым не борются волисполкомы, военкоматы, особые отделы...“⁷³

Зловеще-кровавые краски гражданской войны, в которой обе стороны соревновались в жестокости, имели оттенок и антисемитского характера. Пропаганда черносотенцев утверждала, что большевистская революция — это революция еврейская, что комиссары — должность еврейская, — и в темной массе людей это находило антисемитский отклик. Ленин не счел нужным „заострять“ этот вопрос. На всех документах о погромах, которые докладывали Председа-

лю Совнаркома (и которые мне удалось просмотреть. — Д.В.), стоит начертанное рукой Ленина бесстрастно-лаконичное: „В архив“.

Однако, когда Ленину предложили записаться на грамофонные пластинки пропагандистского характера, он в числе желательных тем определил и антиссионистскую. Одна из шестнадцати речей, продиктованных Лениным (каждая по три минуты), называлась „О погромной травле евреев“. Как бы отвечая на донесения о погромах в России, Ленин оценил все это, естественно, с „классовых“ позиций. „Не евреи враги трудящихся, — говорил Ленин. — Враги рабочих — капиталисты всех стран. Среди евреев есть рабочие, труженики, — их большинство. Они наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм. Среди евреев есть кулаки, эксплуататоры, капиталисты, как среди русских, как и среди всех наций“⁷⁴. Но как раз, как сообщали донесения в Москву, погромщики выбирали те семьи, которые являются „зажиточными“, нажили свои капиталы на „эксплуатации“. Оказалось, по Ленину, в погромах повинны не конкретные люди, силы, организации, а это „капиталисты разжигают вражду к евреям“. Ленин, осуждая антисемитизм вообще, не смог подняться до высот конкретного анализа постыдных явлений в России, принятия реальных мер исключения их из жизни советского общества.

Гражданская война способствовала тому, что резкое ограничение тех прав и свобод, которые были торжественно провозглашены после октябрьского переворота, казавшееся временным явлением, стало характернейшей чертой советской жизни. Выступая на пленуме ВЦСПС в апреле 1919 года, Ленин развеял иллюзии, сохранявшиеся у некоторых членов профсоюзов. Оратор процитировал статью 23 Конституции РСФСР, где сказано: „Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб социалистической революции“. Комментируя статью, Председатель Совнаркома добавил: „Мы свобод направо и налево не обещали, а напротив... Прямо заявили, что мы будем лишать свободы социалистов, если она используется ими в ущерб интересам социалистической

революции...⁷⁵ Ленин сообщал, что и впредь большевики будут сажать „в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных...“, лишь бы не страдали интересы революции. Гражданская война дала повод осуществить в полной мере диктатуру партии, хотя и провозглашалась она как „диктатура пролетариата“.

Выступая в мае 1921 года на Первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию с большой двухчасовой речью „О свободе и равенстве“, Ленин, резюмируя сказанное, заявил: „Мы не признаем ни свободы, ни равенства, ни трудовой демократии, если они противоречат интересам освобождения труда от гнета капитала“⁷⁶. Нетрудно понять, почему поднялась против большевиков огромная масса российского офицерства, предпринимателей, интеллигенции, крестьянства, обывателей. Им нельзя было рассчитывать, что при этой власти они могут пользоваться какими-то элементарными правами и свободами. Люди, фактически поставленные вне закона, обреченные лишь на тот подневольный труд, на который укажут комиссары, не имели другого, достойного человека выхода, кроме как оказать ожесточенное сопротивление процессу лишения их общечеловеческих прав и свобод.

Но „белые ризы“ не использовали имеющиеся у них шансы. Они проиграли. Множество историков, философов пытались найти причины этого поражения.

Не претендуя на особые откровения, думаю все же, что „белое“ движение, контрреволюция проиграли прежде всего потому, что не смогли выдвинуть яркой объединяющей идеи сопротивления. Реставраторские (самодержавные) лозунги не имели шансов. Просто антибольшевизм рождал естественную реакцию: „А вы чем лучше?“. Замена диктатуры большевистской на белую диктатуру не являлась (особенно для крестьянства) привлекательной перспективой.

„Белое“ дело проиграло прежде всего потому, что им руководили военные деятели, а не политики. Колчак, Деникин, Юденич, другие „спасители“ не могли понять, что объединяющей идеей могла быть только концепция развития России, рожденная февралем 1917 года и получившая свое завершение в надеждах, связанных с Учредительным собра-

нием. Генералы, олицетворявшие чистоту „белых риз“, не смогли подняться выше военно-стратегического понимания исторической обстановки в России. Ленин переиграл и победил их прежде всего политически. Умело, часто маневрируя, меняя тактику и лозунги, не гнушаясь демагогией, используя насилие как универсальное средство, Ленин победил не столько благодаря международной коммунистической поддержке, сколько благодаря своему политическому искусству. Не все, правда, тогда могли понять, что эта победа с точки зрения исторической ретроспективы являлась пирровой. Но у Ленина при наличии мощного интеллекта и огромной воли отсутствовало чувство исторической перспективы. Он глубоко и искренне верил, что путь, сцементированный насилием, может привести к желанной цели.

Еще год назад, в начале 1917 года, заявляя, что грядущая социальная революция — дело далекого будущего и он едва ли доживет до этих дней, — в марте уже следующего года неоднократно провозглашает: „Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики“⁷⁷. Возможно, он себя уже видел Председателем Совета Международных Комиссаров... Если бы эта утопия, не дай бог, стала реальностью, то лучшей кандидатуры не смогли бы, конечно, подыскать. Во всяком случае, для России коммунизм — по Ленину — дело обеспеченное. „Большинство присутствующих, — заявил он 1 мая 1919 года на Красной площади, — не переступивших 30—35-летнего возраста, увидят расцвет коммунизма... заложенное нами здание социалистического общества — не утопия...“⁷⁸

„Белое“ дело как раз и не ждало этой казарменной перспективы. Они были правы исторически, но оказались несостоятельными политически и практически. Хрусталь „белой идеи“ оказался в неумелых руках.

В начале этого раздела мы ссылались на мнение русской писательницы З.Н.Гиппиус о роли и значении „белых риз“ в русской истории. Она оплакала гибель своих надежд в своих стихах, воспоминаниях и дневниковых записях. Об истоках слабости и поражения „белого“ дела писательница сказала так: „Все знают теперь, почему погибло „белое“ движе-

ние. Причин, и сложных, было много. Были и внутри его лежащие. Вожди не учили сил противника. Да, было в некоторых частях опрометчивое, слепое утверждение старого, тяга к прошлому, непонимание, что бывшее не будет вновь...

А главная причина гибели Добровольческой армии — это ее полная покинутость. И внутренняя, и внешняя. Она была покинута не только русскими, но и коварными вчерашними союзниками...⁷⁹ Так или иначе, задолго до окончания гражданской войны Ленин имел основания видеть себя победителем и пытался раздуть угли гаснувшего костра мировой революции. З.Гиппиус в январе 1920 года выразила это по-своему:

Взбодрились оба гиганта

Ульянов и Бронштейн Лев

Завели крепостные куранты

(Кто услышит ночной расстрел?)

Разработали все пуанты

Европейских революционных дел...⁸⁰

Грех цареубийства

В первый день января, в лето от Рождества Христова Тысяча Восемьсот Девяносто Шестое, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая, огласил свой Манифест:

„При помощи Божией, вознамерились Мы, в мае месяце сего года, в первопрестольном граде Москве, по примеру Благочестивых Государей Предков наших, возложить на Себя Корону и воспринять, по установленному чину, Святое Миропомазание, приобщив к сему и Любезную Супругу Нашу Государыню Императрицу Александру Федоровну...

На подлинном, Собственного Его Императорского Величества рукою подписано: „Николай“.

Немногим более чем через два десятилетия, 2 марта, в 15 часов 3 минуты 1917 года, Николай в последний раз поставит свою подпись как монарх под актом об отречении:

„В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавши-

еся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца... В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть...⁸¹

Приведу еще один документ, венчающий трагическую судьбу последнего русского царя.

18 июля 1918 года состоялось очередное заседание Совета Народных Комиссаров под председательством В.И.Ленина. Присутствуют на нем Гуковский, Бонч-Бруевич, Петровский, Семашко, Винокуров, Соловьев, Троцкий, Альтфатер, Стучка, Рыков, Ногин, Склянский, Чичерин, Карахан, другие (всего 33 человека). Ленин предоставляет слово для внеочередного заявления Председателю ВЦИК Я.М. Свердлову. Худой человек в пенсне с модной тогда бородкой клинышком и усами зачитывает выписку из протокола заседания ВЦИК того же, 18 июля о расстреле Николая Романова в Екатеринбургe.

Свердлов, то и дело поправляя пенсне, читает, что по постановлению Екатеринбургского областного Совета в ночь с 16 на 17 июля, ввиду раскрытия ЧК большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи, расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место.

Председатель ВЦИК поднял голову и внимательно посмотрел в зал. Никакого волнения, все спокойны; Чичерин пишет, Склянский что-то шепчет на ухо Карахану... Воспринимается всеми событие как обычная революционная рутина.

Свердлов продолжает: ...ВЦИК в лице своего президиума признает решение облсовета правильным. Президиум поручил Свердлову, Сосновскому, Аванесову составить соответствующее сообщение для печати...

Ленин, прекратив на минуту писать записку Чичерину, картаво произнес:

— Есть вопросы к товарищу Свердлову?

Вопросов ни у кого не было. Судьба царя давно для всех была решена. Кто-то мог, правда, вспомнить, что 29 января Совнарком решил перевести Николая Романова в Петроград для предания его суду⁸², а в начале мая тот же Свердлов на заседании Совнаркома сообщил о переводе Романовых не в Петроград, а в Екатеринбург. В этом же месяце, 19-го числа, судьба Николая Романова обсуждалась на заседании ЦК РКП(б). Партийная коллегия подтвердила необходимость предания царя суду (не уточняли: а за что? За то, что он российский император? Или за то, что хотел сохранить в спокойствии великое государство?).

Но это все было в прошлом. А сейчас все выслушали будничное сообщение Свердлова о горькой участи последнего русского царя. „А семью вывезли?“ — только и спросил негромко кто-то. Ответа не последовало.

— Какое примем решение? — послышался вновь голос Ленина.

А какое может быть решение: ВЦИК однозначно и быстро одобрил действия большевиков Екатеринбурга.

— Одобрить, поддержать, согласиться, — раздались голоса.

В протоколе записали:

„Слушали:

Внеочередное заявление Председателя ЦИК тов.Свердлова о казни бывшего царя Николая II по приговору Екатеринбургского Совдепа и о состоявшемся утверждении этого приговора Президиумом ЦИК.

Постановили:

Принять к сведению⁸³.

Сразу же после решения Ленин перешел к постатейному чтению проекта декрета о Наркомздраве; надо торопиться. В повестке дня еще более двадцати пунктов...⁸⁴

И продолжали буднично рассматривать другие вопросы, словно нанизывая красные бусы на черную нитку: о Народном комиссариате здравоохранения, о реорганизации общества Красного Креста, об организации государственной статистики и т.д. и т.п. Как будто ничего не произошло. К насилию быстро привыкли.

Ленин знал, что расстреляна вся семья царя. Он не просто знал, но они со Свердловым и Троцким не раз обсуждали этот вопрос. Для них было ясно: император российский должен быть ликвидирован. Большевики не могут рисковать революцией. Столько роялистов подняли головы... Но долго считали, прикидывали, прежде чем решили расстрелять; на суде нужно предъявить царю счет — длинный список его „преступлений“. Но когда подняли головы казаки, офицеры, восстали чехи — какой может быть суд? История давно вынесла царю свой безжалостный вердикт... Так считали вожди.

Думаю, что Ленина не мучили угрызения совести. Он всегда видел в самодержавии смертельного врага. Персональные носители монархической системы для него давно были „вне закона“. Почему?

Прежде всего, разве не царизм уничтожил его старшего брата? Разве он может когда-нибудь это забыть? Ленин не хотел думать о том, что Александр пытался осуществить покушение на жизнь царя. Император был готов помиловать студента при условии, что он раскается в своих деяниях. Этого, к сожалению, не случилось.

Мы уже упоминали в книге, что Ленин ценил Нечаева за его волю и революционную решительность. Бонч-Бруевич вспоминал, как Ульянов говорил об этом человеке: „Совершенно забывают, что Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать особые навыки конспиративной работы... Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос: „Кого же надо уничтожить из царствующего дома?“ Нечаев дает точный ответ: „Всю большую ектению“. (В церкви на большой ектении всегда вспоминался весь дом Романовых. — Д.В.) Так кого же уничтожить из них? Да весь дом Романовых — поймет каждый читатель. Ведь это просто до гениальности!⁸⁵ Так говорил Ленин.

Далее. Ленин считал естественным уничтожение монарха не только потому, что так поступила Французская революция. Такова была установка и российских социал-демократов. Еще на II съезде партии, в 1903 году, кое у кого была мысль вставить в программу пункт об отмене смертной казни. Но это вызвало „только насмешливые возгласы:

„И для Николая II?“ Даже меньшевики в 1903 году не посмели поддержать предложения об отмене смертной казни для царя⁸⁶. Может ли он думать иначе, чем партия, которой он руководит? Естественно, для Ленина в соответствии с его убеждениями и программными установками партии на этой земле места для Романовых не должно оказаться. Таковым было одно из глубинных проявлений его „революционности“.

Наконец, разве он уже не выражал публично, что русский царь должен быть физически уничтожен? Центральный Комитет РСДРП(б) 21 апреля 1917 года, вскоре после возвращения Ленина из Швейцарии, принял резолюцию, написанную лично им, Лениным, где черным по белому было сказано: „...Мы считаем Вильгельма II таким же коронованным разбойником, достойным казни, как и Николай II...“⁸⁷ Можно ли сказать более ясно? Разве он скрывал свои взгляды в отношении российского самодержца?

В работах, докладах, статьях, речах, воззваниях, написанных с середины 1916 года до середины 1919-го, за три года, Ленин упоминает царя более ста раз! Но ни разу с серьезным анализом деяний личности — главы российского государства. Ни разу!

Наиболее распространенные эпитеты, которыми пользуется Ленин, упоминая царя: „Николай Кровавый“, „коронованный разбойник“⁸⁸. Весь набор ленинских обвинений в адрес русского царя чрезвычайно убог и сводится к тому, что „коронованный разбойник“ „заключил тайные договоры“ и „развязал грабительскую войну“⁸⁹. Ленину положительно нравится буквально пинать ногами поверженного монарха: „полоумный Николай“, „слабоумный Николай Романов“, „идиот Романов“, „изверг-идиот Романов“⁹⁰. Робеспьеровское мышление Ленина давно вынесло свой приговор российскому императору. Ленин еще до переворота считал, что „Временное правительство, вынужденное под нажимом левых партий арестовать Николая II, содержит царя на слишком „льготных условиях“⁹¹.

Что же делал Ленин 16 июля, накануне расстрела царя и всей его семьи, и на другой день, 17-го, когда злодеяние уже свершилось?

С самого утра он занимается совнаркомовской рутинной: подписывает мандаты И.И.Вацетису и К.Х.Данишевскому о

назначении их на Восточный фронт: одного командующим и другого — членом военного совета. Просматривает и подписывает протокол предыдущего заседания Совнаркома, пересылает „германские документы“ Чичерину, беседует с делегацией рабочих Путиловского завода.

А, вот интересная деталь! Ему докладывают запрос к Председателю Совнаркома копенгагенской газеты „National tidende“: что Ленин скажет по поводу муссируемых слухов о расстреле бывшего царя Николая II?⁹² В воздухе витало предчувствие готовящегося преступления...

Повертев лист бумаги с запросом, Ленин быстро пишет ответ, что слухи он не комментирует... Все это происки буржуазной пропаганды. Хотя он уже знал о принятом решении...

Вечером Ленин ведет долгое заседание Совнаркома (как раз тогда, когда в Екатеринбурге уже заканчивались приготовления для кровавой расправы). Десятки вопросов Ленин пропускает через свой мозг, предлагая короткие резолюции-постановления. Подумал ли он (хоть раз!), что вот-вот свершится злодеяние?

После заседания, поздно ночью (в это время в Екатеринбурге Я.М.Юровский — человек с невысоким лбом и бородкой мастерового, в грязной косоворотке — инструктирует свою убийную команду), Ленин подписывает постановление СНК о создании Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте⁹³. Ему со Свердловым уже доложили еще раньше заготовленную версию о том, что „белогвардейцы готовят нападение на дом Ипатьева, где содержится под стражей Романов со своей семьей и сопровождающими лицами“. Тем важнее постановление Совнаркома — ведь царь в зоне Восточного фронта.

На другой день Председатель Совнаркома днем получает письмо из Екатеринбурга и ставит на конверте: „Получил. Ленин“⁹⁴. Это письмо о ситуации в городе, где содержался император. Но Ленин все знает и так. Свердлов доложил ему еще ранее, что условным сигналом из Москвы через Пермь отдано указание „закрывать вопрос“. По этой команде Уральский областной Совет примет необходимое, согласованное ранее решение о „ликвидации Романовых“. Эта версия наиболее вероятна.

Впрочем, это не версия. Один из ближайших соратников Ленина, второй человек в русской революции, в этом вопросе вполне определен. Будучи в изгнании, Троцкий 9 апреля 1935 года запишет в свой дневник, как он разговаривал со Свердловым после падения Екатеринбурга. Троцкий мимоходом спросил Свердлова:

— А где царь?

— Кончено, — ответил он, — расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

— Все! — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях⁹⁵.

Ясно все до пронизывающей определенности: „Мы здесь решали. Ильич считал...“ В Екатеринбурге все эти чекисты-убийцы юровские — кровавые исполнители воли Политбюро, воли Ленина. При его огромном авторитете слово Председателя Совнаркома — решающее. Основные, главные царубийцы находились в Москве. Впрочем, в этом мало кто сомневался и раньше.

17 июля, когда в начале суток в Екатеринбурге была зверски расстреляна вся семья Романовых, Ленин ведет свой обычный день: председательствует, диктует телеграммы, пишет записки, принимает наркомов, подписывает декреты, читает сводки и донесения. В этот же день изучает доклад заместителя наркома просвещения М.Н.Покровского о необходимости сооружения в Москве пятидесяти (!) памятников выдающимся революционерам, „прогрессивным“ деятелям литературы и искусства...

Едва придя к власти, большевики организовали форменные антиисторические погромы, снося десятки памятников „лицам эксплуататорских классов“, тщетно стремясь заставить предать забвению прошлое и торопясь быстрее запол-

нить опустевшие пьедесталы „пролетарскими героями“. Пройдет немного лет, и тысячи, десятки тысяч (!) каменных, бронзовых, чугунных, бетонных, гипсовых идолов большевистских вождей заполнят площади, скверы, парки, дворцы городов великой страны... Естественно, ландшафт „страны Советов“ не будет „изгажен“ изображениями „полоумного“, „слабоумного“, „изверга-идиота“, „кровавого Романова“. Но мы отвлеклись.

Вероятно, в ночь, когда свершалось преступление, Ленин обсуждал какие-то домашние дела с Надеждой Константиновной или думал, что он скажет завтра Ф.Ф.Раскольникову, которого посылает на Восточный фронт. А может быть, вспоминал о своих контактах с Романовыми? Например, где-то накануне нового, 1918 года ему доложили о просьбе бывшего великого князя Михаила Романова (в пользу которого отрекся Николай, но брат не принял корону) переменить свою фамилию на фамилию жены и стать „гражданином Барсовым“. Это могло спасти брата царя хоть на какое-то время. Михаил надеялся, что ему удастся уехать за границу. Ленин знал, что Михаил встретил Февральскую революцию лояльно, даже ходил с красным бантом в петлице, ничем не запятнал себя в борьбе с большевиками. Ленин, отодвинув бумагу, холодно бросает: этим вопросом он заниматься не будет...⁹⁶

Решение Ленина было приговором.

Михаила Александровича Романова вскоре арестовали и отправили в Пермь. В ночь с 11 на 12 июня 1918 года группа большевиков во главе с В.А.Иванченко вывезла Михаила и его личного секретаря англичанина Джонсона за город и расстреляла. Без всякой видимости суда. То было кровавой расправой.

Через несколько лет, когда сознание людей было уже основательно загажено, участники убийства Марков А.В. и Новоселов И.Г. затеяли тяжбу, кому должна принадлежать „историческая слава“ за этот „подвиг“. В своем письме в Истпарт ЦК ВКП(б) Новоселов детально, подробно описал дикую расправу над беззащитным Романовым и его секретарем, разграбление убийцами их личных вещей.

Трагедия в Екатеринбурге свершилась. Сообщили на всю Россию, а через радио и на весь мир, что расстрелян „один Николай Романов“, ибо вскрыт был „крупный заговор с целью побега бывшего царя. В условиях гражданской войны это могло бы принести дополнительную опасность для пролетарской революции. Семья Романова отправлена в безопасное место“. Все сказанное в печати и на радио по поручению Свердлова абсолютно не соответствовало истине⁹⁷.

В конце 1921 года в Екатеринбурге вышел сборник „Рабочая революция на Урале“ тиражом около 10 тысяч экземпляров. В книге была помещена статья П.М.Быкова „Последние дни последнего царя“*. В статье говорится, что „вопрос о расстреле Николая Романова и всех бывших с ним принципиально был разрешен в первых числах июля. Организовать расстрел и назначить день было поручено президиуму Совета“⁹⁸.

П.М.Быков писал по довольно свежим следам, не будучи еще сдавленным гэпэушной цензурой. Он верно говорит о расстреле не только царя, но и „всех бывших с ним“. Кто же мог поручить президиуму „организовать расстрел“? Совет, по имеющимся данным, в июле не собирался. Значит, это могла сделать только Москва?! Именно так.

Заместитель коменданта „Дома особого назначения“ Г.П.Никулин вспоминал много позже, отвечая на вопрос:

— Известно ли было предварительно Ленину, Сверлову, другим руководящим центральным работникам о расстреле царской семьи?

— Поскольку Голощекин (военный комиссар Уральской области) два раза ездил в Москву для переговоров о судьбе Романовых, то следует, конечно, сделать вывод, что об этом именно шел разговор...⁹⁹

Даже если расстрел был „оформлен“ решением Екатеринбургского Совета, почти невозможно предположить, что эта акция могла быть осуществлена без санкции ЦК большевиков и лично Ленина. Это просто исключено. Большевики партийную иерархию ценили особо. Единственное, что

---

*Сборник сразу же был изъят из продажи и уничтожен как „классово вредный“.

могло сдерживать Ленина от расправы над царем, — желание осуществить эту акцию в виде „пролетарского суда“. Но по мере приближения фронта к Екатеринбург в условиях „шаткости“ большевистской власти эти соображения даже фиговой законности были отброшены в сторону. Ленин знал о подготовке расправы над царской семьей и одобрял ее. Вот еще одно очень авторитетное свидетельство.

Один из видных советских дипломатов А.А.Иоффе оставил после себя незаконченные воспоминания. В разделе „Ленин и наша внешняя политика“ есть такой фрагмент.

„...Когда произошла казнь бывшего царя Николая Романова и его семьи, я находился в Берлине. Мне официально было сообщено лишь о казни Николая II; я ничего не знал о его жене и детях и думал, что они живы. Когда ко мне с различными запросами о судьбе Александры Федоровны (принцессы Алисы Гессенской) и ее детей являлись представители и от Вильгельма II, и от брата бывшей царицы герцога Гессен-Дармштадского, и от других принцев, — я всегда сообщал то, что сам знал и чему верил. Но в конце концов я стал сомневаться в правильности своей информации, ибо до меня все же доходили различные слухи. Несмотря, однако, на все мои запросы в Москву, я по этому вопросу не мог добиться никакого толку. Наконец, когда — проездом в Швейцарию — в Берлине (инкогнито) был покойный Ф.Э. Дзержинский, я пристал к нему и от него узнал всю правду, причем он мне рассказал, как Владимир Ильич категорически запретил кому бы то ни было сообщать мне об этом.

— Пусть Иоффе ничего не знает, — говорил, по словам Дзержинского, Владимир Ильич, — ему там, в Берлине, легче врать будет...“¹⁰⁰

„Врать“ большевикам теперь приходилось так же часто, как и прибегать к силе. Ложь и насилие стали универсальными инструментами новой власти.

О трагической гибели императорской семьи написано очень много. Но в основном, а точнее, почти все (до недавнего времени) — за рубежом. Эта тема, как и тема связей большевиков с немцами, происхождение Ленина, особенности его болезни, денежные дела партии, личное инициирование вождем террора, и многие, многие другие были запретными. Ведь здесь большевикам, несмотря на их мастерство в

пропаганде, приходилось в основном защищаться, обороняться, оправдываться. Не случайно, что все материалы, проливающие свет на историю зверской расправы с царем, его женой, детьми и окружающими лицами, были тщательно спрятаны в самых секретных спецхранах.

Лето 1918 года в России было чудовищно жестоким на убийства. Гильотина революции работала без передышки, особенно после покушения на жизнь Ленина 30 августа. Но убийство императорской семьи было особой вехой. Большевики этим актом отбросили саму видимость какого-либо правосудия. Даже если допустить, что они могли что-либо предъявить царю Николаю Александровичу, царице Александре Федоровне, то что они могли „инкриминировать“ ребенку Алексею, наследнику императора, его четырем юным дочерям: Ольге, Татьяне, Марии, Анастасии? Их было невозможно судить даже большевистским судом!

Решение об „искоренении монархии в России“, принятое в Москве, предполагало свершение руками екатеринбургских большевиков чудовищного преступления. Как удалось установить по ряду косвенных доказательств, распоряжения Лениным и Свердловым были отданы устно. Наше утверждение, что была поставлена задача „известить весь род Романовых“, подтверждается почти одновременным убийством великой княгини Елизаветы Федоровны, великого князя Сергея Михайловича, князя Ивана Константиновича, князя Константина Константиновича, князя Игоря Константиновича, графа Владимира Палея (сын великого князя Павла Александровича) — все в Алапаевске. В Перми еще раньше, мы знаем, был зверски убит брат императора великий князь Михаил Александрович.

Уничтожению царской династии большевики придавали очень большое значение. Они хотели не только исключить возможность появления на российской сцене когда-либо монархического знамени, которое мог поднять кто-либо из уцелевших, но и этим чудовищным актом хотели заставить привыкнуть народ российский к мысли: термидора, реставрации прошлого, не будет. Что к этому акту прямо причастна Москва: Ленин, Свердлов, Совнарком, ЦК — нет сомнений. Как писал М.К.Дитерихс, руководитель колчаковского расследования обстоятельств уничтожения царской семьи,

доподлинно установлено, что самая влиятельная большевистская фигура в Екатеринбурге — Голощекин, партийная кличка Филипп, в начале июля находился в Москве со специальной миссией: решить судьбу Романовых¹⁰¹. Впрочем, она была решена большевиками еще в начале века. Сейчас нужно было обговорить лишь „технику“ преступления. Голощекин был близок со Стекловым, Зиновьевым, но особенно со Свердловым, человеком, как теперь установлено, прямо причастным к ряду страшных кровавых оргий по уничтожению казачества. Мы уже упоминали, что П.М.Быков, собиравший материал о расстреле царской семьи и встречавшийся со всеми исполнителями, писал о принципиальном решении: уничтожение Романовых было „поручено“ президиуму Совета¹⁰².

Большевики, „отбиваясь“ от навалившихся на них со всех сторон в первый год своего властвования проблем, не решились на открытый суд над царем. Хотя в результатах суда тоже не приходится сомневаться. Но в этом случае остались бы живы отпрыски императорской семьи, которые, даже находясь в руках большевиков, представляли большую опасность нарождавшейся тоталитарной системе.

Одним чудовищным ударом октябрьские победители пресекали прямую линию династии Романовых, которая началась триста с лишним лет назад в Ипатьевском монастыре Костромской губернии и кончилась — о рок судьбы! — в Ипатьевском доме города Екатеринбурга.

Оставшиеся осколки династии оказались разбросанными по всему свету. За рубежом стали создаваться многочисленные монархические организации. Это, прежде всего, сторонники Николая Николаевича, считавшие, что только военная интервенция может восстановить монархию. Весьма влиятельным объединением стала организация монархистов, возглавляемая П.Н.Врангелем, со временем примкнувшая к великому князю Николаю Николаевичу. Возникли и другие монархические организации: „Союз кавалеров ордена Святого Георгия“, „Союз русских офицеров“, „Общество галлиполийцев“ — во Франции, „Церковный Совет“ в Праге, группы в Польше, Югославии, Болгарии, Турции, Италии, Швеции, Финляндии, Америке...

Неожиданно большую поддержку получил среди мо-

нархистов великий князь Кирилл Владимирович. Основная идея Кирилла — добиваться не внешней интервенции в Россию, а свергнуть советскую власть путем „глубинных“ сил русского народа внутри страны. В сообщении в Москву быстро созданной зарубежной разведки большевиков говорилось, что организованный Кириллом Владимировичем Русский легитимно-монархический союз „состоит из В.П.Мятлева, Г.Граф, фон Эттингена, С.М.Медведева, В.В.Бискунского, Немирович-Данченко, некоторых других, менее известных лиц“¹⁰³.

Кирилл Владимирович, „осенив себя Крестным знаменем, объявил Народу Русскому“: „Ныне настало время оповестить для всеобщего сведения: 4/17 июля 1918 года в городе Екатеринбурге, по приказанию интернациональной группы, захватившей власть в России, зверски убиты — Государь Император Николай Александрович, Государыня Императрица Александра Федоровна, Сын их наследник цесаревич Алексей Николаевич, Дочери их Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны...“

А посему я, Старший в Роде Царском, Единственный Законный Правопреемник Российского Императорского Престола, принимаю принадлежащий мне непрерываемо Титул Императора Всероссийского...

Дан 31 августа 1924 г. Кирилл¹⁰⁴.

Все это будет позже. После того как в ночь с 16 на 17 июля совершится злодеяние, которое продолжает глубоко волновать множество людей и сегодня. Как и в случае с „немецкими деньгами“, большевистские руководители вроде бы не оставили прямых улик о своем решении, распоряжении, указаниях физического уничтожения царя и его семьи. Но убедительных косвенных свидетельств множество. Некоторые из них я упомянул раньше. Если изложить эти свидетельства концентрированно, то они сводятся к следующему.

Прежде всего, программные установки РКП(б) исходили из необходимости физической ликвидации российского монарха. Ленин публично, как мы указали выше, говорил о необходимости казни как Вильгельма, так и Николая. Троцкий прямо указывает, что решение о расстреле семьи было принято в Москве. Достоверность этого свидетельства, по многим основаниям, не вызывает сомнений. Троцкий, второе

лицо после Ленина в революции, в ряде своих сочинений прямо указывает (как и обсуждения вопроса в Совнаркоме, ЦК РКП(б), ВЦИК), что к судьбе царя высшие органы советской власти возвращались не раз. Все сходились, что необходимо публичный суд. Но большое количество убедительных данных говорит о том, что большевистские руководители понимали, что с помощью суда (и „законной расправы“) они могут „решить вопрос“ только в отношении четы Романовых. А сын, дочери? Мучительно искался вариант ликвидации всех прямых носителей династии без открытого вмешательства центральных властей. Екатеринбургские комиссары не раз ездили в Москву и встречались со Свердловым. Это подтверждается документально. П.М.Быков в документальном очерке (конфискованном советскими властями) утверждает, что президиум Совета выполнял „поручение“.

Работой серьезной следственной комиссии под руководством Соколова было установлено, что „проект извещения Екатеринбургского президиума о расстреле бывшего царя передавался по телеграфу еще до совершения убийства, утром 16 июля, на цензуру Свердлову“... Все сказанное позволяет утверждать, что трагедия в Ипатьевском доме была тщательно разработанной операцией, в которой Москва была организатором, а Екатеринбург — исполнителем¹⁰⁵.

Сами исполнители (их показания мы еще приведем) утверждают о „сигнале“, команде „сверху“. Сам факт одобрения казни и утверждения расстрела ВЦИК уже на следующий день, говорит не просто о согласованности действий Москвы и Екатеринбурга, но и о запланированности преступной акции. Свидетельство А.А.Июффе о сознательном „вранье“ Ленина по вопросу об убийстве Романова, отказе Председателя Совнаркома выполнить элементарную просьбу М.А.Романова говорят о предрешенности вопроса о судьбе династии. Когда на заседании Пленума ЦК РКП(б) 19 мая 1918 года обсуждался вопрос (пятый в повестке дня): „Николай Романов“, Свердлов предложил „не принимать пока (курсив мой. — Д.В.) ничего по отношению к Николаю“¹⁰⁶, ибо большевистская верхушка испытывала дуализм взглядов: а) судить (но что делать тогда с детьми?),

б) уничтожить без суда (но как сохранить тогда реноме власти?).

Свердлов предложил, а Ленин согласился (с ним и весь партийный ареопаг) „не предпринимать пока“ каких-либо конкретных действий по отношению к Романовым, а искать решение, которое позволило бы ликвидировать прямую линию династии Романовых и „сохранить лицо“ большевистской власти. В июле это решение было найдено в форме проявления местной „революционной инициативы“ екатеринбургских большевиков. А Москва только ждала (после данного ею сигнала) сообщения о расстреле Романовых, чтобы тут же его одобрить.

Подобные свидетельства, которых множество, говорят прежде всего о тактической осторожности Ленина, обладавшего огромным конспиративным опытом и умевшего тонко рассчитывать варианты намеченных операций. Ленин вообще многие распоряжения (финансовые дела, назначения на должности, коминтерновские тайны, операции ЧК и др.) часто отдавал вербально, устно, нередко без свидетелей.

В партийных и кремлевских секретных фондах долгие десятилетия хранились воспоминания непосредственных убийц царя и его семьи. Эти страшные документы характеризуют машину террора, созданную большевиками, рассказывают, как происходило утверждение психологии насилия в общественном сознании страны. Мы редко задумывались над тем, что генетические корни беззаконий убийственной коллективизации, страшных чисток конца тридцатых годов, в конце войны и послевоенного „наказания“ целых народов возникли именно в послеоктябрьской социальной практике большевиков. Например, весьма интересны (и чудовищно страшны) свидетельства Я.М.Юровского, М.А. Медведева (Кудрина), И.И.Радзинского, Г.П.Никулина, некоторых других лиц, принимавших непосредственное участие в уничтожении царской семьи. При этом надо заметить, что долгие десятилетия участие в расстреле Романовых расценивалось как высокая революционная заслуга, достойная славы и государственных наград. Само по себе это свидетельствует о том, как большевизм извратил психику людей, сделал ее социально больной.

Заместитель группы палачей Г.Никулин в 40-е годы с

возмущением писал, что П. Ермаков „неприлично присваивает“ себе главные заслуги в расстреле. А Ермаков действительно писал (к негодованию других „расстрельщиков“, которые сами претендовали на первенство) в своих воспоминаниях: „Я с честью выполнил перед народом и страной свой долг — принял участие в расстреле...“ Он утверждал, что лично сам застрелил царя, императрицу, царевича Алексея и одну из царевен...

В воспоминаниях Я.М.Юровского, написанных в 1922 году (но оставшихся на долгие десятилетия в секретных фондах), говорится, что „*лока* (курсив мой. — Д.В.) не было никакого определенного решения из центра“ о судьбе семьи царя, он, как вновь назначенный комендант „Дома особого назначения“, навел там порядок, ужесточив режим¹⁰⁷. Например, императрица „позволяла себе часто выглядывать в окно и подходить близко к окну. Однажды Александра Федоровна позволила себе подойти к окну. Она получила от часового угрозу ударить штыком...“¹⁰⁸.

Юровский пишет, что „16 июля 1918 года часа в два днем ко мне в дом приехал товарищ Филипп и передал постановление Исполнительного комитета о том, чтобы казнить Николая... Ночью приедет товарищ, который скажет пароль „трубочист“ и которому нужно отдать труны, которые он похоронит и ликвидирует дело...“. Рассказ Юровского детален, обстоятелен: он себя чувствует революционным героем.

„...Вызвав внутреннюю охрану, которая предназначалась для расстрела Николая и его семьи, я распределил роли и указал, кто кого должен застрелить. Я снабдил их револьверами системы „Наган“. Когда я распределял роли, латыши сказали, чтобы я избавил их от обязанности стрелять в девиц, так как они этого сделать не смогут. Тогда я решил за лучшее окончательно освободить этих товарищей от участия в расстреле, как людей не способных выполнить революционный долг (вот она, извращенная психика! — Д.В.) в самый решительный момент... В половине второго постучали. Это приехал „трубочист“. Я пошел в помещение, разбудил доктора Боткина и сказал ему, что необходимо всем спешно одеться, так как в городе неспокойно и я вынужден их перевести в более безопасное место.

В 2 часа (ночи) я перевел конвой в нижнее помещение.

Велел расположиться в известном порядке. Сам — один — повел вниз семью. Николай нес Алексея на руках. Остальные, кто с подушкой в руках, кто с другими вещами, мы спустились в подвальное помещение... Александра Федоровна села. Алексей тоже. Я предложил всем встать. Все встали, заняв всю стену и одну из боковых стен. Комната была маленькая. Я объявил, что Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала постановил их расстрелять. Николай повернулся и спросил. Я повторил искомандовал: „Стрелять!“.

Первым выстрелил я и наповал убил Николая. Пальба длилась очень долго... Мне долго не удавалось остановить эту стрельбу, принявшую безалаберный характер. Но когда мне удалось остановить эту стрельбу, я увидел, что многие еще живы. Например, доктор Боткин лежал, опершись локтем правой руки, как бы в позе отдыхающего. Револьверным выстрелом с ним покончил. Алексей, Татьяна, Анастасия и Ольга тоже были живы. Жива была еще и Демидова. Тов.Ермаков хотел окончить дело штыком. Но однако это не удалось. Причина выяснилась позднее (на дочерях были бриллиантовые панцири вроде лифчиков). Я вынужден (заметьте, „вынужден“! — Д.В.) был по очереди расстреливать каждого. К величайшему сожалению, на вещи обратили внимание красноармейцы, которые решили их присвоить...¹⁰⁹

Трудно что-нибудь добавить к этому жуткому рассказу. Но мы скажем лишь то, что говорили сами участники убийства. Вот что добавляет Г.П.Никулин (зам.Юровского) в своем рассказе:

„...Перед расстрелом Юровский, значит, произнес такую фразу: „Ваши друзья наступают на Екатеринбург, и поэтому вы приговорены к смерти“. До них даже не дошло, понимаете, в чем дело, потому что Николай произнес только: „А!“ А в это время залп — один, второй, третий... Кое-кто был... не совсем окончательно убит. Ну, потом, значит, пришлось кое-кого дострелить... ..Анастасия и эта... закрылась, вот, подушкой — Давыдова... пришлось подушку, значит, сдёрнуть и пристрелить ее. Да... А мальчик был тут же сразу... Ну, правда, он долго ворочался, во всяком случае, с ним, с мальчиком, было покончено... ..Я, например, считаю, что с

нашей стороны была проявлена гуманность... я считал, что если я попаду в плен к белым и со мной поступят таким образом, то я буду только счастлив... ..Я не думаю, чтобы все-таки Урал сам, понимаете, принял на себя такую ответственность расстрела без санкции или хотя бы без молчаливого согласия Ленина, Свердлова или кого-нибудь из руководителей...¹¹⁰

А вот что можно добавить из воспоминания екатеринбургского большевистского руководителя участника расстрела И.И.Радзинского:

„...Я знаю, все подробности знаю. Стрельба беспорядочная шла. Вот Михаил Александрович Медведев, я знаю, мишенью избрал Николая. Так что он все в Николая стрелял.

...Ну, приводится приговор в исполнение, на это событие смотрели как на обычное... потом, конечно, начинаешь осознать историческое значение... (Заметьте: „событие обычное“. К убийствам, расстрелам быстро привыкли. Они стали нормой новой жизни. Ведь эти же участники трагедии незадолго до расправы с семьей царя без всякого суда расстреляли князя Долгорукова, генерала Татищева, графиню Гендрикову, Шнейдер, сопровождавших Романовых.)

...Вообще говоря, очень неорганизованно это было. Вот, например, Алексей 11 пулю проглотил, пока наконец умер. Очень живучий парнишка...

...Митинг после организовали. Обывательщина пришла... Голощекин, когда выступал на митинге, вдруг сказал „от Николая до малого“, чего он не должен был, конечно, говорить. Но публика, видимо, не поняла... На заводах известие было принято с подъемом. В частях Красной Армии вызвало большущий революционный подъем“¹¹².

А вот что возьмем дополнительно из воспоминаний М.А.Медведева (Кудрина), написавшего на первом листе: „Для истории. Не для печати. Член КПСС с 1911 года“.

„...Романовы совершенно спокойны — никаких подозрений... Стремительно входит Юровский и становится рядом со мной. Царь вопросительно смотрит на него... Царица перекрестилась. Юровский на полшага выходит вперед и обращается к царю:

— Николай Александрович! Попытки Ваших единомышленников спасти Вас не увенчались успехом. И вот в тяже-

люю минуту для нашей Советской республики... на нас возложена миссия покончить с Домом Романовых!

Женские крики: „Боже мой! Ах! Ох!“

Николай бормочет: „Господи, Боже мой! Господи, Боже мой! Что же это такое?!“

— А вот что такое! — говорит Юровский, вынимая из кобуры маузер.

— Так нас куда не повезут? — спрашивает глухим голосом Боткин.

Юровский хочет что-то ответить, но я уже спускаю курок моего браунинга и всаживаю первую пулю в царя. Одновременно с моим выстрелом раздается первый залп латышей... Юровский и Ермаков также стреляют в грудь Николая II почти в упор. На моем пятом выстреле Николай II валится снопом на спину.

Женский визг и стоны; вижу, как падает Боткин, у стены оседает лакей и валится на колени повар. Белая подушка двинулась от двери в правый угол комнаты. В пороховом дыму от кричащей женской группы метнулась к закрытой двери женская фигура и тут же падает, сраженная выстрелами Ермакова... В комнате ничего не видно из-за дыма — стрельба идет уже по еле видимым падающим силуэтам...

Слышим голос Юровского:

— Стой! Прекратить огонь!

Тишина. Звенит в ушах.

Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский радостный крик:

— Слава Богу! Меня Бог спас!

Шатаясь, подымается уцелевшая горничная — она прикрылась подушкой; в пуху увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят и штыками прикалывают горничную... Застонал раненый Алексей... К нему подходит Юровский и выпускает три последние пули из своего маузера. Он затих и медленно сползает со стула к ногам отца... Осматриваем остальных и достреливаем из кольта еще живых Татьяну и Анастасию. Теперь все бездыханны¹¹².

...В тот же или на другой день через Пермь выехали в Москву к В.И.Ленину и Я.М.Свердлову с докладом о ликвидации Романовых Я.М.Юровский и Г.П.Никулин. Кроме

мешка бриллиантов и прочих драгоценностей они везли все найденное в доме Ипатьева: дневники и переписку царской семьи, фотоальбомы пребывания царской семьи в Тобольске (царь был страстный фотолюбитель)...

Медведев, завершая свои записки „Для истории. Не для печати“, вспоминает, что, когда пришло из Москвы подтверждение с одобрением акции, „мы с Александром (А.Г. Белобородов) обнялись и поздравили друг друга.

Так закончилась секретная операция по избавлению России от династии Романовых. Она прошла настолько успешно, что донныне не раскрыта ни тайна дома Ипатьева, ни место захоронения царской семьи“¹¹³.

Зачем я процитировал несколько страниц этих страшных документов? Стоило ли приводить эти жуткие подробности? Нормальны ли эти люди, гордящиеся свершенным и полагающие даже, что убийство это акт „гуманизма“?

Грех цареубийства нельзя понять, не осознав революционного бесовства людей, которых заставили „империалистическую войну превратить в гражданскую“.

А ведь царь имел неизмеримо больше оснований говорить о гуманизме; сам акт его отречения во имя блага России и ее спокойствия говорит о многом. Разве не Николай начертил своей рукой в знаменитом Манифесте от 17 октября 1905 года: „Даровать незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности...“

Витте задолго до екатеринбургской трагедии писал: „Жаль царя. Жаль России. Бедный и несчастный государь. Что он получил и что оставит? И ведь хороший и неглупый человек, но безвольный, и на этой черте характера развились его государственные пороки, то есть пороки как правителя, да еще такого самодержавного и неограниченного: „Бог и Я“¹¹⁴. Возможно, Николай II и не был выдающейся личностью, но, безусловно, был благородным и мужественным. Он долго и умело лавировал в хитросплетениях российских противоречий, но не мог и думать, что его ждет еще более ужасная судьба, чем судьба Людовика XVI.

Судьба Людовика Капета обсуждалась в Конvente. Было три голосования, прежде чем смертная казнь королю была утверждена незначительным большинством голо-

сов. Людовик просит духовника и три дня жизни, чтобы подготовиться к смерти. Но председатель Конвента объявляет: „Отсрочка отвергается. Смерть в 24 часа!“ Королю дали свидание для прощания с семьей в полном сознании того, что отец и муж уходит навсегда¹¹⁵. Вдумайтесь в смысл слова — навсегда! Королю Людовику XVI было тридцать восемь лет, Николаю II — сорок девять. Гибель монархов ужасна. Но смерть Романовых усугубляется коварством бессудной, жестокой расправы большевиков. Они побоялись даже фиктивного, лживого суда...

В уничтожении царской семьи видна, как в капле воды, огромная трагедия великого народа, который, повинаясь социальной демагогии, пошел на беспрецедентное братоубийство. Трагедия в ипатьевском доме — как будто эпизод в мрачной, смертельной долине гражданской войны. Но он синтезирует в себе фарисейство большевистской пропаганды, жесткость диктатуры, коварство их вождей.

В своей книге М.К.Дитерихс задается вопросом: чем был опасен большевикам Николай II после своего отречения? Зачем его и семью нужно было не только убить, но и уничтожить?

Автор книги об убийстве царской семьи не находит удовлетворительного ответа на эти вопросы. Но не без основания резюмирует: „Трагедия династии Романовых претворилась в мистерию русского народа“¹¹⁶. Именно — мистерию. То, что казалось вдохновителям победой, в конечном счете обернулось для них историческим поражением. Убийство в Екатеринбурге высветило полную неспособность большевиков справиться с лавиной проблем без неограниченного насилия, без государственного террора. Московские власти не хотели признаться себе, что они боялись Романова, даже поверженного, но пока еще живого. ЦК, ВЦИК, Совнарком еще не могли поверить в необратимость октябрьского переворота. „Кровавый“, „идиот“, „лолоумный“ внушал кремлевским правителям мистический страх не как личность свергнутого императора, а как символ великой нации, которая может, разочаровавшись в большевиках, вновь повернуться лицом к преданному ею монарху. Желание как можно быстрее освободиться от вероятности такого варианта двигало этими людьми.

Есть ряд свидетельств, что Председатель Совнаркома

В.И. Ленин встречался с Юровским (как позже с Мальковым, расстрелявшим Ф.Каплан). Об этом, в частности, рассказывал заместитель коменданта „Дома особого назначения“ Г.П. Никитин.

— Вы не помните, встречался ли лично Юровский со Свердловым и Владимиром Ильичем Лениным?

— С Владимиром Ильичем Лениным он встречался...

— После этого события?

— После этого события.

— И он ему мог дать...

— И он ему что-то, даже записку вроде писал...¹¹⁷

Как преступника часто влечет к месту убийства, главного вдохновителя интересовали детали... Встречался Ленин с некоторыми другими участниками уральской трагедии и до ее свершения. Так, еще до убийства, в 1917 году Ленин принимал Ф.И. Голощекина¹¹⁸. Встречался и беседовал с ним на VII экстренном съезде РКП(б)¹¹⁹. Ленин, по рассказу А.В. Маркова (принимавшего участие в расправе над М.А. Романовым), беседовал с ним, Марковым, в Кремле. „Будучи в командировке по работе в Москве в 1918 году, я по делу пришел к товарищу Свердлову Я.М., он меня привел к В.И. Ленину, который спрашивал меня о ликвидации Михаила Романова; я рассказал ему, что сделано было чисто, он сказал: „Ну вот и хорошо, правильно сделали“¹²⁰.

Естественно, что в „Биографической хронике“ нет данных об этих встречах. Но там, в этой хронике, много чего нет. Хотя исключать мистификации тоже нельзя. В нашей прошлой действительности было немало фактов, когда в тщеславных целях отдельные люди занимались мистификацией (беседы с вождями, незарегистрированные подвиги, мифические события и т.д.).

Эпизод с убийством царя при написании ленинской биографии имеет, казалось бы, второстепенное значение. Но на любом портрете важны каждый штрих, каждый мазок, каждый оттенок. Операция „по ликвидации“ династии Романовых еще раз показала ленинское умение в необходимых случаях оставаться в исторической тени.

Для любого человека, постигнувшего внутренние тайны большевистской системы, ясно, что сразу же после октябрьских событий начала быстро формироваться жесткая бюро-

кратическая централизация, иерархия вождей, четкая субординация. Убийство Романовых не могло произойти „случайно“, на основании „революционной инициативы“, „спонтанно“. И хотя в воспоминаниях, которые писались хоть и не „для печати“, но под партийным контролем, нет-нет и проскальзывает мысль: „Санкцию на расстрел царской семьи Москва пока не дает“, — нет никаких сомнений в том, что все происходило по сценарию, подготовленному в Москве. Даже если предположить, что Романовых хотели сохранить, допустим, для политического торга с Германией, трудно представить, что руководители советской власти в Екатеринбурге пошли сознательно на нарушение совнаркомовского или другого московского табу.

Люди — руководители операции — были подобраны, я бы сказал, большевистски-классические. Никулин, заместитель коменданта „Дома особого назначения“, говорил, спустя многие годы, о своем начальнике Юровском: „Так вот, я считаю, что, если бы у нас было побольше таких большевиков, членов партии, каким был Яков Михайлович Юровский и его ребята, это было бы нашим счастьем, нашим достижением“¹²¹.

Так что такие люди, как Юровский, Белобородов, Голощекин, не будут заниматься самодеятельностью, своевольством, тем более что Свердлов однажды дал им указание: „Сберечь царя для всероссийского процесса“. Эти образцовые большевики не могли игнорировать власти. Они были уже важными „винтиками“ системы, которую создавал Ленин. Диктатура не терпит самоуправства. А здесь — немедленно после расправы — полное одобрение самых высших органов власти.

Система, уничтожив монарха и его семью, с ленинских времен наложила жесткую цензуру на все и вся, связанное с трагедией в Екатеринбурге. ВКП(б), а затем и КПСС не могли допустить, чтобы „романовское дело“ попало в центр исторического внимания. И жрецы Системы следили за этим очень внимательно. Вот свидетельства: два документа из „Особой папки“ Политбюро.

„26 июля 1975
№ 2004–А

ЦК КПСС

О сносе особняка Ипатьева

Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в гор. Свердловске.

Дом Ипатьева продолжает стоять в центре города. В нем размещается учебный пункт областного управления культуры... В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться, и дом Ипатьева станет объектом их серьезного внимания.

В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города...

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности — Андропов“.

Решение не заставило себя долго ждать. ЦК КПСС, как всегда, полагал, что истина может находиться в пожизненном заточении.

„Секретно.

Постановление ЦК КПСС.

О сносе особняка Ипатьева в гор. Свердловске.

1. Одобрить предложение Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР, изложенное в записке № 2004–А от 26 июля 1975 г.

2. Поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка Ипатьева в порядке плановой реконструкции города.

Секретарь ЦК¹²².

Секретарем обкома в Свердловске (Екатеринбурге) был тогда Б.Н.Ельцин. Ему было поручено специальной депешей из Москвы ликвидировать особняк Ипатьева. Указание было выполнено. И Ельцин, и все мы были тогда послушными коммунистами и были готовы исполнять волю всесильного ЦК КПСС.

Большевики привыкли действовать радикально. Возникла угроза захвата Черноморского флота немцами в Новороссийске? Утопить его. Не достанется врагу.

Берия доложил в марте 1949 года Сталину: „Черноморское побережье засорено. Кроме бандитов, есть всякие турки... А ведь там отдыхают руководители партии и правительства“. Тут же подписывается постановление: „В целях очистки Черноморского побережья и Закавказья от политически неблагонадежного элемента Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет: обязать Министерство государственной безопасности СССР (Абакумова) выселить проживающих на Черноморском побережье и в Закавказье всех турецких граждан, турок, не имеющих гражданства, и бывших турецких граждан, принятых в советское гражданство, на вечное поселение в Томскую область, под надзор органов Министерства внутренних дел“¹²³.

Проявляет буржуазная пропаганда внимание к дому Ипатьева, а следовательно, и к судьбе Романовых? Возможен еще больший интерес? Возможен. Дом — снести. И немедленно.

Такова методология большевиков. Все, что мешает, тормозит, препятствует достижению лучезарных целей, должно быть ликвидировано, уничтожено, искоренено. Немногие понимали тогда, даже Ленин не видел в этом угрозы, что ставка на радикальный максимализм, безбрежное насилие — гарантия тотального исторического поражения. И оно через десятилетия придет. Большевики сделали Николая Романова вечным мучеником и святым. Цареубийство — традиция варваров, продолженная большевиками.

А пока с помощью террора, насилия Ленину, ЦК, Совнаркому удастся контролировать положение в России. Правда, и „бывшие“, и крестьяне, и попутчики оказывают упорное сопротивление. Гремят выстрелы с обеих сторон. Беспорядочная пальба обрывает нити жизни всей семьи Романовых. Некоторые выстрелы адресуются и вождю Октября, но эти люди менее „удачливы“, чем Юровский и его команда „расстрельщиков“.

Выстрелы Фани Каплан?

В августе 1918 года Ленин много выступал. На митинге Варшавского революционного полка перед отправкой его на фронт он говорит красноармейцам, что им выпала великая честь „защищать святые идеи“. На другой день Ленин произносит речь перед коммунистами Бутырского района в помещении бывшего ресторана Скалкина. В тот же день вновь едет в клуб на Ходыньском поле на митинг красноармейцев. Наконец,

до вечернего заседания СНК успевает произнести речь на митинге рабочих завода Михельсона, что раскинулся в 3-м Щипковском переулке¹²⁴.

На этих митингах он с убежденностью говорит, что „всемирная революция неизбежна“, тем более что „в Германии уже началось такое же, как было у нас, „пораженческое движение...“¹²⁵. Ленин верит, что раз „там“ все идет так, „как было у нас“, то до мировой революции рукой подать...

2 августа приезд на завод, бывший собственностью Михельсона, прошел благополучно. Произнесена речь, услышаны недружные аплодисменты части сгрудившихся рабочих с осунувшимися лицами, быстрые динамичные шаги к автомобилю, где его шофер С.К.Гиль уже открывает дверцу...

Через месяц, 30 августа, когда солнце уже цеплялось своим нимбом за заводские трубы того же завода Михельсона, там начался новый митинг, прошедший под лозунгом „Две власти“. Встретили вождя тепло: люди смотрели на коренастую фигуру Ленина с надеждой: „скоро ли полегчает?“.

Но оратор вновь оперировал глобальными масштабами, пугал рабочих опасностью любых демократий.

— Где господствуют „демократы“ — там неприкрашенный, подлинный грабеж. Мы знаем истинную природу так называемых демократий!

Ленин утверждал, что благодаря отмене частной собственности на землю происходит теперь живое объединение пролетариата города и деревни... Оратор призвал:

— Мы должны все бросить на чехословацкий фронт, чтобы раздавить всю эту банду...

У нас один выход: победа или смерть!¹²⁶

Он еще не знал, что совсем рядом его стережет, нет, не победа, а призрак небытия.

Ленин, энергично взмахнув рукой, быстро направился к выходу.

А дальше произошло вот что. С помощью архива КГБ просмотрим некоторые документы. Помощник военного комиссара 5-й Московской Советской пехотной дивизии Батурин письменно показал Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией следующее: „В момент выхода тов. Ленина из помещения завода Михельсона, в котором происходил митинг на тему „Диктатура буржуазии и диктатура

пролетариата“, я находился от товарища Ленина на расстоянии 15—20 шагов. На лестнице, при выходе присутствовавших на митинге, стремительно бросившихся к выходу, образовался затор, и мне после больших усилий все же удалось быстро выйти на улицу.

Подойдя к автомобилю, на котором должен был уехать тов. Ленин, я услышал три резких сухих звука, которые я принял не за револьверные выстрелы, а за обыкновенные моторные звуки. Вслед за этими звуками я увидел толпу народа, до этого спокойно стоявшую у автомобиля, разбегавшуюся в разные стороны, и увидел позади кареты-автомобиля тов. Ленина, неподвижно лежавшего лицом к земле. Я понял, что на жизнь тов. Ленина было произведено покушение. Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел. Я не растерялся и закричал: „Держите убийцу тов. Ленина!“ — и с этими криками я выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди...

Добежавши до так называемой „стрелки“ на Серпуховке, я увидел позади себя около дерева с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину:

— Зачем вы сюда попали?

На эти слова она ответила:

— А зачем вам это нужно?

Тогда я, обыскав ее карманы и взяв портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина:

— Зачем вы стреляли в тов. Ленина?

На что она ответила:

— Зачем вам это нужно знать? — что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина...

Боясь, как бы ее не отбили из наших рук лица, ей сочувствующие и ее единомышленники, как бы над ней не было произведено толпой самосуда, я предложил находившимся в толпе и имевшим оружие милиционерам и красноармейцам сопровождать нас... В военном комиссариате Замоскворецкого

района эта задержанная женщина на допросе назвала себя Каплан и призналась в покушении на жизнь Ленина...¹²⁷

Кто же такая Каплан?

Допрашивали Каплан зубры большевистского правосудия и чрезвычайщины Курский, Скрыпник и Петерс. На вопросы чекистов Каплан отвечала, что она — Фани Ефимовна, урожденная Ройтман. Родилась в Вольнской губернии в семье еврейского учителя, где было у нее четыре брата и три сестры. В 1911 году семья уехала в Америку. В 1906 году, будучи анархисткой, пыталась использовать бомбу для террористического акта. Была ранена. Военно-полевым судом приговорена к бессрочной или, как ее называли, „вечной“ каторге. Сидела в Малышевской каторжной тюрьме, потом в знаменитом Акатуе. В тюрьме порвала с анархизмом и стала разделять взгляды социалистов-революционеров. После Февральской революции была освобождена. В Акатуе сидела вместе со Спиридоновой...¹²⁸

Сделаю отступление. Действительно, в Акатуе несла свой крест и легендарная Мария Александровна Спиридонова, в революции 1917 года лидер партии левых эсеров. Еще в юности она примкнула к движению социалистов-революционеров, исповедовавших террор как метод достижения своих целей. В январе 1906 года тамбовская организация эсеров совершила покушение, окончившееся смертью, на крупного губернского чиновника Г. Луженовского. Военно-полевой суд приговорил революционерку к смертной казни, которую затем заменили вечной каторгой.

Судьба этой женщины в высшей степени трагична. Отбыв 11 лет царской каторги, Спиридонова затем провела почти всю оставшуюся жизнь по советским тюрьмам и ссылкам: четыре ареста и несколько ссылок. После октябрьского переворота она пробыла, в общей сложности, считанное число месяцев на свободе под неусыпным оком ЧК—ОГПУ—НКВД.

В последний раз Мария Александровна была арестована в 1937 году, а в начале следующего года осуждена на 25 лет по вздорным стандартным обвинениям. В сентябре 1941 года Спиридонова вместе с большой группой других заключенных была расстреляна без суда в орловской тюрьме.

Мученица в числе первых дважды изолировалась от политической жизни в психиатрические больницы. Проведя большую часть своей жизни на царской каторге и в советских

тюрьмах, Спиридонова не скрывала своего неприятия большевизма, ставшего новой страшной формой подавления личности и свободы.

Каплан была из этого же племени непокорных. Даже при том, что методы, которые взяли на свое вооружение эсеры, были глубоко ошибочными, эти люди протестовали против насилия... с помощью насилия. В своих воспоминаниях о Нерчинской каторге Спиридонова пишет, что ее товарищи, протестуя против телесных наказаний, не раз прибегали к самоубийствам. Например, на Кутомарской каторге Лейбазон, Пухальский, Маслов, Рычков, Кириллов покончили с собой в знак протеста против бесчеловечного обращения надзирателей с каторжанами. Описание Спиридоновой акта самоубийства потрясает. „...Лежит товарищ на нарах. Нога положена на ногу. В его углу темно. Под себя он положил все собранное свое тряпье, чтобы под нары не потекла уличающая его кровь из перерезанных тупым ножом вен под коленями и на руках. Подкрадывается обморочное состояние. Жизнь медленно уходит вместе с кровью тела. Скоро ли, скоро ли придет освобождение?

Но постепенно тревога западает в стихшую душу, смерть не хочет приходить, молодой организм высылает свои средства самоспасения, перерезанная жила затягивается пленкой, кровь засыхает сгустками, и надо опять и опять начинать сначала. Он пилит стеклом, тычет израненное место острием, выжимает сгустки...“¹²⁹

Повторю, Фани Каплан была из этого же фанатичного революционного племени. Оказавшись 18-летней на каторге в окружении народовольцев, эсеров, других бунтарей против самодержавия и насилия над личностью, Каплан, выйдя с каторги после февраля 1917 года, сохранила в своем сердце и уме приверженность жертвенному отношению к революции. Для таких людей, как Каплан, плаха, виселица, „стенка“ — место апогея революционности, заключительный аккорд судьбы борца.

...Упавшего Ленина поднимают и усаживают в автомобиль. Гиль выжимает из машины все, что можно, спеша по булыжной мостовой в Кремль. У подъезда здания, где находилась квартира Ленина, раненый Председатель Совнаркома отказался от помощи и, сняв пальто и пиджак, самостоятельно

поднялся на третий этаж. Открывшей дверь перепуганной Марии Ильиничне бледный Ленин с вымученной улыбкой бросает:

— Ранен легко, только в руку...

Здесь уже врач А.Н.Винокуров, оказавший первую помощь пострадавшему¹³⁰. В передней комнате непрерывно звонит телефон. Врач В.Н.Розанов вспоминал: „Небольшая комната... Обычная картина, которую видишь всегда, когда беда с больным случилась внезапно, вдруг: растерянные, обеспокоенные лица родных и близких — около самого больного, подальше стоят и тихо шепчутся тоже взволнованные люди, но, очевидно, уж не столь близкие к больному. Группой с одной стороны около постели раненого врачи: В.М.Мишч, Б.С.Вейсброд, В.А.Обух, Н.А.Семашко...“¹³² Сюда же прибывает М.И.Баранов, а позже и другие специалисты. Около десятка врачей колдуют около Ленина, определяя порядок и характер первой помощи и последующего лечения. Решено регулярно публиковать официальные бюллетени о состоянии здоровья Ленина.

Управление делами Совета Народных Комиссаров публикует сообщение:

„30 августа 1918 года в 11 часов вечера констатировано два слепых огнестрельных поражения; одна пуля, войдя под левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого, вызвав кровоизлияние в плевру, и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы. Другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области. Имеются явления внутреннего кровоизлияния. Пульс 104. Больной в полном сознании. К лечению привлечены лучшие специалисты, хирурги“¹³².

Одновременно с прибытием медицинского десанта Свердлов с сотрудниками в связи с покушением готовит экстренное обращение ВЦИК ко всем Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем...¹³³ Но угрозы жизни Ленина не было. Лечащий врач В.А.Обух заявил в Моссовете, что деятельность сердца больного нормализовалась и опасности самого худшего нет. Везение оказалось на стороне лидера российских большевиков. Как писал В.Н.Розанов, это был „своеобразный, счастливый ход пули, которая, пройдя шею слева направо, сейчас же непосредственно

впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых¹³⁴.

ЦК партии, Совнарком, ВЦИК, а точнее, члены этих высших органов власти, как-то остро и вдруг осознали, что значил для них Ленин. Его твердая рука, решительность, волевая устремленность сделали возможным не только октябрьский переворот, но и создание большевистского государства. Он был мозгом и мотором всей нарождающейся тоталитарной системы. Выступая 2 сентября 1918 года на заседании ВЦИК, Троцкий в яркой и проникновенной речи заявил, что „в лице Ленина мы имеем фигуру, которая создана для нашей эпохи крови и железа... Каждый дурак может прострелить череп Ленина, но воссоздать этот череп — это трудная задача даже для самой природы“¹³⁵.

Троцкий прав: Ленин был создан для „эпохи крови и железа“. Забота после ранения о человеке, ставшем непререкаемым вождем большевиков, дала сильный импульс к славословию и восхвалению Ленина. Он как бы примерил к своей большой голове терновый венчик мученика. В печати поднялась целая волна заметок, статей, обращений, организованных партийными комитетами, с выражениями верноподданнических чувств, благодарений, признательности, пожеланий. Возможно, это была первая, не очень заметная культовая волна, без которой тоталитарное общество жить не может. Вождь и масса — основные компоненты конструкции, созданной большевиками после 1917 года. Но ради справедливости надо сказать, что Ленин был слишком умен, чтобы нежитья в лучах культовой славы.

Анжелика Балабанова, секретарь Коминтерна, написавшая о Ленине много разоблачающего, острого, едкого, тем не менее вспоминала, уже будучи далеко от земли российской: „Популярность и непререкаемая власть, которой он обладал, пожалуй, раздражали его. Ленин избегал всего, что могло привести к его обожествлению. Он так хорошо выражал свое отношение к этому, что никто в его присутствии не пытался льстить ему или выказывать подобострастие“¹³⁶. Ну а сейчас Ленин был ранен и соратники, комиссары разных рангов, хором льстили вождю. Когда ему стали приносить газеты и

телеграммы с изъявлениями своего почитания, Ленин вызвал к себе В.Д.Бонч-Бруевича и потребовал довести до сведения газет и журналов его пожелание прекратить кампанию славословия¹³⁷. Но обычно подобные пожелания лишь усиливают культовое обожествление.

Бюллетени о состоянии здоровья, однако, регулярно печатались (что-то более 35 бюллетеней было опубликовано), а это невольно возносило вождя к лику новых святых. Ну а что же Каплан? Как вела себя она после покушения и ареста? Принял ли участие в ее судьбе Ленин?

Каплан препроводили в Кремль и поместили в подвальном помещении под квартирой Свердлова. Состоялось всего несколько непродолжительных допросов, которые провели председатель Московского революционного трибунала А.Дьяконов, народный комиссар юстиции Курский, а также ответственные работники ВЧК Петерс и Скрыпник. Большевикское правосудие интересовало главное: что за организация и люди стоят за спиной Ф.Е.Каплан, кто ее подвигнул на террористическое дело, где соучастники и т.д.

Несколько допросов проходило в лучшем стиле большевистских застенков — глубокой ночью. На стуле в подвале сидела некрасивая, плоскогрудая женщина с большими ушами, нос с горбинкой, несуразно длинная тонкая шея. Лицо несчастной женщины обрамляли, однако, красивые волосы. Во взгляде блестящих печальных глаз не было смертельной тоски и испуга. Сутулившаяся женщина не отводила глаз от взгляда чекистов в кожаных куртках с маузерами, сидевших за столом. Еще в Акатуе каторжники учились „держать“ взгляд палачей и „не ломаться“.

Тихим голосом, без волнения, но с большой убежденностью в правоте совершенного террористка отвечала:

— Ни к какой партии не принадлежу...

— Почему вы стреляли в товарища Ленина?

— Я считаю, что он предатель. Чем дольше он живет, тем дальше удаляет идею социализма. На десятки лет.

— Кто послал вас совершить преступление?

После секундной заминки:

— Я совершила покушение лично от себя.

Петерс, Курский особенно добивались показаний о связях Ф.Каплан с организацией эсеров, их террористическими бое-

выми группами. Спрашивали, знакома ли она с конкретными лицами:

— Знакомы ли вы с Биценко?*

— Да, на каторге я сидела с Биценко. У Биценко я никогда не спрашивала, как попасть к Ленину. В Кремле я была всего один раз. Зензинова не знала. Как не знакома и с Беркенгейм. Биценко я видела последний раз около месяца тому назад.

— Как вы встретили Октябрьскую революцию?

— Октябрьская революция меня застала в Харькове, в больнице. Этой революцией я была недовольна, встретила ее отрицательно. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за это. По течению эсеровской партии я больше примыкаю к Чернову.

— Так почему же вы стреляли в Ленина? Кто вас направил на это дело?

— Решение стрелять в Ленина у меня созрело давно. Стреляла в Ленина я. Решилась на этот шаг еще в феврале. Эта мысль у меня назрела в Симферополе, и с тех пор я начала подготавливаться к этому шагу...¹³⁸

Эти ответы — из протокола допроса. Как видим, Каплан не пытается оправдаться, уклониться, облегчить свою участь. Но настораживает ее утверждение: „Стреляла в Ленина я“. В этом можно сильно усомниться. Хотя было много народу, никто из свидетелей прямо не указал, что видел Каплан стрелявшей. Даже шофер Гиль, который ждал Ленина у автомобиля и был рядом, на свидетельских показаниях сказал: „Когда Ленин был уже на расстоянии трех шагов от автомобиля, я увидел протянутую из-за нескольких человек женскую руку с браунингом. Были произведены три выстрела, после чего я бросился в ту сторону, откуда стреляли. Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе. Револьвер этот лежал под моими ногами. При мне револьвер никто не поднял. Поправляюсь: женскую руку с браунингом увидел после первого выстрела...“¹³⁹

Доставленные в военный комиссариат Замоскворецкого района восемнадцать свидетелей говорят примерно то же. Как

*Бывшая политкаторжанка, также прошедшая Нерчинскую каторгу, видный деятель эсеровской партии, член делегаций на Брестских мирных переговорах.

Каплан (а не чья-то женская рука) стреляла в Ленина, фактически никто не видел. А было много людей.

У Каплан было страшно плохое зрение, она ничего не видела даже вблизи, и очень сомнительно, чтобы ее взяли в группу боевиков. Арестованная Д.Тарасова, бывшая каторжанка, сидевшая с Каплан в Акатуе, заявила, что стрелявшая была почти слепая. Она „хронически теряла зрение“, которое затем едва-едва восстанавливалось¹⁴⁰. А то, что Каплан даже не пыталась скрыться и тут же, при первом допросе, подтвердила, что именно она стреляла в Ленина, настораживает еще больше. Похоже, очень похоже, что она была запланированным смертником. Казанский исследователь профессор А.Л.Литвинов утверждает, что в Ленина стрелял Протопопов — бывший помощник Попова по отряду ВЧК (в июле 1918 года). По данным, собранным Литвиновым, арестовали не одну Каплан, но и Протопопова, которого или в тот же день 30 августа, или на следующий день расстреляли. Каплан этого не знала и играла свою трагическую роль до конца.

Обращает на себя внимание заявление, которое сделала Каплан при задержании и затем повторяла заученно на допросах. Оно таково:

„1918 года, августа 30-го дня, 11 час. 30 мин. вечера, я, Фаня Ефимовна Каплан, под этим именем я сидела в Акатуе. Это имя я ношу с 1906 года. Я сегодня стреляла в Ленина. Я стреляла по собственному убеждению. Сколько раз я выстрелила — не помню.

Из какого револьвера стреляла — не скажу. Я не хотела бы говорить подробности. Я не была знакома с теми женщинами, которые говорили с Лениным. Решение стрелять в Ленина у меня созрело давно. Жила раньше не в Москве, в Петрограде не жила...

Стреляла я в Ленина потому, что считаю его предателем революции и дальнейшее его существование подрывало веру в социализм. В чем это подрывание веры в социализм заключалось, объяснить не хочу...“¹⁴¹

Арестованная упорно говорит о своем личном решении убить Ленина. Именно это заставляет сомневаться в истинности этих слов.

Не исключено, что „выстрелы Фани Каплан“ являются одной из крупных мистификаций большевиков.

Есть еще несколько загадочных обстоятельств. Браунинг,

брошенный покушавшейся, принес в ЧК лишь через три (!) дня большевик А.В.Кузнецов, который, по его словам, подобрал оружие. Но при обыске в сумочке Каплан нашли еще браунинг... Стреляли ли из него? Чей браунинг был подброшен? Следствие уклонилось в ответах на эти вопросы. Лишь через три дня (!) Яков Михайлович Юровский (да, именно тот Юровский — убийца русского царя; его выдвинули в Москву) по поручению Петерса осмотрел место происшествия, где обнаружил четыре (!) стреляные гильзы от браунинга¹⁴². Но все до одного свидетеля утверждают, что выстрелов было три...

Во время покушения пострадал еще один человек: М.Г.Попова. По ее словам, она подошла к Ленину и сказала:

— Покупать муку разрешили, а заградотряды ее отбирают...

— По новому декрету отбирать нельзя. Бороться надо.

Раздался выстрел, и я упала...¹⁴³

Как значится в справке санитарного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии, „пуля вошла с наружной стороны локтевого сустава, прошла сустав насквозь, вышла из внутренней стороны сустава и на дальнейшем пути обожгла левую грудь...“.

Но и это не все. Пуля, извлеченная немецким профессором Борхардтом из шеи, над правым грудинно-ключичным сочленением, 23 апреля 1922 года, как недавно установлено, вылетела не из браунинга № 150459, который 2 сентября 1918-го принес в ЧК А.В.Кузнецов... Есть еще важное обстоятельство. В совершенно секретном деле о покушении на В.И. Ленина террористки Ф.Е.Каплан при его проверке 26 июня 1963 года обнаружено отсутствие 11, 84, 87, 90 и 94-го листов...

Это лишь некоторая часть загадок дела, связанного с покушением на Председателя Совета Народных Комиссаров...

Что можно сказать по этому поводу?

Есть версия, выдвинутая Олегом Васильевым¹⁴⁴, что покушения не было, а состоялась его инсценировка; роли были заранее распределены, и выстрелы были холостыми. Несмотря на смелость предположения, согласиться с ним очень трудно. Достаточно сказать, что уже 31 августа около Ленина побыва-

ло 8(!) врачей и все они при осмотре видели (ощущали) пулю, находящуюся в шее...

Более реально предположить, что стреляла не Каплан. Она была лишь лицом, которое было готово взять на себя ответственность за покушение, если стрелявший (стрелявшая) не сможет скрыться. Учитывая фанатизм и готовность к самопожертвованию, выработанные на каторге, это предположение является вполне вероятным.

Но главное — в другом. Были уже сумерки революции, и власти не были заинтересованы в тщательном следствии. Было несколько коротких допросов. Не было и суда. Большевикам был нужен весомый предлог для развязывания не эпизодического, спонтанного террора, а террора масштабного, государственного, сокрушающего. Покушение помогло окончательно покончить с недавним „союзником“ — левыми эсерами, которые мешали. Террор был последним шансом удержать власть в своих руках и сделать ее полностью монополией одной, только одной партии. Поэтому для уничтожения Каплан не нужно было ни следствия, ни суда. Поэтому и само дело, его детали, сюжет, тонкости, было предано долговому—долговому заточению в архивах ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ.

Как писал комендант Кремля П.Д.Мальков, его 3 сентября вызвали в ВЧК. Ответственный сотрудник Чрезвычайной комиссии Варлам Аванесов зачитал ему постановление ВЧК: „Каплан расстрелять. Приговор привести в исполнение коменданту Кремля Малькову“.

Спустя сорок лет (почему нельзя было раньше?!) Мальков вспоминал: „Расстрел человека, особенно женщины, — дело нелегкое. Это тяжелая, очень тяжелая обязанность. Но никогда мне не приходилось исполнять столь справедливого приговора, как теперь...

— Когда? — коротко спросил я Аванесова.

— Сегодня. Немедленно.

Смертный приговор Каплан никто не отменял, и 3 сентября приговор был приведен в исполнение, и исполнил его я, коммунист, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля, Павел Дмитриевич Мальков, собственноручно¹⁴⁵.

Перед расстрелом Ф.Каплан инструктаж Малькова (палача) проводил сам Я.М.Свердлов в присутствии Я.Юровского — организатора и убийцы царя и его семьи. Было сказано:

расстрелять в гараже при заведенном моторе одного из автомобилей. Останки Каплан — уничтожить, не оставлять следов.

Судя по этим указаниям, можно проследить почерк убийц, расстрелявшей царскую семью. Для большевиков покушение Каплан оказалось очень нужным для развязывания массового террора.

Расстрел был произведен в 4 часа дня 3 сентября 1918 года. Суда над Каплан, даже фиктивного, не было. В качестве зрителя на акт расстрела напросился „пролетарский поэт“ Демьян Бедный для „революционного вдохновения“. Каплан мужественно встретила смерть, не проронив ни слова о пощаде или требовании гласного суда.

Ленин не вмешался в процесс большевистского „правосудия“. Правда, на протяжении десятилетий ходил красивый миф, что-де вождь потребовал сохранить жизнь Каплан. Что ее видели то на Соловках, то на Колыме, то в 1932-м или даже в 1938 году! Нет, все это — легенды.

Каплан видели много раз, во многих местах. И мужчин и женщин с фамилией Каплан. Как мне удалось установить, люди с фамилией Каплан в сталинское время имели немного шансов выжить. Стоило кому-нибудь сказать: а не родственница (родственник) „той Фани Каплан?“ — и судьба могла быть решена. Если не посадят, то сразу же возьмут под подозрение.

В МГБ СССР в отдел „Т“ Курбатову докладывают: „Обнаружена Каплан Фаня Львовна с мужем Капланом Владимиром Ароновичем и дочерью Каплан Марианной Владимировной. Сообщили осведомитель Ася и источник Мышкина“. Дается установка: добыть все сведения об этих людях¹⁴⁶. На этих несчастных будут только еще искать компрометирующие материалы.

А вот подполковник МГБ Шарапов уже в 1949 году со слов некоего Николаева установил, что А.В.Каплан был братом эсерки Каплан. На вопрос, от кого это ему известно, Николаев ответил, что слышал от жильцов, но от кого именно, не помнит...¹⁴⁷

А Каплан Владимир Натанович, арестованный XI отделом УНКВД Московской области в 1938 году, уже через полгода умер в тюрьме, а его сестра Флора Натановна отправилась в лагерь...¹⁴⁸

Можно долго перечислять фамилии разных несчастных

капланов. Долгие десятилетия они встречались по разным лагерям, подпитывая простодушную легенду, что „добрый Ленин“ спас жизнь самоотверженной эсерке.

Через три дня после покушения (кроме ее личного признания никто не видел и не доказал, что стреляла именно она) без следствия, без суда Фани Ефимовна Каплан, неудачливая террористка, которая, по сути, кроме каторги ничего не встретила в этой окаянной жизни, была расстреляна.

Анжелика Балабанова, встречавшаяся с Лениным в Горках после покушения, писала, что когда зашла речь о происшедшем, то он сухо бросил:

— Центральный Комитет решит, что делать с этой Каплан...¹⁴⁹

Он как будто не знал (а может, и не знал?), что террористка была уже расстреляна.

Впрочем, это предположение (о том, что Ленин не знал о судьбе Каплан) следует поставить под сильное сомнение. Трудно представить, что его соратники ничего не сказали ему о судьбе Каплан, тем более что уже с 6 сентября Ленин принимает должностных лиц, просматривает почту, отдает распоряжения. Но самое главное, раненый вождь пожелал встретиться... с комендантом Кремля П.Д.Мальковым. И эта встреча состоялась 14 сентября¹⁵⁰.

Правда, по официальным источникам, Ленин обсуждал с Мальковым возможность перевода Совнаркома из зала Судебных установлений в Большой Кремлевский дворец. Никуда, конечно, СНК не перебазировали, но с большой долей вероятности можно говорить, что Ленина мучил вопрос: как вела себя Каплан в последние минуты перед расстрелом, как уходил из жизни человек, который покушался (он ли?) на его жизнь?

О том, что слова Ленина: „Пусть Центральный Комитет решит, что делать с Каплан“, если они и были произнесены, были фарисейскими, свидетельствует тот факт, что с А.Балабановой Ленин встречался позднее, чем с Мальковым. С комендантом Кремля Председатель Совнаркома беседовал 14 сентября, а с Балабановой имел встречу в Горках после 30 сентября, когда она приехала из Стокгольма¹⁵¹. Конечно, к

этому времени оправившийся Ленин, который уже 16 сентября участвует в заседании ЦК партии, а 17 сентября председательствует на вечернем заседании Совнаркома¹⁵², все знал.

Мы так подробно остановились на этом эпизоде не случайно. Ленин с его огромным рационалистическим умом, видимо, почувствовал, что он допустил промашку, не вмешавшись в решение судьбы женщины-фанатички (тем более что мог и знать истинное имя покушавшегося). Он занял позицию незнания и отрешенности: „Центральный Комитет решит, что делать с Каплан“, прекрасно понимая, что несчастная террористка уже „ликвидирована“. Спаси он ей жизнь, сколько бы ходило сусальных легенд!

Этот фрагмент политического портрета Ленина важен для понимания глубокого ленинского прагматизма, переходящего в циничную аморальность. Хотя Ленин был не одинок. Большинство государственных деятелей в истории руководствуются сначала политическими соображениями, а затем уже нравственными категориями. Союз политики и морали в лице государственных мужей — явление очень редкое, если не уникальное. Ленин не был исключением. Как тут не вспомнить его речь на III съезде РКСМ: „Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем“¹⁵³. А ведь если вдуматься, то именно мораль является вечным атрибутом человека, благодаря этому он стремился идти вперед и выше по бесконечным ступеням общественного прогресса! Аналитик ленинской личности Дора Штурман пишет, что социальная этика Ленина „укладывается в роковую формулу Гитлера: „Я освобождаю вас от химеры совести“¹⁵⁴. Читатель может сам судить о справедливости этого вывода; я же лишь скажу, что этика Ленина была цинично-прагматичной.

Революция и ее неизбежный спутник — гражданская война — открыли шлюзы для безбрежного насилия. В этом сатанинстве гибли все: капиталисты и комиссары, белые офицеры и председатели комбедов, буржуазные лидеры и новые большевистские чиновники. Естественно, те, кто оказался отстраненным, выброшенным, ущемленным, видели виновником российской трагедии прежде всего Ленина. Особенно отличались в этом эсеры. Террор как метод решения политических проблем им всегда был близок.

В 1922 году в Берлине вышла книжка Г.Семенова — эсеровского боевика-террориста. Его откровения весьма красноречивы. Но... если бы это были откровения! Похоже, что еще в ходе процесса над эсерами в 1922 году Г.И.Семенов сломался и согласился в обмен на жизнь (тюрьму) написать разоблачительную книжку о преступлениях эсеров. Это версия, но версия, опирающаяся на содержание опуса. Сочинение Семенова больше походит на обвинительное заключение председателя революционного суда Г.А.Пятакова.

Он пишет, что группа боевиков снимала две конспиративные квартиры в Москве и две дачи под городом (по Казанской и Николаевской железным дорогам).

За Лениным и Троцким следили он (Семенов), Усов, Коноплева, Иванова и Королев. — Мы установили, что Ленин и Троцкий живут в Кремле. Троцкий, — пишет Семенов, — ежедневно выезжал в военный комиссариат, а Ленин покидал Кремль очень редко; иногда на митинги. Мы решили, что легче всего убить этих людей при выходе из автомобиля.

Наш патрон член ЦК партии эсеров Абрам Рафаилович Гоц полагал, что момент для террористических действий созрел. Считал, что Ленина следует „ликвидировать“ немедленно.

Под моим руководством была группа в составе: Каплан, Пепеляев (бывшие политкаторжане), Груздиевский и Маруся. Однако для акции по убийству Ленина была создана другая группа: Каплан, Коноплева, Федоров, Усов. Но на одном из митингов в решающий момент Усов дрогнул и не решился. Его вывели из группы. На завод Михельсона послали Каплан и рабочего Новикова. Каплан вышла вместе с Лениным и сопровождавшими его рабочими... После выстрелов Каплан бросилась бежать, но через несколько минут она остановилась, обернувшись лицом к бегущим, и ждала, пока ее арестуют“. Семенов писал, что стреляла Каплан, но не объяснил, почему она фактически сама отдалась в руки. Ведь бежали все, но не за нею...

„После покушения мы узнали, что ЦК нашей партии заявил, что эсеры не принимали участия. Мы же считали, — писал Семенов, — это трусостью. После неудачи устроить покушение (крушение — Д.В.) поезда Троцкого мы не доби-

лись успеха и в покушении на Ленина...¹⁵⁵ Так пишет один из тех, кто полагал, что с помощью террора можно изменить темпы, направление и ход исторического процесса.

Это было не единственное покушение на Ленина. Были еще попытки. Так, первой из них был обстрел 1(14) января автомобиля, в котором ехал Ленин. Выйдя из Михайловского манежа, где Председатель Совнаркома выступал перед отрядом, уезжавшим на фронт, он вместе с М.И.Ульяновой и Фрицем Платтенем отправились в Смольный. „Но не успели отъехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля, как горох, посыпались ружейные пули“. Платтен схватил Ленина за голову и пригнул ее книзу. Доехав до Смольного, обследовали машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели навывлет, пробив переднее стекло. Обнаружилось, что рука Платтена в крови. Пуля задела его, когда он отводил голову Ленина...¹⁵⁶ По всей видимости, о выступлении Ленина в манеже знали и покушавшиеся подготовили засаду. Но в тот раз пронесло...

Через год, и вновь в автомобиле, Ленин попал в опасную переделку, но теперь уже по воле обычных городских уголовников. Вечером 19 января 1919 года Ленин в сопровождении телохранителя Чабанова и сестры поехал в Сокольники, где в лесной школе по совету врачей жила Надежда Константиновна. Недалеко от железнодорожного моста автомобиль остановили трое вооруженных людей. Ленин и спутники подумали, что это просто контрольная проверка документов. „Но каково было наше удивление, — вспоминала позже Мария Ильинична, — когда остановившие автомобиль люди моментально высадили нас всех из автомобиля и, не удовлетворившись пропуском, который показал им Владимир Ильич, стали обыскивать его карманы, приставив к его вискам дула револьверов, забрали браунинг и кремлевский пропуск...

— Что вы делаете, ведь это товарищ Ленин! Вы-то кто? Покажите ваши мандаты.

— Уголовным никаких мандатов не надо...

Бандиты вскочили в автомобиль, направили на нас револьверы и пустились во весь опор по направлению к Сокольникам...¹⁵⁷

Ленин, похоже, счел „делку“ с бандитами (автомобиль, оружие, документы, деньги за свободу) удачной, коли он сослался на этот случай как прецедент удачного компромисса. „Представьте себе, — пишет Ленин в „Детской болезни „левизны“ в коммунизме“, — что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами... Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу“¹⁵⁸.

Вся Москва была поставлена на ноги. ВЧК усилила карательные операции. По сути, в столице было введено военное положение. Через пару недель начальник уголовного розыска К.Г.Розенталь докладывал:

„Ленину,
 рапорт начальника Центрального управления
 уголовного розыска

В целях расследования случая разбойного нападения на Вас при Вашем проезде по Сокольническому шоссе, а также в интересах пресечения бандитизма мною было поручено произвести обход и обследование всех частных меблированных комнат и частных квартир, в которых мог найти убежище преступный элемент г.Москвы. Были подвергнуты немедленному аресту все лица, заподозренные в причастности к нападению.

...Удалось задержать и арестовать до 200 человек, за 65-тью из которых значатся многие преступления... В покушении на Вас принимали участие бандиты Яшка Кошельков, Заяц-шофер и Ленька-сапожник. Обнаружена квартира сборища бандитов (хозяин при задержании покончил жизнь самоубийством)...“¹⁵⁹

Нетрудно заметить большевистский размах: „Немедленно арестовываются все лица, заподозренные в причастности к нападению...“ Участвовало в бандитском налете три человека, а арестовали до 200...

Охрану Ленина заметно усилили. В апреле 1919 года по предложению Сталина ЦК обсуждает вопрос об усилении гарантий безопасности Ленина¹⁶⁰. Атмосфера поиска врагов и террористов стимулировала не только принятие действительно необходимых мер, но рождала подозрительность, не-

доверие, шпиономанию. Категория бдительности стала одной из самых любимых революционерами всех уровней и рангов.

„Москва, Предсовнаркома, Ленину.

Товарищ Ленин, прошу немедленно дать мне возможность сообщить Вам тайну военных действий против Советской власти. Вас и тов. Троцкого хотят убить Ваши враги, которых я всех знаю. Передаю по настоятельной просьбе красноармейца 12-го Краснокутского железнодорожного полка Яковенко.

Саратовский губвоенком Соколов
28 апреля 1919 г.¹⁶¹“.

Таких, как Яковенко, было уже тогда много. Со временем такими станет почти вся страна. Ведь революционной, большевистской доблестью было найти, разоблачить, пресечь, выявить, обезвредить, сокрушить...

Конечно, на Ленина охотились. Но после покушений 1918 года его стали лучше охранять. Вождь большевиков был более неуязвим по сравнению с остальными вождями и потому, что он редко покидал Кремль. Ленин никогда не выезжал на фронты, не посещал губернии, не ездил в создаваемые республики, предпочитая руководить из-за стен московской цитадели. Правда, в 1922 году он совсем было уже собрался вместе с Чичериным поехать на международную конференцию в Геную. Но нездоровье помешало. К тому же ВЧК давала плохую информацию. Уншлихт докладывал: „...При сем препровождаются сведения, полученные из достоверного источника, о готовящемся покушении на тт. Ленина и Чичерина со стороны поляков.

Поляки готовят покушение на Ленина и Чичерина в случае их поездки на конференцию в Геную. Они заинтересованы, чтобы это случилось не на их территории...“¹⁶²

В последующем не раз осуществлялись меры по усилению безопасности вождя. Например, Оргбюро ЦК 7 апреля 1919 года направило коменданту Кремля перечень дополнительных мер охраны Ленина:

„Уважаемый т.Мальков!

Оргбюро постановило:

1. При выездах тов. Ленина из Кремля необходимо сопровождение 2-х автомобилей с охраной из 5 человек. Шо-

фер — партийный, преданный. Рядом — вооруженный конвоир.

2. Охрана квартиры и кабинета — часовыми из коммунистов (не менее 1 года партстаж). У часовых — сигнализация; кнопка на полу (использовать в случае нападения).

3. Вход в квартиру В.И. — по особым билетам, выдаваемым т. Лениным.

4. Перенести канцелярию вниз.

5. Перенести кабинет рядом с квартирой В.И. Ленина (рядом Зал заседаний).

6. Провести основательную чистку среди сотрудников Совнаркома.

Секретарь ЦК¹⁶³.

Покушения на Ленина — особенно связанное с именем Фани Ефимовны Каплан — имели два глубоких исторических последствия, наложивших неизгладимый отпечаток на всю советскую историю.

Последствие первое связано с началом социального идолопоклонства. Покушение на Ленина породило уродливую форму „солидарности“ с вождем, связанную с безбрежным восхвалением его заслуг, ума и воли. „Цвета“ славословия носили псевдонародный характер, ибо были пронизаны идеологическими мотивами, проявлялись в пустой, малосодержательной, часто наивной риторике. Извечная приверженность в России феномену „добраго царя“ быстро нашла новый объект своего выражения и приложения. На эту особенность дальнейшего общественно-политического развития советской России после покушения на Ленина обращают внимание в своих книгах Рональд Кларк и Нина Тумаркин¹⁶⁴. Как писал Л.Б.Красин, один из самых пронизательных большевистских руководителей, „попытка убить Ленина сделала его гораздо более популярным, чем он был до нее“¹⁶⁵.

Естественное сострадание, сочувствие простых людей, подогреваемое агитпропами и комиссарами, породило устойчивую форму идолопоклонства, которая затем получила уродливое выражение в культе Сталина при сохранении „божественности“ Ленина. Земной бог, которого сделали большевики из Ленина, породил целую псевдокультуру поклонения со своими правилами, ритуалами, обычаями. Эк-

зальтированный статус Ленина, справедливо пишет Н.Тумаркин, „позволил высшему партийному руководству присвоить себе исключительное право определять, в каких выражениях следует его описывать“¹⁶⁶.

Покушение на Ленина, таким образом, дало возможность создаваемой Системе быстрее оформить естественное для нее преувеличение роли своего лидера. Отсутствие у Ленина тщеславия не могло играть решающей роли в предотвращении этого идолопоклонства. Монополия на власть всегда ищет лицо, которое обожествляет. Это первое тяжелое последствие покушения. Оно дало простор для действия глубинных внутренних причин.

Другое последствие связано с массовым переходом к самому отвратительному социальному методу действия — неограниченному насилию. Еще до принятия декрета ВЦИК о терроре начались массовые расстрелы. Вскоре после покушения на Ленина в Петровском парке в присутствии публики расстреляли бывшего министра юстиции Щегловитова, бывшего министра внутренних дел Хвостова, бывшего директора департамента полиции Белецкого, бывшего министра Протопопова, протоиерея Восторгова и еще десятки людей. Белецкий, правда, пробовал, когда всех выстроили у стены, бежать. Но был застрелен. После расстрела команда расстрельщиков обобрала убитых...¹⁶⁷

Дело не только в том, что глубоко безнравственно в государственной политике руководствоваться чувством мести, возмездия, кровавой расплаты. Самое печальное заключается в возведении бесправия в ранг закона. Ибо „революционное право“ — это беспредел. И это не является случайным.

К осени 1918 года прочность советской власти упала до самого низкого уровня. Казалось, еще один толчок, даже собственное неосторожное движение, и „первое пролетарское государство рабочих и крестьян“ рассыплется, как песочная детская фигурка. Но, как это ни покажется парадоксальным, покушение спасло большевиков, спасло режим „пролетарской диктатуры“, вызвало второе дыхание у государственного организма. Весьма красноречиво об этом сказал „любимчик революции“ Троцкий. „В эти трагические дни (после покушения. — Д.В.) революция переживала вну-

тренний перелом. Ее „доброта“ отходила на второй план. Партийный булат получал свой окончательный закал. Возрастаала решимость, а где нужно — и беспощадность... Что-то сдвинулось, что-то окрепло, и замечательно, что на этот раз революцию спасла не новая передышка, а, наоборот, новая опасность...“¹⁶⁸

Троцкий прав: перед лицом грозной опасности большевики взяли на вооружение самый отвратительный метод спасения государства — метод массового террора против собственного народа. Войну империалистическую, как и обещал Ленин, большевики превратили в гражданскую. В этом деле им способствовали многие. В том числе и те, кто помог прогреметь выстрелам вечером 30 августа 1918 года у завода Михельсона, что в 3-м Щипковском переулке...

Гильотина террора

Покушение на Ленина стало рубежом, когда террор индивидуальный сменился террором массовым, когда он стал важнейшим компонентом государственной политики. Ленин долго этого добивался. Троцкий вспоминал, что, когда обсуждали написанный им проект „Отечество в опасности“, левый эсер Штейнберг решительно восставал против тезиса об уничтожении на месте всякого, кто будет оказывать помощь врагам:

— Наоборот, — воскликнул Ленин, — именно в этом настоящий революционный пафос (он иронически передвинул ударение) и заключается. Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?

Ленин не пропускал ни одного случая, когда при нем говорилось о революции, о диктатуре, чтобы не заметить:

— Если мы не умеем расстрелять саботажника-белогвардейца, то какая это великая революция? Одна болтовня и каша...¹⁶⁹

Впрочем, подобное можно прочесть не только у Троцкого, но и у самого Ленина. В своей брошюре „Очередные задачи советской власти“ Ленин с сожалением пишет, что „наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо“¹⁷⁰.

Ленин требовал, настаивал на решительных действиях, жестких санкциях, репрессиях как методе, с помощью которого можно было заставить людей бороться за его лозунги и призывы. Председатель Совнаркома был человеком, который умел добиваться поставленных целей. В самые напряженные моменты он мог, говорил Троцкий, становиться как бы „глухим и слепым по отношению ко всему, что выходило за пределы поглощавшего его интереса“. Сила влияния Ленина заключалась в том, что он умел внушать и убеждать. К моменту покушения на заводе Михельсона террор ВЧК был уже феноменом, от которого леденело под сердцем.

Выстрелы в Ленина пришлось как нельзя кстати. Только ценой террора, только при его помощи можно было заставить солдат новой армии воевать под Казанью и в других местах, только террором можно было вынудить контрреволюцию пригнуть голову, только террор был способен обеспечить поступление хлеба. Так считали соратники Ленина. По инициативе Свердлова и Дзержинского на обсуждение заседания Совета Народных Комиссаров 5 сентября (через неделю после покушения!) был вынесен вопрос о массовом терроре. Заседание в отсутствие Ленина вел Свердлов. В зале находились Цюрупа, Брюханов, Каменев, Крестинский, Красиков, Курский, Винокуров, Семашко, Петровский, В.М.Бонч-Бруевич, Эльцин, Юрьев, Дауге, Свидерский, Скорняков, Ногин, Владимиров, Пестковский, Покровский, Красин, Рыков, Середа, Рузер, Н.Петровский, Чуцкаев, Деметьев, Гуковский, Соловьев, Хмельницкий, В.Д.Бонч-Бруевич, Милютин, Шляпников, Мельничанский, Матрозов, Луначарский, Ландер, Шмидт, Зелист, Чичерин, Козлов, Галкин.

Эти люди (в протоколе № 192 заседания Совнаркома присутствующие приводились не по алфавиту) слушали доклад Дзержинского. Он был краток. Буржуазия и ее пособники подняли голову. Нужно отрубить голову гидре. Находясь под впечатлением покушения и волны требований пролетариата „революционной рукой“ положить конец враждебным вылазкам, народные комиссары были готовы принять любой, самый жесткий документ. Было принято печально знаменитое постановление Совета Народных Ко-

миссаров „О красном терроре“. Приведем его полностью (когда Ленин ознакомился с ним, то остался доволен. Это уже не походило на „кашу“).

„Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры“¹⁷¹.

В отсутствие Ленина постановление подписали народный комиссар юстиции Д.Курский, народный комиссар по внутренним делам Г.Петровский, управляющий делами Совнаркома Вл.Бонч-Бруевич. В этом акте, превращающем террор в государственную политику, поражает размах и социальный цинизм постановления. „Обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью“, „большая планомерность“ террора, „концентрационные лагеря“, „подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям“ — эти жуткие фразы не просто отражают аморальность рождавшейся системы, но и исторический приговор ей. Как писал еще в 1924 году Сергей Петрович Мельгунов, „моральный ужас террора, его разлагающее влияние на человеческую психику в конце концов не в отдельных убийствах, и даже не в количестве их, а именно в системе“¹⁷². Может быть, был прав Томас Карлейль, писавший, что „цивилизация все еще только внешняя оболочка, сквозь которую проглядывает дикая, дьявольская природа человека. Он все еще остается созданием природы, в котором есть как небесное, так и адское“¹⁷³. Как во времена

Великой Французской революции, когда серп гильотины непрерывно жал скорбную ниву, залпы сотрудников ЧК преживали народную массу...

Большевицкая система была намерена „планомерно“ насаждать в обществе атмосферу страха и рабского повиновения властям. Заместитель Председателя ВЧК и Председатель Революционного трибунала Петерс в интервью, даном в ноябре 1918 года, заявил: „До убийства Урицкого в Петрограде не было расстрелов, а после него — слишком много и часто без разбора, тогда как Москва в ответ на покушение на Ленина ответила лишь расстрелом нескольких царских министров“. Заметьте: „лишь нескольких министров“. Человек, допрашивавший Фани Каплан, знал, что „за покушение на Ленина“ были расстреляны сотни людей. Мечь возводится в ранг высшей революционной политики. Но тут же в интервью Петерс пригрозил: „Я заявляю, что всякая попытка русской буржуазии еще раз поднять голову встретит такой отпор и такую расправу, перед которой побледнеет все, что понимается под красным террором“¹⁷⁴.

Может быть, это самый страшный грех, который лежит на большевиках, — война против собственного народа. Могут возразить: террор применялся только по отношению к лицам, уличенным в преступных действиях против властей. Это не так. По инициативе Ленина в 1918 году широко практиковался институт заложничества — бесчеловечная норма репрессий против невинных. Еще за месяц до принятия декрета о красном терроре Ленин рекомендует Цюрупе: „...Проект декрета — в каждой хлебной волости 25–30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков...“

Цюрупа, обескураженный рекомендацией столь крутых мер, в ответной записке „обошел“ вопрос о заложниках. Ленин тут же быстро реагирует (дело было на заседании Совнаркома): „Цюрупе. Насчет заложников Вы не ответили...“

Александр Дмитриевич Цюрупа, нарком продовольствия республики, пытается „отбиться“, ибо само заложничество пугает, да и как его организовать? Хлопотно...

Ленин решительно настаивает. В новой записке Цюрупе Председатель Совнаркома уточняет свою идею: „Я предла-

гаю заложников не *взять, а назначить* поименно по волостям. Цель назначения: именно богачи, как они отвечают за контрибуцию, *отвечают* жизнью за немедленный сбор и ссыпку излишков хлеба...¹⁷⁵

Еще до декрета о красном терроре Ленин предлагает его разновидности. Как быстро у него работает ум! Еще год с небольшим назад он обвинял самодержавие и царя в репрессиях, бессмысленном насилии, полицейщине. Гнев был столь благородным и неподдельным! Но прошло немного времени, и Ленин демонстрирует робеспьеровскую решительность и беспощадность.

Ревнителю ленинского гуманизма могут „оправдать“ эти шаги обстоятельствами, вынужденностью, единичностью случаев. Но это не так. Факты эти массовы. Они были методами ленинской работы в годы гражданской войны:

„Ливны. Исполкому. Копия военкому Семашко и организации коммунистов. 20 августа 1918 г., Москва.

Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо, пока горячо, и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их...

Предсовнаркома Ленин¹⁷⁶.

Особую его ненависть вызывают кулаки — зажиточные крестьяне. Изначально богатство людей в представлении Ленина и его последователей — несмыслимый грех, искупить который можно только конфискациями и кровью. ВЧК было у кого учиться революционной решительности и беспощадности:

„Саратов. Пайкесу.

22 августа 1918 г.

...Временно советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты...

Ленин¹⁷⁷.

Когда мы говорим или думаем о ГУЛАГе, страшной чистке 1937–1939 годов, всевластии карательных органов, то эти зловещие явления обычно связываем прежде всего с

именем Сталина, Берии. Но действительным „отцом“ большевистских концлагерей, расстрелов, массового террора и надгосударственности „органов“ был, конечно, Ленин. Ведь он предлагает расстреливать „колеблющихся“, притом „никого не спрашивая“, быстро, без „идиотской волокиты“; становятся вполне понятны методы сталинской инквизиции, способной расстрелять человека на основании лишь одних подозрений.

Ленин явился не просто вдохновителем революционного террора, но и инициатором придания ему масштабного государственного характера. Когда был убит Моисей Маркович Володарский — комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, Ленин ждал решительных действий петроградских большевиков. Но они были вялыми, „половинчатыми“. Ленин быстро пишет хлесткое письмо:

„Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере *рабочие* хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты и пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, *тормозим* революционную инициативу масс, *вполне* правильную.

Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает.

Привет. Ленин“¹⁷⁸.

Можно приводить многие документы подобного характера, где Ленин, по сути, исподволь готовил государственный документ, нацеливающий партию, власть на „массовидный террор“. Ленин не только разработчик „теории социалистической революции“, „учения о партии“, „о государстве“ и множества других „теорий“ и „вкладов“ в марксизм, но и, безусловно, основоположник теории и практики большевистского терроризма.

По поручению Ленина ВЧК регулярно готовила планы борьбы с контрреволюцией на различные периоды. В июне 1921 года заместитель Председателя ВЧК Уншлихт докладывает Ленину (сделаю лишь некоторые извлечения):

„— В первую очередь ВЧК предполагает продолжать свою интенсивную работу по разрушению организационно-

го аппарата партий эсеров и меньшевиков, вылавливая как отдельных подпольных работников, так и руководителей организаций. Необходимо провести массовые операции по указанным партиям в государственном масштабе...

— ВЧК развивает усиленно агентурную работу за границей среди означенных партий.

— Всякого рода беспартийные, рабочие, крестьянские и другие конференции созываются с сугубой осторожностью...

— Разработать план в 2-недельный срок разоружения крестьянского населения во всех губерниях...

— Осуществить учет и регистрацию всех бывших помещиков, крупных арендаторов, бывших полицейских, бывших офицеров...

— Провести чистку государственного и экономического аппарата...

— Особая чистка в Самарской, Саратовской, Тамбовской губерниях и области немцев Поволжья...¹⁷⁹

Я утомил читателя. Но, думаю, он теперь имеет представление о программе полицейских действий, которые выполняли не только Дзержинский и Уншлихт, но и Сталин с Менжинским, Ежовым и Берией. Этот документ, одобренный и завизированный Лениным, — наглядный пример формирования тотальной карательной системы.

Читая подобные документы и материалы, с трудом понимаешь, как человек, рассуждавший о музыке Бетховена, коллориях Спинозы, императиве Канта, любивший убеждать и Горького и Луначарского в том, как большевики ценят интеллигенцию, мог соглашаться с тотальной полицейщиной. Как мог Ленин, претендовавший на роль вождя „нового мира“, собственной рукой писать слова: „повесить“, „расстрелять“, „взять в заложники“, „посадить в концентрационный лагерь“... И это ведь не оставалось словами. И вешали, и расстреливали, и брали в заложники, и сажали в концентрационный лагерь...

Как мы знаем, когда большевики вошли в длинную и зловещую долину террора, правовым основанием расстрелов была лишь их „революционная совесть“ и скороспелые декреты Совнаркома, поощряющие массовидный террор. Но когда эта большевистская практика стала повседневной, трагически обычной, временами — массовой, Ленин почувствовал необходимость теоретического и практического „обоснования“ политики беззакония.

Можно было бы долго рассказывать о научных изысках вождя в этой области, однако достаточно привести один его „теоретический фрагмент“. В ноябре 1920 года в журнале „Коммунистический Интернационал“ была опубликована ленинская статья „К истории вопроса о диктатуре“. Заявив привычно в начале статьи, что „кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революций...“¹⁸⁰, Ленин формулирует ряд положений, призванных оправдать и обелить революционный террор. Чего только стоит его формула: „Диктатура означает — примите это раз и навсегда к сведению... — неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть“¹⁸¹. Не на закон, заметьте... Как в шайке бандитов. Ленину очень нравится жонглировать идеями: диктатура — это власть силы, а не закона. В статье это повторяется многократно, говоря словами Горького, с „логикой топора“. Поразительно, но Ленин просто любит свое страшное научное открытие: „Неограниченная, незаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть — это и есть диктатура“¹⁸². Ленину так нравится теоретическая находка, которая сразу же все объясняет и оправдывает, что он дает даже свою дефиницию: „Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть“. По Ленину, „революционный народ“ непосредственно „чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право“¹⁸³. Расправа от имени диктатуры пролетариата и есть, по Ленину, „революционное право“.

Даже если учесть, что мы судим о „научном“ и политическом творчестве Ленина спустя многие десятилетия после того, как он писал эти строки, испытываешь содрогание от безапелляционной социальной жестокости вождя русской революции. Все правотворчество и „революционная практика“ большевиков опирались и исходили из возможности власти, не ограниченной „никакими законами, никакими абсолютно правилами...“. Глубочайший антигуманизм, извращающий все программы и цели, провозглашенные социалистами.

Немаловажная деталь: до революции Ленин, хотя и обладал решительностью делать необычные выводы („превратить войну империалистическую в войну гражданскую“), но никог-

да, за редкими исключениями, не опускался до „логики топора“, палаческой методологии. Положив свои руки на штурвал российского большевистского корабля, Ленин едва заметным движением плеч сбросил плащ социал-демократа, быстренько натянув на себя одеяние якобинца. Все его мировоззренческие и политические установки исходят из макиавеллистской посылки: удержать власть любой ценой! А эти „редкие исключения“ до октября 1917 года все же были. То была, так сказать, теоретическая репетиция.

В 1905 году Ленин в своих заметках „О терроре“ фактически оправдывает вооруженное насилие. Он пишет, что „при неслыханной жестокости правительственных преследований... политические убийства являются совершенно естественным и неизбежным ответом со стороны населения“¹⁸⁴. Видимо, „неслыханные жестокости правительственных преследований“ Ульянов испытал в Шушенском, где он оттачивал свое перо, отдыхал, охотился, занимался перепиской...

Но Ленин не ограничится теоретическим обоснованием „законности“ террористической политики, он примет самое непосредственное участие в кровавом „творчестве“. Его переписка с Дмитрием Ивановичем Курским, наркомом юстиции республики, например, весьма красноречива и показательна.

Ленин наивно надеется, что с помощью органов юстиции можно избежать начавшегося формирования огромного малоподвижного чудовища бюрократии. Особенно вождя волнует „волокита“. Он предлагает Курскому придавать фактам волокиты политическую окраску: „...обязательно этой осенью и зимой 1921/22 года поставить на суд в Москве 4–6 дел о московской волоките, подобрав случаи „полярче“ и сделав из каждого суда политическое дело...“¹⁸⁵.

Ленин продолжает надеяться, что комиссариат юстиции сможет навести „революционный порядок“ в советском аппарате, уже в первые же годы погрязшем в рутине бюрократии. „В наших гострестах, — пишет Председатель Совнаркома Курскому, — бездна безобразий. И худшие безобразники, бездельники, шалопаи, это — „добросовестные“ коммунисты, кои дают себя добросовестно водить за нос.

НКЮст и Ревтриб отвечают в первую голову за свирепую расправу с этими шалопаями и с белогвардейцами, кои ими играют...“¹⁸⁶ Ознакомившись с „безобразиями“ в комитете по

делам изобретений (как пишет Ленин, „в этих учреждениях имеется достаточное количество ученых шалопаев, бездельников и прочей сволочи...“), вождь вновь взывает к Курскому: „Нужно в Ревтрибунале поставить политический процесс... который как следует перетряхнул бы это „научное“ болото...“¹⁸⁷

Но эта „записочная“ форма управления органами правосудия не отвлекает Ленина от главного: создания правовой базы для репрессивного аппарата. Хотя слово „правовой“ в условиях диктатуры, как мы имели возможность ознакомиться, имеет мало отношения к правосудию.

В 1922 году Народный комиссариат юстиции приступил к разработке Уголовного кодекса РСФСР. Ленин не раз встречался с Курским, писал ему записки и даже формулировал проекты статей. В записке, отправленной наркому юстиции, Ленин без обиняков сразу же пишет:

„Т. Курский!

По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)...“¹⁸⁸

Через два дня юрист Ленин шлет новое послание Курскому, являющееся, по сути, методологическим и политическим указанием: „...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом; а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле...“¹⁸⁹ Более откровенно не скажешь: террор надо „узаконить принципиально“ и сформулировать сферу применения террора „как можно шире...“. Но Ленин не довольствуется этими общими принципиальными указаниями, он демонстрирует сам, как это нужно делать. К записке приложены два варианта, показывающие, как нужно „расширять применение расстрела“. Приведем только первый вариант статьи (второй мало чем отличается от первого):

„Пропаганда, или агитация, или участие, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т.п. сред-

ствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу¹⁹⁰. Перо юриста!

Ленинское творчество не было забыто. В Уголовном кодексе РСФСР в разделе „Контрреволюционные преступления“, особенно в статье 58-й с ее многочисленными модификациями, полностью учтены формулировки Ленина. За попытку „свержения“, „оказание помощи международной буржуазии“, за шпионаж, за пропаганду и агитацию статья 58 предусматривала расстрел и другие меры наказания¹⁹¹. Так что бесчисленные политические узники ГУЛАГа, „террористы“, „шпионы“, „вражеские агитаторы“, „содействовавшие буржуазии“ получали свои приговоры и сроки по статье, у истоков которой стоял сам Ленин. Впрочем, раньше это и не скрывалось. В 45-м томе Полного собрания сочинений В.И.Ленина, вышедшем в 1970 году, констатируется в редакционных примечаниях как особая заслуга вождя: „Предложения Ленина были учтены при дальнейшей разработке раздела Уголовного кодекса „О контрреволюционных преступлениях“¹⁹².

Ленину принадлежит особая роль в становлении и занятии исключительного места в советской жизни, как было принято тогда говорить, „карательных органов“. Это священный патрон ВЧК—ГПУ—НКВД—КГБ. Здесь Ленин не развивал марксизм, а творил заново, был пионером. Ведь Маркс и Энгельс не оставили „указаний“, как должны создаваться и функционировать „карательные органы“ пролетарской диктатуры. Ленин — патрон „че-ка“, глава ордена чекистов-коммунистов.

ВЧК, созданная в декабре 1917 года, вскоре по предложению Ленина получает права внесудебной расправы. Эти всемогущие органы имели полномочия арестовывать, вести следствие, выносить приговоры и приводить их в исполнение. Десятки тысяч людей были расстреляны без суда в стенах ВЧК. Но этого казалось мало. На заседании Политбюро 14 мая 1921 года под председательством Ленина принимается решение „О расширении прав ВЧК в отношении применения высшей меры наказания“¹⁹³.

Большевики террор ВЧК освящали „партийными идеалами“, тесно увязывали свою деятельность с партийными решениями. В июне 1918 года (за три месяца до принятия декрета „О красном терроре“) на партийной конференции чекистов были приняты решения:

„...2. Изъять из обращения видных и активных руководителей монархистов-кадетов, правых социал-революционеров и меньшевиков.

3. Взять на учет и установить слежку за генералами и офицерами, взять под наблюдение Красную Армию, командный состав...

4. Применить меру расстрела по отношению видных и явно уличенных контрреволюционеров, спекулянтов, грабителей и взяточников...“¹⁹⁴

Очень часто решения Политбюро предрешают выводы суда. Так, на его заседании было принято постановление „О главарях басмачей“. Там сказано: „Обязать Средне-Азиатское бюро ни в коем случае не выпускать из рук главарей басмачей и немедленно передавать их суду Ревтрибунала, имея в виду применение высшей меры наказания“¹⁹⁵. Приговор окончательный. Членам Политбюро невдомек: окончательный приговор выносит только История.

Ленин лично занимается деятельностью ВЧК; следит за назначениями, снабжением, даже „техникой“ реализации ею своих функций: охрану и надзор довести до совершенства (особые загородки, деревянные загородки, шкафы или загородки для переодевания, внезапные обыски; системы двойных и тройных внезапных проверок по всем правилам уголовно-розыскного искусства и т.д. и т.д.¹⁹⁶. Читая эти строки, можно подумать, что их писал профессионал сыскальной службы. Ленин не гнушался и сам давать указания на обыски и аресты.

„Т.Дзержинский!

...Не сочтете ли полезным провести ночью аресты по указанному адресу, т.е. в районном комитете?“¹⁹⁷

И впрямь похоже на почерк профессионала-руководителя контрразведки: даже указано с подчеркиванием, что арест полезно „провести ночью“. Но нет, это указание подписано Лениным.

Ленин, как и любой жрец диктатуры, всегда подозревает в возможности утраты „секретов“, раскрытии большевистских планов, происках заграницы против режима. Даже когда в связи с голодом в России в страну поехали иностранцы для организации раздачи продовольствия, это Ленину показалось опасным. Он пишет:

„Т.Молотов

Секретно

Ввиду договора с американцем Гувером предстоит приезд массы американцев. Надо позаботиться о надзоре и осведомлении.

Предлагаю ПБ постановить:

Создать комиссию с заданием подготовить, разработать и провести через ВЧК и другие органы усиление надзора и осведомление за иностранцами.

Состав комиссии: Молотов, Уншлихт, Чичерин. Право замены лишь членами партии и очень ответственными с согласия Молотова¹⁹⁸.

Политбюро уже привычно выступает в роли полицейского органа.

Мы десятилетиями воспитывались на ленинской „доброте“. Бесчисленные книги воспоминаний о Ленине пережевывают одни и те же хрестоматийные факты и примеры о ленинской заботе, простоте, безмерной доброте вождя. Известный историк Михаил Геллер в одной из своих работ приводит такой эпизод.

Вскоре после смерти Ленина Мария Ильинична рассказала трогательную историю о человеке, приговоренном к расстрелу в 1919 году и помилованном по указанию Ленина (подобный случай действительно имел место. — Д.В.).

— Скажите, — спрашивает Мария Ильинична, — в какой части света можно найти главу государства, который проявил бы столько внимания к человеку, совершенно для него незнакомому и чуждому?

М.Геллер проводит меткую историческую аналогию: Жюль Мишле ссылается на такой эпизод. В салоне придворной дамы Людовика XV сидел врач. Внезапно в салон вошел король и сразу же вышел. Врач при виде монарха вздрогнул и побледнел.

— Что с вами? — спросила дама. — Вы испугались?

— Конечно, — молвил врач. — Ведь это человек, который может приказать, чтобы мне отрубили голову.

— Помилуйте, король так добр...

Мишле видит в этом сказе причину Французской революции, которая свергла строй, при котором единственной гарантией, что человеку не отрубят голову, была лишь доброта короля...¹⁹⁹

„Доброта“ Ленина была особая, „революционная“. Из Царицына сообщали, что некая Валентина Першикова разрисовала портрет Ленина, вырванный из какой-то брошюры. Недремлющая губчека ее тут же арестовала. Ленин великодушен:

„Царицын, Мышкину.

За изуродование портрета арестовывать нельзя. Освободите Валентину Першикову немедленно, а если она контрреволюционерка, то следите за ней.

Предсовнаркома Ленин⁴²⁰⁰.

Доброта добротой, но на всякий случай следить надо...

Ленин был тем человеком, который выдал ЧК индульгенцию на безгрешность. Фактически уже вскоре после революции контроль над карательными органами осуществлялся лишь Политбюро, а затем — только первым лицом в государстве и партии. Если возникал конфликт между ВЧК и какими-либо государственными органами, Ленин неизменно вставал на сторону чекистов.

В декабре 1917 года председатель следственной комиссии при Петроградском Совете М.Козловский выразил протест ВЧК и написал письмо Ленину против „необоснованных расстрелов“.

„Владимир Ильич,

Прошло несколько дней, как я сообщил Сталину, что я к его услугам. Однако Сталин медлит. Я прилагаю 8 дел, по коим мой протест заслушан в ЧК...

Я предложил пересмотреть вопрос о расстрелах всех полицейских, начиная с урядника и околоточного надзирателя... Например, ЧК принимает решение о расстреле соучастницы белогвардейской группы Саложникова Крыловой. Данные — никаких, кроме того, что Крылова — жена Саложникова... Часто решение „расстрелять“ — без всякого расследования и обоснования (Кузьянова, Шустрова, Шмакова и др. Шмакова, например, только потому, что он „монархист“...)“

Ленин накладывает резолюцию: „Т.Сталин! Просмотрите и верните мне поскорее... Дзержинский мне сказал, что против этого совещания коллегия ВЧК вносит протест в ЧК. Ленин⁴²⁰¹. Ну а если Дзержинский протестует, то Ленин всегда на его стороне, ведь ВЧК — „разящий меч революции“...

Очень быстро ВЧК стала едва ли не главным атрибутом

государства, которая наводила страх не только на „массы населения“, но и на правоверных большевиков. Николай Васильевич Крыленко позже писал, что ВЧК быстро превратилась в наркомат, „страшный беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было взгляда всего того, что творилось в ее недрах“²⁰².

Чувствуя рост глухой враждебности к ВЧК, Дзержинский с согласия Ленина вошел с предложением в ЦК РКП(б) о сокращении применения высшей меры наказания в губерниях без утверждения приговоров в Москве... самой ВЧК. Одновременно Дзержинский предлагает усиление применения ВМН (высшей меры наказания. — Д.В.) „против должностных преступлений на хозяйственном фронте“²⁰³. Ленин, конечно, согласен.

Когда же была сделана попытка поставить репрессивную деятельность ВЧК под контроль Народного комиссариата юстиции, Дзержинский взбунтовался: „Отдача ВЧК под надзор НКЮста роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших „беззакониях“... Это акт не надзора, а акт дискредитирования ВЧК и ее органов... ЧК находится под надзором партии“²⁰⁴. Дзержинский был неточен: уже и тогда партия не контролировала ВЧК. Этот карательный орган был подотчетен лишь первому лицу в партии. Таковой стала эта зловещая традиция.

Так постепенно, но весьма быстро ВЧК становится государством в государстве, имея право творить суд над любым гражданином по своему усмотрению.

Но наряду с ВЧК не сидели сложа руки и трибуналы (так были названы новые суды по аналогии с Великой Французской революцией). Как вспоминал Сергей Кобяков — защитник в революционном трибунале, „приговоры этих трибуналов не могли быть обжалованы ни в апелляционном, ни в кассационном порядке. Приговор никем не утверждался и должен был приводиться в исполнение в течение 24 часов...“²⁰⁵.

Конечно, по своему размаху деятельность трибуналов не могла идти в сравнение с „эффективностью“ и масштабами ВЧК, но тем не менее и эти суды лишали жизни тысячи людей, часто лишь за одну принадлежность к „эксплуататорскому“ классу. Мы не располагаем обобщенной статистикой

за республику, но хотели бы привести несколько красноречивых цифр частного порядка.

В 1921 году, когда гражданская война начала затухать и боевые действия резко сократились, военные трибуналы по-прежнему „трудились“ не покладая рук и перьев. И хотя в 1921 году было расстреляно военнослужащих в несколько раз меньше, чем, допустим, в 1918 или 1919 году, размах революционного террора среди военных способен поразить воображение. Как докладывали Троцкому заместитель военной коллегии Верхтриба ВЦИК Н.Сорокин и заведующий учетно-статистической частью Трибунала ВЦИК М.Строгович, в 1921 году было расстреляно военнослужащих: в январе — 360 человек, в феврале — 375, в марте — 794, в апреле — 740, в мае — 419, в июне — 365, в июле — 393, в августе — 295, в сентябре — 176, в октябре — 122, в ноябре — 11, в декабре — 187. Всего уничтожено бойцов и командиров в 1921 году 4337 человек...²⁰⁶ И это в году, когда ветер победы наполнил паруса „красных“ и все их военные поражения остались позади.

Иногда Ленин сам снисходил до указаний, как проводить тот или иной процесс. Так, на заседании Политбюро 27 августа 1921 года (был узкий круг, кроме Ленина присутствовали Троцкий, Каменев, Зиновьев, Молотов, Сталин) быстро, среди других, рассмотрели вопрос о предании суду барона Унгерна. Ленин предложил постановление, согласно которому следовало устроить публичный процесс, но с заранее известным и определенным концом — расстрелом.

Такие формулы следует читать без комментариев, ибо совсем непонятно: при чем здесь суд? Крови на руках Унгерна действительно много. Но решение Политбюро не имеет отношения к суду, а есть политическая команда. Властная и безапелляционная, как приговор. Ленин в этих трех строчках и следователь, и прокурор, и судья. Адвоката не требовалось.

Но расстреливали не только буржуазию, рабочих, крестьян, красноармейцев. В самой ВЧК патронов не жалели и на собственных сотрудников, если они вызывали подозрение. Вот выдержки из заявления работников Кушкинского отделения особого отдела Туркестанского фронта в ЦК РКП(б), направленного в марте того же, 1921 года.

В заявлении, подписанном группой чекистов, говорилось,

что в особых отделах ЧК участились расстрелы. „Расстреливают сотрудников за разные преступления, и никто из коммунистов, находящихся в этих пролетарских карательных органах, не гарантирован от того, что завтра его не расстреляют, подводя под какую-либо рубрику...“ Авторы заявления пишут, что „коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат... Он не может сказать о своих взглядах, излить свои нужды, так как за все грозят расстрелом“. В сотрудниках в результате их работы, а также угрозы постоянной кары „развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т.д., и они постепенно образуют „особенную касту“²⁰⁷.

Эта „особенная каста“ была предметом постоянной заботы Ленина. Для вождя нужно обеспечить лишь одно качество ВЧК — верность ему, верность партии, верность революции. Это знают, это чувствуют и пытаются помочь новыми предложениями. Известный нам Я.С.Ганецкий предлагает Ленину установление еще большего единства ВЧК и партии. Важно, пишет Ганецкий, „установить самую тесную связь партийных организаций с чрезвычайными комиссиями... Обязать всех членов партии, занимающих ответственные посты, сообщать в чрезвычайные комиссии все сведения, поступающие к ним как частным, так и официальным путем и представляющие интерес для борьбы с контрреволюцией...“²⁰⁸. Ленин оставляет свою помету на письме: „Т.Ганецкий! Говорили ли об этом с Дзержинским? Позвоните мне. Ваш Ленин“. Без сомнения, предложение Ганецкого, человека, очень близко знавшего Ленина, по душе последнему. Пожалуй, свою любовь к ВЧК Ленин выразил в фразе: „Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист“²⁰⁹.

Ленинская школа террора включала в себя много форм: заложничество, выселение, лишение советского гражданства, расстрелы по пустяковым поводам, провокационные ловушки. В последующем Менжинский, Ягода, Ежов, Берия изощрялись, опираясь на ленинскую „методологию“ террора, изобретая новые его формы.

Например, в апреле 1941 года заместитель наркома внутренних дел И.Серов санкционировал такое „чекистское мероприятие“. Создали на советской территории на востоке ложную границу. Операция носила название „мельница“. Около

Хабаровска забрасывали со „специальным“ заданием „проверяемых“ за эту ложную границу (о чем несчастные не знали), на которой была ложная застава, ложная „японская миссия“. Забрасываемый за границу человек арестовывался „японцами“ (переодетыми чекистами). Жестоко допрашивался, затем „перевербовывался“ и вновь „японцами“ направлялся за „границу“. Его вновь хватали, теперь уже настоящие чекисты. И поскольку у „японцев“ эти люди под пытками часто сознавались в своих связях с НКВД, — осуждались особым совещанием обычно к расстрелу. Были расстреляны советские граждане С.И.Швайко, П.В.Куракин, С.С.Броилковский и сотни других людей. „Мельница“ страшной провокации была остановлена лишь начавшейся войной. Ученики школы ленинского террора оказались весьма способными...

При тяжелейшем экономическом положении республики Ленин никогда не отказывает ВЧК в финансовой поддержке. Документов, подтверждающих эту историческую реальность, множество. Но приведем хотя бы один. Ленин, будучи Председателем Совета Труда и Оборона, подписывает в ноябре 1921 года постановление СТО об отпуске ВЧК „на особые надобности“ дополнительной суммы в размере 792 000 рублей золотом²¹⁰. На фоне голода и разрухи Политбюро ЦК РКП(б) 24 ноября 1921 года подтверждает это решение СТО, лишь уточнив сумму выделяемых средств²¹¹.

ВЧК — эта российская гильотина революции — находится под постоянным присмотром Председателя Совнаркома. Он уже не скрывает, что в созданной им системе ВЧК — это один из важнейших атрибутов. Выступая в 1922 году на IX съезде Советов, Ленин признается, что „без такого учреждения власть трудящихся существовать не может...“²¹². А ведь еще за несколько недель до октябрьского переворота в 1917 году Ленин пространно писал в своем утопическом памфлете „Государство и революция“, что с взятием власти пролетариатом тут же начнет разрушаться и отмирать государство... И вот откровение: без этого важнейшего, по Ленину, учреждения „власть трудящихся существовать не может“. Взор Ленина не был способен охватить дальние горизонты социального развития. Он чаще смотрел непосредственно под ноги. А там были заботы текущего дня, его эксперименты с гигантской страной, со временем превратившейся в родину ГУЛАГа.

Гильотина революции не могла обходиться только револьвером чекиста. Большевики уже в 1918 году стали создавать концентрационные лагеря. Правда, до размаха сталинского ГУЛАГа им еще было далеко. Проще было расстрелять. Но когда стало ясно, что гражданская война выиграна, залпы карателей постепенно переросли в нестройный треск револьверных выстрелов. А остальные контрреволюционеры, террористы, саботажники должны были заполнять бараки концлагерей. Действовали с размахом. Например, на заседании Политбюро под председательством Ленина 20 апреля 1921 года было принято решение создать такой лагерь на 10–20 тысяч человек в районе Ухты²¹³. А уже через неделю на другом заседании Политбюро Дзержинский докладывал о плане „расселения кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на Ухте...“²¹⁴. Затем ВЧК предложила создать новую колонию под Холмогорами²¹⁵. И так без конца... Были они не первыми и не последними. Скоро вся секретная карта страны покроется зловещей болезненной сыпью лагерей, через которые за семь десятилетий ленинской власти пройдут миллионы людей. А ведь вроде для этих миллионов, как утверждал Ленин, свершалась Октябрьская революция.

Уже в ходе гражданской войны был получен первый опыт депортации людей. Особенно много женщин и детей было переселено с Дона и Кубани после жестоких расправ с казачеством. Тысячи этих несчастных просто погибли в лагерях и в дороге. Троцкий даже пытался предвосхитить будущие сибирские „маршруты“ Сталина. В августе 1920 года Председатель Реввоенсовета сообщал в Москву:

„На Кубани предполагаю объявить от имени правительства, что семьи уличенных в содействии Врангелю будут высланы в Забайкалье, в области, находящиеся в руках японцев, семеновцев и др. Прошу сообщить: не встречается ли возражений“²¹⁶.

Возражений „не встречалось“. Транспорта не было...

В бывших партийных архивах, хранилищах КГБ—НКВД лежат залежи писем несчастных из бесчисленных лагерей. Хотя основная часть этих человеческих документов уничтожалась тюремщиками сразу же, немало писем сохранилось. Особенно много посланий той поры, когда началась коллективизация, когда стал реализовываться „ленинский кооперативный

план". Не выбирая, приведу лишь несколько писем, которые, думаю, помогут мысленно погрузиться в то далекое и жестокое время.

„Прошение

переселенцев Северо-Двинского округа, Котласского района, от массы народа лагеря Макарихи.

Мы вас просим разобрать наши дела, за какую беду нас здесь мучат и издеваются над нами? За то, что мы хлеба помногу засевали и государству пользу приносили, а теперь негодны стали.

Если мы негодны, то пожалуйста просим вас выслать нас за границу, чем здесь нам грозят голодом и каждый день револьвер к груди приставят и расстрелять грозят. Одну женщину закололи штыком и двух мужчин расстреляли, а тысячу шестьсот в землю зарыли за какие-нибудь полтора месяца.

Массы просят вас выслать комиссию посмотреть на нас и наше местожительство, в чем мы живем? Хороший хозяин свой скот лучше помещает, а у нас снизу вода, сверху песок сыплется в глаза, мы все никогда не раздеваемся и не раздеваемся, хлеба не хватает, дают триста грамм, кипятку нет совсем, так что если еще один месяц, то совсем мало останется.

Неужели оттого, что мы хлеба помногу сеяли, Россия страдала? Мы думаем, нет, наоборот. Убытку от нас не было, а в настоящее время чистый убыток от нас и поступки с нами не гражданские, а чисто идиотские...

Вы сами подумайте, что это такое? Все отобрали и выслали. И никто не побогател, только Россию в упадок привели.

Просим Центральный Исполнительный Комитет, чтобы вы проверили кулаков Макарихи, в каком состоянии находимся: бараки наши ломаются, живем в большой опасности, бараки все обвалены дерьмом, народ мрет, отгаскиваем по 30 гробов в день. Нет ничего: ни дров для барачников, ни кипятку, ни приварки, ни бани для чистоты, а только дают по 300 грамм хлеба, да и все. По 250 человек в бараке, даже от одного духу народ начинает заболеть, особенно грудные дети, и так мучаете безвинных людей.

Наш адрес: город Котлас, Северо-Двинского округа, лагерь переселенцев. Макариха, барак 45. Год 1930-й.

И.В.Крыленко²¹⁷

Уцелевшие пытались как-то помочь ссыльным, а смельча-

ки даже ехали разыскивать несчастных. Вот письмо такого анонимного автора в „Москву, властям“.

„Пишем вашей милости и просим вас убедиться на наше письмо, которое оплакивалось у северной тундры не горькими слезами, а черной кровью...“

Приехавши на место среди северной тундры Нандомского района, мы увидели высланных невинных душ. Они выгнаны не на жительство, а на живую муку, которую мы не видели от сотворения мира...

Когда мы были на севере, мы были очевидцами того, как по 92 душ умирают в сутки; даже нам пришлось хоронить детей и все время идут похороны. Это письмо составлено только вкратцах, а если побывать там недели, как мы были, то лучше бы провалилась земля до морской воды и с нею вся вселенная и чтобы больше не был свет и все живущее на ней...“²¹⁸

Такие слова могут идти только из глубин народного сердца. Неизбывная боль обманутых, поруганных людей.

Русские люди привыкли страдать. Но те страдания, которые им уготовили большевики, не шли ни в какое сравнение с чем-либо в их истории. Потрясает, что, будучи загнанными на край земли, на верную погибель, без каких-либо шансов уцелеть, россияне свою боль нередко излагали поэтическим стоном своей души.

Еще один анонимный автор отправил „кремлевским вождям“ крик своего сердца:

*Вы многих людей расстреляли,
Вы многих сгноили в тюрьме,
Вы многих на ссылку сослали
На верную гибель в тайге.*

*Злодеи когда-то сумели
Жизнь людям хорошую дать.
А вместо того разорили
Кормилицу родину-мать.*

*Вы больше, чем царь, расстреляли,
Вы больше сгноили в тюрьме,
Вы больше на ссылку сослали,
На бедную гибель в тайге²¹⁹.*

Архипелаг ГУЛАГ стал создаваться сразу после октябрьского переворота. Ленин был его главным архитектором и творцом. Вождь большевиков, например, одобрительно отнесся к „изоляции в лагерях“, срочно создаваемых, „громадных масс, выселяемых из восставших станиц Терека, Кубани, Дона“²²⁰.

Плут русской революции, как и обещал Ленин, „перевернул Россию“. Мы редко задумываемся над тем, сколько по вине его последователей безвременно сторело человеческих жизней, сколько похоронено надежд, сколько человеческой печали унесено рекой забвения...

Напрасно ждали И.В.Крыленко, анонимные авторы писем и стихов, как и миллионы других несчастных, хоть какого-то облегчения. Ведь они, по словам Ленина, — „мелкая буржуазия“. А она — „главный враг“ революции. Если ее не уничтожить, то надо перевоспитать. Неважно, какой ценой. А весь этот процесс, по мысли вождя, вписывается в идею: „Учиться социализму“²²¹.

Большевики были уверены, что эта „учеба“, это движение к социализму невозможны без гильотины. Для Ленина цель оправдывала средства. Любые. Как он писал: „Пусть моськи буржуазного общества, от Белоруссова до Мартова, визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого, старого леса“²²².

„Щепок“, правда, были миллионы... Да и гильотина была не простая, а революционная. И создана она мыслью и делом главного творца октябрьского переворота Ульянова-Ленина.

Большевикам не удалось сотворить Рай на Земле. Но создать Ад они сумели быстро.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вместо введения. НА ЭКРАНЕ ИСТОРИИ

1. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 447, л. 1.
2. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 478, л. 3—4.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 133.
4. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 58.
5. Единство. 1917. 28 октября.
6. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 621, л. 1—5.
7. Воля России. 1924. № 3.
8. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 14, л. 1.
9. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 515, л. 1.
10. Новый журнал. Нью-Йорк, 1964. № 77. С. 250.
11. Геллер М. Ленин сегодня. Русская мысль. 1990. 21 декабря.
12. Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографа. М., 1924. С. 61.
13. The Houghton Library, BMS. Russ 13.1. (9508—9678) folder 1 of 14. Trotskiy coll., p. 1, 18.
14. The Houghton Library, BMS. Russ 13.1. (9442—9457). Trotskiy coll., p. 3.
15. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 145—166.
16. Кржижановский Г.М. Великий Ленин. М., 1982. С. 112.
17. Зиновьев Г.Е. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. Ленинград, 1925. С. 2.
18. Радек К. Портреты и памфлеты. М., 1933. С. 34.
19. Кржижановский Г.М. Великий Ленин. С. 16—17.
20. Общее дело. Париж, 1921. 21 февраля.
21. Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Лондон, 1953. С. 400.
22. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 125, л. 1.
23. XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.—Л., 1926. С. 600—601.
24. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 160.
25. Там же. Т. 44. С. 428.

Глава 1. ДАЛЬНИЕ ИСТОКИ

1. Валентинов Н.В. Малоизвестный Ленин. Париж, 1972. С. 5.
2. Новый журнал. 1961. № 65. С. 139.
3. Николаевский Б. А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии. Париж, 1937. С. 294.
4. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т. 1. С. 1.
5. Шуб Д.Н. Биография Ленина. Нью-Йорк, 1948.
6. Новый журнал. 1951. № 63. С. 286—291.
7. Новый журнал. 1961. № 61. С. 219—236.
8. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 22, л. 1.
9. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 311, л. 1.
10. Новый журнал. 1961. № 61. С. 224.
11. Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон. 1970. С. 14.
12. ЦГВИА, ф. 316, оп. 69, д. 57, л. 109.
13. РЦХИДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 471, л. 2—3.
14. См.: РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 125, л. 1.
15. РЦХИДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 471, л. 5—6.
16. ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, д. 265, л. 2—5.
17. Посев. 1984. № 1. С. 53—55.
18. Новый журнал. 1961. № 61. С. 229.
19. Чернов В. Рождение революционной России. Прага, 1934. С. 404.
20. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 25.
21. Владимир Ильич Ленин. Биография. 2-е изд. М., 1963. С. 9.
22. Большевик. 1938. № 12.
23. См.: Новый журнал. 1954. № 39. С. 216.
24. Ульянова М.И. О В.И.Ленине и семье Ульяновых. М., 1989. С. 219.
25. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 32.
26. Ленин и Симбирск. Ульяновск, 1968. С. 478.
27. См.: Ульянова-Елизарова А.И. О В.И.Ленине и семье Ульяновых. М., 1988. С. 78.
28. Новый журнал. 1955. № 40. С. 204.
29. Гейне Г. М., 1971. С. 409.

30. Ульянова–Елизарова А.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. С. 105—106.
31. Новый журнал. 1951. № 27. С. 248.
32. Фишер Л. Жизнь Ленина. С. 36.
33. См.: Кларк Р. Ленин. Человек без маски. Лондон, 1988. С. 37—58.
34. Керженцев П. Жизнь Ленина. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 13.
35. Радск К. Портреты и памфлеты. Кн. 1. М., 1933. С. 27.
36. W.Churchill. The World Crisis. The Aftermath. London. 1929, p.73.
37. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1, С. 29.
38. Ленин и Симбирск. С. 468.
39. Красный архив. 1934. № 1. С. 55—64.
40. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 21.
41. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1, С. 37.
42. В.И. Ленин и Татария. Казань, 1964. С. 134—135.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 552—555.
44. Новый журнал. 1951. № 26. С. 198—199.
45. Новый журнал. 1951. № 27. С. 296—303.
46. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 291—292.
47. Там же. С. 280.
48. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1989. Т. 2. С. 261.
49. Плеханов Г.В. Заметки публициста. М. Современная жизнь. 1906. Декабрь.
50. Тридцать дней. 1934. Январь. С. 18.
51. Войтинский Вл. Годы побед и поражений. Кн. 2. Берлин, 1924. С. 227.
52. Плеханов Г.В. Год на родине. Париж, 1921. Т. II. С. 267.
53. Гегель Г. Работы разных лет. М., 1970. Т. 1. С. 405.
54. Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. Берлин–Петербург–Москва, 1922. С. 335—336.
55. Новый журнал. 1958. № 53. С. 206.
56. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 1—66.
57. Там же. Т. 7. С. 193—194.
58. Народопрравство. М., № 20, С. 2.
59. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 532—533.

60. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 164, л. 2.
61. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 255, л. 3.
62. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 195, л. 1.
63. Новый журнал. 1958. № 53. С. 206.
64. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 47.
65. Николаевский Б. А.Н. Потресов. Опыт литературно-политической биографии. С. 21—22.
66. Плеханов Г.В. Соч. 2-е изд. М., 1924. Т. 5. С. 21, 83, 84.
67. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 290, л. 4.
68. Плеханов Г.В. Соч. М.—Л., 1927. Т. XIX. С. 54—55.
69. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 146, л. 1.
70. Троцкий Л.Д. Наши политические задачи. Женева, 1904. С. 69.
71. Письма Ленина к Горькому. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 17—18.
72. Воля России. 1924. № 3.
73. См.: Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 196.
74. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 463, л. 1.
75. Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. С. 303.
76. Там же. С. 302—303.
77. Солженицын А.И. Ленин в Цюрихе. Париж, 1975. С. 225.
78. Потресов А.Н. Очерки. Париж, 1927. С. 19.
79. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 232, 233, 234.
80. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 132.
81. Ленинский сборник. М.—Л., 1930. Т. 13. С. 93—111.
82. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 450—451.
83. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1338, л. 1.
84. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 148.
85. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. 2-е изд. М., 1972. С. 26.
86. Любящий тебя В.Ульянов. Письма В.И.Ленина матери. М., 1967. С. 36.
87. Там же. С. 37.
88. Там же. С. 57.
89. Там же. С. 119.

90. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 37.
91. РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 3, д. 20.
92. Любящий тебя В. Ульянов. С. 91, 92, 102, 120.
93. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 289, л. 2—3.
94. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 290, л. 3.
95. Пролетарская революция. 1928. № 11—12. С. 251—252.
96. Крупская Н.К. Избранные произведения. М., 1988. С. 120.
97. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 41.
98. Валентинов Н. Малознакомый Ленин. С. 31.
99. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 25342, л. 1.
100. Валентинов Н. Малознакомый Ленин. С. 34.
101. Письма Владимира Ильича к родным. М., 1985. С. 78.
102. Любящий тебя В. Ульянов. С. 108.
103. Письма Владимира Ильича к родным. С. 46, 66, 126, 133, 195.
104. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 7, л. 1.
105. Новый журнал. 1967. № 88. С. 170—171.
106. Ленин В.И. Соч. 3-е изд. Т. XXII. С. 253.
107. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 112.
108. См.: Новый журнал. 1973. № 110. С. 274—275.
109. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 113.
110. См.: Новый журнал. 1973. № 110. С. 270—273.
111. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 22, л. 1.
112. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 550, л. 1—13.
113. Ленин В.И. Соч. 3-е изд. Т. X. С. 86.
114. Там же. С. 45—47.
115. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 139.
116. Любящий тебя В. Ульянов. С. 108.
117. Валентинов Н. Малознакомый Ленин. С. 128—129.
118. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 2419.
119. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 2413, л. 1.
120. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 121.
121. Ленинский сборник. Т. XXXVIII. С. 66.

122. См.: Валентинов Н. Малоизвестный Ленин. С. 115—117.
123. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 6, л. 2
124. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 9, л. 1.
125. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 12, л. 1.
126. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 23, л. 1.
127. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 73, л. 1.
128. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1314, л. 1.
129. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 26325, л. 1.
130. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 13, л. 1.
131. РЦХИДНИ, ф. 14, оп. 1, д. 175, л. 3.
132. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 561.
133. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Петроград, 1918.
134. Письма Ленина к Горькому. С. 63, 85, 74, 76, 96, 111.
135. Новая жизнь. 1917. 7(20) ноября. № 174.
136. Ленин В.И. Соч. 3-е изд. Т. XIX. С. 276.
137. Письма Владимира Ильича Ленина к родным. С. 110.
138. Там же. С. 95.
139. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 550, л. 1—15.
140. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 741, л. 1—4.
141. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 216, л. 4.
142. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 532.

Глава 2. МАГИСТР ОРДЕНА

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 97.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 112.
3. Там же. С. 124.
4. Там же. С. 122, 125.
5. Там же. С. 136.
6. Там же. С. 178.
7. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 290, л. 4.
8. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 291, л. 2.
9. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 293, л. 12.
10. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 194, л. 1.
11. Ленин и ВЧК. М., 1975. С. 281.
12. Там же. С. 363.
13. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Обелиск. Берлин. 1924. С. 59, 48.

14. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 98—99.
15. Там же. С. 96.
16. См.: Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 11.
17. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 4, л. 1.
18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 211.
19. Там же. Т. 30. С. 347.
20. Там же. С. 346.
21. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 1, д. 403, л. 84а.
22. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.
23. Там же. Т. 30. С. 133.
24. Ленинский сборник. Т. XI. С. 397.
25. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399.
26. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 113, л. 1.
27. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 234, л. 3.
28. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 82, д. 1, л. 8.
29. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49, С. 380.
30. РЦХИДНИ, ф.2, оп. 1, д. 6898, л.1
31. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 311—313.
32. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 339—343.
33. Высочайший манифест. СПб.: Тип. А.М.Лесмана, 1906. С. 1—2.
34. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 32, 34.
35. Известия Всероссийской по делам о выборах в Учредительное Собрание комиссии. 1917. № 16—17. 10 ноября. С. 3.
36. Там же. С. 7.
37. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 240.
38. Там же. С. 241.
39. Там же. С. 240.
40. Савинков Б.В. Накануне новой революции. Варшава, 1921. С. 48.
41. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 100.
42. Там же. С. 102.
43. Там же. С. 101.
44. Штурман Д. В.И.Ленин. Париж, 1989. С. 73.
45. Горький М. Несвоевременные мысли. Париж, 1971. С. 113.
46. Новый град. Париж, 1931. № 1. С. 3.
47. См.: В.И.Ленин. Биография. Под ред. П.Н.Поспелова.

- М., 1963. С. 99–100.
48. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 249, л. 6.
49. Цит.: Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1951. С. 325.
50. Арансон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1926. С. 184.
51. Пролетарская революция. 1923. № 3/15. С. 281–291.
52. Воспоминания о В.И.Ленине. 1969. Т. 2. С. 329.
53. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 6.
54. Там же. С. 22.
55. См.: Там же. С. 284.
56. Голос. 1914. № 87.
57. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 13–14, 15.
58. Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 301–302.
59. Письма Ленина к Горькому. С. 43.
60. Новый журнал. 1986. № 164. С. 143–160.
61. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 492, л. 1.
62. Мартов Ю.О. Мировой большевизм. Искра. Берлин, 1923. С. 36–37.
63. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 4, л. 1.
64. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 13, л. 5.
65. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 74, л. 3.
66. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 75, л. 2.
67. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 113, л. 1.
68. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 101–102.
69. Новый журнал. 1961. № 63. С. 277.
70. Архив НКВД—КГБ, ф. 10427, л. 3, 10, 11.
71. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 241, л. 1.
72. Balabanoff. A. Impression of Lenin. University of Michigan Press, 1984. p. 43.
73. Письма Ленина к Горькому. С. 24.
74. Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923 гг. М., 1990. С.40.
75. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 137–141.
76. Архив ИНО ОГПУ—НКВД, арх. № 29918, л. 1–86.
77. См.: там же. Л. 26–28.
78. Там же. Л. 76–78.

79. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 205–229.
80. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 5, д. 95, л. 1.
81. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 1521, л. 1–3.
82. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 31.
83. Ленинский сборник. Т. V. С. 244–245.
84. Пролетарская революция. 1925. № 2. С. 46–53.
85. Ленинский сборник. Т. V. С. 345–358.
86. Полный сборник платформ всех русских политических партий. СПб., 1906. С. 2.
87. Там же. С. 1, 3.
88. Новый журнал. 1966. № 83. С. 255.
89. Плеханов Г.В. Соч. М.–Л., 1927. Т. XIX. С. 345.
90. Там же. С. 357.
91. Там же. С. 534, 537.
92. Дан Ф.И. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946. С. 369.
93. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 91, л. 1.
94. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 150, л. 1.
95. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 60–61.
96. Там же. Т. 51. С. 150.
97. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. С. 61–62.
98. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 241.
99. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 239, л. 5.
100. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 136, л. 1–2.
101. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 259, л. 9.
102. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1311, л. 1.
103. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 818, л. 1.
104. Новый журнал. 1947. № 15. С. 293.
105. Потресов А.Н. В плену у иллюзий. Париж, 1927. С. 7.
106. Единство. 1917. 28 октября.
107. Плеханов Г.В. Год на Родине. Париж, 1921. Т. 1. С. 21.
108. Плеханов Г.В. Соч. М.–Л., 1925. Т. XX. С. 13.
109. Плеханов Г.В. Год на Родине. С. 23.
110. Там же. С. 22.
111. Новый журнал. 1948. № 20. С. 272.
112. Большевики. 2–е изд. М., 1918. С. 222.
113. Новый журнал. 1948. № 20. С. 280.

114. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1981. С. 240–241.
115. См.: Новый журнал. 1948. № 20. С. 273–275.
116. Ленинский сборник. Т. XXXVIII. С. 292–293.
117. Новый журнал. 1948. № 20, С. 289.
118. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 190, л. 3.
119. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 232, л. 1.
120. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 482, л. 1–6.
121. Дни. Париж, 1928. 30 марта.
122. См.: Протоколы 2-го съезда Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии. Под ред. И.Лесенко и Ф.Дана. Женева, 1904.
123. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“, 1938. С. 41.
124. Рафес М. Очерки по истории Бунда. М., 1923. С. 141.
125. Мартов Ю.О. Поворотный пункт в истории сврейского рабочего движения. Женева, 1900. С. 9.
126. Новый журнал. Нью-Йорк, 1961. № 63. С. 269.
127. Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. Кн. I. Берлин–Петербург–Москва, 1922. С. 268.
128. Там же. С. 269.
129. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 32–33.
130. Мартов Ю.О. Борьба с „осадным положением“ в Российской социал-демократической рабочей партии. Женева, 1904.
131. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 57.
132. Там же. С. 246.
133. См.: Там же. С. 287.
134. Новый журнал. 1961. № 63. С. 281.
135. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1964. Кн. I. С. 242.
136. Новый журнал. 1969. № 94. С. 264–265.
137. Мартов Ю.О. Долой смертную казнь. Пг., 1918. С. 7.
138. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 396, л. 1.
139. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 149.
140. Martov. Cambridge University Press. 1968.

Глава 3. ОКТЯБРЬСКИЙ ШРАМ

1. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. С. 387.
2. Там же. С. 388.
3. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Нью-Йорк, 1951. С. 519.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 325.
5. См.: Там же. С. 322.
6. См.: Там же. С. 327.
7. См.: Там же. С. 328.
8. Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская революция 1917 г. С. 31.
9. Записи А.Н. Яхонтова. Архив Русской революции. Т. XVIII. С. 98.
10. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). С. 455–456.
11. Николай II и Великие князья. Л.–М., 1925. С. 122.
12. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 1.
13. Ганецкий Я.С. О Ленине. Отрывки воспоминаний. 1933. С. 59.
14. Заславский Д.О., Кантарович В.А. Хроника Февральской революции 1917 года. Пг., 1924. Т. 1. С. 288.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 20.
16. Там же. С. 7.
17. Там же. С. 73.
18. Там же. С. 75.
19. Зиновьев Г. Ленинизм. Л., 1925. С. 65.
20. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 14.
21. Солженицын А.И. Ленин в Цюрихе. Париж, 1975. С. 197–199.
22. „Особая папка“ (Протоколы и документы Политбюро).
23. Солженицын А.И. Ленин в Цюрихе. С. 176.
24. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 16.
25. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 414.
26. Там же. Т. 32. С. 414.
27. Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen. 1914—1918. Berlin, 1919. S. 47.
28. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 74, л.2.

29. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 427.
30. См.: Солженицын А.И. Ленин в Цюрихе.
31. Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989. С. 157.
32. The Merchant of Revolution. Oxford University Press. London, 1966.
33. Русский современник. 1924. № 1. С. 241.
34. ЦГОА, ф. 7, оп. 4, д. 127, л. 23, 47–403.
35. См.: Новый журнал. 1967. № 87. С. 300–301.
36. ЦГОА, ф. 1, оп. 8, д. 8480; оп. 2, д. 1534, л. 4, 25, 28, 71, 111–114, 168, 182, 183, 216, 266, 267.
37. The Merchant of Revolution. London. 1966.
38. Новый журнал. 1959. № 57. С. 226–267.
39. Michael Futrell. Northern Underground. London, p. 173.
40. См.: Новый журнал. 1967. № 87. С. 306–308.
41. Новая Россия. 1937. 9 мая. С. 4–5.
42. ЦГОА, ф. 198, оп. 2, д. 582, л. 19, 22; ф. 1, оп. 33, д. 33, л. 77, 78, 97 и др.
43. Новый журнал. 1967. № 87. С. 308.
44. ЦГОА, ф. 1, оп. 8, д. 8480; ф. 7, оп. 2, д. 1534, л. 4, 25, 28, 71, 111–114, 182; ф. 1, оп. 12, л. 264, 265.
45. ГАРФ, ф. к. ЦГАОР, д. 13, л. 83.
46. Там же.
47. Там же. Л. 84.
48. Там же.
49. Там же. Л. 85.
50. Там же. Л. 87.
51. Там же.
52. Там же.
53. Там же. Л. 88.
54. Michael Futrell. Northern Underground. London, p.190.
55. Никитин Б. Роковые годы. Париж, 1937. С. 117–120.
56. ГАРФ, ф.к. ЦГАОР, д. 13, л. 93.
57. Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 108–109.
58. ГАРФ, ф.к. ЦГАОР, д. 13, л. 111.
59. Там же, л. 107.

60. Z. A. B. Zeman. Germany and Revolution in Russia 1915–1918, p. 3–4, 8–10, 14.
61. ГАРФ, ф.к. ЦГАОР, д. 9, л. 66, 67.
62. Ленинский сборник. Т. XXXVI. С. 47.
63. Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 128.
64. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 122, л. 1.
65. См.: Новый журнал. 1971. № 102. С. 226.
66. Никитин Б. Роковые годы. С. 228.
67. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 415.
68. Керенский А. Издалека. Сб. статей (1920–1921 гг.). Париж, 1922. С. 172.
69. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 415.
70. Там же. Т. 34. С. 31.
71. Архив НКВД—КГБ, Р — 1073, т. 1, л. 11.
72. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 2.
73. Там же. С. 31.
74. Там же. С. 35.
75. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424.
76. Z. A. B. Zeman. Germany and Revolution in Russia 1915–1918.
77. ЦГОА, ф. 7, оп. 3, д. 394, л. 8–9.
78. Parvus A. Im Kampf um die Wahrheit. Berlin, 1918. S. 51.
79. См.: В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 120.
80. Фишер Л. Ленин. Лондон, 1970. С. 168.
81. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 226, л. 1–5.
82. ЦГОА, ф. 9, оп. 1, д. 14370, л. 12, 13.
83. ЦГОА, ф. 1, оп. 8, д. 8480, л. 95–97.
84. ГАРФ, ф.к. ЦГАОР, д. 13, л. 65.
85. Фишер Л. Ленин. С. 172.
86. Архив НКВД—КГБ, Р—1073, т. 1, л. 5.
87. Eduard Bernstein. Ein dunkles Kapitel. Forwärts (Berlin), Januar 14, 1921.
88. Germany and the Russian Revolution. London, 1958, p. 70.
89. Там же. С. 133.
90. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 79, л. 90.

91. См.: ЦГОА, ф. 1, оп. 12, д. 25023, л. 264, 265; ф. 7, оп. 1, д. 953, л. 341.
92. Гнедин Е.А. Катастрофа и второе рождение. Мемуарные записки. Амстердам, 1977.
93. Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 212.
94. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 571, л. 2.
95. Там же.
96. Там же. Л. 2.
97. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 25064, л. 1.
98. Там же, л. 2—3.
99. Архив НКВД, Р—1073, т. 1, л. 47.
100. Там же. Л. 11.
101. Там же. Л. 47.
102. Там же. Л. 57.
103. Там же. Л. 87.
104. Бонч-Бруевич В.Д. Волнения в войсках и военные тюрьмы. М., 1919.
105. Архив русской революции. 2-е изд. Т. 1. С. 76.
106. Керенский А.Ф. Издалека. С. 52.
107. См.: Архив русской революции. Т. 1. С. 22—23.
108. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 282.
109. Ленин. В.И. Соч. 4-е изд. Т. 35. С. 271.
110. Архив НКВД—КГБ, 9 отдел ПГУ, ц. 85686.
111. Чернов В. Рождение революционной России. Прага, 1934. С. 333.
112. Станкевич В.Б. Воспоминания. Берлин, 1920. С. 224.
113. Там же. С. 252.
114. Чернов А. Рождение революционной России. С. 402.
115. Потресов А.Н. В плену у иллюзий. С. 5.
116. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 294.
117. Там же. Т. 36. С. 86.
118. Там же. Т. 37. С. 107.
119. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 380, л. 1.
120. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 365.
121. Там же. С. 504.
122. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 371.
123. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 19.
124. См.: Там же. С. 63.
125. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 395.

126. Там же. Т. 36. С. 215.
127. Там же. С. 362.
128. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 33.
129. Керенский А. Издалека. С. 40.
130. Там же. С. 189.
131. Там же.
132. Сверчков Д.Ф. Керенский. 2-е изд. Л., 1925. С. 82.
133. Керенский А. Издалека. С. 177.
134. „Mercure de France“, 15 mai 1991.
135. Станкевич В.Б. Воспоминания. С. 252.
136. Чернов В. Рождение революционной России. С. 333.
137. Архив МБ, Н—18768, т. 12, л. 1—100.
138. Архив НКВД—КГБ, 9 отдел ПГУ, арх. № 85686, с. 35—36, 37—38, 79, 114, 215.
139. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 151, л. 4.
140. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 7, 3, д. 90, л. 5.
141. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 397, л. 10.
142. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 85, л. 3.
143. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 68, л. 2—3.
144. Дни. 1930. 1 июня. С. 8.
145. Там же. С. 9.
146. РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 252, л. 138.
147. Современные записки. 1922. № 9.
148. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 121—122.
149. Там же. С. 129.
150. Там же. С. 132.
151. Там же. С. 182.
152. Там же. С. 286—287.
153. Там же. С. 321.
154. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3. д. 306, л. 6—7.
155. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. С. 19.
156. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 331.
157. Там же.
158. Станкевич В.Б. Воспоминания (1914—1919).
159. Керенский А.Ф. Издалека. С. 72.
160. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 267.
161. Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. С. 96.
162. Карлейль Т. Французская революция. СПб., 1907. С. 377.

163. Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1919). Т. II. С. 387—389.
164. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 331.
165. Революция 1917 года. Рим, 1971. С. 312.
166. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 2—5.
167. См.: Там же. Т. 32. С. 433.
168. Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. 1958. С. 27—28.
169. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 277.
170. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 58—59, 61.
171. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 306, л. 3.
172. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 306.
173. См.: Буонарроти Ф. Грахх Бабеф и заговор равных. Пг.—М., 1923. С. 5—6.
174. Там же. С. 10.
175. Там же. С. 100.
176. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 5, л. 1.
177. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 153, л. 1.
178. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. VIII.
179. Там же. С. 120.
180. Там же. С. 83.
181. Там же. С. 89.
182. Там же. С. 45.
183. Там же. С. 101.
184. Красная летопись. М.—Л., 1927. № 3. С. 29.
185. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 3, д. 45, л. 1.
186. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 245, 247.
187. Макиавелли Никколо. Избранные сочинения. М., 1982. С. 351.
188. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 272—275.
189. Там же. С. 280.
190. Там же. С. 280, 281, 282.
191. Суханов Н.Н. Записки о революции. Кн.6. С. 73—75.
192. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 253.
193. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 2, д. 3590, л. 7.
194. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 1, д. 76; д. 80, л. 1—9.
195. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 242.
196. См.: Там же. С. 247.

197. ЦГОА, ф. 1345, оп. 1, д. 128, л. 29.
198. Нива. 1917. № 33.
199. ЦГОА, ф. 1345, оп. 1, д. 128, л. 15.
200. Очерки истории Ленинградской организации КПСС. 1962. Т. 1. С. 568—569.
201. См.: Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы. М., 1957. С. 343.
202. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 383—384.
203. ЦАМО, ф. 132—А, оп. 2642, д. 13, л. 7.
204. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 424.
205. ЦГОА, ф. 1345, оп. 1, д. 128, л. 23.
206. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 393.
207. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 70.
208. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 4629, л. 1—2.
209. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 4630, л. 2.
210. Мельгунов С. Как большевики захватили власть. Париж, 1953. С. 15, 18, 20.
211. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 420.
212. Там же. С. 396.
213. Троцкий Л.Д. Соч. Т. III. С. 15.
214. Там же. С. 39.
215. Керенский А.Ф. Издалека. С. 198.
216. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 5.
217. Архив МБ РФ. Н—15069, д. 14625, т. 1, л. 61.
218. Там же. С. 129—134.
219. Архив МБ РФ. Н—15318, д. 21790, т. 1, л. 281.
220. Архив МБ РФ. Н—15069, д. 21790, т. 1, л. 66.
221. Архив МБ РФ. Н—15318, д. 14625, т. 1, л. 1.
222. Там же. Л. 20.
223. Архив МБ РФ. Н—15318, д. 14625, т. 2, л. 48.
224. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 71.
225. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.
226. Ильин И.А. Русские писатели, литература и искусство. Вашингтон, 1963. С. 196.
227. Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 19.
228. Суханов Н.Н. Записки о революции. Кн.7. Берлин—Петербург—Москва, 1923. С. 160.

229. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 7. С. 174.
230. Там же. С. 219—220.
231. Рябинский К. Революция 1917 г. Т. V. Октябрь. М.—Л. С. 189.
232. Новый журнал. 1947. № 17. С. 307.
233. См.: Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 75.
234. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 75.
235. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 493, л. 17.
236. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 1, д. 11, л. 11.
237. Там же. Л. 10.
238. Гиппиус—Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 226.
239. См.: Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 74—75.
240. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 28—29.
241. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 100.
242. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 43.
243. Там же. С. 48.
244. Там же. С. 50.
245. Новый журнал. 1971. № 103. С. 220.
246. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 481.
247. Декреты Советской власти. 1957. Т. 1. С. 44—45.
248. ГАРФ, ф. 1235, оп. 37, д. 2, л. 63.
249. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 9, л. 11.
250. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 40.
251. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 46, л. 144.
252. Там же.
253. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 20.
254. ГАРФ, ф. 1235, оп. 37, д. 2, л. 43.
255. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 55—56.
256. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 7597, л. 1.
257. ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 593, л. 1.
258. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 7—8 об.
259. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 30—31.
260. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 940, л. 1—3.
261. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 359—360.
262. Новая жизнь. 1917. 7(20) ноября. № 174.
263. РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 246, л. 1.
264. РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 960, л. 30—32.

265. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 3, л. 4—4 об.
266. ГАРФ, ф. 230, оп. 1, д. 1, л. 50.
267. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 5, л. 35.
268. Там же. Л. 33.
269. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 5а, л. 3.
270. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 3, л. 21об.
271. Там же. Л. 32—33.
272. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 264.
273. Harvard University. Houghton Library. BMS Russ 13. Т—3815, р. 1.
274. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 392.
275. Карлейль Т. Французская революция. С. 150—151.
276. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 65.
277. Там же. С. 117.
278. Гиппиус З. Избранная поэзия. Париж, 1984. С. 98.
279. Известия Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное Собрание. 1917. № 1. С. 2. 6, с. 6—7.
280. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 91—92.
281. Там же. С. 93.
282. Известия Всероссийской по делам о выборах в Учредительное Собрание комиссии. С. 2.
283. Там же. С. 6.
284. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 20.
285. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 162—166.
286. См.: Новый журнал. 1958. № 52. С. 227.
287. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 94.
288. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 46об.
289. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 7, л. 18об.
290. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 3, л. 24.
291. См.: Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 456—470.
292. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 5, л. 15.
293. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 241.
294. Там же. С. 229—230.
295. Архив ОГПУ—НКВД—КГБ. Л. 1—2.
296. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 95.
297. Чернов В. Рождение революционной России. С. 29.
298. Медем В. Учредительное собрание и демократическая республика. Берлин, 1918. С. 14—15.

Глава 4. ЖРЕЦЫ ТЕРРОРА

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 172.
2. Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографа. С. 104—105.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 311.
4. Там же. Т. 50. С. 30.
5. Там же. С. 106.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 186.
7. Седьмой съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 126, 129, 131.
8. См.: Там же. С. 33, 50.
9. Там же. С. 209—210.
10. Там же. С. 42.
11. Там же. С. 87.
12. Там же. С. 63.
13. Зиновьев Г.Е. Соч. Т. 7. Ч. 1. С. 544.
14. Там же. С. 537.
15. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 2, л. 84—85.
16. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 2, д. 2788, л. 1—4.
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 84—87.
18. Там же. Т. 35. С. 40.
19. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 100.
20. Там же. С. 111.
21. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 319.
22. АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 301, л. 144.
23. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 2, д. 3734, л. 2—3.
24. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 5542, л. 1.
25. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 2, д. 1927, л. 7.
26. См.: РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 5497, л. 2.
27. Новая заря. 1918. № 2. С. 3—4.
28. АПРФ, ф. 33, оп. 1, д. 2, л. 16.
29. Там же. Л. 25—27.
30. Ленин В.И. Военная переписка (1917—1920). М., 1956. С. 36.
31. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 497.
32. Новый журнал. 1986. № 162. С. 233.
33. Соломон Г. Среди красных вождей. Париж, 1930. Т. 1. С. 85.

34. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 459.
35. Новый журнал. 1986. № 162. С. 241, 243.
36. Там же. С. 243.
37. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 113.
38. См.: Там же. Т. 36. С. 525.
39. АВП, ф. 82, оп. 1, п. 5, д. 28.
40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 56.
41. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 13, л. 70—85; оп. 1, д. 572, л. 13—15.
42. Свердлов Я.М. Избр. произв. М., 1960. Т.3. С. 28—29.
43. Новый журнал. 1986. № 162. С. 259.
44. Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А. Царство Антихриста. Мюнхен, 1921. С. 55—56.
45. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 41, л. 63.
46. Головин Н.И. Российская контрреволюция. Ч. I. Париж, 1937. С. 89—90.
47. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133.
48. Там же. Т. 39. С. 343.
49. Там же. Т. 35. С. 204.
50. Там же. Т. 37. С. 40—41.
51. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1338, л. 1—2.
52. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 106.
53. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 11, л. 229.
54. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 7, л. 11.
55. Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926. С. 27.
56. Там же. С. 29, 31, 32.
57. Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1963. С. 18—19.
58. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 1, д. 403, л. 87а.
59. Ленин В.И. Военная переписка. М., 1956. С. 39, 133, 137.
60. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 209.
61. Там же. С. 189.
62. Там же. Т. XXXIV. С. 65.
63. Там же. С. 122.
64. Троцкий Л.Д. О Ленине. 2-е изд. С. 117, 118.
65. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 202.

66. Ленин В.И. Из эпохи гражданской войны. М., 1934. С. 44.
67. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 109, л. 1.
68. Ленинский сборник. Т. XXIV. С. 12.
69. Архив НКВД—КГБ, арх. № 501, т. 3, л. 616.
70. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 121.
71. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 32, л. 311.
72. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 454, л. 1.
73. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 717, л. 1.
74. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 242.
75. Там же. С. 293.
76. Там же. С. 372.
77. Там же. Т. 37. С. 511.
78. Там же. Т. 38. С. 325.
79. Гиппиус—Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 241.
80. Гиппиус З. Избранная поэзия. Париж, 1984. С. 114.
81. Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 149—150.
82. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 242.
83. РЦХИДНИ, ф. 19, оп. 1, д. 159, л. 1.
84. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 668—669.
85. Тридцать дней. 1934. № 1. С. 15—19.
86. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 183.
87. Там же. Т. 31. С. 310.
88. Там же. Т. 11. С. 41, 68, 158, 263, 294, 310, 329, 395 и др.
89. Там же. Т. 34. С. 35, 56, 59, 66, 285 и др.
90. Там же. Т. 32. С. 97, 186; Т. 36. С. 85, 215, 269, 362.
91. Там же. Т. 32. С. 268.
92. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 6601, л. 1.
93. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 6606, л. 1.
94. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 6623, л. 1.
95. Троцкий Л.Д. Дневники и письма. Нью-Йорк: Эрмитаж. 1986. С. 101.
96. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 165—166.
97. См.: РЦХИДНИ, ф. 19, оп. 1, д. 158, л. 8.

98. Рабочая революция на Урале. Екатеринбург, 1921. С. 3—29.
99. РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 12, л. 30.
100. АПРФ, ф. 31, оп. 1, д. 4, л. 216.
101. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи. Ч. I. С. 23—163.
102. См.: Рабочая революция на Урале. С. 3—29.
103. Архив ИНО ОГПУ, дело № 343, т. 2, л. 23—26.
104. Архив ИНО ОГПУ, литерное дело „Монархисты“, 324, т. 2, л. 52.
105. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи. Ч. I. С. 359—373.
106. АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 280, л. 1.
107. Там же. Л. 12.
108. Там же. С. 10.
109. Там же. Л. 12—13.
110. РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 12, л. 18, 19, 59.
111. Там же. Л. 28, 29, 30, 41.
112. Там же. Л. 52—54.
113. Там же. Л. 60, 61.
114. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 245.
115. См.: Карлейль Т. Французская революция. С. 427—429.
116. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи. Ч. II. С. 57.
117. РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 12, л. 48.
118. Исторический архив. М., 1957. № 5. С. 198.
119. ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 58, л. 13 об.
120. Литературная Россия. 1990. 21 сентября. № 38. С. 19.
121. РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3, д. 12, л. 43.
122. АПРФ. „Особая папка“ (Протоколы Политбюро и Секретариата ЦК КПСС).
123. АПРФ. „Особая папка“. Протокол заседания Политбюро № 68 от 4 апреля 1949 года, л. 1.
124. РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 1648, л. 4.
125. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 29.
126. Там же. С. 83—85.
127. ЦА КГБ, д. 4—200, л. 7.
128. Там же. Л. 8—10.
129. Спиридонова М.А. Из воспоминаний о Нерчинской каторге. М., 1926. С. 82—84.

130. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 1, д. 86, л. 5.
131. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. С. 309.
132. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 1, д. 85, л. 1.
133. Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 266.
134. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 310.
135. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 152, 157—158.
136. Balabanoff A. Impression of Lenin. University of Michigan Press, 1984. P. 1—2.
137. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 2, д. 453, л. 1—2.
138. См.: ЦА КГБ, д. 4—200, л. 8—11.
139. ЦА МБ РФ, 4—200, л. 22, 22 об.
140. ЦА МБ РФ, ф. 4, оп. 10, л. 2197, л. 126.
141. Там же. Л. 109.
142. ЦА МБ РФ, 4—200, л. 12, 12 об.
143. ЦА МБ РФ, ф. 4—200, л. 17.
144. Независимая газета. 1992. 29 августа.
145. Москва. 1958. № 11. с. 123—161.
146. ЦА МБ РФ, ф. 4, оп. 10, д. 2197, л. 101.
147. Там же. Л. 185—186.
148. Там же. Л. 191—192.
149. Balabanoff A. Lenin. Psychologische Beobachtungen und Betrachtungen. Hannover. 1959. S. 1—2.
150. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 2, д. 3272, л. 1—2.
151. РЦХИДНИ, ф. 86, оп. 1, д. 35, л. 79.
152. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. С. 127, 129, 130, 147.
153. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 298—318.
154. Штурман Д. В.И. Ленин. С. 75.
155. См.: Семенов (Васильев) Г.И. Военная и боевая работа социалистов-революционеров в 1917—1918 годах. Берлин, 1922. С. 36—41.
156. См.: Правда. 1925. 14 января.
157. Ульянова М.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Очерки. Письма. 2-е изд. 1989. С. 113—117.
158. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 19.
159. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 26388, л. 1—2.
160. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 306, л. 3.
161. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 60, л. 15.

162. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 306, л. 8—9.
163. Там же. Л. 1—1об.
164. Кларк Р. Ленин. Человек без маски. М., 1989.
165. L. Krassin. His Libe and Work by his wife. London, 1929. P.97.
166. N. Tumarkin. Lenin Lives! N.G. P. 106.
167. Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. VII. С. 273.
168. Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографа. С. 121, 122.
169. Там же. С. 104, 105.
170. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 196.
171. ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 2, л. 241—242.
172. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 2-е изд. Берлин, 1922. С. 6.
173. Карлейль Т. Французская революция. С. 505.
174. Утро Москвы. 1918. № 21. 4 ноября.
175. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 145—146.
176. Там же. С. 186—187.
177. Там же. С. 189.
178. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 106.
179. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 641, л. 1—6.
180. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 369.
181. Там же. С. 376.
182. Там же. С. 380.
183. Там же. С. 383.
184. Ленинский сборник. Т. XXXVIII. С. 23.
185. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 1.
186. Там же. С. 209.
187. Там же. С. 221.
188. Там же. С. 189.
189. Там же. С. 190.
190. Там же. Т. 45. С. 189—190.
191. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1938. С. 26—32.
192. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 549.
193. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 164, л. 2.
194. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 4, д. 194, л. 3—3 об.
195. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 302, л. 5.
196. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 222—223.

197. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 114.
198. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 830, л. 1.
199. Вестник русского христианского движения. 1976. № 119. С. 193.
200. Ленинский сборник. Т. XXIV. С. 172.
201. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 133, л. 1—2.
202. Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. М., 1923. С. 97.
203. РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 149, л. 8—8 об.
204. Там же. Л. 30—32 об.
205. Архив русской революции. Т. VII. С. 246.
206. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 141, л. 179.
207. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 228, л. 13—13 об.
208. В.И.Ленин и ВЧК. М., 1975. С. 281.
209. Там же. С. 363.
210. См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 239.
211. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 234, л. 3.
212. В.И.Ленин и ВЧК. С. 544.
213. См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 153, л. 2—6.
214. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 190, л. 2.
215. Там же. Л. 3.
216. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 392, л. 108.
217. ГАРФ, ф. 3316, оп. 1, д. 448, л. 71—72.
218. Там же. Л. 72, 73.
219. ЦГАНХ, ф. 7486, оп. 37, д. 198, л. 52—53.
220. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 463, л. 1.
221. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 255, 257.
222. Там же. С. 193.

УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов В.С. 388
Абрамович (Рейн) Р. 148,
149, 158
Аванесов В.А. 365, 399
Авинов Н.Н. 315
Авилов (Глебов) Н.П.
297, 303, 305, 344
Авксентьев Н.Д. 139,
247, 299, 318
Авторханов А. 23
Адлер В. 78, 123, 139, 201
Аксельрод П.Б. 65, 92,
153, 175, 303
Аксельрод Л.И. 270
Алгасов В.А. 311
Алданов (Ландау)
М.А. 247
Александр I
(Романов) 336
Александр II
(Романов) 57
Александр III
(Романов) 61
Александра Федоровна
(Алиса Гессен-
Дармштадтская) 364,
373, 374, 376, 378, 380
Александров П.А. 285
Александрович В.А.
(Дмитриевский П.А.) 312
Алексеев М.В. 213,
349, 351
Алексей (Романов) 374,
376, 380, 381, 382
Алексинский Г.А. 88,
214, 265
Аллилуев С.Я. 263, 269
Альтфатер В.М. 365
Андреюшкин П.И. 61
Андриканис 106, 127
Андропов Ю.В. 387
Анин Д. 23
Анненков Ю.П. 38
Антонов-Овсеенко В.А.
284, 293, 297, 329, 355
Аралов С.И. 355
Арансо Г. 139
Аристотель 186
Арманд И. (Е.Ф.) 27, 88,
107, 186, 191, 204, 205,
216, 219, 228

Бабеф Г. 268, 278, 294
Багоцкий С.Ю. 139
Бакунин М.А. 71, 72,
82, 114
Балабанова А.И. 23, 147,
217, 394, 401
Балахович (Булак-
Балахович) С.Н. 10
Бамбуров М.С. 96
Баранов М.И. 393
Барановская 247
Батурин 389

- Бебель А. 41, 203
Бедный Д. (Придворов Е.А.) 259, 400
Беленький Г.Я. 186
Белецкий С.П. 408
Беркенгейм А.М. 396
Белинский В.Г. 165
Белобородов А.Г. 383, 386
Белоруссов (Бельский) А.С. 430
Беляев Г. 301
Беранже П.Ж. 336
Бердяев Н.А. 9, 12, 23, 37, 75, 117, 120, 121, 135, 145, 183, 327
Берзин Я.А. 31
Берия Л.П. 246, 249, 388, 414, 415, 425
Беркенгейм А.М. 396
Бернар С. 113
Бернштейн Э. 78, 166, 222, 223, 240
Бетман-Гольвег Т. 198, 217, 224
Бетховен Л. ван 415
Беянсон 247
Бискунский Б.В. 376
Бищенко (Камеристая) А.А. 396
Бланк А.Д. 42, 45, 46, 48
Бланк М.А. см. Ульянова М.А.
Бланки Л.О. 118
Бланки 44, 45, 50, 268
Блок А.А. 336
Блюм А.А. 149
Богданов А.А. 107, 110, 123, 175
(Малиновский) 82, 104, Богдасарян Т. 102
Боголепов Д.П. 303
Бокль Г.Т. 68
Бонч-Бруевич В.Д. 71, 133, 259, 260, 310, 334, 365, 367, 395, 410, 411
Бонч-Бруевич В.М. 410
Борхардт 398
Бош Е.Б. 129, 357
Брамсон Л.М. 315
Брешко-Брешковская Е.К. 164, 318
Бриллиантов М.А. 311
Брок см. Якубова А.А.
Брокдорф-Ранцау У. 198, 216
Бронский М.Г. 190
Бронштейн (Троцкий) Л.Д. см. Троцкий (Бронштейн) Л.Д.
Брюханов Н.П. 410
Бубнов А.С. 280, 282, 299, 332, 333
Булгаков М.А. 135
Бунаков И. (Фундаминский И.И.) 135, 245, 322
Буонарроти Ф. 268
Бургина А.М. 48
Бурев К. 158
Буров 301
Бухарин Н.И. 21, 85, 157, 230, 320, 332, 333, 337
Бурцев В.Л. 23, 214, 270
Быков П. 301
Быков П.М. 372, 375, 377
Валентинов (Вольский) Н.В. 24, 38, 39, 45, 48, 54,

- 60, 64, 69, 74, 96, 98, 99,
104, 156, 158, 165
Валецкий (Горниц)
М.Г. 231
Вальденбург А. 301
Вамбуров М.С. 96
Ванеев А.А. 75
Вангенхайм 203
Васильев О. 398
Вахрамеев И.И. 344
Вацетис (Вацетис) И.И.
125, 352, 368
Вейсброд Б.С. 393
Веретенникова А.А. 98
Вильгельм II
Гогенцоллерн 183, 184,
185, 216, 224, 346, 368,
373, 376
Винавер М.М. 315
Винокуров А.Н. 365,
393, 410
Винниченко 336
Витте С.Ю. 151, 152, 153
Вишневский 108
Вишняк М.В. 69, 315,
318, 320
Владимиров 410
Власов А.А. 141
Водовозов В.В. 55
Водовозова М. 93
Войтинский В.С. 72
Володарский В.
(Гольдштейн М.М.) 220,
330, 414
Вольпер И. 43
Воровский В.В. 213, 323
Воронский А.К. 43
Воронцов В.П. 174
Воронцов Н. 308
Восторгов И.И. 408
Врангель П.Н. 235,
375, 427
Вырубов 295
Гагарин 209
Галкин 410
Гальперин Л.Е. 225
Ганелин С. 80
Ганецкая Г.А. 232
Ганецкий (Фюрстенберг)
Я.С. 104, 110, 120, 186,
191, 197, 201, 204, 205,
206, 208, 210, 211, 212,
214, 215, 216, 218, 219,
221, 224, 225, 227, 228,
229, 230, 231, 232,
343, 425
Ганецкая Х.Я. 232
Ганецкий С.Я. 232
Гапон Г.А. 122, 150
Гегель Г.В.Ф. 73, 186
Гейне Г. 62
Геллер М. 23, 421
Гельфанд-Парвус А.Л.
см. Парвус (Гельфанд)
А.Л.
Гендрикова 381
Генералов В.Д. 61
Гессен В.М. 315
Гессен-
Дармштадтский 373
Гертлинг 224, 342
Герцен А.И. 71, 87, 168
Гиль С.К. 389, 392, 396
Гильбо А. 217
Гинзбург С.М. 44, 48
Гишпиус З.Н. 295, 314,
347, 354, 363, 364

- Гирзон 160
Гитлер (Шикльгрубер)
А. 159, 217, 245, 402
Глебов Н. (Авилов Н.П.)
см. Авиллов (Глебов) Н.П.
Гнедин Е.А. 226, 227
Говорухин О.М. 59, 61
Годнев И.В. 234
Голощекин Ф.И. 372,
375, 381, 385, 386
Гомберг В.В. 315
Гонфенгауз М. 79
Горбачев М.С. 244,
285, 286
Гордов В.Н. 280
Горкун 61
Горький (Пешков) А.М.
74, 79, 82, 83, 106, 110,
111, 112, 134, 147, 157,
186, 202, 203, 227, 288,
289, 308, 415, 416
Гопнер С.И. 337
Гофман М. 222, 223
Гоц А.Р. 318, 403
Градзицкий М.И. 315
Граф Г. 376
Гребинг 208
Гримм Р. 197
Громан-Духанина
Е.П. 205
Гросскопф А.Г. 45, 46
Гросскопф Й.Г. 52
Гросскопф К. 46
Гросскопф Е. 53
Гросскопфы 52
Груздиевский 403
Гувер Г.К. 421
Гукасов 247
Гуковский И.Э. 365, 410
Гуль Р. 23
Гурвич Л.М. 148, 149
Гусев С.И. (Драбкин
Я.Д.) 32, 150, 175, 352,
355
Густав IV Адольф 52
Гучков А.И. 192, 195, 234
Гюго В. 186
Давыдова 380
Далленвах 217, 234
Дан (Гурвич) Ф.И. 23,
122, 144, 148, 149, 155,
156, 157, 158, 170,
270, 323
Дан Л.О. 149, 173
Данишевский К.Ю.Х.
352, 368
Данненберг С.Р. 99
Дарвин Ч. 68
Дантон Ж.Ж. 296
Дауге П.Г. 410
Двинов Б. 173
Дейч Л.Г. 13, 160
Дементьев 410
Демидов 247
Демидова 380
Деникин А.И. 244, 267,
355, 362
Детисов 289
Джонсон Х. 371
Джугашвили (Сталин)
И.В. см. Сталин
(Джугашвили) И.В.
Дзевалтовский И.Л. 256
Дзержинский Ф.Э. 84,
120, 133, 143, 167, 240,
280, 299, 312, 329, 373,

- 410, 415, 420, 422, 423,
425, 427
Диаманд Г. 139
Дитерихс М.К. 374, 384
Добраницкий М.М. 317
Добролюбов Н.А. 56,
60, 68
Долгоруков 381
Достоевский Ф.М. 23, 71
Драбкина Е.Я. 177
Дурново П.Н. 67
Духонин Н.Н. 295
Дьяконов А. 395
Дыбенко П.Е. 220
Дюма А. 113
Дюмурье Ш.Ф. 296
- Евсеев Н.И. 322
Ежов Н.И. 230, 231,
415, 425
Екатерина II Великая
(Алексеевна) 165
Елизаров М.Т. 98,
112, 303
Елизарова-Ульянова
А.И. см. Ульянова-
Елизарова А.И.
Елизарова А.И.
Елизаровы 263
Ельцин Б.Н. 387
Емельянов Н.А. 270
Ерамасов А.И. 87,
110, 111
Еременко А.И. 280
Ермоленко Д.С. 214
Ефремов Л.А. 322
- Железняков А.Г. 321
Желябов А.И. 37
- Жорес Ж. 250
Журавлев 92
- Зайцев К.Ф. 96
Закс Г.Д. 312
Залкинд Ф. 220
Залуцкий П.А. 192
Запорожец А.К. 75
Зарудный А.С. 314
Засулич В.И. 13, 84, 93,
139, 160, 164, 168, 201
Зегржда 66
Зилист (Зелист) 360, 410
Земан З. 200, 212, 216
Зензинов В.М. 247, 396
Зиновьев
(Радомысльский) Г.Е. 21,
26, 27, 77, 95, 102, 104,
105, 107, 108, 169, 186,
191, 194, 210, 218, 220,
228, 230, 266, 270, 280,
281, 282, 283, 284, 299,
311, 318, 330, 334, 355,
375, 414, 424
Зифельдт А. 205
Зоф В.И. 269, 270
Зурабов 205
Зырянов А.Л. 92
- Иванов 71
Иванова 403
Иванченко В.А. 371
Изгоев (Ланде) А.С. 89
Ильин А.Я. 23, 291
Ильин Ф. 301
Иоффе А.А. 299, 302,
332, 339, 340, 342, 345,
355, 373, 377

- Истомин Д. 301
Кадинский 287
Каледин А.М. 299
Калинин М.И. 113, 128, 155
Каменев С.С. 352
Каменев (Розенфельд) Л.Б. 21, 26, 27, 33, 77, 85, 95, 100, 101, 102, 104, 105, 107, 113, 128, 156, 157, 168, 186, 199, 230, 254, 266, 280, 281, 282, 283, 284, 299, 311, 318, 410, 424
Камков (Кац) Б.Д. 297, 320
Кант И. 415
Канчер 61
Каплан (Ройтман) Ф.Е. 125, 267, 385, 388, 391, 392, 395, 397, 398, 399, 400, 401, 403, 407, 412
Каплан В.А. 400
Каплан М.В. 400
Каплан В.Н. 400
Каплан Ф.Н. 400
Карр Э. 148
Караваева А.А. 51
Карахан (Караханян) Л.М. 157, 365
Карелин В.А. 297, 311
Карлейль Т. 259, 260, 411
Карно Л.Н. 296
Карпинский В.А. 219
Кассиль Л.А. 51
Каспаров 205
Катаев В.П. 51
Каутский К. 108, 109, 123, 125, 166, 174, 201, 202, 203, 240, 323, 324
Каюров В.Н. 263
Кедров Б.М. 21
Керженцев (Лебедев) П.М. 21, 65
Керенский А.Ф. 123, 149, 164, 192, 193, 197, 205, 206, 207, 213, 220, 225, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 256, 257, 259, 265, 267, 273, 274, 275, 278, 282, 285, 286, 296, 314, 335, 336, 359
Керенский Ф.М. 54, 66
Кескула 221, 224
Кизельштейн И.С. 352
Ким Ир Сен 264
Кирилл (Романов) 376
Кириллов 392
Киселев И. 166, 167
Кларк Р. 23, 37, 56, 407
Клаузевиц К. 71, 186
Князев 62
Ключевский В.О. 351
Кобозов Н.А. 352
Кобяков С. 423
Козлов 410
Козловский М.Ю. 206, 209, 210, 211, 212, 215, 216, 220, 221, 224, 231, 422
Колнер 31
Коллегаев А.Л. 303, 311
Коллонтай А.М. 186, 220, 280, 303
Кольман Р. 224
Колчак А.В. 355, 356, 362

- Кольцов (Фридлянд) М.Е. 51
Камков (Кац) Б.Д. 320
Коновалов А.И. 192
Конопатов В. 301
Коноплева 403
Коньяков 96
Корнилов Л.Г. 242, 243, 244, 245, 273, 299, 351
Коробков Я.П. 87
Королев 403
Коршунов 96
Кошельков Я. 405
Кранихфельд А. 149
Красиков П.А. 410
Красильников И.В. 96
Красин Г.Б. 75, 102, 104, 212, 224, 289, 302, 407, 410
Краснов П.Н. 245
Крестинский Н.Н. 143, 156, 157, 167, 302, 410
Кржижановский Г.М. 21, 26, 29, 75, 90, 91
Кристи Н.С. 176
Кропоткин П.А. 10
Крохмаль В.Н. 315
Крупская Е.В. 87
Крупская Н.К. 21, 43, 46, 55, 71, 79, 84, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 100, 101, 102, 105, 109, 110, 112, 113, 121, 186, 201, 204, 205, 218, 228, 263, 335
Крушвиц 98, 99
Крыленко Н.В. 297, 320, 423
Крыленко И.В. 428, 431
Крылова 422
Кузнецов А.В. 398
Кузьянов 422
Кураев В.В. 129
Куракин П.В. 426
Курбатов 400
Куприн А.И. 29, 83
Курский Д.И. 237, 254, 391, 395, 410, 411, 417, 418
Курциус Э. 52
Кюльман Р. 224
Лавров П.Л. 71
Ладыгин 66
Лазимир П.Е. 283
Ландер 410
Ларин Ю. (Лурье М.А.) 143
Лассаль Ф. 186
Лашевич М.М. 355
Лбовский В. 300
Левицкий В. 139
Легран Б.В. 352
Лежава А.М. 288
Лейбазон 392
Лелюхин А.Г. 315
Лепешинский П.Н. 165
Лепешинские 122
Либкнехт К. 41, 169, 266, 337
Лилина З.И. 219
Линдхатен К. 219
Литвинов А.А. 397
Литвинов (Валлах) М.М. 270
Ломов (Опшюков) Г.И. 280, 297
Лордкипанидзе Г.Н. 315
Лосский Н.П. 135
Луженовский Г. 381

- Лукашевич 59, 61
Лукомский А.С. 244
Луначарская А.А. 121
Луначарский А.В. 121,
122, 156, 289, 292, 297,
320, 410, 415
Любимов А.И. 110
Людендорф Э. 198, 199,
217, 224
Людовик XV 421
Людовик XVI 121,
383, 384
Люксембург Р. 41, 127,
174, 266
Львов Г.Е. 192, 197, 234
- Мазур А.С. 289
Макиавелли Н. 274
Маклаков В.А. 316, 318
Мальков П.Д. 385, 399,
401, 406
Малянтович П.П. 286,
287, 288, 289, 290
Малянтович К.Г. 290
Малянтовичи 288
Мануйлов А.А. 192
Мао Цзэдун 264
Мария Магдалина 41
Марков С.Л. 244
Марков А.В. 371, 385
Маркс К. 12, 21, 41, 59,
64, 68, 69, 71, 73, 75, 79,
80, 83, 117, 123, 144, 268,
271, 272, 419
Марат Ж.П. 296
Мартов (Цедербаум)
Ю.О. 54, 74, 90, 123, 136,
137, 139, 140, 142, 144,
146, 151, 152, 153, 155,
156, 157, 158, 159, 170,
171, 172, 173, 174, 175,
176, 177, 178, 179, 218,
237, 270, 292, 323, 430
Мартынов М.А. 81,
137, 138
Маслов П.П. 139
Маслов С.Л. 352, 392
Матрозов И.И. 410
Мгеладзе И.В. 156
Медведев (Кудрин) М.А.
378, 381, 383
Медведев С.М. 376
Медем В. 324
Межлаук В.И. 348
Мельгунов С.П. 23, 200,
211, 212, 284, 411
Мельничанский Г.Н. 410
Менжинский В.Р. 303,
415, 425
Мережковский Д.С.
247, 295
Меринг Ф. 108, 109
Мехоношин К.А. 352,
355
Мильюков П.Н. 189, 192,
195, 197, 234, 236,
240, 260
Милютин В.П. 297, 298,
300, 410
Миндубаев Ж. 41
Минкин А. 129
Миральский 149
Мирбах В. 223, 224, 312,
338, 342, 357
Митрофанов А. 43
Михаил (Романов) 192,
371, 377, 385
Михайловский Н.К. 76,

- 78, 82, 87, 186
Модель В. 52
Моисей 28
Молотов (Скрябин) В.М. 77, 113, 119, 128, 155, 421, 424
Моор К. 228, 229
Морозов С.Т. 105, 106, 110, 289
Морозов И. 105
Морозовы 106
Мстиславский С.Д. 292
Муралов Н.И. 288, 353
Муранов М.К. 299
Мышкин 422
Мюллер 217
Мякотин В.А. 351
Мятлев В.П. 376
- Набоков В.Д. 234, 315
Нагловский А.Д. 101
Наполеон I (Бонапарт) 186, 336
Нагорский Д. 301
Невский В.И. 21, 43, 284
Некрасов Н.А. 57, 68
Некрасов Н.В. 192, 214
Некрич А. 23
Николай I (Романов) 45, 121
Николай II (Романов) 131, 151, 183, 184, 185, 191, 206, 207, 240, 241, 242, 251, 335, 364, 365, 366, 368, 369, 371, 372, 373, 374, 376, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 388
Николаев 400
Немирович-Данченко
- В.И. 376
Нечаев С.Г. 23, 37, 71, 72, 114, 186, 367
Никитин Б. 211, 214
Никитин И. 43
Никитин Г.П. 386
Никитченко 231
Николаевский Б.И. 80, 148, 149
Никулин Г.П. 372, 378, 380, 382, 386
Ногин В.П. 263, 281, 283, 298, 299, 300, 410
Новиков 403
Новицкий Ф.Ф. 352
Николай Ник. (Романов) 188, 375
Николай Чудотворец 41
Новоселов И.Г. 371
Нольде Б.Э. 315
- Обух А.А. 393
Огарев Н.П. 168
Ольминский М.С. 50
Опарин М.В. 96
Орановский Е.В. 338
Орджоникидзе Г.Г. 145, 263, 270
Орлов А.М. 289
Орловский 301
Осипанов В.С. 61
Остед А.К. 44
- Павленко П.А. 51
Павлов Ем. 308
Пайкес А.К. 356, 413
Панкратов 265
Парвус (Гельфанд) А.Л. 82, 92, 186, 197, 198, 200,

- 201, 202, 203, 204, 205,
206, 208, 209, 212, 214,
215, 218, 221, 224, 225,
226, 227, 229, 231, 235
Парижанин М. 25
Пейн Р. 21, 23, 37
Пенеляев 403
Переверзев 314
Перекрестов 295
Переяславцев М.А. 301
Першикова В. 422
Пестковский 410
Петермейер 231
Петерс Я.Х. 391, 395,
398, 412
Петр I Великий 37
Петрищев А.Б. 89
Петрова А.П. 92
Петровский Г.И. 303,
306, 320, 365, 411
Петровский Н. 410
Пешехонов А.В. 89
Пешкова Е.П. 149
Платтен Ф. 217, 404
Плеханов (Бельтов) Г.В.
13, 41, 59, 65, 69, 71, 72,
80, 81, 82, 87, 121, 123,
124, 125, 127, 136, 139,
142, 153, 154, 160, 161,
162, 163, 164, 165, 166,
167, 168, 169, 171, 174,
175, 176, 185, 201, 240,
258, 264, 330
Плеханов Гр.В. 165
Подвойский Н.И. 220,
269, 284, 355
Позерн Б.П. 353
Покровский М.Н.
370, 410
Полетаев Н.Г. 263
Поливанов Е.Д. 220
Полянский 66
Понтович Э.Н. 315
Понов 397
Попова М.Г. 396
Поспелов П.Н. 17, 45
Поссони С. 23, 37
Постников В.Е. 71, 74
Постников И. 301
Потресов А.Н. 23, 39, 54,
80, 85, 87, 89, 92, 142,
159, 169, 239, 278, 279
Преображенский Е.А. 99
Пригоровский 316, 317
Протопопов 397
Протопопов 408
Прошьян П.П. 311
Пухальский 392
Пуртолес 184
Пятаков Г.Л. 186, 303,
304, 403
Рабинович А. 23
Равич С.Н. (Ольга)
102, 186
Радек К.Б. 21, 28, 65, 113,
157, 186, 204, 205, 208,
219, 224, 225, 228, 229,
230, 305
Радзинский И.И. 378
Радонежский С. 41
Радченко С.И. 74, 87
Раковский Х.Г. 224, 355
Рамм А.И. 25
Раскольников (Ильин)
Ф.Ф. 344, 352, 353, 371
Рафес М.Г. 172
Рахья Э.А. 270, 276, 277

- Редерн З. 224
Рикардо Д. 68
Робеспьер М. 121, 239, 278, 296
Робинс Р. 225, 233
Роговской 322
Родзянко М.В. 234
Розанов В.Н. 89, 393
Розенберг А.М. 90
Розенблит 209
Розенгольц А.П. 352
Розенталь К.Г. 405
Розенфельд Л.Б. см. Каменев (Розенфельд) Л.Б.
Романовы 72, 195, 242, 367, 368, 369, 371, 372, 374, 375, 376, 377, 378, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 388
Романычев 289
Ромберг 224
Руднев В.В. 247
Рудзутак Я.Э. 178
Рузер 410
Рыков А.И. 18, 95, 143, 156, 157, 281, 297, 298, 318, 352, 355, 365, 410
Рысс (Либкнехт) Р. 169
Рычков 392
Рэнсон А. 335
Рязанов Д.Б. 299, 318, 333

Савельев М.А. 261
Савинков Б.В. 133, 139
Садовский 269
Сазонов С.Д. 184
Салтыков-Щедрин М.Е. 68

Сапожниковы 47
Сапожников 422
Сахаров Т.И. 96
Свердлов Я.М. 177, 263, 264, 280, 299, 342, 345, 346, 357, 365, 366, 367, 369, 370, 372, 374, 375, 377, 378, 381, 382, 385, 386, 387, 393, 395, 410
Свидерский А.И. 410
Святловский В.В. 268
Родерн З. 224
Семашко Н.А. 102, 168, 270, 365, 393, 410
Семашко А.Я. 413
Семенов Г.И. 403
Серебровский С.М. 87
Середа С.П. 410
Серединский Н. 300
Серов И.А. 425
Сиверс Р.Ф. 351
Сиссон Э. 220
Сиссон В. 225
Скворцов-Степанов И.И. 297, 320
Склянский Э.М. 10, 240, 352, 365
Скляренко А.П. 68
Скобелев М.И. 192
Скорняков 410
Скрыпник Н.А. 391, 395
Слуцкий 148
Смидович П.Г. 93
Смилга И.Т. 273, 352, 355
Смирнов Г.Л. 144
Смирнов И.Н. 352
Смирнова А.А. 47

- Соколов Н.А. 206
Соколов 377
Соколов 406
Сокольников Г.Я. 219,
280, 282, 299, 331,
352, 355
Солженицын А.И. 23, 86,
189, 195, 200, 203
Соловьев 365, 410
Соломон Г. 341
Солоухин В.А. 22
Сольц А.А. 43, 113, 288
Сосновский Л.С. 365
Сорокин Питирим А. 318
Сорокин Н. 424
Софокл 161
Спиноза Б. 415
Спиридонова М.А. 72,
318, 320, 391, 392
Спиро В.Б. 297
Сталин (Джугашвили)
И.В. 11, 12, 18, 20, 25, 26,
27, 50, 77, 89, 95, 102,
111, 113, 119, 128, 138,
141, 143, 145, 148, 152,
156, 157, 158, 159, 166,
169, 171, 172, 174, 199,
217, 230, 231, 232, 237,
245, 246, 247, 264, 265,
269, 270, 280, 281, 282,
289, 297, 299, 303, 304,
317, 318, 346, 351, 355,
388, 405, 407, 414, 415,
422, 424, 427
Станкевич В.Б. 238,
244, 256
Старков В.В. 75, 90, 91
Стасова Е.Д. 263, 355
Стеклов 375
Степун Ф.А. 135
Страуян 102
Строгович М. 424
Струве П.Б. 71, 78,
82, 291
Стучка П.И. 303, 365
Судоплатов П.А. 246
Сулимова М.Л. 263
Султан-Гирей 245
Суменсон Е.М. 206, 209,
210, 211, 212, 221, 231
Суханов (Гиммер) Н.Н.
262, 276, 280, 291, 292
Суханова-Флаксерман
Г.К. 280
Тарасова Д. 397
Таратута В. 106, 107,
108, 110
Татищев 381
Тахтерев И.А. 297, 299
Теодорович Г.И. 352
Теодорович И.А. 297,
299
Терещенко М.И. 192,
213, 214
Тер-Петросян (Камо)
С.А. 102, 103, 104
Тер 357
Тихомирнов 88
Тихон (Белавин В.И.) 119
Тишкин Е.Я. 96
Ткачев П.Н. 37, 71, 82,
114, 186
Токарева А.И. 270
Толстой А.Н. 51
Толстой Л.Н. 333
Томский (Ефремов) М.П.

- 95, 199
Траутман 208, 223
Троцкий (Бронштейн)
Л.Д. 11, 21, 24, 25, 26, 27,
28, 77, 82, 85, 95, 100,
101, 113, 125, 128, 133,
147, 152, 157, 170, 185,
198, 199, 202, 205, 220,
223, 224, 225, 230, 247,
266, 269, 280, 282, 283,
285, 286, 290, 291, 292,
293, 294, 296, 297, 299,
302, 303, 306, 308, 310,
311, 315, 317, 319, 322,
327, 332, 333, 339, 342,
344, 348, 351, 352, 353,
354, 355, 357, 358, 364,
365, 367, 370, 376, 394,
403, 408, 409, 410,
424, 427
Трутовский В.Е. 311, 312
Туган-Барановский М.И.
78, 82
Тумаркин Н. 407, 408
Тургенев И.С. 68
Тыркова А.В. 30
- Уждин И.И. 96
Ульянов А.И. 55, 59, 60,
61, 62, 63, 66
Ульянов И.Н. 42, 54, 56,
57, 96
Ульянова-Елизарова
А.И. 48, 49, 50, 56, 59, 97
Ульянова М.А. 43, 46, 57,
61, 89, 98, 99, 104
Ульянова М.И. 21, 48, 58,
93, 97, 273, 338, 404
Ульяновы 48, 53, 55, 79,
94, 98, 204, 338
Ульянов (Ульянинов)
Н.В. 47
Ульрих В.В. 245
Унгерн (барон) 77, 424
Уншлихт И.С. 119, 137,
174, 178, 254, 406, 414,
415, 421
Урицкий М.С. 205, 280,
299, 317, 332, 333, 412
Усиков В. 301
Усов 403
Успенский Г.И. 68, 71
- Фадеев А.А. 51
Федосеев Н.Е. 73, 74,
78, 79
Федотов Н. 135
Ферстер 196
Филатов В.В. 150
Фитин П.П. 246
Фишер Л. 23, 37, 48, 64,
88, 218
Фокеев М.С. 315
Фотиева Л.А. 304
Фофанова М.В. 278
Франк С.Л. 351
Фридрих III (кайзер) 52
Фрунзе М.В. 318
Футрелл М. 211, 221
Фюрстенберг-Ганецкий
см. Ганецкий
(Фюрстенберг) Я.С.
Фюрстенберг В.С. 212
- Хааз Л. 52
Хардин А.Н. 96
Хвостов А.Н. 408

- Хельвиг В. 216
Хефер И. 52
Хмельницкий А.И. 410
Ходжамирян М.Х. 102
Ходоровский И.И. 43,52
Хитрово 41
Цветаева М.И. 135
Цедербаум С.О. 149
Цедербаум К.И. 149
Цедербаум В.О. 149
Цедербаумы 173
Церетели И.Г. 155, 176,
234, 255, 258, 263,
322, 336
Цеткин К. 108, 109,
201, 203
Цюрупа А.Д. 410, 412
- Чабанов 404
Чемеринский А. 360
Чернов В.М. 18, 23, 55,
83, 157, 234, 238, 244,
246, 247, 258, 263, 294,
299, 318, 320, 322, 323,
336, 396
Чернова-Слетова
А.К. 318
Чернышевский Н.Г. 37,
64, 68, 69, 70, 71, 80, 81,
87, 117
Черчилль У. 65
Чичерин Г.В. 119, 224,
225, 302, 338, 343, 357,
365, 366, 369, 406,
410, 421
Чудновский Г.И. 205
Чуцкаев С.Е. 410
- Чхеидзе Н.С. 155,
192, 234
- Шагинян М.С. 48, 51
Шанцер В.Л. 102, 105,
107
Шарапов 400
Шарлау 200
Швайко С.И. 426
Шварц 148
Шевелев 232
Шевырев П.Я. 58, 60
Шевцов С.П. 320
Шейдеман Ф. 346
Шелгунов В.А. 87
Шинкарев А.И. 192
Шкловский Г.Л. 109, 228
Шкуро А.Г. 245
Шлихтер А.Г. 303
Шляпников А.Г. 112, 140,
186, 192, 230, 303,
356, 410
Шмаков 422
Шмелев Н. 158
Шмит Н.П. 105, 106,
107, 110
Шмит Ел.П. 107, 108
Шмит Ек.П. 107
Шмидт О.Ю. 410
Шнейер 31
Шнейдер 381
Шотман А.В. 270, 273
Штейнберг И.З. 311,
328, 409
Штейнберг П.К. 352
Штурман Д. 23, 134
Шуб Д.Н. 23, 44, 48, 177,
202, 204, 205, 402
Шустров 422

-
- Шуцкевер А. 43
Щегловитов 408
- Эберт Ф. 346
Эльцин В. 410
Энгельс Ф. 41, 59, 64, 68,
71, 75, 79, 83, 144,
271, 419
Эссен 305
Эстедт К.Ф. 52
Эттинген фон 376
- Югов 148
Южаков С.Н. 78
Юденич Н.Н. 355, 362
Юрнев (Кротовский)
К.К. 355
- Юровский Я.М. 369, 378,
379, 380, 381, 382, 385,
386, 388, 398, 399
Юрьев 410
- Ягов Т. 212
Ягода Г.Г. 425
Якир И.Э. 352
Яковенко 406
Якубов 303
Якубова А.А. 88, 92, 149
Яловов Г. 273
Яловов Л. 273
Ярославский Ем.
(Губельман М.И.) 21
Яшунский И.В. 315

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения. НА ЭКРАНЕ ИСТОРИИ

Глава 1. ДАЛЬНИЕ ИСТОКИ

Семейная генеалогия

Александр и Владимир

Предтечи революционера

Открытие марксизма

Надежда Крупская

Денежные тайны

Глава 2. МАГИСТР ОРДЕНА

Теоретик революции

Феномен большевизма

Ленин и меньшевики

Парадокс Плеханова

Трагедия Мартова

Глава 3. ОКТЯБРЬСКИЙ ШРАМ

Демократический февраль

Парвус, Ганецкий и „немецкий ключ?“

Ленин и Керенский

Июльская репетиция

Октябрь и „заговор равных?“

Комиссары и Учредительное Собрание

Глава 4. ЖРЕЦЫ ТЕРРОРА

Анатомия Брест–Литовска

„Белые ризы“	347
Грех цареубийства	364
Выстрелы Фани Каплан?	388
Гильотина террора	409
Библиография	431
Указатель имен	459

Издательство АСТ представляет:

◆ серия *“Классики зарубежной психологии”*:

труды З. Фрейда, К.-Г. Юнга, В. Райха,
Э. Фромма и других основоположников психологической науки

◆ серия *“Всемирная история в лицах”* –
настоящий подарок любителям истории

В серии вышли:

А. Манфред *“Наполеон Бонапарт”*

Н. Павленко *“Петр Великий”*

Н. Павленко *“Вокруг трона”*

(издание 2-е, переработанное и дополненное)

С. Утченко *“Цезарь. Цицерон”*

И. Стоун *“Фрейд”*

Д. Волкогонов *“Семь вождей”* (в 2 т.), *“Сталин”* (в 2 т.),

“Ленин” (в 2 т.), *“Троцкий”* (в 2 т.)

◆ альбомы по искусству и классика искусствоведения. Восемисот-
страничная *“Энциклопедия живописи”* и *“История искусства”*
Эрнста Гомбриха – книга, мировой тираж которой превысил 5
млн. экземпляров

◆ многотомные *“Энциклопедия литературных героев”* и *“Все ше-
девры мировой литературы в кратком изложении”*

Все эти и многие другие издания вы можете
приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. “Книги по почте”.

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские
фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.

Татарская, д. 14. Тел. 959-2095.

Звездный б-р, д. 21. Тел. 974-1805.

Б. Факельный пр-д, 3. Тел. 911-2107.

2-я Владимирская, д. 52. Тел. 306-1898.

ЛУЧШИЕ КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил - в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.

◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Лутанская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

ISBN 5-237-00824-0

9 795237 008240 >

Литературно-художественное издание

Волкогонов Дмитрий Антонович
Ленин
Книга 1

Заведующий редакцией Л.Д. Соболев
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.А. Кудрявцев
Младший редактор Н.Н. Лебешева
Корректор М.К. Верховцева
Технический редактор Н.М. Блохина
Технологи В.Ф. Егорова, В.И. Руденко

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.02.99.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская. Печать офсетная.
Гарнитура Академия. Усл. печ. л. 30,0. Тираж 7000 экз.
Заказ 976.

**Налоговая льгота – общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том
953000 – книги, брошюры**

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ».
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, РИ, г. Назрань, ул. Московская, 13а.
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU. E-mail:
AST.PUB@ANA.RU.

АО «Издательство «Новости»».
ЛР № 040676 от 28.02.94.
107082, Москва, Б.Почтовая ул., 7

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

В российской истории, кажется, нет человека, о котором было бы известно столько, сколько о Ленине.

Но это чистейшая иллюзия, потому что в действительности о Ленине известно на удивление мало. Слишком многое искажалось, еще больше - утаивалось, слишком многие факты могли пролить на личность "вождя революции" неожиданный свет, а потому замалчивались. Книга Волкогонова представляет для современного читателя огромный интерес, так как в работе над ней автор, допущенный к секретным партийным архивам, использовал уникальные документы, впервые предстающие перед читателем...

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ